СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИИ

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

СТАТЬИ

М. ГОРЬКИЙ И ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

И. Кубланов

«Своими особыми путями пришел великий художник Максим Горький в ряды бойцов за коммунизм,—сказал В. М. Молотов в речи на траурном митинге, посвященном кончине мирового пролетарского писателя в июне 1936 года.—Вошел он в наши ряды еще до революционного подъема 1905 года, но уже с развернутым знаменем буревестника революции.

Горький начал свою революционно-литературную жизнь в эпоху нарастания революционного взрыва и скоро целиком и органически стал на позиции рабочего класса, стал близким другом великого Ленина по борьбе за коммунизм» [1].

В конце XIX — начале XX в. имя гениального народного писателя М. Горького становится широко известным в России и заграницей. Трудящиеся читательские массы с большой любовью воспринимают его художественные произведения, полные революционного гнева и смелого призыва к борьбе за новую жизнь. Царизм ненавидел за это великого писателя и свирепо преследовал его. С 90-х годов Горький тесно связывается с марксистским рабочим движением, в начале 900-х годов он помогает изданию ленинской «Искры», с 1903 г. примыкает в своей общественно-революционной деятельности к большевикам. Своим творчеством и общественной деятельностью Горький активно содействовал подготовке революции в России.

С самого начала революционного 1905 г. Алексей Максимович был в первых рядах борцов против самодержавия и играл видную роль во многих крупнейших событиях первой русской революции. 9 января 1905 г., под свежим впечатлением от расстрела мирного шествия рабочих к Зимнему дворцу, Алексей Максимович написал революционное воззвание ко «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств». В этом воззвании он разоблачал провокационный, предумышленный характер убийства питерских рабочих и призывал «всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием» [2]. 11 января 1905 г. Горький был арестован и обвинен в подготовке «беспорядков» 9 января с целью произвести государственный переворот; он обвинялся также в составлении антиправительственного воззвания о событиях «кровавого воскресенья». Больше месяца Алексей Максимович просидел в Петропавловской крепости. Под влиянием широкого общественного движения в защиту М. Горького, поднявшегося в России и во всех странах мира, царское правительство вынуждено было освободить писателя-революционера из крепости, а в период подъема революции осенью 1905 г. полицейскому ведомству пришлось вовсе отказаться от намерения судить его. Летом 1905 г. Горький организовал заграницей издательство русских демократических писателей—«Demos»,—доход от

---

[1] «Прощание с Горьким. Речи, произнесенные на траурном митинге на Красной площади 20 июня 1936 года», стр. 12. Гослитиздат. 1936.

[2] Центральный архив революции (ЦАР), фонд ДП, VII, 1905 г., дело № 882, л. 6.

которого поступал в партийную кассу большевиков. Осенью 1905 г. горьковское издательство «Знание» (в России) создало у себя большой отдел общественной литературы, который выпускал марксистские произведения.

В июле 1905 г. Алексей Максимович написал страстное революционное письмо-воззвание «О кавказских событиях». В нем пролетарский писатель разоблачал участие царизма в провоцировании татаро-армянской резни в Закавказье и призывал трудящиеся массы всех национальностей к дружной совместной борьбе против угнетателей. Этим письмом-воззванием Горький оказал поддержку большевикам Закавказья.

Разделяя ленинские взгляды на тактику в революции, утвержденную большевистским III съездом РСДРП, Горький всемерно помогал подготовке к вооруженной борьбе с самодержавием. Алексей Максимович поддерживал тесную связь с виднейшими деятелями боевой технической группы при большевистском ЦК РСДРП: Л. Б. Красиным («Никитичем»), Н. Е. Бурениным («Германом Федоровичем») и др.—и оказывал им помощь в конспиративной работе по военно-технической подготовке восстания. Ближайший друг и помощник Алексея Максимовича, его жена Мария Федоровна Андреева, с лета 1905 г. принимала деятельное участие в работе большевистской военно-боевой организации. Это еще больше сблизило Горького с целым рядом дел боевой технической группы.

В сентябре 1905 г. Алексей Максимович приехал в Москву. Квартира, в которой Горький и М. Ф. Андреева жили в Москве (Воздвиженка, д. 4), была местом партийных встреч и совещаний партийных работников, местом тайного хранения и переотправки оружия в рабочие районы. С Горьким поддерживал тесную связь ряд видных работников из руководящей и литературно-лекторской групп московской большевистской организации: В. Шанцер («Марат»), И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский и др. В квартире М. Горького неоднократно бывал П. А. Грожан, активно ведший в Москве работу «Военно-технической группы» при ЦК партии и убитый черносотенцами вскоре после объявления манифеста 17 октября. Продолживший его глубоко конспиративное дело В. И. Богомолов («Чорт») также был близок с М. Горьким, а через М. Ф. Андрееву он поддерживал связь с Петербургом, получал деньги для своих партийных боевых заданий. Горький был связан с отдельными партийцами из московской военно-боевой организации и из разных районов города (П. А. Заломовым, Н. П. Шмитом и др.); у него на квартире бывали рабочие-дружинники, где их обучали тому, как изготовлять и обращаться с македонскими бомбами. Вокруг Горького группировался целый ряд революционно настроенных интеллигентов, близко стоявших в то время к ленинскому крылу социал-демократии или сочувствовавших и помогавших в той или иной форме делу революции.

Горький оказывал большую денежную поддержку революционной работе большевиков. Помимо собственных средств он, опираясь на свои обширные и многообразные связи, собирал крупные суммы, которые шли на приобретение оружия и на организацию партийных печатных изданий. В «совершенно секретном» донесении московского охранного отделения, отправленном в Петербург 11 января 1906 г., сообщалось, что «Горький—известный департаменту полиции по своей революционной деятельности писатель Алексей Пешков... способствовал увеличению денежных средств для вооруженного восстания, выступая в качестве лектора на платных вечерах, часть сборов с коих отчислялась на заведомо революционные цели» [1].

В сентябре 1905 г. партийные товарищи познакомили Алексея Максимовича со студентом Московского университета, большевиком

[1] ЦАР, фонд ДП, о. о., 1905 г., дело № 2203, лл. 98 и 99.

Н. П. Шмитом. В 1905 году Н. Шмит давал деньги на вооружение рабочих-дружинников унаследованной им фабрики. Кроме того Горьким была получена от него довольно крупная сумма для московской большевистской организации на приобретение оружия. Практическому осуществлению конспиративных связей между Н. Шмитом и М. Горьким и их последующим сношениям с руководством московской большевистской организации помогал присяжный поверенный, социал-демократ-большевик М. А. Михайлов («дядя Миша»), проживавший в одном доме со Шмитом.

Об этом говорят протоколы допросов Н. П. Шмита, который был арестован 17 декабря 1905 г. за причастность к московскому восстанию и впоследствии замучен царскими тюремщиками (13(26) февраля 1907 г. он был найден мертвым в камере тюремной больницы). Из следственного протокола от 21 декабря 1905 г. видно, что «Шмит, по указанию Михайлова, передал 20 000 рублей Горькому на покупку оружия, от которого Михайлов брал для уплаты за купленное оружие» [1].

М. Ф. Андреева рассказывает, что в небольшой, наиболее изолированной комнате (которая была рядом с кабинетом Алексея Максимовича в их московской квартире) осенью 1905 г. хранилось всякого рода оружие. Здесь были укрыты оболочки бомб, бикфордов шнур, капсюли гремучей ртути и т. д.,— одним словом, все, что нужно было для производства македонских бомб.

Всеобщая октябрьская стачка создала в Москве грозную обстановку. В связи с полосой полицейских провокаций возникли опасения, что охранка может подготовить налет бандитских элементов на квартиру ненавистного ей революционера-писателя Максима Горького. Учитывая это, в близких к Горькому руководящих кругах московской большевистской организации было решено организовать охрану квартиры писателя.

В начале ноября 1905 г. М. Горький писал в Петербург своему сотоварищу по книгоиздательству «Знание» Константину Петровичу Пятницкому: «Я все еще не выхожу из дому и ношу компрессы. Меня охраняет отряд кавказской боевой дружины, 8 человек. О создании здесь погрома очень мечтают, но едва ли гг. вдохновители черной сотни получат удовольствие...» [2].

9 ноября Алексей Максимович вновь писал К. П. Пятницкому: «Я приехал бы в Питер сам, но все еще не выхожу из дому и ношу компресс. У меня все еще сидит охрана» [3].

В своих воспоминаниях о революционере-большевике Семене Камо М. Горький в 1932 г. рассказывал об этой боевой революционной охране кавказцев: «В ноябре—декабре 1905 г. на квартире моей, в доме на углу Моховой и Воздвиженки, где еще недавно помещался ВЦИК, жила боевая дружина грузин, двенадцать человек. Организованная Л. Б. Красиным и подчиненная группе товарищей-большевиков, комитету, который пытался руководить революционной работой рабочих Москвы, дружина эта несла службу связи между районами и охраняла мою квартиру в часы собраний. Несколько раз ей приходилось выступать активно против «черных сотен» и однажды, накануне похорон Н. Э. Баумана, когда тысячная толпа черносотенцев намеревалась разгромить техническое училище, где стоял гроб Николая Эрнестовича, убитого мерзавцем Михаль-

---

[1] Журнал «Былое» № 12 за 1918 г., стр. 195.

[2] Пятницкий К. «М. Горький и время московских баррикад 1905 года» «Красная газета» (вечерний выпуск) № 160 от 12 июня 1928 года.

[3] Там же.

чуком[1], хорошо вооруженная маленькая дружина грузинской молодежи рассеяла эту толпу.

К ночи утомленные трудом и опасностями дня дружинники собирались домой и, лежа на полу комнаты, рассказывали друг другу о пережитом за истекший день. Все это были юноши в возрасте 18—22 лет, а командовал ими т. Арабидзе, человек лет под тридцать, энергичный, строго требовательный и героически настроенный революционер»[2]

А. М. Горький, проживавший в это время в Москве, принимал живейшее участие в создании легального большевистского органа «Новая жизнь», выходившего в Петербурге. Газета просуществовала с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года. Горький помог раздобыть человека, имевшего разрешение от властей на выпуск газеты (это был литератор и поэт Минский), и склонить его на издание большого ежедневного политического органа совместно с социал-демократами-большевиками. М. Ф. Андреева взяла на себя обязанности и ответственность официальной издательницы газеты. В конце октября 1905 г. М. М. Литвинов («Папаша»), которому было поручено заведывание административно-издательской частью «Новой жизни», выехал в Москву, где обсудил с Алексеем Максимовичем ряд финансовых вопросов предпринимаемого издания и получил необходимую доверенность на выпуск газеты от издательницы ее — М. Ф. Андреевой. Во время этой поездки Литвинов получил от Алексея Максимовича 15 тыс. рублей, которые составили первоначальный оборотный капитал газеты[3].

Из протокола полицейского допроса Н. П. Шмита от 21 декабря 1905 г. видно, что М. Горький через помощника присяжного поверенного Михайлова просил у него и затем получил взаймы на 3 месяца 15 тыс. рублей на издание газеты «Новая жизнь». На другом допросе (17 января 1906 г.) Н. Шмит показал, что «эту сумму Горький обеспечил тремя векселями, по 5000 руб. каждый; где эти векселя, не знает, может быть сгорели во время пожара на фабрике. Векселя были писаны, кажется, на 3 месяца, уплаты по этим векселям Шмит не получил»[4].

В редакцию «Новой жизни» входили В. И. Ленин, А. М. Горький, В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский, Л. Б. Красин и др. С № 7 (от 8 (21) ноября 1905 г.) газета выходила под непосредственным руководством В. И. Ленина. В объявлениях о подписке на «большую ежедневную политическую и литературную газету «Новая жизнь» указывалось, что она «издается при ближайшем постоянном участии Максима Горького». И Алексей Максимович действительно был одним из активнейших участников этого большевистского органа. В четырех номерах «Новой жизни» (№№ 1, 4, 12 и 18) Горький напечатал цикл публицистических статей «Заметки о мещанстве» и в двух номерах (№№ 14 и 23) — литературно-политические заметки «По поводу».

В «Заметках о мещанстве» Горький гневно разоблачал и едко высмеивал эксплоататорские классы Российской империи — дворянство и буржуазию — и армию их раболепных слуг. Горький бичевал реакционные общественно-политические учения дворянских и буржуазных писателей, проповедовавших пассивное, холопское терпение, непротивление злу насилием и т. д.

В момент, когда революция шла к своему высшему подъему и к ней непрочь были присосаться чуждые люди, Горький в своих «Заметках

[1] Михальчук (Михалин) — дворник одного из домов на Немецкой, ныне Бауманской, улице, черносотенец, агент охранки; убил Баумана ударом газовой трубы по голове. Осужденный за убийство Баумана, он был помилован по «высочайшей резолюции» царя. В 1906 г. судился за кражу домашних вещей и был приговорен к тюремному заключению. — *И. К.*

[2] М. Горький «Камо». Журнал «30 дней» № 8 за 1932 г., стр. 11.

[3] См. Литвинов М. «Страничка воспоминаний», в изд. Истпарта: «Новая жизнь», первая легальная с.-д. большевистская газета 1905 г.». Вып. 1-й, стр. VIII—IX. Л. 1925.

[4] Журнал «Былое» № 12 за 1918 г., стр. 195.

о мещанстве» предостерегал рабочих против мнимых друзей из числа либеральных мещан, которые пеклись лишь о том, чтобы поскорее закончить «смуту».

«Заметки о мещанстве» были встречены с большим одобрением В. И. Лениным. В статье Ленина «Партийная организация и партийная литература» («Новая жизнь» № 12 от 13 (26) ноября 1905 г.) Горький нашел поддержку в своей борьбе против буржуазно-индивидуалистической, мещанской, антинародной литературы. Разоблачая лицемерно-свободную, а на деле связанную с буржуазией литературу, Ленин противопоставил ей «действительно-свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу» [1].

Когда против «Заметок о мещанстве» и их автора зашипели всякие реакционеры-мещане из «Русского вестника», суворинского «Нового времени», кадетского журнальчика «Полярная звезда», Ленин взял их под обстрел и решительно поддержал точку зрения М. Горького.

Несколько лет спустя Владимир Ильич вернулся к оценке «Заметок о мещанстве» и высоко отозвался о них в личном письме к Горькому. Приглашая Алексея Максимовича сотрудничать в большевистской нелегальной газете «Пролетарий», В. И. Ленин писал ему 7 февраля 1908 г.: «...если есть охота и к совместной работе в политич[еской] газете, — почему бы не продолжить, не ввести в обычай тот жанр, который Вы начали «заметками о мещанстве» в Новой Жизни и начали, по-моему, хорошо?» [2].

Своим активным сотрудничеством в «Новой жизни» М. Горький открыто и смело выступил заодно с Лениным. Царские власти непрерывно подвергали полицейским репрессиям боевую газету Ленина — Горького, но они оказались явно бессильными перед ее влиянием в широких массах.

27 ноября 1905 г. Горький поместил в «Новой жизни» страстную революционную статью «По поводу». В ней он дал сокрушительную отповедь истерическим воплям перепуганных либералов о наступившем якобы «озверении» русского народа. Разоблачая авторов этого злобного воя, Горький писал, что терпение угнетенных масс, наконец, лопнуло и наступили исторические «дни расплаты... дни возмездия». Горький указывал, что не может быть и речи о «сострадании» к вековым угнетателям, что борьба должна идти до полной победы над ними.

Одновременно с «Новой жизнью» Горький принимал ближайшее участие в московской легальной большевистской газете «Борьба»; она выходила в горячие дни кануна декабрьского вооруженного восстания (с 27 ноября по 6 декабря 1905 г.).

В первом номере газеты «Борьба» М. Горький поместил сатиру-памфлет «И еще о чорте»; художественно обобщив факты текущей политической действительности, Алексей Максимович остро и злободневно разоблачал кадетско-октябристскую либеральную буржуазию, ее полную измену народу, ее враждебность демократической революции и корыстное соглашательство с монархией.

В памфлете Горький сталкивает Чорта-обличителя с либерально-буржуазным «революционером», некиим Иваном Ивановичем Ивановым. Горький заставляет Иванова оправдываться перед Чортом за свои вчерашние либеральные словесные «крайности» и обнажает при этом перед читателем, что Иван Иванович и все ему подобные кадетско-октябристские буржуазные деятели были всегда чужды рабочим и крестьянским массам, а теперь стали смертельными врагами разгоревшейся народной революции.

---

[1] Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 389.

[2] Ленинский сборник XXVI, стр. 44.

Алексей Максимович был в курсе ответственной революционной работы московских большевиков, поддерживал тесную связь с Питером, откуда его нередко посещали партийные работники. На квартире у Горького бывали питерские большевики-боевики: Н. Е. Буренин, приезжавший накануне декабрьского восстания, чтобы установить в Москве необходимые связи для переотправки вооружения и взрывчатых веществ; Ю. А. Грожан; Ф. И. Драбкина («Наташа»); бывали и другие партийцы. Во время приезда в Москву Л. Б. Красина в конце ноября 1905 г. на квартиру к Алексею Максимовичу был вызван П. А. Заломов — один из организаторов боевых дружин в Замоскворечье — и получил там новое ответственное задание. На страницах «Правды» Заломов позднее вспоминал об этом: «Незадолго до московского вооруженного восстания меня опять вызвали к Алексею Максимовичу, где Л. Б. Красин предложил передать боевые дружины Замоскворечья другому лицу, а мне поручил изготовлять оболочки для бомб, в испытаниях которых участвовал Алексей Максимович еще в Финляндии»[1].

Однако связь с Питером только через других лиц не удовлетворяла Горького. Его неудержимо влекло в Петербург, чтобы лично встретиться с Лениным, непосредственно связаться с редакционными делами «Новой жизни», но болезнь долго не позволяла предпринять эту поездку. В конце ноября 1905 г., когда состояние здоровья Алексея Максимовича улучшилось, он решил съездить в Петербург. Вместе с ним выехала М. Ф. Андреева. Во время этого приезда в Петербург Горький впервые встретился с В. И. Лениным. М. Ф. Андреева передавала, что Горький страстно ожидал этого свидания с Ильичем. Они встретились 27 ноября (10 декабря) 1905 г. в помещении редакции «Новой жизни»[2]. Ленин, радушно пожав руку Алексея Максимовича, тотчас же провел его в одну из комнат редакции. Они сразу нашли общий язык и необходимый тон для задушевного разговора. Развернувшийся между ними живой обмен мнениями касался не только редакционных дел «Новой жизни», но затрагивал также ряд актуальных вопросов текущих революционных событий. После того как Алексей Максимович побывал в редакции «Новой жизни», он отправился на свою, общую с К. П. Пятницким петербургскую квартиру[3]. Появление Горького 27 ноября в Петербурге было для К. Пятницкого полной неожиданностью. Он вспоминает, что с первых же слов Алексей Максимович предупредил его: «К обеду будут Ленин, Красин и еще несколько товарищей». Вечером, часов в шесть, когда Ленин и другие собрались, открылось совещание членов ЦК РСДРП (большевиков), посвященное обсуждению ряда важнейших вопросов революционной борьбы; были рассмотрены также редакционные дела газет «Новая жизнь» и «Борьба»[4]. На этом заседании присутствовал и Алексей Максимович. Основное внимание членов ЦК партии сосредоточилось на вопросах, связанных с назревавшим пролетарским вооруженным восстанием. Горький выступил с сообщением о политическом положении в Москве. В. Десницкий вспоминает, что «Горький много рассказывал о московских событиях и настроениях, о похоронах Баумана, о черной сотне, о вооружении рабочих и студентов, о настроении интеллигенции, картинно описывал уличные сцены. Владимир Ильич слушал с неослабным вниманием. Его особенно... интересовали... конкретные детали, факты, образы, которые давали свежее, непосредственное впечатление действительности. Здесь впервые узнал он Горького как рассказчика и

[1] Заломов П. «Мои встречи с А. М. Горьким». «Правда» № 172 от 24 июня 1936 года.

[2] Невский проспект (ныне Проспект 25 октября), д. 68/40.

[3] Знаменская улица (ныне улица Восстания), д. 20/16, угол Ковенского переулка, кв. 29 (5-й этаж).

[4] См. Шариков К., Шидловский Г. «Ленин в Петербурге (места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге — Петрограде, 1890—1920)», стр. 70. 2-е изд. Ленистпарт. 1940.

с первого же раза оценил громадное значение его наблюдений и заключений о людях и событиях»[1]. Мастерское сообщение Алексея Максимовича дало Ленину богатый материал для обобщений и выводов в ответственнейший момент кануна декабрьского восстания; в это время Владимир Ильич всесторонне и исключительно строго учитывал реальную политическую обстановку, настроения и готовность масс к решающей борьбе.

При обсуждении положения дел в «Новой жизни» Ленин резко поставил вопрос об устранении из числа членов ее редакции мелкобуржуазного поэта Минского, как человека, весьма далекого от революционной политики большевиков. Против Минского, как одного из недругов «диалектических материалистов», Ленин выступил еще в конце 90-х годов в своей работе «От какого наследства мы отказываемся». В органе социал-демократов-большевиков Минский принял участие в 1905 г. как временный и случайный попутчик в буржуазно-демократической революции. Пытаясь позднее оправдать как-то свое участие в большевистской «Новой жизни», Минский писал в «Истории моего редакторства»: «Сознаюсь, что, вступив в союз по изданию газеты с вождями социал-демократии, я надеялся воздвигнуть в самом центре рабочего движения кафедру для проповеди нового идеализма»[2]. Однако попытки Минского выступить с такого рода проповедями (в частности против статей Ленина и Горького) неизменно встречали решительный отпор со стороны большевистской редакционной коллегии «Новой жизни» и повели к разрыву с ним. На совещании членов ЦК партии М. Горький с полным одобрением отнесся к предложению Ленина об устранении Минского из редакционной коллегии большевистского печатного органа.

Во время обсуждения вопроса об издании легальной большевистской газеты «Борьба» Горький поддержал точку зрения ее инициаторов и организаторов, мысливших создать политический орган типа больших ежедневных изданий. «А газета в Москве, и именно такая, какую задумали товарищи, крайне нужна, — говорил Горький. — Надо бороться и за интеллигенцию, надо положить конец засилию московских либералов, этих непризнанных наследников Грановского. Покровский, Степанов и Рожков успешно бьют их на митингах; нужно, чтобы это полезное занятие они могли продолжать и в печати»[3]. Ленин одобрял точку зрения Алексея Максимовича и настоятельно указывал Горькому на то, чтобы он как член редакции «Борьбы» по возвращении в Москву принял возможно более близкое и активное участие в делах новой большевистской газеты. Часов в одиннадцать вечера Ленин и товарищи покинули квартиру Горького и разошлись.

Горький пробыл в Петербурге до 7 декабря. Во время своего пребывания в Питере Алексей Максимович еще не раз встречался с Владимиром Ильичем. Однако сведения об этом дошли до нас, к сожалению, весьма скудные. З. П. Кржижановская вспоминает, например, что, приехав в ноябре 1905 г. в Петербург, она «встречала Владимира Ильича в квартире Горького и в редакции «Новой жизни»... Он был напряжен как струна и весь поглощен борьбой с меньшевиками и подготовкой к вооруженному восстанию»[4].

Из сведений петербургской охранки видно, что 30 ноября 1905 г. Горький имел свидание с В. Л. Шанцером («Маратом»)[5], который в это

---

[1] Десницкий В. «М. Горький, очерки жизни и творчества», стр. 100. ГИХЛ. 1940.

[2] «Русь» № 55 от 13(26) марта 1906 года.

[3] Десницкий В. Цит. соч., стр. 103.

[4] Кржижановская З. «Несколько штрихов из жизни Ильича (отрывки из воспоминаний)». «Молодая гвардия» № 2—3 за 1924 г., стр. 37.

[5] Донесение петербургского охранного отделения в департамент полиции 15 декабря 1905 г., № 22470. ЦАР, ф. ДП, о. о. 1905 г., дело № 2467, л. 2.

время приезжал из Москвы в Питер по партийным делам, в связи с назначенным на декабрь 1905 г. съездом РСДРП (фактически состоялась Таммерфорсская конференция). Однако, кроме регистрации самого факта встречи Горького с Шанцером, филеры ничего больше не смогли донести.

Отъезд Горького из Петербурга в Москву был назначен на 7 декабря. «Утром,— вспоминает К. П. Пятницкий,— зашел Красин и сказал: «В вагонах не безопасно. Дадим охрану»... Действительно, за час до поезда в нашу квартиру пришли два молодых рабочих: оба высокие, крепкие, мускулистые, чувствовалось, что эти парни сумеют постоять за себя. Они сели в вагон вместе с Горьким».

Алексей Максимович приехал в Москву, когда там уже шла политическая забастовка, начатая по решению Московского совета рабочих депутатов, руководимого большевиками. 7 (20) декабря московские пролетарии дружно и активно поднялись на забастовку.

Сразу же по приезде в Москву Горький окунулся в гущу революционных событий. На квартире у него перебывала в эти дни масса партийных и непартийных участников революции. Алексей Максимович расспрашивал их обо всех подробностях развертывающейся борьбы; таким образом он получал довольно многостороннее представление о ходе восстания. А. Н. Тихонов (Серебров) рассказывал автору данной статьи в июне 1940 г., что в самом начале декабрьского восстания 1905 г. он был у М. Горького в Москве и наблюдал, как грузины-дружинники, дежурившие у писателя на квартире, явились туда после обстрела Фидлеровского училища и с большим возбуждением рассказывали о происшедших событиях.

Через три дня после отъезда Алексея Максимовича из Питера К. П. Пятницкий получил от него письмо, в котором Горький описывал по свежим следам волнующие картины декабрьской борьбы.

Вот что писал Алексей Максимович:

«Дорогой друг...

Ну-с, приехали мы сюда, а здесь полная и всеобщая забастовка. Удивительно дружно встали здесь все рабочие, мастеровые и прислуга. Введена чрезвычайная охрана, а что она значит — никому неизвестно, и как проявляется — не видно. Ездят по улицам пушки, конница страховидная, а пехоты не видно, столкновений нет пока. В отношении войска к публике замечается некое юмористическое добродушие...

— Чего же вы — стрелять в нас хотите? — спрашивают солдаты, усмехаясь.

— А вы?

— Нам не охота.

— Ну и хорошо.

— А вы чего бунтуете?

— Мы — смирно...

— А может кто из вас в казармы к нам ночью придет поговорить, а?

— Насчет чего?

— Вообще... что делается и к чему...

Такой разговор происходил вчера при разгоне митинга в Строгановском училище. Кончилось тем, что нашлись охотники ночевать в казармах и с успехом провели там время.

Митинг в Аквариуме [1], где было народу тысяч до 8, тоже разогнали, причем отбирали оружие. Публика, не желая оного отдавать, толпой свыше тысячи человек перелезла через забор и, спрятавшись в Комиссаровское училище, просидела там до 9 ч. утра, забаррикадировав все двери и окна. Ее не тронули. Вообще — пока никаких чрезвычайностей

[1] Большой митинг в «Аквариуме» был осажден войсками вечером 8 декабря. — *И. К.*

не происходит, если не считать мелких стычек, возможных и не при таком возбуждении, какое царило здесь на улицах... За неделю здесь ранено и убито полиции 53 человека. Теперь они ходят группами. Что-то разыграется здесь и, видимо, довольно грандиозное.

С первой же оказией пришлите мне мой паспорт, переданный вам Павловым, который должен был быть у вас на другой день после нашего отъезда. Несмотря на все происходящее, человеку необходимо иметь паспорт, как говорит старший дворник... У Страстного — сейчас оттуда пришла Липа [1] — строили баррикады, было сражение [2]. Есть убитые и раненые. — Сколько? — Неизвестно. Но, видимо, много. Вся площадь залита кровью. Пожарные смывают ее» [3].

9 (22) декабря московские пролетарии, возглавляемые большевиками, воздвигли первые баррикады. Вскоре Москва покрылась баррикадами и началась героическая борьба вооруженных рабочих с отрядами полиции и правительственными войсками.

Горький в это время целиком жил заботами о восстании. В декабрьские боевые дни он поддерживал всем, чем мог, героическую борьбу московских рабочих на баррикадах; квартира Алексея Максимовича использовалась в качестве одного из конспиративных центров восстания: здесь устраивались тайные встречи революционеров, изготовлялись и переотправлялись боевым дружинам бомбы и др. Одна из комнат была особенно тщательно замаскирована от взоров всяких любопытных наблюдателей снаружи: во всю ширину окна в ней была устроена большая клетка, в которой летали синички, красношейки и всякие иные птички. Н. Буренин сообщает, что «во время декабрьского восстания в этой именно комнате один из наших химиков обучал боевиков делать македонские бомбы» [4].

Касаясь участия А. М. Горького в московском восстании 1905 г., П. А. Заломов рассказывал позднее на страницах «Правды»: «В одно из моих посещений квартиры Горького, когда в Москве начали строить баррикады, он заявил, что идет на баррикады, и сунул в оба кармана по браунингу» [5]. Близкие Горького оберегали жизнь великого пролетарского писателя, не допуская его к участию в баррикадной борьбе.

Московские дружинники были вооружены винтовками, револьверами, бомбами и холодным оружием. Однако и этого вооружения у восставших было крайне недостаточно. Запалов гремучей ртути для изготовления бомб не хватало, и в Москве их негде было в это время достать. Раздобывать запалы пришлось в Питере и других центрах; в одну из таких поездок была отправлена знакомая Алексея Максимовича по Нижнему Новгороду — Вера Николаевна Кольберг. Она получила от Горького письмо к К. П. Пятницкому, который помог ей в Петербурге срочно связаться для получения запалов с Л. Б. Красиным. В торопливо набросанном письме Алексей Максимович писал 11 декабря Пятницкому о ходе московского восстания: «Дорогой друг! Спешу набросать вам несколько слов, — сейчас пришел с улицы. У Сандуновских бань, у Николаевского вокзала, на Смоленском рынке, в Кудрине идет бой. Хороший бой! Гремят пушки, — это началось вчера с 2 часов дня, продолжалось всю ночь и непрерывно гудит весь день сегодня. Действует артиллерия конной гвардии, — казаков нет на улицах, караулы держит пехота, но она пока не дерется почему-то, и ее очень мало. Здесь стоят

[1] Олимпиада Дмитриевна Черткова. — *И. К.*

[2] Избиение толпы москвичей драгунами на Страстной площади было днем 9 декабря; следовательно, это письмо Горького должно быть отнесено к 9 декабря 1905 года. — *И. К.*

[3] «Красная газета» (вечерний выпуск) № 160 от 12 июня 1928 года.

[4] «Новый мир» № 6 за 1940 год, стр. 193.

[5] Заломов П. «Мои встречи с А. М. Горьким». «Правда» № 172 от 24 июня 1936 года.

уланы, — а на улицах только драгуны. Их три полка — это трусы. Превосходно бегают от боевых дружин. Сейчас на Плющихе их били, на Страстной, у Земляного вала. Кавказцы — 13 человек, сейчас в Охотном разогнали человек сорок драгун — офицер убит, солдат 4 убито, 7 тяжело ранено. Действуют кое-где бомбами. Большой успех. На улицах всюду разоружают жандармов, полицию. Сейчас разоружили отряд в 20 человек, загнав его в тупик.

Рабочие ведут себя изумительно. Судите сами: на Садово-Каретной за ночь возведено 8 баррикад, великолепные проволочные заграждения,— артиллерия действовала шрапнелью. Баррикады за ночь были устроены на Бронных, на Неглинном, Садовой, Смоленском, в районе Грузин 20 баррикад. Видимо, войска нехватает: артиллерия скачет с места на место. Пулеметов тоже или мало, или нет прислуги, — вообще поведение защитников — непонятно. Хотя бьют без пощады. Есть слухи о волнениях в войске, некоторые патрули отдавали оружие — факт. Гимназия Фидлера разбита артиллерией...

Сейчас получил сведения: у Николаевского вокзала площадь усеяна трупами, там действуют 5 пушек, 2 пулемета, но рабочие дружины все же ухитряются наносить войскам урон. По всем сведениям дружины терпят мало — больше зеваки, любопытные, которых десятки тысяч... Вообще, идет бой по всей Москве. В окнах стекло гудит. Что делается в районах, на фабриках — не знаю, но отовсюду — звуки выстрелов. Победит, разумеется, начальство, но — это не надолго, и какой оно превосходный даст урок публике! И не дешево это будет стоить ему. Мимо наших окон сегодня провезли троих раненых офицеров, одного убитого.

Что-то скажут солдаты? Вот вопрос!

...Вообще, у нас — суета сует.

А» [1].

Прочитав письмо Горького о начавшихся в Москве баррикадных боях, К. Пятницкий сделал все, что нужно было для того, чтобы поскорее отыскать Л. Б. Красина и в тот же день отправить запалы в Москву. По записям в своем дневнике, за 12 декабря 1905 г., К. П. Пятницкий позднее рассказывал об отправке партии запалов из его квартиры:

«Часу в шестом приезжает Красин. Он кладет на стол сверток. Начинаем обсуждать, как провезти его: пассажиров обыскивают, подозрительные свертки и пакеты вскрывают. Времени до поезда оставалось мало.

— Вот что, — говорит Красин, обращаясь ко мне, — съездите в хорошую кондитерскую и привезите коробку шоколадных конфет...

Через полчаса коробка на столе.

Красин высыпает из нее конфеты, укладывает на дно ряд запалов и покрывает его несколькими рядами конфет.

— Если подойдут с обыском, — говорит он Вере, — кушайте конфеты и старайтесь не обнаружить смущения».

М. Ф. Андреева рассказывала автору статьи, что незадолго до московского восстания к ней приезжала из Петербурга Ф. И. Драбкина («Наташа»). По поручению боевой технической группы при ЦК партии она привезла для московских большевиков чемодан с бомбами. Вскоре, в горячие дни декабрьского восстания, «Наташа» вновь приезжала. В обстановке, когда царские войска уже занимали Николаевскую железную дорогу, она самоотверженно отправилась в путь и доставила на квартиру Андреевой и Горького партию запальников для бомб. О другом таком примере революционной отваги писал Алексей Максимович. Откликаясь на смерть своего земляка, сормовского рабочего-большевика, Мити Павлова, Горький опубликовал о нем в 1923 г. небольшой мемуарный набросок, проникнутый нежной теплотой и уважением. В этом

[1] «Красная газета» (вечерний выпуск) № 160 от 12 июня 1928 года.

очерке великий писатель рассказал об одном из волнующих эпизодов участия Мити в снабжении восставших москвичей боевыми средствами. «В 905 году,— писал Алексей Максимович,— во дни Московского восстания, он привез из Петербурга большую коробку капсюлей гремучей ртути и пятнадцать аршин бикфордова шнура, обмотав его вокруг груди. От пота шнур разбух или слишком туго был обмотан вокруг ребер, но — войдя в комнату ко мне, Митя свалился на пол, лицо его посинело, глаза выкатились, как это бывает у людей, умирающих от асфиксии.

— Вы с ума сошли, Митя? Ведь вы могли дорогой упасть в обморок — понимаете, что тогда было бы с вами?

Задыхаясь он ответил виновато:

— Пропал бы шнур и капсюли тоже...»

Горький подчеркивает при этом, что не опасность, угрожавшая только что жизни отважного Мити, а ход и судьба московского восстания больше всего волновали в этот момент рабочего-большевика Павлова. Мите растирали грудь и при этом все еще поругивали, а он, щурясь, спрашивал: «Сколько будет бомб? Разобьют нас? Пресня держится?» Потом, лежа на диване, указав глазами на одного из техников боевого дела, который рассматривал привезенные капсюли, Митя спросил Алексея Максимовича шопотом:

«— Это он здесь бомбы делает?

...И вдруг беспокойно осведомился:

— А не взорвет он вас?

О себе же, о той опасности, которую он только-что чудом избежал — ни слова» [1].

Еще до того, как разгорелись ожесточенные бои на Пресне, Горький начал писать полную революционного энтузиазма статью «По поводу московских событий». Первый раздел этой статьи, описывающий исходный этап московского вооруженного восстания, был напечатан в № 1 петербургской газеты студентов-социал-демократов «Молодая Россия». Ввиду закрытия газеты после выхода ее первого номера окончание статьи Горького не появилось, и мы располагаем одной лишь первой ее главой.

В этой статье Горький убедительно показывает, что дубасовская жандармерия и военщина в течение ряда месяцев дико и нагло провоцировала москвичей, особенно после начала всеобщей забастовки; власти цинично нарушали манифест 17 октября и искореняли все, «к чему московский обыватель уже успел привыкнуть, несмотря на краткий срок пользования «свободами», их внутреннюю хилость и внешнюю беззащитность»; Алексей Максимович указывает, что всем этим дубасовщина возбудила и революционизировала значительные слои населения, которые в ходе восстания против царизма стали примыкать к пролетариям и помогать им драться против оголтелой военщины.

Вот как Горький описывал этот процесс: «Драгуны и жандармы начали ревностно разгонять с улиц гуляющую публику, а обыватель стал сердиться. Многие думают, что баррикады начали строить революционеры, это, конечно, очень лестно, но не вполне справедливо — баррикады начал строить именно обыватель, человек внепартийный, и в этом соль события. Первые баррикады на Тверской строились весело, шутя, со смехом, в этой веселой работе принимали участие самые разнообразные люди, от солидного барина в дорогом пальто до кухарки и дворника, недавнего «оплота твердой власти»...

Драгуны дали залп по баррикаде — несколько человек ранено, двое или трое убиты — вопль возмущения, единодушный крик мести, и сразу все изменилось. За последнее время мы все много пережили, самооценка

[1] М. Горький «Митя Павлов». Соч. Т. XIX, стр. 172. ГИХЛ. 1933. 2-е изд.

русского человека несколько повысилась,— с этим нужно считаться,— и теперь он уже не так охотно, как прежде, позволяет себя бить и расстреливать. После залпа обыватель начал возводить баррикады не играючи, а серьезно, желая оградить свою жизнь от г. Дубасова и его драгун. С этого же момента в дело вступают боевые дружины, но их численность была далеко не так велика, как об этом писали. Разделившись на группы в 5—10 человек, более или менее, они вступили в перестрелку с драгунами и, само собой разумеется, не могли одновременно и стрелять, и строить баррикады. Обыватель защищал их от пуль, они его — от шашек и нагаек, и это-то своеобразное сотрудничество, вероятно, не будет отрицать г. Дубасов, как невозможно отрицать частых случаев бегства драгун от огня дружинников. Надо думать, московским властям известно, что в ответ на их распоряжение закрывать ворота домов [1], обыватели-домовладельцы тотчас же отдали ворота для устройства баррикад.

Г. Дубасов немедленно двинул в дело артиллерию [2]. Мера решительная, но почему она необходима? В городе, где сосредоточен целый корпус гренадер, несколько сотен казаков и много войск специальных родов оружия, можно бы не сразу действовать шрапнелью. Но что было, то было. Кровь, так обильно и бессмысленно пролитую г. Дубасовым, не сотрут никакие объяснения» [3].

В статье «Рабочая партия и ее задачи при современном положении» (также напечатанной в этом номере газеты «Молодая Россия») Ленин подчеркивал мысль, аналогичную той, которая была высказана Горьким о массовости московского вооруженного восстания. Ленин писал, что «геройский пролетариат Москвы показал возможность активной борьбы и втянул в нее массу таких слоев городского населения, которые до сих пор считались политически равнодушными, если не реакционными» [4]. Владимир Ильич отмечал, что «дубасовские пушки революционизировали в невиданных размерах новые массы народа» [5].

Горькому была чужда и ненавистна меньшевистская оппортунистическая трусость и неверие в восстание. Именно поэтому, надо полагать, Алексей Максимович в конце первого же раздела своей статьи «По поводу московских событий» подчеркивал: «Пока своей мудрой деятельностью г. Дубасов доказал одно — возможность у нас вооруженного восстания, в чем многие сомневались» [6].

А. М. Горький страстно ненавидел меньшевистских «премудрых пескарей», которые своим оппортунизмом подрывали силы восставших. В. Десницкий, который в то время был направлен представителем ЦК партии в Москву [7] и не раз бывал у Горького в дни восстания, подчеркивает в своих воспоминаниях, что Алексей Максимович неистово возмущался дезорганизаторским поведением меньшевиков.

«Помню,— пишет В. Десницкий,— глубокое возмущение Алексея Максимовича в Москве, в дни декабрьского восстания 1905 года, во время ночных моих рассказов о проведении меньшевиками своей выдержанной тактической линии на фабриках и заводах. Особенно следующий факт. Рабочих с одного завода нужно было вести к казармам за-

---

[1] 12 декабря Дубасов обратился к москвичам с воззванием, в котором, между прочим, предлагал ворота домов держать закрытыми и угрожал домовладельцам арестом, штрафом до трех тыс. руб. и конфискацией имущества в случае, если из окон, дверей или с крыш их домов будут стрелять и бросать взрывчатые вещества.—*И. К.*

[2] Начиная с 10 декабря Дубасов привел в действие против москвичей артиллерию, из которой палили по баррикадам, по зданиям и вдоль улиц прямо в толпы населения.—*И. К.*

[3] «Молодая Россия» № 1 от 4 января 1906 года.

[4] Ленин. Соч. Т. IX, стр. 5.

[5] Там же, стр. 6.

[6] «Молодая Россия» № 1 от 4 января 1906 года.

[7] Вскоре после первой русской революции Десницкий отошел от партийной работы, а затем и от партии.

пертого начальством подозрительного по настроению полка. Была договоренность, что полк выйдет из казарм и присоединится к восставшим, лишь только его придут «снять» рабочие. Это было еще в первые дни, и в час большевистского призыва путь к казармам был свободен. И вот один из видных и влиятельных московских меньшевиков упорно задерживал рабочий митинг, пользуясь своим старым авторитетом, мудрыми речами о пользе и значении отчисления копейки с рубля на нужды профессионального движения. И удобное время было пропущено: когда он окончательно истек словами, а рабочие начали терять терпение, было слишком поздно. Вывести безоружных рабочих на улицу для снятия полка было уже в эти часы нельзя...»[1].

Когда в последние дни восстания начались повальные обыски и аресты всех «подозрительных» и совершенно очевидной стала неизбежность поражения пролетариев Пресни, Алексей Максимович и Мария Федоровна стали по возможности приводить свою квартиру в такой вид, чтобы не дать в руки царских властей при неизбежном обыске серьезных вещественных доказательств причастности ее обитателей к вооруженному восстанию. Однако ликвидировать все следы хранения боевых средств в квартире они не успели.

19 декабря обстановка в Москве сложилась таким образом, что большевикам нужно было немедленно переходить на нелегальное положение или поскорее выбираться за пределы города. Нужно было всерьез думать об этом в интересах сохранения партийных кадров от истребления, в интересах дальнейшей революционной работы. Вечером 19 декабря В. Богомолов («Чорт») сообщил партийное распоряжение о том, что Алексею Максимовичу и Марии Федоровне необходимо немедленно покинуть Москву. С большим трудом и риском, при содействии Богомолова и Михайлова («дяди Миши») Горький и Андреева поздно вечером 19 декабря добрались на Николаевский вокзал и с платформы товарной станции выехали в Петербург, а оттуда вскоре же — в Финляндию.

Уже после отъезда М. Горького к нему на московскую квартиру нагрянули полицейские власти с обыском. Они застали Олимпиаду Дмитриевну Черткову, жившую в течение долгих лет в семье Андреевой и Горького, ставшую близким и родным им человеком. Она задержалась в Москве для ликвидации квартиры на Воздвиженке. Чины жандармской полиции (человек 5) явились в полном убеждении, что напали на один из опаснейших конспиративных пунктов революционного восстания. Они с большим пристрастием и бесцеремонностью рылись во всех комнатах. Это очень тревожило Черткову, так как на квартире еще оставались спрятанными 2 револьвера (в разных местах). Однако, несмотря на все старания, полицейские ничего «преступного» не обнаружили.

Вскоре после этого безрезультатного обыска агенты полицейского розыска вновь явились на квартиру Горького. Они предъявили Чертковой для опознания фотографии арестованных Н. П. Шмита и М. А. Михайлова, но ничего от нее не добились.

Горький глубоко верил в революционные силы рабочего класса, хорошо понимал неотвратимость крестьянской борьбы против помещиков, и потому поражение декабрьского восстания и полоса дубасовских жестокостей против революционных рабочих не повергли Алексея Максимовича в уныние. Как истому большевику, Горькому были чужды «осенние» настроения мелкобуржуазных интеллигентских элементов, таких, как Леонид Андреев и другие, которые от временного воодушевления революционным подъемом 1905 г. свернули после поражения

---

[1] Десницкий В. Цит. соч., стр. 45—46.

декабрьского восстания на дорожку пессимизма, разочарованности, а иные — на путь ренегатства.

Жестокий дубасовско-треповский террор против восставших рабочих наполнил Алексея Максимовича еще большим гневом и упорством к дальнейшей борьбе против царизма и контрреволюционной буржуазии.

Вскоре после разгрома московского восстания, в самом начале 1906 г., М. Горький написал яркое письмо-воззвание. По сведениям царской охранки, горьковское письмо-воззвание, переписанное на машинке, нелегально распространялось по всей России. Заграницей оно было опубликовано во многих газетах и получило довольно широкую известность. 21 января 1906 г., накануне годовщины 9 (22) января 1905 г., обращение Горького было напечатано передовой статьей в центральном органе социалистической партии Франции «L'Humanité» (№ 644, датировано из Петербурга 17 января). При этом редакция «L'Humanité» сообщала, что письмо Горького одновременно адресовано редакциям газет: «Vorwärts» (Германия), «Peuple» (Бельгия), «Avanti» (Италия) и ряду других социалистических изданий. В Англии это обращение получило известность, как письмо М. Горького Г. М. Гайндману (впоследствии скатившемуся к социал-шовинизму).

Горьковское последекабрьское письмо-воззвание было резко обличительным по отношению к царизму и вместе с тем, говоря ленинским выражением, «духоподъемным» для кадров революции, только что понесших тяжелое поражение.

«На улицах Москвы,— писал А. М. Горький,— инстинкт и эгоизм сражались рядом с сознанием. И сражались ожесточенно, как дикие звери, другие, как истые революционеры, героически, как люди, одухотворенные идеей. «Пролетариат побежден. Революция подавлена»,— с радостью кричала реакционная пресса. Но радость преждевременная: пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция укреплена новыми надеждами, кадры ее увеличились колоссально.

Русское правительство одержало победу Пирра, благодаря недостатку понимания людей, своей беспомощностью и зверствами оно толкнуло налево умеренные элементы, и я уверен, что оно будет толкать и дальше в этом направлении. Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе, потому что это — единственный класс, морально сильный, сознательный и верящий в свое будущее в России».

Письмо по-революционному бодрило и воодушевляло на дальнейшую борьбу рабочий класс России и мобилизовало ему на помощь рабочих других стран [1].

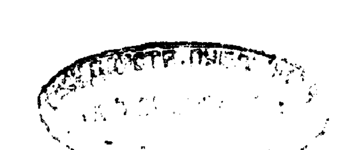
Финские жандармы, шпики из петербургской охранки и специальная сыскная агентура департамента полиции в Финляндии неотступно следили за М. Горьким. Это не составляло секрета для Алексея Максимовича и большевистских партийных кругов, с которыми он был связан. Становилось ясным, что Горькому и М. Ф. Андреевой все более серьезно угрожает арест и суд за издание «Новой жизни», за участие в декабрьском восстании и в других революционных делах 1905 года. Тогда у руководящих большевистских работников возникла мысль отправить Алексея Максимовича в агитационную поездку заграницу. Ленин придавал этой поездке большое значение. В начале 1906 г. Горький покинул Россию и после небольших остановок в нескольких европейских

[1] К этому горьковскому письму-обращению, точно так же как к ряду других большевистских воззваний и статей, написанных Алексеем Максимовичем в 1905 г., относится высокая партийная оценка, выраженная Лениным несколько лет спустя. Приглашая Алексея Максимовича в начале 1912 г. написать первомайское воззвание, Владимир Ильич писал ему: «Не напишете-ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, «духоподъемную», а? Тряхните стариной — помните 1905 год — и черкните пару слов, ежели явится охота написать» (Ленинский сборник III, стр. 523. 2-е изд.

странах направился в Америку с целью агитации в пользу русской революции и сбора при этом денег на большевистскую партийную работу.

Горький уехал с несокрушимой верой в дальнейшее развитие революционного движения в России. Это вдохновляло Алексея Максимовича на смелую и энергичную политическую борьбу против царизма, против его союзников и агентов в Старом и Новом свете. Горький неоднократно выступал заграницей в прессе, на банкетах, вечерах, лекциях и призывал не давать займа царскому правительству, которое искало в это время спасительной финансовой поддержки у европейских держав для подавления революции внутри страны.

1905 г. и в особенности декабрьское восстание закалили Горького и прочно определили его общий с большевиками, с Лениным путь дальнейшей революционной борьбы. Получив боевое крещение в 1905 г., Горький, несмотря на отдельные колебания в его дальнейшей общественной деятельности, остался верен большевистскому знамени, был ближайшим соратником и другом Ленина и Сталина, энергичным борцом за свержение царизма и капитализма в России и энтузиастом великого дела строительства социализма в СССР.

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД *

А. Шелюбский

Закончив гражданскую войну, Советская страна вступила в полосу мирного строительства, от военного коммунизма перешла к новой экономической политике. Это была «особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» [1].

Перед партией встала задача перестройки своей деятельности, изменения форм партийной организации и методов партийной работы. Надо было, исходя из существа ленинско-сталинских организационных основ большевизма, заменить некоторые устаревшие положения партийного строительства новыми положениями, соответствовавшими наступившему периоду восстановления народного хозяйства.

Большевистская партия успешно решила эту задачу, ибо она «никогда не превращала раз установленные формы партийного строительства в догму, в мертвую схему. В организационных формах устава, как и в развитии марксистской теории, наша партия стоит на почве творческого марксизма, обогащая формы организационного устава новым опытом, в зависимости от развивающихся условий классовой борьбы и новых политических задач» [2].

Партия под руководством Ленина и Сталина, сделав необходимый поворот в экономической политике, перестроила свои ряды применительно к конкретной исторической обстановке. Выдающуюся роль в этом деле сыграл X съезд РКП(б), состоявшийся 8—16 марта 1921 года.

ДИРЕКТИВЫ X СЪЕЗДА РКП(б) О ПАРТИЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

X съезд РКП(б), явившись поворотным пунктом в экономической политике партии и советской власти, знаменовал собой вместе с тем новый этап и в развитии партийной жизни. В речах Ленина и Сталина, в решениях съезда о партийном строительстве, о единстве партии, об анархо-синдикалистском уклоне, о контрольных комиссиях и по другим вопросам партия получила развернутую программу перестройки своей деятельности и руководства массами в восстановительный период.

---

* По решениям партийных съездов и конференций и директивным документам ЦК партии.

[1] И. Сталин. Заключительное слово по политическому отчету ЦК XIV съезду ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 493. ГИЗ. 1926.

[2] А. Жданов «Изменения в уставе ВКП(б)». Доклад на XVIII съезде ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 512. 1939.

«Если в прошлый период,—говорится в резолюции X съезда РКП(б) о партийном строительстве,— партия должна была ориентироваться на непосредственно боевые задачи за счет воспитательных, то теперь поднятие уровня членов партии с одновременным привлечением их к активному участию в общепартийной жизни становится центральной задачей дня, наряду с усилением влияния партии на беспартийные массы, сближением с ними и приведением партии в боевую готовность для борьбы с силами контрреволюции»[1].

Крайний организационный централизм, свертывание коллективных начал в партруководстве, система боевых приказов и беспрерывных мобилизаций, вполне закономерные и абсолютно необходимые в предыдущую эпоху, оказались сейчас уже непригодными, их необходимо было заменить такими организационными формами и методами партработы, которые обеспечили бы поднятие активности членов партии и максимальное сплочение партийных рядов. Исходя из этого, X съезд РКП(б) дал установку на развертывание внутрипартийной демократии.

«Курс на рабочую демократию должен быть взят с такой же решительностью и так же энергично проводиться в жизнь, как в прошлый период проводился курс на милитаризацию партии...»,—говорится в решениях X съезда партии. Развертывание демократии как направляющей линии во внутрипартийной жизни означало: выборность партийных органов снизу доверху, подотчетность и подконтрольность их перед партийными массами, широкое обсуждение членами партии общепартийных и общеполитических вопросов, развертывание внутрипартийной критики, привлечение всех членов партии к активному участию в жизни партии, коллективную выработку партийных решений, всемерное укрепление и улучшение деятельности партийных ячеек и, наконец, дальнейшее совершенствование партаппарата.

Особое место в решениях съезда занимали вопросы единства партии. Чтобы преодолеть трудности перехода к мирному социалистическому строительству, партия обязана была крепче сплотить свои ряды. Речь шла о том, чтобы «вновь собрать партию, которая за период войны была разбита на отдельные отряды», чтобы «сблизить «верхи» и «низы», военных работников и гражданских, профессионалистов и советских, старых и новых членов партии, «молодых» и «стариков»[2]. Только в таком общем оркестре, под руководством ленинско-сталинского ЦК армия коммунистов способна была возглавить и повести рабочий класс и трудовое крестьянство на успешную борьбу за восстановление народного хозяйства.

Между тем враги ленинизма использовали трудности восстановительного периода, перешли к открытой подрывной работе против единства и монолитности партийных рядов. Троцкисты и бухаринцы, анархо-синдикалистская «рабочая оппозиция» и меньшевистская группа «демократического централизма», пытаясь расколоть партию, навязали ей жесточайшую дискуссию, встали на путь фракционной борьбы с партийной линией.

В развернувшейся предсъездовской дискуссии фракционеры потерпели полное поражение. X съезд закрепил победу партии над кучкой дезорганизаторов и еще более сплотил большевистские ряды вокруг ленинско-сталинской программы социалистического строительства. В принятой съездом резолюции о единстве партии, предложенной Лениным, были запрещены какие бы то ни было фракции и группировки и предписывалось «немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы»; причем съезд предупредил, что

[1] «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 358. 6-е дополненное изд. 1940.
[2] «ВКП(б) в резолюциях...» Ч. 1-я, стр. 358—359.

«неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии»[1].

Глубокое, принципиальное политическое и практическое значение имел 7-й пункт резолюции о единстве партии, давший Центральному Комитету полномочия в необходимых случаях — при нарушении партийной дисциплины членами ЦК, при возрождении или допущении фракционности — исключать их из состава ЦК и из партии. Эта суровая мера целиком и полностью вытекает из важнейшего ленинско-сталинского положения о том, что «партия в своей практике, если она хочет сохранить единство своих рядов, должна проводить единую пролетарскую дисциплину, одинаково обязательную для всех членов партии, как для лидеров, так и для рядовых»[2].

К резолюции «о единстве партии» непосредственно примыкает и другая резолюция X съезда — «о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии»,— объявившая пропаганду идей «рабочей оппозиции» несовместимой с принадлежностью к РКП(б). Как известно, позднее XV съезд ВКП(б) принял подобное же решение в отношении троцкистов, а ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. — в отношении бухаринцев.

На укрепление единства партии была направлена также развернутая резолюция X съезда о контрольных комиссиях, возникших еще в конце 1920 года в связи с решением IX всероссийской партконференции, признавшей необходимым создание контрольной комиссии наряду с ЦК, а на местах — специальных партийных комиссий. Перед контрольными комиссиями X съездом была поставлена задача борьбы «со вкрадывающимися в партию бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблениями членов партии своим партийным и советским положением, с нарушением товарищеских отношений внутри партии, с распространением неосновательных и непроверенных, позорящих партию или отдельных членов ее слухов и инсинуаций и других подобных сведений, нарушающих единство и авторитет партии»[3]. Контрольные комиссии сыграли большую роль в борьбе партии со всякими антипартийными группировками, пытавшимися внести раскол в ее ряды. Они оказали значительную помощь партии в уничтожении всякого рода болезненных явлений у отдельных коммунистов, поддававшихся влиянию мелкобуржуазной стихии, особенно в первый период нэпа.

Реорганизованные XII съездом партии по предложению Ленина в объединенный орган КК—РКИ, контрольные комиссии просуществовали до 1934 г., успешно выполняя свои задачи, состоявшие «прежде всего и главным образом» в предупреждении раскола в партии. «...ЦКК и ее организациям,— заявил товарищ Сталин на XVII съезде,— удалось предотвратить опасность раскола»[4].

Установки X съезда РКП(б) по вопросам партийного строительства, развитые в последующих решениях партсъездов и конференций, в директивах и постановлениях Центрального Комитета, определили пути организационной работы партии в восстановительный период.

МАССОВЫЕ ЧИСТКИ ПАРТИИ

При вступлении в новую полосу развития советского государства— восстановительный период — партия провела крупнейшую работу по очистке своих рядов «от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших «фасад», но оставшихся в душе меньшевиками»[5], затесавшихся в партию.

---

[1] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 365.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 49. 1940.
[3] «ВКП(б) в резолюциях...» Ч. 1-я, стр. 368.
[4] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 482. 11-изд.
[5] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 13.

Еще в 1919 г. по решению VIII съезда партия провела всероссийскую перерегистрацию всех членов партии. Перерегистрация имела целью укрепление рядов партии и улучшение ее социального состава. Вызвана она была огромным наплывом новых членов в партию и опасностью в связи с этим ухудшения ее качественного состава. «Это было начало первой чистки рядов партии»[1]. До этого, по предложению С. М. Кирова, прошли перерегистрацию астраханские парторганизации. Опыт указанной частичной перерегистрации имел большое значение для общепартийной перерегистрации. Массовые чистки рядов партии, как метод ограждения партии от чуждых и разложившихся людей, были введены с переходом к нэпу и оживлением на первых порах капиталистических элементов[2].

В июне 1921 г. Центральный Комитет РКП(б) принял на основе решения X партийного съезда «постановление по вопросу о проверке, пересмотре и очистке партии»[3]. Этим постановлением срок проведения чистки был установлен с 1 августа по 1 октября. С 1 июля был приостановлен прием в партию новых членов, за исключением лишь рабочих и трудящихся крестьян, не эксплоатировавших чужого труда, с соблюдением специальных условий, указанных затем в инструкции ЦК.

В полном соответствии с директивами Ленина и с указаниями X съезда партии Центральный Комитет наметил основные направления чистки. Проверке подлежали все коммунисты. Особое внимание уделялось четырем категориям:

1) бывшим членам других партий, вступившим в РКП(б) после Октября;
2) бывшим чиновникам и должностным лицам, служившим в органах старого правительства;
3) лицам, занимавшим при советской власти должности, связанные с какими-либо привилегиями;
4) советским служащим.

Центральный Комитет указал также, кого следует исключать. Первую группу составляли «сомнительные, ненадежные, недоказавшие своей устойчивости члены РКП»[4]. Вторую группу составляли «нарушающие партдисциплину, подрывающие своими действиями авторитет партии (злоупотребление властью или своим положением и т. п.)»[5]. Естественно, что сомнительных элементов и нарушителей партдисциплины оказалось больше всего среди коммунистов, вышедших из чуждых классов, менее всего закаленных в большевистском духе и легко поддававшихся влиянию мелкобуржуазной стихии.

Таким образом, чистка своим острием была направлена против выходцев из буржуазной и мелкобуржуазной среды, не усвоивших пролетарскую идеологию, пренебрегавших партийной дисциплиной, не доказавших своей преданности партии, против заведомо чуждых элементов, против бывших меньшевиков и выходцев из других партий, против тех, кто позорил великое звание коммуниста, оторвался от масс, обюрократился и разложился.

Чистка партии проводилась публично, на открытых партийных собраниях, при участии рабочих масс. Все проверяемые товарищи представляли письменные отзывы коммунистов, среди которых должны были быть рабочие. В постановлении ЦК по этому вопросу говорилось: «Проверка должна сопровождаться обязательным опросом трудящихся,

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 225.

[2] См. доклад тов. Жданова «Изменения в уставе ВКП(б)» на XVIII съезде ВКП(б) и резолюцию по докладу.

[3] Опубликовано в «Правде» № 146 от 30 июня 1921 г. и в «Известиях ЦК» № 33 за 1921 г.; см. «Справочник партийного работника». Вып. 2-й, 1922 г., стр. 77—78.

[4] «Справочник партийного работника». Вып. 2-й, 1922 г., стр. 78.

[5] Там же.

как партийных, так и беспартийных, знающих данного члена РКП, по его работе, а также представлением рекомендаций. Необходимо обратить внимание на способ рекомендаций. От рекомендующих... требовать письменного отзыва о рекомендуемых (аттестации), причем в числе рекомендующих должны быть рабочие»[1].

Особенно тщательно подбирался личный состав комиссий по проведению чистки. Основным требованием был стаж пребывания в большевистской партии: для членов центральной и областных комиссий — не менее 7 лет; для членов губернских и председателей уездных и районных комиссий — не менее 5 лет; для членов уездных и районных комиссий — не позднее Октябрьской революции. В комиссиях большинство членов должно было принадлежать рабочим.

В результате чистки 1921 г. из РКП(б) было исключено до 170 тысяч человек, или около 25% тогдашнего состава партии. Чистка завершилась партийной переписью и заменой старого единого партбилета новым — образца 1922 года.

В восстановительный период партия применила массовые чистки еще два раза, правда, только частично, по отношению лишь к отдельным группам парторганизаций. В 1924 г. была проведена чистка непроизводственных — вузовских и советских — ячеек, а в 1925 г.— деревенских ячеек.

Чистка советских и вузовских ячеек производилась на основе решения ЦК и ЦКК, утвержденного XIII съездом РКП(б). Она была связана с задачей укрепления партийных рядов после дискуссии, навязанной партии троцкистами осенью 1923 года.

Еще XIII всероссийская партконференция, осудившая троцкистскую оппозицию, как мелкобуржуазный уклон от марксизма, обратила внимание на то, что в условиях, когда наша партия, воплощающая диктатуру пролетариата, «пользуется монополией легальности в стране, неизбежно, что наименее устойчивые группы коммунистов иногда поддаются непролетарским влияниям»[2]. XIII съезд РКП(б), подтвердив резолюцию конференции, констатировал, что «наименее устойчивые элементы партии, главным образом из непролетарских районов и ячеек, частично поддались этим мелкобуржуазным влияниям»[3]. Отсюда и вытекала необходимость специальной проверки личного состава партийных организаций советских учреждений и учебных заведений.

Порядок проверки непроизодственных ячеек был установлен директивой ЦКК от 14 июля 1924 года[4]. В отличие от 1921 г. эта чистка происходила на закрытых заседаниях проверочных троек и контрольных комиссий. По окончании проверки каждой ячейки намечались конкретные пути устранения выявленных недочетов.

Чистка укрепила партийные организации советских учреждений и учебных заведений, значительно повысила их боеспособность и усилила тягу коммунистов к марксистско-ленинскому образованию.

Частичная чистка деревенских ячеек проводилась на основе постановления XIV конференции РКП(б) в тех волостных или уездных парторганизациях, где сказывалось «наличие разложившихся и оторвавшихся от партии элементов, дискредитирующих партию в глазах крестьянства»[5]. Конкретные пути осуществления этого мероприятия были указаны в инструкции ЦКК от 20 ноября 1925 г., согласованной с ЦК. «Проверка личного состава отдельных сельячеек или группы их, а также волостных и уездных организаций в целом,— говорилось в этой инструкции,— проводится при выявлении в их работе неправильностей и

---

[1] «Справочник партийного работника». Вып. 2-й, 1922 г., стр. 77.
[2] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 542.
[3] Там же, стр. 569.
[4] См. «Справочник партийного работника». Вып. 5-й, 1925 г., стр. 508—509.
[5] «ВКП(б) в резолюциях...» Ч. 2-я, стр. 11.

злоупотреблений и наличии большого количества крестьянских жалоб, сведений судебных органов и ГПУ, говорящих с несомненностью о существовании в составе той или иной ячейки и волорганизации чуждых и разложившихся элементов, использывающих свое положение в целях личного обогащения, совершающих уголовные преступления, покровительствующих темным элементам села, грубо и свысока относящихся к крестьянству и окончательно оторвавшихся от партии»[1].

Именно в этот период зиновьевско-каменевские и бухаринские реставраторы капитализма, желая подорвать нерушимый союз рабочего класса и крестьянства, распространяли клевету о том, что «центральной» фигурой в деревне является якобы кулак, а не середняк, выставили кулацкий лозунг «Обогащайтесь». При таких условиях тщательная проверка состава деревенских ячеек, изгнание чуждых и разложившихся элементов, сомкнувшихся с кулаками, сыграли первостепенную роль в укреплении деревенских парторганизаций и в правильном осуществлении ими генеральной линии партии по отношению к среднему крестьянству.

При проверке обеспечивался особенно внимательный подход к членам партии, работавшим непосредственно в сельском хозяйстве, в первую очередь к батракам и беднякам, а также к коммунисткам-крестьянкам. Беспощадно изгоняя враждебные элементы, партия в то же время чутко и бережно относилась к партийцам, которые честным трудом всемерно улучшали свое хозяйство и повышали урожайность полей, тем самым показывая большевистский пример остальным крестьянам. В инструкции ЦКК по этому поводу говорилось: «Проверочным комиссиям необходимо правильно понять вопрос о хозяйственном обрастании деревенских коммунистов. Поднятие своего хозяйства личным трудом и без эксплоатации наемных рабочих не должно рассматриваться как недопустимое хозобрастание, так как эта работа очень важна и необходима и является показательной для остальной крестьянской массы»[2].

К проверке привлекались и беспартийные крестьяне: батраки, бедняки и середняки. Они приглашались на открытые партсобрания проверяемых ячеек. Кроме того созывались закрытые партсобрания. Лишь после этого происходила индивидуальная проверка каждого коммуниста с вызовом его в проверочную комиссию для подробной товарищеской беседы.

Итак, в восстановительный период партия очищала свои ряды в основном при помощи массовых чисток, каждая из которых имела свой особый порядок проведения, вытекавший из задач, стоявших перед нею. Метод массовых чисток, возникший в начале нэпа, полностью отвечал целям укрепления партии в условиях борьбы за ликвидацию капиталистических элементов в нашей стране. Не случайно, что из пяти чисток, проведенных партией за все время своего существования, три относятся к рассматриваемой нами эпохе. С победой социализма в СССР и ликвидацией капиталистических элементов метод массовых чисток стал излишним и постановлением XVIII съезда ВКП(б) был отменен.

ОЖИВЛЕНИЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ

X съезд РКП(б) в своих решениях во всю ширь поставил вопрос об оживлении внутрипартийной жизни, о внедрении демократии в партийную практику. Проведение в жизнь ленинско-сталинских принципов демократии встречало в восстановительный период бешеное сопротивление со стороны вражеских элементов. Наибольшее сопротивление оказали троцкисты во время дискуссии 1923—1924 годов. Злостно клевеща на партию, они сводили весь вопрос о демократии к вопросу о поколениях, к борьбе якобы двух поколений в партии — молодых и старых.

[1] «Справочник партийного работника». Вып. 5-й, 1925 г., стр. 510.
[2] Там же, стр. 511.

Такая демагогия имела целью расшатать организационное единство партии.

Товарищ Сталин, разоблачая троцкистскую болтовню о поколениях, дал сжатую, но вместе с тем классическую формулировку существа большевистской демократии. «Существо демократии,— говорил товарищ Сталин в заключительном слове на XIII съезде РКП(б),— сводится не к вопросу о поколениях, а к вопросу о самодеятельности, об активном участии членов партии в партийном руководстве» [1].

Исходя из этих сталинских указаний, партия неуклонно проводила линию на развертывание самодеятельности среди членов партии, на вовлечение их в партийное руководство, на то, чтобы сделать партийные звенья более жизнеспособными. Речь в первую очередь шла о том, чтобы оживить первичные партийные организации, называвшиеся тогда ячейками. X и XI съезды партии уделили большое внимание вопросам работы партийных ячеек. По смыслу решений этих съездов ячейки должны были «заняться более глубокой организационной и внутри-воспитательной работой, как внутри самой ячейки, так и в рабочих массах и менее всего допускать в своей работе элементы технически-канцелярские» [2].

Новые задачи, поставленные перед партийными ячейками, потребовали решительного укрепления качественного состава ячейковых руководителей. XI съезд партии установил специальный институт организаторов партийных ячеек. Последние подбирались из наиболее опытных и испытанных коммунистов и освобождались от всяких других обязанностей. Благодаря этому значительно увеличивались кадры членов партии, занятых только партработой. Организаторы, как правило, являлись одновременно секретарями ячеек, впрочем, кое-где выделялись отдельно секретари для текущей технической работы.

В некоторых местах существовали групповые организаторы для обслуживания групп ячеек. В городах и в промышленных пунктах ячейки группировались «по признаку территориальной близости вокруг одного важнейшего предприятия, которое служит центром партработы данной группы, а в деревенских ячейках — вокруг наиболее сильной волостной организации» [3].

Наряду с организаторами крупную роль в подъеме партийной жизни в ячейках играли прикрепленные к ним на основе решения X съезда партии ответственные работники. Существенно отличаясь от организаторов в отношении прав, прикрепленные ответственные работники обязаны были помогать ячейкам в повседневной деятельности по руководству массами и их большевистскому воспитанию. «Отнюдь не заменяя собой организатора ячейки,— говорится по этому поводу в письме ЦК РКП(б) от 30 ноября 1922 г. «Об организаторах»,—прикрепленный является рядовым членом ячейки, который должен в процессе работы проявлять свою иницативу в смысле усиления идейного руководства и партийного воспитания, помогать развитию самодеятельности всех членов ячейки» [4].

XIII конференция РКП(б) в резолюции по докладу товарища Сталина об очередных задачах партийного строительства поставила вопрос о необходимости «гораздо более систематически обобщать опыт и указания низовых ячеек» [5]. Конференция выдвинула задачу приближения ячеек к производству путем регулярного заслушивания отчетов и информаций хозяйственников-коммунистов, а также устройства «систематических совещаний коммунистов из ячеек предприятий, входящих

[1] «XIII съезд РКП(б)». Стенографический отчет, стр. 244. 1924.
[2] «Справочник партийного работника». Вып. 3-й, 1923 г., стр. 114.
[3] Там же, стр. 115.
[4] Там же.
[5] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 539.

в хозяйственное объединение (напр., трест), и партийно-хозяйственных конференций»[1]. Конкретные формы осуществления этой задачи были даны в письме ЦК за № 96 от 24 февраля 1924 г. «О привлечении ячеек и фабрично-заводских комитетов к участию в производственной работе предприятий»[2].

Оживлению партийной жизни в деревенских организациях способствовали мероприятия, намеченные XIV партконференцией в резолюции по докладу тов. Молотова о партийном строительстве. «Улучшение работы партии в деревне,— говорилось в этой резолюции,— возможно только при укреплении состава партийных организаций в деревне, при усилении их работы, при серьезном улучшении руководства и вообще увеличении помощи деревенским организациям со стороны всей партии»[3]. Партия направила из города в деревню несколько тысяч пропагандистов, тысячу партработников, развернула деятельность шефских обществ и улучшила дело политического воспитания крестьянок.

Еще до этого по решению X съезда партии были ликвидированы существовавшие с 1919 г. отделы по работе в деревне при ЦК, губкомах и укомах. В связи с укреплением аппарата партийных комитетов они стали излишними. X съезд предложил: «а) в коллегии агит-пропагандистских отделов вводить товарищей, знакомых с деревней, для выработки методов подхода к крестьянской массе; б) в организационно-инструкторских отделах иметь кадры инструкторов, знакомых с работой в деревне»[4].

Подъем партийной работы в городе и деревне сопровождался упорядочением дела учета и распределения коммунистов. В течение восстановительного периода Центральный Комитет партии дал ряд директив об изучении кадров. Большое значение имело письмо ЦК за № 99 от 26 февраля 1924 г. «О личных делах и характеристиках», установившее более совершенную систему составления личных дел и характеристик на членов партии. Практиковавшиеся ранее партийные характеристики, не дававшие возможности глубоко изучать деловые качества работников, были отменены. «Вместо них,— говорилось в письме ЦК,— при перемещении работников в другую организацию и при переводе на другую работу, а также в отдельных случаях по требованию вышестоящего парторгана, дается деловой отзыв о его работе по последней должности. Отзыв должен освещать работу данного товарища с точки зрения конкретных результатов ее, не нося характера узко-личной аттестации работника. В практической распределительной работе отзывы эти должны иметь значение лишь вспомогательных и ориентировочных материалов»[5].

Выполняя директивы X съезда партии об укреплении партийного руководства, Центральный Комитет проделал значительную работу по усилению рабочего ядра в составе секретарей партийных организаций— от ячейки и до губкома. Об успехах в этой области свидетельствуют данные, приведенные тов. Молотовым в докладе на XIII партийном съезде. Если ко времени X съезда РКП(б) среди секретарей губернских комитетов было 24% рабочих, то к XIII съезду этот процент поднялся до 49.

ПАРТИЙНАЯ ПРОПАГАНДА

В восстановительный период партия развернула огромную работу по поднятию идейного уровня членов и кандидатов партии, по овладению ими теорией марксизма-ленинизма. В соответствии с решениями X съезда партии на местах были организованы краткосрочные курсы для ознакомления новых коммунистов с программой партии, а в Москве — курсы

[1] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 539.
[2] «Справочник партийного работника». Вып. 4-й, 1924 г., стр. 106—108.
[3] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 2-я, стр. 11.
[4] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 363.
[5] «Справочник партийного работника». Вып. 4-й, 1924 г., стр. 150.

марксизма с повышенной программой для молодых партийных кадров. В 1922 г. был открыт Институт Маркса — Энгельса, а позднее — Институт Ленина, объединенные сейчас в единое научно-исследовательское учреждение марксизма-ленинизма. В 1923 г. создаются при ЦК и местных парткомитетах истпартотделы[1]. В эти же годы заканчивается в основном печатание 1-го издания сочинений В. И. Ленина и начинается печатание 2-го и 3-го изданий. В начале апреля 1924 г. товарищ Сталин читает в Свердловском университете лекции «Об основах ленинизма», которые были распространены громадным тиражом и стали настольной книгой каждого большевика.

Созванное Центральным Комитетом в декабре 1921 г. совещание секретарей обкомов, облбюро и губкомов наметило сеть партийного образования для коммунистов, соответствующую новым условиям строительства нашей партии. Центральное место в этой сети занимала партийная школа. В резолюции совещания указывалось, что «основной формой, закономерной для настоящего времени, должна явиться партийная школа от партшколы первой степени (политграмоты), обязательной для всех членов партии, не имеющих элементарной политической подготовки, до высшей партийной школы, Коммунистического университета»[2].

Наряду с партшколами в крупных городах создавались партийные клубы. Они имели целью, как это видно из примерного устава, рекомендованного Центральным Комитетом 26 сентября 1923 г.: «1) оформление марксистского мировоззрения среди членов партии, 2) выработку навыков углубленного марксистского анализа вопросов практики партийного, советского и профессионального строительства, 3) объединение опыта практической работы членов партии и 4) создание тесной товарищеской спайки между членами партии»[3]. В партклубах читались лекции на партийные, политические, теоретические темы, организовывались под руководством опытных пропагандистов кружки для теоретически менее подготовленных коммунистов и т. д.

Значительное место в пропагандистской работе восстановительного периода отводилось антирелигиозной пропаганде и агитации. С новой экономической политикой вместе с некоторым ростом капиталистических элементов оживилась и контрреволюционная деятельность церкви. Под руководством махрового черносотенца и ярого сторонника вооруженной интервенции в Страну советов патриарха Тихона широко разветвленная по губерниям и уездам всероссийская церковная организация вела контрреволюционную пропаганду в народной массе. Партия развернула успешную работу по разоблачению контрреволюционной сущности как религии, так и ее проводников — церковников всех мастей. Особенно большое внимание уделялось антирелигиозному воспитанию коммунистов на окраинах. По решению декабрьского совещания секретарей обкомов, облбюро и губкомов 1921 г., при каждом партклубе создавался кружок по подготовке агитаторов и пропагандистов-антирелигиозников. На эти кадры парторганизации опирались в своей антирелигиозной работе среди рабочих и крестьян.

В деревне по постановлению XI съезда партии были восстановлены избы-читальни в качестве «опорных пунктов коммунистической и сельскохозяйственной пропаганды»[4].

В соответствии с указанием Центрального Комитета губкомы партии организовали консультационные бюро по самообразованию, которые помогали товарищам, не охваченным школами политграмоты, разо-

[1] Преобразованы из Центральной комиссии и местных бюро по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б), созданных в 1920 году.
[2] «Справочник партийного работника». Вып. 2-й, 1922 г., стр. 56.
[3] «Справочник партийного работника». Вып. 4-й, 1924 г., стр. 154.
[4] «Справочник партийного работника». Вып. 3-й, 1923 г., стр. 171.

браться в сложных политических и теоретических вопросах. В задачи бюро входило: «а) руководить самообразовательной работой кружков и отдельных лиц путем личной и письменной связи с ними; б) снабжать их программными и методическими указаниями и рекомендательными списками литературы; в) содействовать снабжению их этой литературой; г) вести учет опыта их работы»[1].

Главная ставка при организации самообразования была взята на деревенские парторганизации, ибо, как указывалось в директиве ЦК, «отсутствие в деревне теоретически подготовленных товарищей, которых можно бы было использовать в качестве лекторов, руководителей кружков и т. д., не позволяет полностью применять обычные в городах методы работы»[2]. В селах создавались кружки по самообразованию, работавшие по учебникам. В каждом кружке был секретарь, который связывался с консультационным бюро и получал оттуда соответствующие указания и необходимую помощь.

Чрезвычайно важной задачей была ликвидация неграмотности и малограмотности среди коммунистов. Центральный Комитет партии в письме за № 83 от 4 января 1924 г. «О ликвидации политнеграмотности среди членов РКП» наметил мероприятия в этой области[3]. Во всех ячейках была произведена перепись неграмотных и малограмотных коммунистов с целью привлечения их в пункты ликбеза и школы малограмотных, организуемые отделами народного образования. При отсутствии таковых ликвидация общеобразовательной неграмотности и малограмотности членов и кандидатов партии осуществлялась в сети политшкол путем создания в них особых групп неграмотных и малограмотных.

В тесной связи с усилением внимания партии к политическому воспитанию находилась и особая форма партийного руководства учебными заведениями — всероссийское и местные объединения коммунистического студенчества. Эти объединения были созданы, как говорится в Положении ЦК от 8 июля 1922 г., «в целях учета опыта работы Ком[мунистического] студенчества и использования его партией в деле строительства высшей школы, а также для политико-просветительной работы среди беспартийного студенчества, вовлечения его в дело содействия строительству В[ысшей] Ш[колы] и улучшения материального быта студенчества»[4].

Составным элементом воспитательной работы партии была военно-боевая подготовка членов партии, проводившаяся в частях особого назначения (ЧОН). Эти части возникли еще в 1919 г. «как боевая сила пролетарской революции» и формировались «из членов РКП, кандидатов РКП и членов РКСМ в границах губерний и городов республики»[5]. В октябре 1921 г. были учреждены республиканский, губернские и уездные советы частей особого назначения «для осуществления необходимой связи ЧОН с парткомами, с одной стороны, и органами гражданской и военной власти, с другой»[6]. Части особого назначения сыграли очень большую роль в военно-боевой подготовке коммунистов и комсомольцев.

СВЯЗЬ С МАССАМИ

Главным в партийной работе является вопрос о связи с массами. Этому вопросу наша партия всегда уделяла и уделяет особое внимание, ибо в связи с массами основа существования самой партии.

[1] «Справочник партийного работника». Вып. 4-й, 1924 г., стр. 163.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 152—153.
[4] «Справочник партийного работника». Вып. 3-й, 1923 г., стр. 167.
[5] См. положение ЦК РКП о частях особого назначения РСФСР от 26 августа 1919 г. «Справочник партийного работника». Вып. 2-й, 1922 г., стр. 138—140.
[6] «Положение о советах частей особого назначения». «Справочник партийного работника». Вып. 2-й, 1922 г., стр. 140—141.

Троцкистские уроды распространяли в 1923—1924 гг. провокационную теорию о том, что якобы самой большой опасностью для партии является бюрократизация партийного аппарата. Эта клевета им нужна была для того, чтобы дискредитировать и ослабить партаппарат и в то же время отвлечь внимание партии от ее центральной задачи — систематического укрепления связи с массами. Борьба троцкистов против партийного аппарата была, по существу, направлена против всей партии, против самой возможности развернутой работы по социалистическому переустройству страны, по руководству массами.

Большевистская партия выросла и закалилась в борьбе со всякого рода врагами — меньшевиками, троцкистами и прочими враждебными пролетариату силами, в том числе и с оппортунизмом в организационных вопросах. Именно укрепление партии, усиление ее связи с массами требовали создания наиболее совершенного партаппарата. Отсюда постоянная забота партии о четкости, гибкости и оперативности ее аппарата.

Но сила партии Ленина—Сталина не только в ее замечательном аппарате. Свою неиссякаемую силу партия черпает в теснейшей, повседневной связи с массами. Без этого самое существование партии невозможно; она погибла бы наверняка.

Товарищ Сталин в заключительном слове на XIII съезде партии, разоблачая троцкистские бредни о том, что самой большой опасностью для партии является якобы бюрократизация партаппарата, говорил: «Опасность состоит не в этом, а в возможности реального отрыва партии от беспартийных масс. Вы можете иметь партию, построившую аппарат демократически, но если она не связана с рабочим классом, то демократия эта будет впустую, грош ей цена. Партия существует для класса. Поскольку она связана с классом, имеет контакт с ним, имеет авторитет и уважение со стороны беспартийных масс, — она может существовать и развиваться даже при бюрократических недочетах. Если всего этого не имеется, то поставьте какую-угодно организацию партии, — бюрократическую, демократическую, — партия погибнет наверняка. Партия есть часть класса, существующая для класса, а не для себя самой»[1].

С переходом к нэпу, когда во всю ширь встала задача укрепления союза рабочего класса и крестьянства, вовлечения в социалистическое строительство миллионов трудящихся в новых условиях классовой борьбы, вопрос о связи партии с массами приобрел исключительное значение. Партия провела ряд крупных мероприятий организационного порядка для сплочения пролетариата и воспитания его в большевистском духе.

Коренным образом была перестроена работа профессиональных союзов. Руководящим началом здесь послужили решения X и XI съездов РКП(б) о профсоюзах, а также указания Ленина, учившего, что профсоюзы должны быть школой управления, школой хозяйствования, школой коммунизма. В профсоюзах, больше чем где бы то ни было, огромнейшую опасность представляли пережитки военного коммунизма, выражавшиеся в подмене метода убеждения методом принуждения. Именно на этот гибельный путь и толкали партию троцкисты, выдвигая сомнительный лозунг «завинчивания гаек» и «перетряхивания профсоюзов», требуя их немедленного «огосударствления». Столь же гибельной была линия «рабочей оппозиции» и «децистов», сводившая на-нет роль партии в профсоюзах и противопоставлявшая профсоюзы партии. Троцкисты, бухаринцы, шляпниковцы, сапроновцы и прочие предатели потерпели полное поражение. Как во время предсъездовской дискуссии,

---

[1] «XIII съезд РКП(б)». Стенографический отчет, стр. 244.

так и на X съезде партия приняла ленинскую платформу о профсоюзах. Главным методом профсоюзной работы был признан метод убеждения.

«Методы рабочей демократии, — говорится в резолюции съезда, — сильно урезанные в течение трех лет жесточайшей гражданской войны, должны быть, в первую очередь и шире всего, восстановлены в профессиональном движении. В профессиональных союзах, прежде всего, необходимо осуществить широкую выборность всех органов профессионального движения и устранить методы назначенства. Профессиональная организация должна быть построена на принципе демократического централизма. Но вместе с тем, в сфере профессионального движения особенно необходима самая энергичная и планомерная борьба с вырождением централизма и милитаризированных форм работы в бюрократизм и казенщину» [1].

Основной задачей, вставшей перед профсоюзами на новом этапе, было вовлечение трудящихся в социалистическое строительство. В этом смысле и дал директиву X съезд партии, указав, что «свою роль школы коммунизма в данный период профсоюзы на деле выполнят постольку, поскольку они явятся руководителями пролетарских масс в деле коммунистической практики, т. е. практической реорганизации и построения хозяйства на коммунистических началах» [2]. Эту основную задачу профессионального движения развил XI съезд партии, на котором была принята программа работы профсоюзов в условиях новой экономической политики. Особое значение имело решение съезда об обновлении и укреплении профсоюзных органов выдержанными коммунистическими кадрами. Съезд установил определенный партийный стаж для отдельных категорий профруководителей. В то же время съезд указал, что при подборе членов партии в профаппарат необходимо учитывать способность их «к массовой работе, к быстрой ориентировке, чуткости к реальным запросам широких масс» [3].

XII всероссийская партконференция, подведя итоги работы профсоюзов, отметила, что практика целиком подтвердила правильность линии XI съезда РКП(б). Конференция дала директиву об усилении идейного и практического руководства партии во всех звеньях профорганизаций.

Конкретные пути упрочения связи партии с массами были намечены Центральным Комитетом и в письме «Об отношении к беспартийным рабочим». Они заключались в смелом выдвижении беспартийных в государственный и профсоюзный аппараты, а также в регулярной отчетности должностных лиц перед рабочими и крестьянами. В качестве организационной формы сближения коммунистов и беспартийных, облегчения борьбы с бюрократизмом и выращивания новых работников ЦК рекомендовал беспартийные конференции, тщательно подготавливаемые в каждом отдельном случае местными парторганизациями.

«Десятки еще таких путей, — говорилось в письме ЦК, — должны найти товарищи на местах, чтобы ближе связаться с беспартийными и выдвинуть из их среды новых работников ближе к массам. Больше деловой связи с беспартийными. Больше систематического отбора новых беспартийных работников. Больше внимания должностных лиц к тем бытовым нехваткам, которые можно устранить даже при нашей нищете. Более систематическая борьба с бюрократизмом и волокитой. Коммунисты в самую гущу рабочей и народной массы» [4].

В добровольных обществах, в различных комиссиях при завкомах, в многочисленных культурно-просветительных учреждениях беспартий-

[1] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 372.
[2] Там же, стр. 371.
[3] Там же, стр. 424.
[4] «Справочник партийного работника», Вып. 2-й, 1922 г., стр. 105.

ные массы под руководством парторганизаций получали политическую закалку и тесно сплачивались вокруг ленинско-сталинского знамени.

Неотъемлемой частью работы партии в массах было воспитание и организация трудящихся женщин. В начале новой экономической политики существовавшие при парткомитетах женотделы переживали некоторый кризис. Кое-где имелись даже тенденции к их ликвидации. Это объяснялось в значительной мере тем, что «партия не могла, благодаря целому ряду причин, своевременно изменить содержание работы среди женщин и приспособить ее формы и методы к изменившимся, благодаря повороту экономической политики на новые рельсы, общим условиям работы» [1].

XI съезд партии положил конец разброду и дал ясную перспективу женотделам. Съезд не только признал недопустимым их ликвидацию, но и поставил решительно вопрос об их всемерном укреплении. В специальной резолюции о работе среди работниц и крестьянок съезд указал, что в обстановке мелкобуржуазного окружения и безработицы к женским пролетарским массам требуется наиболее внимательный подход. Съезд подчеркнул необходимость контакта женотделов и профсоюзов, чему, в частности, способствовали выборы в профорганы работниц, выдвигаемых женотделами, и осуществление положения ЦК и ВЦСПС о выделении профсоюзами организаторов по работе среди работниц.

Растущая роль крестьянок в сельском хозяйстве и сельскохозяйственной кооперации настойчиво выдвигала задачу усиления их политического воспитания и организации под руководством партии. В связи с этим съезд решил принять меры к увеличению кадров уездных и районных организаторов из крестьянок.

После XI съезда работа партии среди трудящихся женщин встала на новые рельсы. Через защиту материально-бытовых интересов и повседневное политическое воспитание женотделы подводили работниц и крестьянок к активному участию в государственном управлении и в социалистическом строительстве. В восстановительный период делегатские собрания женщин превратились из малооформленного института, каким они были на предыдущем этапе, в мощный рычаг связи партии с одним из наиболее многочисленных отрядов рабочего класса и крестьянства.

К концу первого периода нэпа работа партии по организации масс получила огромный размах, были достигнуты блестящие результаты, о чем говорил тов. Молотов на XIII съезде партии (май 1924 г.) в докладе о партийно-организационных вопросах. Чрезвычайный интерес представляет приведенная тов. Молотовым схема организационного построения партийной и рабочей общественности на одном из заводов Москвы. Вот эта схема:

1. Ячейка РКП — бюро и пленум, комиссия по выдвижению работников, комиссия по работе в деревне, комиссия по организации ленинского уголка, организатор по работе среди женщин, работа среди комсомольцев, ЧОН (части особого назначения).

2. Завком и его органы — завком и общее собрание, делегатские собрания, производственные совещания, технические совещания, РКК (расценочно-конфликтная комиссия), ячейка содействия РКИ, комиссия по охране труда, страхкасса, жилищная комиссия, комиссия по изучению быта рабочих, санитарная комиссия, касса взаимопомощи и ревизионная комиссия.

3. Культурно-просветительные органы — культкомиссия, литературная коллегия, библиотечная комиссия, комиссия по ликвидации неграмотности, комиссия по ликвидации политнеграмотности, экскурсионная комиссия, комиссия НОТ (научной организации труда).

4. Особые органы — ячейка МОПР, комиссия «Друг детей», комиссия по борьбе с беспризорностью, комиссия юных пионеров, комиссия Общества друзей воздушного флота, землячество, комиссия по борьбе с самогоном.

---

[1] «Центральный комитет РКП(б). Итоги работы за год (1922—1923 гг.)», стр. 375. М. 1923.

5. Кружки — кружок ленинизма, марксистский кружок, школа политграмоты, кружок по изучению профдвижения, кружок самообразования, кружок физкультуры, музыкальный, хоровой, драматический и шахматный кружки, антирелигиозный кружок, агиткружок и газетный кружок.

Кроме того на этом предприятии имелись цеховые парторги и индивидуалы[1]; велась работа в секциях советов. Всего тов. Молотов насчитал свыше 50 различных форм, через которые осуществлялась связь парторганизации с массами. Эти и другие факты дали тов. Молотову основание сделать вывод, что «мы находимся теперь в совершенно новой полосе общественного развития в рабочем классе»[2].

Делу укрепления связи партии с массами послужила и проведенная в начале 1922 г. «Неделя сближения РКП с РКСМ». Задачей «Недели» являлось «установление прочной органической связи между РКП и РКСМ, организации идейной и материальной помощи союзу со стороны партии, проведение фактической ответственности организаций РКП за работу организаций РКСМ»[3]. Инструкция по проведению «Недели» устанавливала следующие формы сближения партии и комсомола: партийные собрания с обсуждением комсомольских вопросов, комсомольские собрания с заслушиванием докладов о работе парторганизаций, совместные партийные и комсомольские собрания, выпуск специальных номеров журналов, газет, брошюр, листовок по вопросу о связи партии с комсомолом и комсомола с партией.

Было осуществлено указание X съезда партии о вовлечении в активную комсомольскую работу всех коммунистов, не достигших 20-летнего возраста. Это мероприятие значительно повысило партийное влияние в комсомоле. Центральный Комитет указал, что «Неделя сближения РКП с РКСМ» должна быть не временной кампанией, а началом установления постоянной связи между партией и комсомолом.

В том же, 1922 г. в соответствии с директивой XI съезда РКП(б) Центральный Комитет разработал «Положение о приеме членов РКСМ в члены РКП(б)»[4]. Комсомольцы, желающие вступить в партию, подавали через ячейку комсомола заявление в соответствующий уездный или районный комитет комсомола с приложением к нему отзыва ячейки. Комсомольский комитет в случае положительного заключения передавал весь материал в соответствующий уком или райком партии для окончательного решения вопроса о приеме, причем положительное заключение комитета комсомола приравнивалось к одной партийной рекомендации.

На основе решений V съезда РКСМ комсомол при помощи партии развертывает работу среди детей. Закладываются основы детского коммунистического движения.

Значительное внимание уделила партия рабочим, занятым на частнокапиталистических предприятиях, поставленным «в условия непосредственной классовой борьбы с предпринимателями»[5]. Перед парторганизациями здесь стояли особые задачи: во-первых, организация рабочих для борьбы с хозяевами за соблюдение советских законов, во-вторых, политическое воспитание этих рабочих в коммунистическом духе. Конкретные формы партийной работы на частных предприятиях были намечены в письме ЦК за № 44 от 8 июля 1922 года[6]. Партийное руководство на частных предприятиях осуществлялось главным образом через фракции профсоюзов, коммунистов-инструкторов профаппарата и всех членов партии, работавших в органах охраны труда. Кроме того

---

[1] Индивидуалы — коммунисты, выделенные для индивидуальной агитации и пропаганды среди беспартийных рабочих.

[2] «XIII съезд РКП(б)». Стенографический отчет, стр. 528.

[3] «Справочник партийного работника». Вып. 2-й, 1922 г., стр. 211.

[4] «Справочник партийного работника». Вып. 3-й, 1923 г., стр. 124—125.

[5] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 433.

[6] «Справочник партийного работника». Вып. 3-й, 1923 г., стр. 116—117— «О партийной работе на частных предприятиях».

ЦК РКП(б) установил, что местные партийные комитеты: «а) прикрепляют к ним (частным предприятиям. — *А. Ш.*) партработников из других предприятий или учреждений, которые и должны вести партработу на этом предприятии; б) всех коммунистов или делегатов, работающих на частных предприятиях, время от времени собирают для систематического инструктирования и руководства их работой; в) в тех случаях, когда необходимо, выделяют специального организатора для работы на частных предприятиях; г) втягивают в работу на частных предприятиях отделы работниц и союз молодежи, привлекая их к участию в разработке плана работы и инструктируя через отделы работниц делегаток, которые выбираются для связи с массой на предприятиях, имеющих много женщин, или направляются на те предприятия, где трудно выделить сознательных работниц» [1].

Таким образом, при помощи рабочей общественности, профсоюзов, советов, комсомола и женотделов партия в восстановительный период всемерно укрепляла свою связь с массами. Разгромив провокационные вылазки троцкистов, пытавшихся нарушить эту связь, партия тесно сплотила рабочих и крестьян вокруг великого знамени Ленина—Сталина.

ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ

Одним из крупнейших явлений партийной жизни восстановительного периода был рост партийных рядов. Он нашел наиболее яркое выражение в ленинском призыве, который был ответом рабочего класса на тяжелую утрату партии — смерть Ленина. В партию рабочего класса вступило тогда около 250 тысяч передовых представителей пролетариата.

Ленинский призыв вместе с тем был подготовлен всей предшествующей политикой и работой партии. Как говорил тов. Молотов в докладе на XIII партийном съезде, «все решения, вся линия партии за последние годы направлялись именно к тому, чтобы вобрать широкие кадры рабочих в нашу партию» [2]. Еще XIII конференция РКП 16—18 января 1924 г., учтя тягу рабочих в партию, решила вовлечь в ряды РКП(б) не менее 100 тыс. рабочих от станка. После смерти Ленина, когда тяга в партию достигла высшего предела, ЦК на пленуме 29, 31 января 1924 г. принял постановление «О приеме рабочих от станка в партию». Была выдвинута задача «проведения широкой и энергичной кампании по вовлечению рабочих от производства в ряды нашей партии» [3]. Так начался ленинский призыв в партию.

Приток в партийные ряды огромного количества лучших представителей пролетариата обязывал партию уделить должное внимание воспитанию их и вовлечению в практическую повседневную партийную жизнь. В октябре 1924 г. Оргбюро и Политбюро ЦК приняли специальное постановление — «О работе по воспитанию ленинского призыва» [4]. Центр тяжести пропагандистской деятельности среди коммунистов ленинского призыва был перенесен с сокращенных школ, функционировавших в начале кампании, на нормальные шестимесячные школы политграмоты. Ввиде опыта для наиболее подготовленных в теоретическом отношении новых коммунистов в крупных промышленных районах были организованы вечерние совпартшколы с семимесячным курсом обучения и с учебным планом, приближавшимся к вечерней совпартшколе первой ступени.

8 декабря 1924 г. ЦК партии снова возвращается к вопросу о работе с вступившими в партию рабочими ленинского призыва. В постановлении «О работе среди вновь вступивших в партию рабочих (ленин-

[1] «Справочник партийного работника». Вып. 3-й, 1923 г., стр. 117.
[2] «XIII съезд РКП(б)». Стенографический отчет, стр. 525.
[3] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 561.
[4] См. «Справочник партийного работника». Вып. 5-й, 1925 г., стр. 246—248.

ский призыв)»[1] ЦК обращает внимание партийных организаций главным образом на повышение активности новых коммунистов как в производственной жизни, так и при выполнении ими партийных обязанностей. ЦК указывает на необходимость повышения их уровня политического развития и усвоения ими большевистской теории и тактики. Наконец, 5 февраля 1925 г. ЦК опять занимается вопросом о воспитании ленинского призыва и принимает постановление «О выдвижении и вовлечении в практическую работу вновь вступивших в партию рабочих»[2].

Ленинский призыв значительно укрепил партийные ряды. В партию вошли лучшие люди рабочего класса. Но и после ленинского призыва продолжался неуклонный рост партии в результате правильной политики партии, твердой линии на усиление в ней пролетарского ядра. При этом партия дала суровый отпор троцкистско-зиновьевской демагогии относительно социального состава партии. Как известно, перед XIV съездом ВКП(б) зиновьевцы выдвинули в числе других пунктов своей «платформы» лозунг: в течение одного года довести число рабочих от станка в партии до 90% и добиться в 1—2 года партийной организованности всего рабочего класса также в размере 90%. Это требование ничего общего с ленинизмом не имело, оно было явно провокационным.

Товарищ Сталин в докладе на XIV съезде ВКП(б), разоблачая зиновьевцев и троцкистов, доказал, насколько вредно, неосуществимо и абсурдно их демагогическое требование. Для того чтобы довести в продолжение одного года число рабочих от станка в партии до 90%, пришлось бы в течение этого периода огульно увеличить партийные ряды с одного с лишним миллиона до 5 миллионов, т. е. в пять раз (!!). По такому пути партия, конечно, пойти не могла. Руководящим принципом большевистской партии является постоянная забота о неуклонном повышении качественного состава своих рядов. «Нужно,— учит товарищ Сталин,— раз навсегда запомнить, что сила и удельный вес партии, особенно Коммунистической партии, зависит не столько от количества членов, сколько от их качества, от их стойкости и преданности делу пролетариата»[3]. Отсюда вытекает непреложный ленинско-сталинский партийный закон о строгом индивидуальном порядке приема в партию, о недопустимости огульного приема в партию.

Не случайно троцкисты и зиновьевцы в своей подрывной работе против железного единства и организационной монолитности большевистских рядов в первую очередь покушались на испытанный ленинско-сталинский метод индивидуального приема и добивались нездорового разбухания партии. Что же касается их провокационного требования якобы об орабочении состава партии, нетрудно заметить, что это было не чем иным, как возрождением разгромленной Лениным и Сталиным контрреволюционной, погромной, «махаевской» теории, направленной против всей интеллигенции и отрывавшей пролетариат от политической классовой борьбы.

Отметая прочь вражеские «рецепты», партия в восстановительный период зорко следила за своим социальным составом. X съезд партии установил ответственность рекомендующих за рекомендуемых. XI съезд РКП(б) ввел категории приема, затруднявшие доступ в партийные ряды непролетарским элементам. XII съезд РКП(б) по докладу тов. Молотова принял резолюцию, которой устанавливались на один год новые льготы для вступления в партию рабочим от станка и красноармейцам (из рабочих и крестьян), имевшим не менее года комсомольского стажа. Съезд также решил в течение этого периода переводить из кандидатов

[1] «Справочник партийного работника». Вып. 5-й, 1925 г., стр. 248—249.
[2] Там же, стр. 249—251.
[3] И. Сталин. Доклад общему собранию Тифлисской организации коммунистической партии Грузии 6 июля 1921 г. Цит. по докладу Жданова на XVIII съезде ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 538.

в члены партии только промышленных рабочих от станка, «оставив всех остальных на положении кандидатов еще на один год»[1]. А XIII всероссийская партконференция, признав необходимым на ближайший год облегчить рабочим вступление в партию, прекратила на тот же срок прием в партию непролетарских элементов.

Но политика регулирования социального состава нашей партии не означала деления внутри партии на полноправных и неполноправных коммунистов. XII съезд РКП(б), строго ограничив прием в партию выходцев из непролетарской среды, указал, что, «раз принятые в партию после всех предварительных испытаний и ограничений, эти члены партии должны, разумеется, пользоваться всеми правами членов партии»[2].

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ

В восстановительный период партия на основе директив товарища Сталина, данных им в докладах на X и XII партийных съездах, развернула огромную организационную и воспитательную работу среди народов наших окраин. Большую роль здесь сыграло четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 9—12 июня 1923 г., происходившее под непосредственным руководством товарища Сталина. Совещание по докладу товарища Сталина наметило практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда о национальном вопросе.

«Одной из коренных задач партии, — говорилось в решениях совещания, — является выращивание и развитие из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения молодых коммунистических организаций национальных республик и областей, всемерное содействие этим организациям встать на ноги, получить действительно коммунистическое воспитание, сплотить хотя бы немногочисленные вначале, но подлинно интернационалистические коммунистические кадры. Лишь тогда Советская власть будет крепка в республиках и областях, когда там упрочатся действительно серьезные коммунистические организации»[3].

В соответствии с решениями совещания и указаниями ЦК от 7 января 1924 г. партийные организации национальных республик и областей перестроили организационные формы и методы своей работы. Для усиления политического воспитания масс были созданы школы политграмоты, а также был увеличен выпуск марксистской литературы и периодической печати на родном языке. Были приняты меры к облегчению вступления в партийные ряды трудовых элементов из местных национальностей и вместе с тем к систематическому очищению партийных организаций в национальных районах от социально чуждых и враждебных людей.

Значительное место в партийной работе занимало воспитание трудящихся женщин, из них при женотделах был создан институт практиканток. Наряду с делегатскими собраниями в восточных областях и республиках организовывались женские клубы. Наконец, немаловажную роль в раскрепощении женщин играли медико-санитарные учреждения и женские промкооперативные артели.

Особенное внимание было уделено кадрам в национальных республиках и областях. На многочисленных курсах и в школах готовились местные работники, в частности секретари волостных и уездных комитетов партии, секретари волостных и уездных исполкомов. Тщательно подбирался состав организаторов первичных парторганизаций, в первую очередь для деревни. В партийных аппаратах постепенно вводится делопроизводство на родном языке.

[1] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 503.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 527.

Усилению руководства партийными организациями национальных республик и областей способствовал подбор для вышестоящих парторганов инструкторов из местных товарищей. В первую очередь были подобраны инструктора в Центральный Комитет партии, в Киргизский обком, в Закавказский крайком, в ЦК коммунистической партии Таджикистана, в ЦК коммунистической партии Азербайджана, в Крымский, Марийский, Карельский обкомы и в обкомы партии автономных областей Северного Кавказа. Как правило, в состав руководящих партийных органов национальных республик и областей входили товарищи из местных национальностей или знающие местные языки. По указанию ЦК партии в каждом отделе партийного комитета заведующий или его заместитель должен был быть местной национальности. Специальному учету подлежали товарищи из местных национальностей, находившиеся на учебе в крупных центрах страны.

Все вышеперечисленные мероприятия обеспечили действительный подъем партийных организаций национальных республик и областей. Это был крупный вклад в дело укрепления Советского Союза, как многонационального пролетарского государства.

ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ ПАРТАППАРАТА

В восстановительный период возникли некоторые новые звенья в аппарате партийных комитетов, в частности деревенские и кооперативные комиссии.

XIII партийный съезд 23—31 мая 1924 г. по докладам тт. Калинина и Крупской о работе в деревне, констатировав «недостаточность помощи и руководства со стороны партийных органов деревенскими ячейками», наметил пути «превращения партийной организации деревни в организаторов деревенской советской общественности» [1]. Октябрьский Пленум ЦК 1924 г. по докладу тов. Молотова об очередных задачах работы в деревне, исходя из резолюции XIII партсъезда, решил «поставить систематическую работу комиссий по работе в деревне при ЦК, обкомах, губкомах и окружкомах (и, где нужно, укомах), по возможности связав эту работу с общим планом» [2].

Так возникли комиссии по работе в деревне при местных парткомитетах. В их функции по указанию ЦК входило изучение процессов экономического развития деревни. Они занимались вопросами сельскохозяйственного кредита, сельскохозяйственной кооперации, землеустройства и совхозов. Далее, перед ними были поставлены организационно-политические задачи. Сюда относились такие вопросы, как крестьянская печать, культурное шефство над деревней, работа изб-читален и других культурных организаций, работа профсоюзов, работа с батрачеством, работа низового советского аппарата и даже, как говорилось в директиве ЦК, выработка мер по борьбе с самогоном [3].

Таким образом, задачей комиссий при партийных аппаратах по работе в деревне была координация действий всех советских, хозяйственных и партийных организаций в деревне с целью направить их деятельность по единому руслу и по единому плану, чтобы можно было лучше осуществлять политическое руководство всеми процессами, происходившими в деревне. Это не было возрождение отдела по работе в деревне: руководство деревенскими парторганизациями осуществляли все отделы парткомитета, каждый по своей линии.

Наряду с деревенскими комиссиями 1924 г. при партийных ко-

---

[1] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 595—596.
[2] Там же, стр. 630.
[3] См. письмо ЦК за № 58 от 15 ноября 1924 г. и «Положение о совещаниях по работе в деревне». «Справочник партийного работника». Вып. 5-й, 1925 г., стр. 226—228.

митетах были созданы кооперативные комиссии[1]. Их возникновение связано с осуществлением великого ленинского кооперативного плана приобщения крестьянства к строительству социализма. В задачу кооперативных комиссий входили: разработка вопросов руководства всеми кооперативными организациями, достижение согласованности в их деятельности, установление правильных взаимоотношений кооперации с советскими и хозяйственными органами в хозяйственной области.

Отличительная особенность деревенских и кооперативных комиссий заключалась в том, что они самостоятельного аппарата не имели, а обслуживались партийным аппаратом в целом. Как правило, они возглавлялись секретарем партийного комитета. В их состав входили представители от различных советских, профессиональных и хозяйственных организаций. Они занимались не столько внутрипартийной работой, сколько партийным руководством советской и хозяйственной деятельностью земельных и кооперативных органов, а также районных, уездных (окружных) и губернских исполкомов.

К новым звеньям партаппарата относятся также и клубные комиссии. Они были созданы в конце 1924 г. при агитпропах обкомов и губкомов, а также при укомах, окружкомах и райкомах больших городов, из представителей агитпропа парткома, политпросвета, наробраза, бюро фракций совпрофа, политпросвета комсомола, политорганов воинских частей или соединений, персонально подбираемых представителей комфракций правлений крупнейших рабочих клубов[2]. Клубные комиссии возникли на основе решений XIII партийного съезда, потребовавшего «объединения всей клубной работы под ближайшим руководством и контролем партии», которое «должно быть как политическим и организационным, так и методическим»[3]. Они сыграли весьма положительную роль в укреплении рабочих клубов, в превращении их «в центры коммунистического воспитания широких масс рабочих и работниц»[4].

Помимо появления новых звеньев в течение восстановительного периода произошли некоторые изменения в структуре партаппарата, вытекавшие из политических задач партии и способствовавшие всемерному улучшению и совершенствованию партаппарата.

ИЗМЕНЕНИЯ В УСТАВЕ ПАРТИИ

Во время гражданской войны партия работала на основе Устава, принятого VI съездом, а затем пересмотренного VIII партконференцией в декабре 1919 года. В восстановительный период формы партийной организации определялись Уставом, принятым XII всероссийской конференцией, состоявшейся 4—7 августа 1922 года.

Новый Устав был разработан комиссией под председательством тов. Молотова во исполнение резолюции XI съезда партии «Об укреплении и новых задачах партии»[5]. Он внес существенные изменения в формы партийной организации.

В Устав впервые на основе постановления XI съезда РКП(б) был включен пункт о категориях приема в партию. Их было установлено три: а) рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян; б) крестьяне (кроме красноармейцев) и кустари, не эксплоатирующие чужого труда; в) прочие (служащие и т. п.). Соответственно этому были изменены и условия приема. Для первой и второй категорий требовались рекомендации трех коммунистов с трехлетним стажем, а для третьей категории и выходцев из других партий независимо от их социального

[1] См. директиву ЦК «О работе кооперативных комиссий при парткомах». «Справочник партийного работника». Вып. 5-й, 1925 г., стр. 231.

[2] См. директиву ЦК «О работе клубных комиссий при агитпропах парткомов». «Справочник партийного работника». Вып. 5-й, 1925 г., стр. 231—232.

[3] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 605.

[4] Там же, стр. 604.

[5] Там же, стр. 431—432.

положения — рекомендации пяти коммунистов с пятилетним стажем. Постановление X съезда об ответственности рекомендующих за рекомендуемых нашло отражение в примечании к п. «б» § 2 Устава, которое гласило: «Рекомендующие несут за рекомендуемых ответственность, подвергаясь в случаях неосновательных рекомендаций партийным взысканиям, вплоть до исключения из партии» [1].

Наряду с установлением категорий был уточнен и порядок приема. Последней инстанцией, утверждающей прием первой категории, т. е. рабочих и красноармейцев из рабочих и крестьян, стал уездный комитет, а в городах — районное общее партсобрание. Для второй и третьей категорий, а также для выходцев из других партий, независимо от их социального положения, конечной инстанцией стал губком. Кандидатский стаж был установлен: для первой категории — шестимесячный, для второй категории — годичный, для третьей категории и выходцев из других партий, независимо от их социального положения,— двухгодичный.

Совершенно новым был раздел о контрольных комиссиях, созданных «в целях содействия укреплению единства и авторитета партии» [2]. В связи с этим был отменен пункт старого Устава, предоставлявший партийным комитетам право назначать специальные комиссии для рассмотрения дисциплинарных проступков коммунистов.

Другие изменения касались установления стажа для секретарей партийных организаций, увеличения количества членов и кандидатов Центрального Комитета и т. д.

Изменения, внесенные в Устав партии XII всесоюзной партконференцией, целиком и полностью отвечали задачам партии в условиях работы по восстановлению народного хозяйства страны. Новые правила партийного Устава помогли партии успешно преодолеть трудности, вызванные первым периодом нэпа, и еще более сплотили ее ряды вокруг великого знамени Ленина—Сталина.

★

Таков в общих чертах путь развития партийного строительства в восстановительный период. Четкие формы большевистской организации и правильные методы работы партии дали ей возможность крепко сплотить свои ряды, мобилизовать массы на преодоление трудностей и двинуть их на успешную борьбу за осуществление поставленной Лениным исторической задачи превращения России нэповской в Россию социалистическую.

В восстановительный период партия неоднократно подвергалась обстрелу со стороны многочисленных антипартийных групп и оппозиций, всячески стремившихся повернуть страну на путь буржуазного развития, подорвать организационное единство и идейную сплоченность большевистских рядов. В 1921 г., перед X съездом РКП(б), против ленинско-сталинской линии развернутым фронтом выступают троцкисты, бухаринцы, «рабочая оппозиция» и остатки разгромленной группы демократического централизма. Далее, поднимают голову буржуазные националисты, в частности грузинские национал-уклонисты, которых поддерживали троцкисты и бухаринцы. Вражеское сопротивление усиливается в последние дни жизни Ленина и особенно после его смерти. В 1923 и 1924—1925 гг. обершпион Троцкий навязывает партии одну дискуссию за другой. К XIV съезду (1925 г.) против партии ополчается «новая», так называемая зиновьевско-каменевская оппозиция.

Партия под руководством Ленина и Сталина, избранного в 1922 г. генеральным секретарем ЦК, отбила все атаки врагов, отстояла незыблемость ленинской программы построения социализма, еще более идейно закалилась, еще острее отточила свое организационное оружие.

---

[1] «ВКП(б) в резолюциях...». Ч. 1-я, стр. 454.
[2] Там же, стр. 458.

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Феликс Кон

Во второй половине XVIII столетия во всей Западной Европе происходила своего рода переоценка социально-политических и культурных ценностей.

В Польше, где «шляхта» была господствующим классом, где власть фактически находилась в руках аристократии и где городское сословие не пользовалось никакими политическими правами, а крестьянство было закрепощено, эта переоценка была произведена с огромным запозданием. Польский народ был доведен до такой степени деморализации, что когда соседние государства, предварительно сговорившись, присоединили части Польши к своим владениям, им не было оказано со стороны Польши никакого сопротивления.

Обрушившийся на страну удар, грозивший полным уничтожением Польши как самостоятельного государства, поставил перед лучшей частью тогдашних государственных деятелей этой страны вопрос о том, как приостановить дальнейшее разложение, «как оживить омертвелый государственный организм»[1], как предотвратить окончательную гибель родины.

Положение в Польше было далеко не такое, как на Западе. Развитой буржуазии, которая подобно французской буржуазии могла бы вести борьбу с феодалами, в Польше не было. Вопрос о политических правах мещанства решался шляхтой, которая отнюдь не намеревалась поступиться своими привилегиями, несмотря на то что в связи с развитием промышленности и ростом городов, в особенности же столицы, удельный вес мещанства в экономической жизни страны значительно повысился.

При наличии таких условий сейм, известный в истории под названием четырехлетнего, обсуждавший вопрос о реформах с 1788 по 1791 г., мог выработать ту или другую бумажную конституцию, но не мог оживить уже омертвевшее государство. В 1792 г. Польша как самостоятельное государство перестала существовать. Два года спустя вспыхнуло возглавленное Тадеушем Костюшко восстание под лозунгом «освободим народ, а он нас освободит». Несмотря на то что восстание не увенчалось успехом, оно имело большое значение, так как выдвинуло вопрос об отмене крепостного права. В стране, где на 1 млн. полноправных шляхтичей приходилось 7 млн. крепостных рабов — «холопов» — уже самый факт постановки этого вопроса имел большое значение, в особенности в связи с тем, что в то время вся политическая и духовная жизнь польского народа сосредоточивалась не в городе, как на Западе, а в деревне — в крупных дворянских поместьях.

Создание Наполеоном I Великого герцогства варшавского, отмена крепостного права, введение наполеоновского гражданского кодекса,

---

[1] Лозунг четырехлетнего сейма.

развитие мануфактурной промышленности способствовали изменению соотношения сил в Польше.

Разгром наполеоновской армии внес новые изменения. Разорванная на части и подчиненная разделившим ее между собой государствам, Польша и в политическом и в культурном отношении уже не представляла единого целого. Государственный строй, школа, культура, иные в каждой части Польши, соответственно воздействовали на жизнь. С наступлением мира во вновь созданном царстве Польском начала расцветать культурная жизнь. Произведения Лессинга, Шлегеля, Сталь, в которых проводилась новая по тому времени идея, требующая отражения в литературе свойственных данному народу черт и особенностей, вызвали сочувственный отклик среди нарождавшейся городской интеллигенции. Шиллер, Гете, а вслед за ними Шекспир и Байрон оставили глубокий след в польской литературе того времени. Байроновская жажда свободы не могла не отразиться в литературе и в жизни угнетенного народа, народа, но не его правящего класса. «Для польских крупных землевладельцев и магнатов в провинциях, присоединенных к России, — пишет Роза Люксембург, — это был период большого благополучия. Сохранилось большинство старых институций,— в частности в Литве сохранилось крепостное право (не сохранившееся в царстве Польском.— *Ф. К.*); все общественные должности были заняты поляками. «Общественное мнение, — заявляет один из современников, Каетан Козьмян, — высказывалось в таком духе: в некоторых отношениях нам теперь лучше, чем при существовании Польши; у нас, по большей части, осталось то, что нам давало отечество, но вместе с тем мы освобождены от бремени и от опасности крестьянских восстаний; без Польши мы все-таки в Польше, и мы — поляки» [1].

«Благополучие», о котором говорит Роза Люксембург, не было и не могло быть продолжительным. Крупная земельная аристократия, находя в царской России защитника ее классовых интересов, могла некоторое время благоденствовать, но далеко не так благополучно жилось мелкопоместной шляхте и нарождавшейся буржуазии, не говоря уже о крестьянстве. Быстро менявшиеся условия управления краем создавали спрос на соответственно подготовленных людей, и все более и более разорявшаяся мелкопоместная шляхта использовала это, приобретала необходимые знания и занимала посты администраторов. Центры культурной жизни постепенно начали переходить из магнатских поместий в города. Возникла городская дворянская интеллигенция, противопоставлявшая себя магнатам. В то время как магнаты придерживались принципа «ubi bene, ibi patria» («где хорошо, там отечество»), дворянская интеллигенция не мирилась с порабощением родины. Из ее среды вышли такие борцы, как Валериан Лукасинский, основатель подпольного «Патриотического общества», готовившего восстание и находившегося в постоянных сношениях с «Южным обществом». Лукасинский, арестованный в 1822 г. и до самой своей смерти, в 1868 г., просидевший в Шлиссельбургской крепости, пользовался большим влиянием. Один из его последователей, Томаш Зан, член основанного Лукасинским «Патриотического общества», организовал среди молодежи для целей восстания ряд кружков по образцу сыгравших большую роль во время войн с Наполеоном немецких «буршеншафтов». Такими обществами в Польше были «Филареты», «Лучистые» и более законспирированные—«Филоматы», в которых и принимал активное участие Адам Мицкевич.

Для ложноклассицизма столь же обязательными, как введенный в Польше кодекс Наполеона, были и французская «бонтонность», малейшее отступление от которой считалось чуть ли не преступлением, и перенятые от Франции окостеневшие литературные формы, исключав-

[1] Роза Люксембург «О литературе», стр. 54. «Academia». 1934.

шие хотя бы малейшие проявления свободного творчества, и аристократическая замкнутость, не допускавшая даже мысли о том, что «черни может быть уделено место в литературе...» Убежденный сторонник классицизма, ректор Виленского университета, знаменитый математик Ян Снядецкий считал проводимый романтиками поворот к народу поворотом к средневековью. Поклонник Ньютона и Юма, Снядецкий ополчался против Канта и его последователей — Фихте и Шеллинга, — считая философию Канта родной сестрой романтизма.

«Сообразно различию в экономических и политических условиях,— отмечает Р. Люксембург, — и в стремлениях обоих слоев «благородного» общества, идейное течение, представленное мелкодворянской интеллигенцией, носило совершенно иной характер. Если официальная литература господствующей аристократии питалась ложноклассическими мотивами Франции, то оппозиционная литература низшего дворянства апеллировала к национальным мотивам; если классическая литература прославляла настоящее, то национальная обратилась к прошлому, которое она видела в мистических красках, и нашла себе адэкватную форму и образец в немецкой романтике» [1].

Вступавшая на политическую арену дворянская интеллигенция не оставила без ответа выступления классиков. В этой борьбе с классиками самую выдающуюся роль с первого же момента играл Адам Мицкевич, ответивший Снядецкому:

«Ты знаешь мертвые, неизвестные народу истины,
Мир ты видишь в порошке, в каждой искорке звезд,
Но не знаешь живой правды, и не видать тебе чудес».

Противопоставляя себя Снядецкому, поэт говорит:

«Чувство и вера действуют на меня сильнее,
Чем глаз и стеклышко мудреца».

И заключает:

«Имей сердце и гляди в сердце».

(Перевод мой. — *Ф. К.*)

«Король романтической поэзии», как называли Мицкевича, всей жизнью был подготовлен к той роли, какую ему пришлось играть. Сын мелкопоместного дворянина-помещика, по тогдашнему насмешливому определению, «без мужика и батрака», он с детства вращался в крестьянской среде и знакомился с жизнью и бытом, верованиями и предрассудками народа в общении с деревенскими мальчиками, на кухне и в людской, слушая рассказы о жизни, песни, сказки. Ореол, окружавший Наполеона I, на которого возлагались надежды, что он воскресит Польшу, легенды о Наполеоне, как освободителе крестьянства,— все это оставило неизгладимый след на мировоззрении и творчестве поэта. Окончательное формирование взглядов Мицкевича относится ко времени его пребывания в Виленском университете, куда он поступил в 1815 г., когда ему было 17 лет. Этому способствовал профессор-историк Иоахим Лелевель, один из активных участников восстания 1830—1831 гг., а затем, в 1847 г., участник Международного конгресса в Лондоне. Не меньшее, а, пожалуй, большее влияние на Мицкевича имел кружок революционно-патриотической молодежи. Выработанное в кружке мировоззрение могло быть определено, как говорил Мицкевич, тремя словами: «отчизна, наука, добродетель».

Мицкевич принял участие в образовавшемся в 1817 г. тайном обществе «Филоматов», ставившем себе целью всеобщее благо, распространение просвещения, а через просвещение пробуждение в народе поня-

[1] Роза Люксембург «О литературе», стр. 56.

тий нравственности и национального сознания. Число членов этого общества в целях конспирации было очень невелико, ввиду чего для воздействия на более широкие круги молодежи было создано менее законспирированное, подчиненное «Филоматам» общество «Филаретов» (любителей добродетели), в члены которого молодежь принималась без особых предосторожностей.

В стихотворении «Ода к молодости» Мицкевич выступает уже как подлинный революционер:

«Счастлив тот, кто пал в борьбе,
Если своим омертвелым телом
Он создал ступень для продвижения других».
«Хоть путь и скользок и покат,
Хоть насилие и слабость тормозят восхождение,
Но ответом на насилие должно быть насилие,
А слабость, пока молоды, должны изживать.
Кто ребенком в колыбели
Оторвал голову гидре,
Тот юношей удушит кентавров».

(Перевод мой. — *Ф. К.)*

В этом же стихотворении Мицкевич заявляет, что «цель всех в счастии всех».

Назначенный в 1819 г. по окончании университета учителем латинского языка в Ковно, Мицкевич изучает английский язык, читает в подлиннике Байрона и на продолжительное время настолько подчиняется влиянию последнего, что уже в ссылке, в России, вызывает со стороны поклонника его таланта Баратынского известное стихотворение:

«Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я вижу у Байроновских ног,
Я говорю: о, путник униженный,
Восстань, воспрянь и вспомни: сам ты бог».

Недолго оставался Мицкевич в Ковно. За участие в обществе «Филаретов» и «Филоматов» он был арестован и препровожден в тюрьму в Вильно. Следствием по этому делу руководил сенатор Новосильцев, прозванный «злым гением Польши», делавший все, от него зависящее, чтобы восстановить против нее Александра I. Этот ретивый чинуша, умевший сочетать «русский патриотизм» со шпионством в пользу Пруссии, раздул дело Мицкевича и добился жестокого приговора. Три человека из привлекавшихся вместе с Мицкевичем были приговорены к заключению в крепости, а затем к ссылке в отдаленные губернии России, 17 человек, а в их числе Мицкевич, были сосланы в Россию, в распоряжение министра просвещения для назначения в качестве учителей в местности, отдаленные от Польши и Литвы.

24 октября 1824 г. Мицкевич был отправлен в Петербург и получил назначение в Одессу, куда прибыл в феврале 1825 года. Тоска по родине, которой поэту уже более не пришлось увидеть, сквозит во многих его произведениях, но, как это ни странно на первый взгляд, влияние его на родную литературу во время вынужденной разлуки с родиной значительно усилилось.

Дело в том, что Ковно и даже Вильно в культурном отношении не могли равняться с центрами умственной жизни России начала XIX века. В России Мицкевич познакомился с Рылеевым, Бестужевым, Пушкиным, Вяземским, Полевым, Жуковским и многими другими, которым впоследствии, будучи уже в эмиграции, посвятил прочувствованное стихотворение «Друзьям в России». Здесь же Мицкевич научился строго отличать Россию Николаев Палкиных и негодяев Новосильцевых от России Пестелей и Рылеевых.

На творчество Мицкевича немало повлияло его путешествие в Крым. Его «Крымские сонеты», вызвавшие восторг русских поэтов, подверглись бешеным нападкам со стороны польских «классиков». Бывший в свое время министром просвещения Тадеуш Мостовский в своей критике этого шедевра не только польской, но и всемирной литературы доходит чуть ли не до площадной брани: «Не знаю, что в них хорошего. Все это гнусно, подло, грязно, мрачно. Все это, быть может, крымское, турецкое, татарское, но не польское». И далее: «Мицкевич убежден, что безумие — это поэзия, что грязь — это совершенство» [1].

Одни эти яростные нападки свидетельствуют о том, какой удар «классикам» был нанесен произведениями великого поэта. Мицкевич уже не был одинок: по намечаемому им пути шли другие, менее одаренные, чем он, менее храбро бросавшие вызов старому миру, но неуклонно следовавшие за ним.

Особое место в творчестве Адама Мицкевича занимает «Конрад Валленрод» — произведение, в котором Мицкевич сошел с широкой дороги революционно-демократической борьбы и выступил как глашатай идей, могущих оказать лишь разлагающее влияние на широкие ряды борцов за независимость Польши. Герой этой «Литовской повести», написанной под влиянием «Корсара» Байрона, Конрад Валленрод считает, что «единственное оружие порабощенного — это измена». Конрад, пламенный патриот своей родины, видя унижение и угнетение родины, замышляет страшную месть: притворившись преданным врагу, погубить его. Он не останавливается перед принесением в жертву и своей жизни и счастья любимой женщины ради осуществления мести. Нелегко это ему дается. «Будь проклят час,— восклицает Конрад,— когда, вынужденный к этому врагами, я прибегнул к этому способу».

Эти слова часто приводились в защиту Мицкевича, в доказательство того, что он сам осуждал такой вид борьбы, как предательство и измена. Приводились также слова Конрада, сказанные в последние моменты жизни: «Уж довольно мести, немцы — также люди». Вряд ли можно согласиться с тем, что именно в этих словах сформулировано отношение Мицкевича к Конраду. Совершив задуманное, Конрад торжествует:

«Я ударил в сердце гидре стоголовой.
Все они погибли... Видишь свет багряный?
Видишь дым пожара? Слышишь смертный
скрежет?
То Литва бушует, немцев жгет и режет...»

Еще более убеждают в положительном отношении Мицкевича к действиям Конрада слова прощавшегося с ним старого Альбана:

«Сын мой, я оплачу твой конец кровавый!
Сам тебе с любовью я закрою веки
И в живых останусь, чтоб твоею славой
Все концы вселенной огласить навеки.
Я пойду по замкам, городам и хатам.
Если сам ослабну, песнь уйдет далече,
Мать ее над люлькой будет петь ребятам,
Рыцарям же — барды в час кровавой сечи.
И из этой песни, рано или поздно
Встанет, как из праха, наш отмститель грозный» [2].

(Перевод Сергея Соловьева.)

В «Конраде Валленроде» Мицкевич совершенно сознательно проводил идею о том, что в борьбе с врагом все средства хороши. В Конраде

[1] Doktor Henryk Biegeleisen «Dzieje literatury polskiej». T. V. стр. 229. Вена. Изд. Фр. Ботди.
[2] Адам Мицкевич. Избранные произведения, стр. 151, 158. Госиздат. 1929.

он видел олицетворение патриотизма. Таким же образом оценил это произведение самый крупный после Мицкевича польский поэт, Юлий Словацкий. Но и сам Мицкевич совершенно ясно выразил свое отношение к Конраду в фантастической драме «Дзяды», или «Поминки»: испытывавший страдания из-за несчастной любви Густав ночью в тюрьме встает и пишет на стене углем:

«Умер Густав,
Родился Конрад».

Умер тот, кто готов был даже покончить самоубийством исключительно из-за личного несчастья, родился тот, кто отвергает все личное и всего себя отдает делу борьбы.

«Классики» не преминули воспользоваться проводимой Мицкевичем в «Конраде Валленроде» идеей для расправы с ним. Отвергая все, что было положительного в этом произведении, они обвиняли автора в том, что он измену считает доблестью. С возражениями классикам и на защиту Мицкевича выступили сторонники романтизма, хотя в их среде были также сомневающиеся и несогласные. Но ни то, ни другое течение не останавливалось на вопросе о том, какое разложение может внести возвеличение измены, притворства, обмана не только в среду тех, против кого это средство направлено, но и в среду самих носителей этой идеи, не смеющих открыто выступить со своим лозунгом. В высшей степени характерно, что, проводя эту идею, Мицкевич, словно опасаясь ее тлетворного действия, пытается смягчить и ослабить ее влияние. Об этом свидетельствует момент, когда Конрад проклинает условия, заставившие его прибегнуть к измене.

В Густаве, переродившемся в Конрада, Мицкевич изображает самого себя, свои переживания. Конрад из «Дзядов» совершенно так же, как Конрад из «Валленрода», в борьбе с врагом рассчитывает только на себя. Масса, народ не принимается в расчет, как участник в этой борьбе. Обращаясь к богу с требованием власти над душами людей, Конрад обосновывает это требование: «Теперь я воплощен душой в мою родину... Я и отчизна — одно. Имя мое миллион, так как я за миллионы страдаю и терплю муки». Характерно для Мицкевича то, что он уже тогда противопоставляет Конраду ксендза, который в молодежи, массами ссылаемой в Сибирь, видит борцов за свободу родины.

Во время пребывания в России Мицкевич, по свидетельству Пушкина, мечтал о том времени, когда народы забудут распри и соединятся в одну семью [1]. Сам он уже в то время, разжигая огонь ненависти к царизму, одновременно мирился и дружил с русским народом. В упомянутом уже нами стихотворении «Друзьям в России» он пишет:

«О, пусть эта песнь из страны, где свободны народы,
До вас донесется на льдистые ваши равнины,
Да будет она провозвестницей вашей свободы,
Как вестником вешней поры — перелет журавлиный».

(Перевод А. Виноградова.)

За дружбу с русскими поэта осуждали даже его друзья, как Чечот, но в то время уже ничто не могло его поколебать... Именно в России Мицкевич все более и более переходит от узкого патриотизма к интернационализму.

Благодаря поддержке русских друзей Мицкевич получил разрешение уехать заграницу. Год спустя там его застало известие о восстании

[1] А. Пушкин «Он меж нами жил...».

«Нередко он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся».

1830—1831 годов. Он долго колебался, принять ли участие в этом восстании, которое, по определению Энгельса, «не было ни национальной революцией (оно исключало три четверти Польши), ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция» [1].

Когда Мицкевич решился, наконец, принять участие в этом восстании, было уже поздно, и за это запоздание на его голову обрушилось немало ударов со стороны разношерстной эмиграции, как обычно после неудачи взаимно упрекавшей друг друга во всевозможных ошибках, явившихся якобы причиной поражения.

По возвращении из запоздалой поездки на границу Польши с целью участия в восстании Мицкевич в «Книге польского народа и его скитаний», облекая свои мысли в мистическую форму и изображая Польшу как мессию всего мира, высказывает взгляды, влияние которых выходило за пределы Польши: «Все люди — родные братья. Тот выше других, кто им служит и кто жертвует собою для их блага. Чем лучше человек, тем больше он должен жертвовать собою». «Служба — это жертвование собою для других, а наука — это хлеб и источник жизни». «В моменты несчастья народ гибнет, но чиновники всегда продолжают служить, а ученые писать, одинаково служа всем и одинаково всеми оплачиваемые. Не эти (продажные) ученые должны быть уважаемы, а те, которые проповедуют свободу и страдают в тюрьмах, те, которые своей смертью подтверждают верность своему учению» [2]. И далее: «Все, что наше — принадлежит отчизне, что принадлежит отчизне — принадлежит свободному народу». «Готовясь к будущему, следует вернуться мыслью вспять, но только постольку, поскольку человек, готовясь перепрыгнуть через ров, пятится назад с тем, чтобы лучше разогнаться» [3].

«Книга польского народа и его скитаний» была переведена на французский язык графом Монталамбером. Одновременно под ее влиянием главой республиканско-католической партии священником Lamennais были написаны: «Paroles d'un Croyant» («Слова верующего»). Все эти произведения вызвали большое волнение. Римский папа Григорий XVII обрушился на поэта анафемой, усматривая в его книге пропаганду социализма, а в то же самое время радикалы усматривали в этой книге пропаганду католицизма. Мицкевич, как впоследствии в России Л. Н. Толстой, больше придавал значения пропаганде этого своего учения, чем своему поэтическому творчеству, несмотря на то что тогда же он работал над лучшим своим произведением, «Пан Тадеуш»,— эпосом прошлой жизни мелкопоместной шляхты в Литве.

В издании «Пилигрим польский» в целом ряде статей Мицкевич продолжал развивать свои взгляды. Он настаивает, что лозунг, выдвинутый польскими повстанцами и относившийся в то время к России, «За вашу свободу и нашу!» необходимо распространить и на все человечество. В великой борьбе между стремлениями народов и управлением кабинетов, в столкновении новых потребностей с старым строем поляк должен всегда быть на стороне тех, кто борется за новый мир. «Кто говорит об интересах только одного народа — тот враг свободы» [4].

Под лозунгом «национального эгоизма» народы не только убивают друг друга, но совершенно искажают понятия о справедливости. Переходя к вопросу о соотношении сил внутри каждого народа, Мицкевич делит общество на два лагеря: «привилегированных» и «обездоленных». К первым он причисляет «кабинеты и правящие классы». Влиять на изме-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 265.
[2] Biegeleisen, Н. Цит. соч., стр. 249.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 250.

нение их политических убеждений бесцельно; только зря будет потеряно время.

Все внимание должно быть уделено народной массе, ее движению и потребностям. В народной массе поэт видит «врагов старого порядка в Европе». Считая, что «подорваны все основы средневековья»: духовенство, аристократия, привилегированное среднее сословие,— поэт рекомендует приложить ухо к земле, чтобы услышать «предвещающий землетрясение шум, происходящий в немецких тавернах, в парижских предместьях и в итальянских избах».

В это время влияние Мицкевича на польскую эмиграцию было очень велико, но предаться всецело делу пропаганды своих идей он не мог: материальная нужда заставила его принять место профессора в Лозаннском университете, а затем в College de France, где ему предложили читать лекции славянской литературы.

Удрученный и семейными несчастьями (его жена сошла с ума и находилась в больнице) и угнетением родины, Мицкевич в это время подчинился влиянию мистика Товянского и с кафедры в College de France пытался разжечь пламя патриотизма, чтобы способствовать разрушению всех звеньев старого строя, «опирающегося на золото и штыки» [1].

В высшей степени характерны относящиеся к тому времени слова французского историка Мишле, коллеги Мицкевича по профессуре в College de France: «Характерной чертой нового, появившегося в коллегии учения, была сила веры, стремление извлечь из истории не ту или иную доктрину, а действие, и не столько развивать умы, сколько душу и волю. Эти идеи не были свойственны исключительно мне, доказательством чего являются два интеллигентнейших лица — Кинэ и Мицкевич, которые одновременно со мной шли по этому же пути».

Власти обеспокоились проводимой Мицкевичем пропагандой и пытались соблазнить его высокой пенсией, с тем чтобы он ушел на покой. Мицкевич отказался. «Хорошо спокойствие,— писал он своему брату,— для умерших и счастливых. Мы же беспокоим и будем беспокоить мир».

В 1847 г. последовал разрыв между Мицкевичем и Товянским. Последний в это бурное время пытался удержать своих последователей от участия в революционном движении, Мицкевич же, наоборот, в поднимающейся революционной волне видел спасение человечества и от слов переходил к делу. Лишенный кафедры одновременно с Кинэ и Мишле, Мицкевич создает польский легион для борьбы за национальное освобождение Италии.

В выработанном им для этого легиона уставе поэт отстаивал свободу и равенство всех, без различия вероисповедания, полное равноправие женщин, избираемость чиновников. Римскому папе, который был вынужден дать Мицкевичу аудиенцию, впервые за все время существования Ватикана пришлось услышать в стенах папского дворца слова: «Знай, что дух божий — в блузах парижского люда».

По возвращении в Париж при денежной поддержке графа Браницкого в 1849 г. Мицкевич становится редактором «La Tribune des peuples» Оставаясь верующим, Мицкевич в это время меняет свое отношение к католицизму, папе и к высшему католическому духовенству. Во имя великой французской революции, «подлинной наследницы учения Христа», поэт резко выступает против проводимых поборов с народа в пользу «папских нунциев».

На столбцах «Трибуны народов» Мицкевич доказывал неизбежность падения властей и разрушения основ старого. Существующее понятие о семье и собственности в будущем будет вызывать такое же враждебное к себе отношение, какое уже теперь вызывает королевская власть, предсказывал он.

---

[1] Biegeleisen, H. Цит. соч., стр. 255.

В высшей степени характерна напечатанная в «Трибуне» статья Мицкевича «Социализм». В этой статье поэт доказывает, что целей, которые выдвигает социализм, нельзя осуществить мирным путем и никого не задевая. Мир распадается на два лагеря: рабов и угнетателей, на жертвы тирании и палачей,— и соглашения между ними быть не может. Злейшими реакционерами поэт считает капиталистов. У них нет ни бога, ни отчизны, хотя эти слова у них всегда на устах. Они уверяют, будто народ хватается за оружие исключительно из-за материальных побуждений.

«Врут они,— говорит Мицкевич,— что социалисты — это люди, у которых ничего нет и которые хотят иметь, что война ведется между владеющими и невладеющими ничем. Война, которая ведется,— благороднейшая в своей основе война, святая по своим целям, так как это война борцов за свободу, против сторонников деспотизма, война народов против власти королей, война за объединение народов против тех, кто действует во имя принципа «разделяй и властвуй!» [1].

Недолго пришлось Мицкевичу проводить свои идеи в «Трибуне». Тот, кого он идеализировал, считал проводником идей французской революции, на кого возлагал надежды в борьбе за восстановление Польши,— Наполеон III, ранее лишивший его кафедры в колледже, теперь лишил его поста редактора...

Мицкевич продолжал борьбу несмотря на все претерпеваемые удары.

С каждым днем становилось все более очевидным, что на Ближнем Востоке готовится война. Мицкевич готовился к этому и, когда вспыхнула Крымская война, отправился в Турцию с целью организовать польские легионы. Здесь его настигла смерть.

Настороженное отношение господствующих классов к Мицкевичу не прекращалось и после его смерти. Несмотря на свою религиозность и мистицизм Мицкевич считался, не без основания, для них опасным. Мистика и религиозность были лишь внешней оболочкой, содержание же его творений революционизировало молодежь. Гениальный поэт и одновременно борец, не поступавшийся своими убеждениями, чем бы это ему ни угрожало, оставил глубокий след не только в литературе. Для царизма и для польских господствующих классов Мицкевич целые десятилетия после своей смерти был предвестником той классовой борьбы, которая развернулась в Польше в последней четверти прошлого столетия.

Роза Люксембург в цитированной уже нами статье, посвященной поэту, пишет: «Среди польских социалистов вошло в обычай извлекать из произведений Мицкевича во что бы то ни стало доказательства его социалистических взглядов». Она считала это «бесцельным и бесплодным» и указывала, что «оттенок утопического социализма у Мицкевича был связан с тем роковым периодом его жизни, когда гений поэта уже был омрачен туманами религиозного мистицизма». Все это верно, но это же указывает на то влияние, какое Мицкевич оказывал на этих «польских социалистов». Вступавшая на политическую арену молодежь 70-х и 80-х годов зачитывалась его произведениями, и круг этих читателей с каждым годом увеличивался. К гимназической и университетской молодежи с течением времени присоединилась и рабочая молодежь. Призывы к борьбе этого гениального мистика-утописта пробудили тех, кто под эти призывы подводил не мистическую утопию, а реальные основы великого учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

---

[1] «La Tribune des peuples». 1849.

БОРЬБА БЕДНЕЙШЕГО КРЕСТЬЯНСТВА И БАТРАКОВ ВЕНГРИИ В 90-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Бела Санто

С начала 90-х годов прошлого столетия заметно усилилось промышленное развитие Венгрии; количество индустриальных рабочих быстро возрастало; рабочее движение находилось на подъеме. Подъем рабочего движения в городах находил мощный отклик в деревне, особенно в районах, расположенных на Великой Венгерской равнине, как среди сельскохозяйственного пролетариата, так и среди неимущего крестьянства.

В сельском хозяйстве Венгрии к этому времени еще сохранились значительные пережитки феодализма. 45% годной к обработке земли находилось в руках владельцев крупных поместий. Большей частью эти латифундии были майоратными, заповедными имениями, т. е. были изъяты из свободного обращения. Буржуазная революция 1848 г. нанесла чувствительный удар феодальным отношениям в сельском хозяйстве. Но так как эта революция не была доведена до конца, то феодальные пережитки в значительной мере сохранились.

По данным сельскохозяйственной статистики за 1895 г., в Венгрии насчитывалось 2389 тыс. хозяйств, возделывавших 36 856 тыс. йохов земли (1 йох равен 0,57 га)[1]. По тем же данным, 63,7% общего числа хозяйств имели участки не более 5 йохов. Им принадлежало всего 5,85% обрабатываемой площади. С другой стороны, 0,71% всего числа хозяйств владели 47,66% земли. Полтора миллиона малоимущих крестьянских хозяйств владели немногим более 2 млн. йохов, а полторы тысячи помещиков — около 12 млн. йохов.

Полтора миллиона крестьян с хозяйством до 5 йохов влачили жалкое существование. Им не хватало земли, чтобы прокормиться, они вынуждены были искать работу у помещиков. В 90-х годах в Венгрии насчитывалось до 500 тыс. батраков. В трудовых взаимоотношениях между батраками и помещиками сохранялись феодальные пережитки. Так, батраки в имениях получали деньгами только часть своей заработной платы, остальное — натурой. В одном из поместий графа Александра Каройи в начале 90-х годов годовая заработная плата батраков слагалась из следующих элементов: 12 центнеров ржи, 8 кг пшеницы, 2 центнера ячменя, 14 кг сала, 120 кв. клафтеров кукурузного поля, 100 кв. клафтеров огорода, 1 свинья с 2 поросятами, 100 крон наличными.

Таким было вознаграждение батраков и в других поместьях. Кроме того условия труда еще регулировались «домашними законами». В центральном органе социал-демократической партии Венгрии «Непсава» 13 февраля 1891 г. был опубликован один такой «домашний закон», присланный из Пюшпек-Ладаны (Венгерская равнина). Газета отме-

---

[1] Buday László «A megcsonkitott Magyarország» («Искалеченная Венгрия»). Budapest. 1921.

чала, что такие «домашние законы» применялись и в других поместьях. Закон состоял из следующих статей: «1. Батрак должен беспрекословно подчиняться управляющему или заменяющему его лицу. 2. Батрак не имеет права ни в праздничные, ни в воскресные дни отлучаться из усадьбы без разрешения. 3. Батрак обязан без всяких возражений и замечаний работать столько, сколько потребуется. 4. Батрак отвечает за доверенные ему скот и инструменты и несет ответственность за ущерб, причиненный им намеренно или по небрежности. 5. Батрак не имеет права возражать против качества выдаваемого ему натурой хлеба, а также против качества предоставляемого в его пользование пастбища и корма. 6. Запрещено разводить гусей и уток. 7. Батраки обязаны нанимать сторожей, утверждаемых уполномоченными на то служащими, для охраны кукурузных полей. 8. Батраки обязаны выполнять на любой ферме всякую работу, которую поручает им управление данным поместьем; прибавку к жалованью они получают лишь тогда, когда они по приказу выполняют работу вне места их жительства в течение свыше 2 недель подряд без перерыва. 9. Все без исключения жены батраков обязаны работать бесплатно в течение 12 дней и при этом поочередно выполнять работы в господском доме или у служащих, шить и чинить мешки и брезенты для телег, принадлежащих хозяевам имения, а также белить хозяйственные постройки и выполнять другие легкие работы. 10. Батраки, занятые на полевых работах, обязаны поочередно пасти волов и отвечают за все потравы, произведенные волами. 11. Овчары обязаны работать и в часы перерыва и в случае надобности выполнять без дополнительной оплаты работу на других фермах имения. 12. Батраки обязаны поочередно нести по ночам службу по охране поместья в указанных им пунктах. 13. Строго воспрещается пьянствовать, ругаться и ссориться между собою. 14. Если кто-либо будет изобличен в краже или укрывательстве совершенной другим кражи, а также в действиях, противоречащих вышеизложенным правилам, или в деяниях, направленных против этих правил, то он наказывается немедленным увольнением, причем он теряет всё следуемое ему в данном имении жалованье и должен возвратить уже полученное им. 15. Содержать скот разрешается лишь в том случае, если он является собственностью батрака; брать к себе чужой скот запрещается. Если у батраков имеются свиньи, то они должны на собственный счет содержать свинопаса. Свободное содержание свиней на фермах воспрещается под страхом штрафа от 1 до 5 гульденов».

Батраки жили вдали от городов, обычно не в деревнях, а в усадьбах. С остальным сельским населением они вступали в соприкосновение лишь во время полевых и уборочных работ. Они составляли отсталую в культурном отношении часть населения. Управление помещичьим имением было сильно заинтересовано в том, чтобы батраки оставались изолированными от крестьян. В обязанности жандармов входило оказание помощи в управлении поместьем.

Наряду с батраками существовали испольщики, владевшие собственным крестьянским инвентарем и работавшие на основе системы отработок. В значительной своей части они вытеснялись из сельскохозяйственного производства и становились сельскохозяйственными рабочими, но пережитки феодализма тяготели и над ними. Значительную часть заработка испольщики получали натурой. Эти испольщики считались, по данным официальной статистики, «свободными» рабочими. Накануне первой империалистической войны их было 2½ млн. человек.

В своей работе, посвященной вопросу о сельскохозяйственных рабочих, АндорВаднаи, губернатор комитата Чонград, писал: «В силу экономических отношений и системы крупных общин сложился особый быт сельскохозяйственных рабочих. До старости проводит он большую часть своей жизни в большом коллективе... Влияние этой жизни замечается

сразу же, при первом соприкосновении с ним, в его поведении, в образе мыслей... В зависимости от величины деревни, на главной ее площади видишь несколько сотен сильных мужчин, которые с угрюмыми, злобными лицами и поразительным терпением стоят там плотными группами. Хорошо одетый горожанин, богатый крестьянин или ремесленник словно боятся присоединиться к этим группам или задержаться дольше здесь. Обыкновенно они заговаривают только с теми, кто стоит впереди. Для них не существует местной власти, никто не пользуется авторитетом у этих людей, нет никого, при чьем приближении кто-либо из них снял бы шапку или уступил дорогу... Даже священники, несущие святые дары, не удостоятся того, чтобы эти люди преклонили колени или обнажили голову...»[1].

Сельскохозяйственные рабочие и бедные крестьяне Венгерской равнины уже в 80-х годах основали несколько союзов и в то же время познакомились с идеями социализма в тех рамках, которым соответствовал тогдашний уровень развития социалистического движения в Венгрии. Батраки и бедные крестьяне были усердными читателями социал-демократической печати. Большое значение имело и то обстоятельство, что венгерские промышленные рабочие были в то время очень тесно связаны с деревней и являлись, таким образом, распространителями социал-демократических идей на селе. Особенно большую роль сыграл часовщик Стефан Гиттнер из Орошгазы, который вел среди сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян Венгерской равнины интенсивную социал-демократическую пропаганду и агитацию.

К началу 90-х годов бедственное положение сельскохозяйственных рабочих и бедного крестьянства стало невыносимым. Жестокий гнет землевладельцев, властей и жандармов привел к обострению классовых противоречий на Венгерской равнине. Среди сельскохозяйственных рабочих и бедного крестьянства возникло массовое движение. Власти делали все возможное, чтобы помешать созданию местных союзов сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян и не допустить празднования 1 мая. Насильственными мерами они устраняли ораторов, производили аресты. В Орошгазе 1 мая 1891 г. власти запретили демонстрацию. И все-таки над рабочим клубом взвилось красное знамя, которое власти поспешили конфисковать. Тогда толпа сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян двинулась к помещению полиции и потребовала возвращения знамени. В ответ на это требование против них двинули войска. Произошли кровавые столкновения, после чего было объявлено осадное положение.

Сельскохозяйственные рабочие и бедные крестьяне Бекешчабы солидаризировались с орошгазскими. 2 мая 1891 г. они подошли к ратуше и потребовали утверждения устава местного союза. И здесь также произошли кровавые столкновения с войсками. 2 июня в Баттоньи также была устроена кровавая баня, при этом 5 человек было убито и 20 — тяжело ранено.

Летом 1892 г. в Пустаэлеке, поблизости от Надьиварада, в общине Тамаши, крупный арендатор не выдал рабочим, занятым у него на уборке урожая, следуемые им за 8 дней продукты. Рабочие голодали и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были просить милостыню в соседних общинах. Недовольство рабочих своим нищенским положением привело к столкновениям с жандармами. Во время столкновений четверо жандармов были тяжело ранены, а один — смертельно; на стороне рабочих-жнецов были один убитый и много тяжело раненых.

Подобные столкновения приняли массовый характер и стали повседневным явлением. Вся страна напряженно прислушивалась к событиям. Буржуазная пресса требовала от правительства применения суро-

[1] Vadnay A. «A Tiszamellékröl». («О районе Тиссы»). S. 34. Budapest.

вых карательных мер. Правительство принимало меры к подавлению движения.

Этот период венгерского социалистического рабочего движения характеризуется широким размахом бурной, кровавой борьбы сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян. Движение их в 90-е годы стало массовым, а их активность в этот период далеко превосходила активность промышленного пролетариата. Тем не менее следует отметить ряд организованных, имевших большое значение выступлений индустриального пролетариата в Венгрии в этот период. Так например каменотесы, рабочие будапештского оружейного завода, петроженьские и печские горняки и др. вели упорную борьбу за повышение заработной платы.

В весенние и летние месяцы 1893 г. движение среди сельскохозяйственных рабочих и бедного крестьянства Венгерской равнины продолжало развиваться. Батраки и крестьянская беднота создавали свои организации; почти в каждом селении существовали местные союзы, в состав которых входили сельскохозяйственные рабочие и крестьяне-бедняки. Союзы вели свою работу несмотря на то, что их уставы не были утверждены правительством. Союз сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян в Годмезевашаргель насчитывал весной 1894 г. 2 тыс. членов. В Годмезевашаргель, где положение было особенно острым, полиция произвела обыск в помещении местного союза (21 апреля 1894 г.), причем было конфисковано много книг, листовок и первомайских значков. На другой день председатель союза Иоганн Санто-Ковач отправился вместе с 3 другими членами комитета в полицию и потребовал возвращения конфискованных вещей. Прибывшие были арестованы. Слух об аресте членов комитета вызвал большое волнение. Масса батраков и крестьян устремилась к помещению полиции, требуя освобождения арестованных. Когда полиция отказалась освободить Санто-Ковача, батраки, вооруженные кольями, дубинами и камнями, напали на помещение полиции. Жандармы ответили залпами, но вскоре были обращены в бегство. Толпу удалось рассеять только при помощи войск, в том числе кавалерии. При этом один был убит и многие тяжело ранены. В результате этих событий на Венгерской равнине было введено осадное положение и произведены массовые аресты. Иоганн Санто-Ковач был приговорен к 5 годам, 25 сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян — к долголетнему тюремному заключению.

Борьба венгерских сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян возбудила интерес во всем мире и привлекла к себе также внимание Фридриха Энгельса, который обратился к происходившему 13—15 мая 1894 г. партийному съезду венгерской социал-демократической партии со следующим письмом:

«Уважаемые товарищи!

Ваше любезное приглашение на партийный съезд я получил 8-го с. м. К сожалению, недомогание помешало мне тотчас на него ответить, и поэтому только сегодня я могу задним числом высказать вам свою благодарность и пожелать наилучшего успеха в вашей работе.

Я тоже с величайшим интересом следил за развитием Венгрии в последнее время. В Венгрии, как и повсюду, капитал все более и более овладевает всем национальным производством. Он не только создает новую промышленность, он подчиняет себе и сельское хозяйство, революционизирует его стародавние методы, уничтожает независимого крестьянина, раскалывает сельское население на небольшую кучку крупных землевладельцев и капиталистических арендаторов с одной стороны,

и массу неимущих сельских пролетариев — с другой. Каких успехов достигла уже эта капиталистическая революция в Венгрии, мы видели недавно в Годмезевашаргее. Через эту капиталистическую революцию мы так или иначе уже должны пройти. Она несет с собою невыразимые страдания для широких масс народа, но только она и создает те условия, при которых становится возможен новый общественный строй, а также и тех мужчин и женщин, которые будут обладать силой и волей для осуществления этого нового, лучшего общественного строя.

С искренним приветом

Ф. Энгельс»[1].

Энгельс говорит в своем письме о капиталистической революции в сельском хозяйстве Венгрии. И действительно, несмотря на феодальные пережитки в имущественных и трудовых взаимоотношениях капитализм все глубже внедрялся в крупное землевладение. При этом возглавляли капиталистическое развитие сельского хозяйства не крестьяне, а крупные помещики. Помещичьи владения становились капиталистическими крупными предприятиями. Банковый капитал выступает уже не только в роли кредитора сельского хозяйства, но и как крупный землевладелец и арендатор. Таким образом, с одной стороны, мы видим в Венгрии наличие феодальных пережитков, с другой,— шагнувшее вперед капиталистическое развитие сельского хозяйства.

Капиталистическое развитие сельского хозяйства нашло свое выражение не только в превращении феодального поместья в капиталистическое предприятие, но и в одновременном дроблении части крупных имений на крестьянские хозяйства. За 10 лет, с 1882 по 1891 г., по данным государственной статистики, было раздроблено на крестьянские хозяйства одних государственных земель на сумму в 66 млн. гульденов.

Раздробление крупных имений и превращение их в крестьянские хозяйства сопровождались крестьянской эмиграцией в Америку. Ежегодно из Венгрии в Америку переселялось 80—100 тыс. венгерских крестьян. Большинство этих эмигрантов было ранее занято в сельском хозяйстве. Две трети этих переселенцев покидало венгерскую землю навсегда, обосновываясь в Америке в качестве наемных рабочих. Примерно одна треть этих переселенцев все же оставалась крестьянами. Они отправлялись в Америку лишь на время, чтобы из своего заработка погасить долги помещикам или банку. Суммы, ежегодно посылавшиеся переселенцами в Венгрию для погашения их долгов помещикам или банкам, были весьма значительны. После полной или частичной уплаты своих долгов эта часть переселенцев возвращалась в Венгрию.

Крестьянство, разумеется, не представляло собой монолитного класса. В 90-х годах в Венгрии было приблизительно 1½ млн. бедных крестьян, 715 тыс. середняков и 158 тыс. зажиточных и кулаков. Уже в 90-е годы венгерское сельское хозяйство не отставало от общеевропейского уровня механизации. Не только помещичьи имения, но и хозяйства богатых крестьян в значительной части были механизированы.

Происходил усиленный процесс дальнейшего расслоения крестьянства и пролетаризации бедноты и середняков. Каким бурным темпом шел этот процесс пролетаризации бедного и значительной части среднего крестьянства, показывает тот факт, что число сельскохозяйственных рабочих в Венгрии за 60 лет перед войной 1914 г. возросло до 3 миллионов.

Эта революция в сельском хозяйстве сопровождалась, как мы видели выше, бурным движением среди сельскохозяйственных рабочих и трудового крестьянства, причем движение сельскохозяйственных рабочих шло рука об руку с движением бедного крестьянства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 405.

При помощи осадного положения, введенного на Венгерской равнине весной 1894 г., движение деревенской бедноты подавить не удалось. Массовое движение требовало единого руководства. Осенью 1895 г. возникла идея созыва съезда сельскохозяйственных рабочих страны. Орошгазская организация социал-демократической партии создала комитет для подготовки созыва этого конгресса. В воззвании орошгазских сельскохозяйственных рабочих говорилось: «Если нам удастся успешно провести организацию сельскохозяйственных рабочих, то все венгерское рабочее движение примет такой размах, что будет в состоянии преодолеть те многочисленные препятствия, которые стоят сейчас на его пути» [1].

Между руководством социал-демократической партии и ее организациями на Венгерской равнине возникли разногласия. Партийное руководство недооценивало значения движения сельскохозяйственных рабочих и не поняло их роли в освободительной борьбе пролетариата. На сельскохозяйственных рабочих смотрели не как на «настоящих» пролетариев, им отказывали в праве бороться теми же средствами, какими борется промышленный пролетариат, например стачками. Партийное руководство выступило против издания специального печатного органа и создания отдельных профсоюзов сельскохозяйственных рабочих. Тогда Александр Чизмадиа, руководитель сельскохозяйственных рабочих, и руководитель бедных крестьян Стефан Варконьи вышли из состава общепартийного руководства.

Чтобы приглушить боевое настроение сельскохозяйственных рабочих, Андор Ваднаи, губернатор комитата Чонград, по поручению правительства созвал весной 1896 г. совещание, в котором приняло участие 25 помещиков и 25 сельскохозяйственных рабочих. На этом совещании сельскохозяйственный рабочий Альбер Силадьи (Годмезевашаргель) заявил следующее:

«С каждым днем, с каждым годом становится все хуже и хуже, быстро увеличивается число безземельных сельскохозяйственных рабочих. Растут и потребности рабочих, их законные потребности... Но работы, занятий для деревенской бедноты, которые давали бы ей возможность существовать, стало меньше, чем раньше. Уже само по себе это — большое зло. Однако то обстоятельство, что оплата труда как с кубометра (на землекопных работах), так и сдельная и обычная поденная уменьшилась почти наполовину по сравнению с прежней, толкает нас к полному обнищанию.

Теперь лишь немногие из нас получают работу на постройке плотин, да и оплата стала гораздо ниже. Когда наступает весна, нам приходится искать земляных работ в других местах, в незнакомых нам районах. На главной площади появляется агент. Он ищет 1000—2000 рабочих-землекопов на Ваг, иногда на Мораву, а то и на Самош или на постройку какой-нибудь железной дороги. Обещания он дает заманчивые, почти ошеломляющие. Нас отправляется целый поезд.

Тяжелая и мучительная работа ждет нас. Мы не зарабатываем и половины того, что нам обещали. Хлеб и сало мы получаем худшего качества и по более дорогим ценам чем дома. Нас обманули, нас эксплоатируют, и мы вынуждены терпеть, так как найти себе другой заработок мы можем только ценой потери времени. Мы работаем в нищенских условиях. Спустя несколько недель или месяцев, измученные, мы отправляемся домой с несколькими жалкими крейцерами и сотни раз проклинаем тот час, когда мы родились.

Хуже стало наше положение и на сельскохозяйственных работах. Раньше можно было исполу или из третьей части, без кабальных условий арендовать столько кукурузного поля, сколько мы в состоянии

[1] Иозеф Такач «История венгерского движения сельскохозяйственных рабочих» (на венгерском языке), стр. 23, Будапешт, 1926.

обработать. Теперь же не только мелкий[1], но и средний хозяин сам обрабатывает свою землю при помощи плуга или же за каждый «третий» йох земли требует от нас двух дней отработков, 1 гульден да еще половину бобов, тыкв и подсолнуха. На уборке урожая мы зарабатывали раньше 12 кадок ржи. В этом году я заработал 4 кадки пшеницы, 6 корзин ячменя, воз соломы, и из этого я должен был еще выплатить 12 гульденов моим помощникам.

Я хотел бы посмотреть, кто может обижаться на нас за то, что, когда мы научились читать и писать, наши потребности возросли, за то, что мы хотим прилично одеваться, питаться и посылать своих детей в школу! Кто может обижаться на нас за это, если на главной площади мы ежедневно видим, что и сельские хозяева, нанимая себе рабочего, прежде всего смотрят, как он одет! Того из нас, кто оборван, растрепан, неряшлив, считают плохим, неполноценным работником.

А в заключение позвольте мне сказать еще следующее: я не утверждаю, что так бывает всегда, но, во всяком случае, часто, — если между рабочим и сельским хозяином возникает спор, власти берут сторону хозяина. Они стремятся выяснить не то, кто прав, а услужить классу собственников, ибо чиновничьи должности распределяются не рабочими, а хозяевами»[2].

29 августа 1896 г. вышел первый номер издававшегося сельскохозяйственными рабочими Венгерской равнины органа «Земледелец». Руководство социал-демократической партии объявило новый орган сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян антипартийным органом и одновременно сообщило об издании социал-демократической газеты для сельскохозяйственных рабочих и о созыве их съезда. Все это в качестве меры воздействия было предпринято против союзов сельскохозяйственных рабочих.

Чтобы избежать раскола в движении сельскохозяйственных рабочих, орошгазская организация социал-демократической партии созвала в Будапеште совещание. Однако переговоры между руководством союзов и ЦК социал-демократической партии остались безрезультатными. Таким образом, произошел раскол в движении сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян.

Руководство социал-демократической партии созвало конгресс в Будапеште на 31 января, 1 и 2 февраля. Оппозиция, в свою очередь, созвала конгресс на 14—16 февраля в Цегледе. Последний решил отделиться от социал-демократической партии и основать «Независимую социалистическую партию».

Основанная на Цегледском конгрессе Независимая социалистическая партия быстро выросла в массовую партию сельскохозяйственных рабочих и трудового крестьянства. Во главе ее стал Стефан Варконьи. Александр Чизмадиа вернулся в лоно социал-демократической партии и вступил в борьбу с независимыми.

На своем учредительном конгрессе 8, 9 и 10 сентября, состоявшемся тоже в Цегледе, Независимая социалистическая партия приняла декларацию, излагавшую ее принципы:

«1. Венгерская независимая социалистическая партия является партией интернациональной. Она отрицает преимущественные права и какие бы то ни было привилегии в зависимости от национальности, происхождения и состояния и заявляет, что она смотрит на борьбу против эксплоатации народа, против ограничения его свободы и против его угнетения как на борьбу интернациональную, поскольку интерна-

[1] Понятия «мелкий хозяин» и «средний сельский хозяин» не соответствуют ленинским понятиям «мелкий крестьянин» и «средний крестьянин». «Мелкими хозяевами» называются в Венгрии и средние и богатые крестьяне, а землевладельцы, имеющие от 100 до 1000 йохов, — «средними сельскими хозяевами» в отличие от «помещиков».

[2] Vadnay A. «A Tiszamellékröl», p. 24.

ционально и само ограбление народа, лишение его благополучия и благосостояния.

2. Для распространения идеи независимого социализма должны быть использованы все не противоречащие справедливости средства: печать, собрания и т. д. Партия будет протестовать против законов и постановлений, препятствующих свободному выявлению убеждений, против законов, ограничивающих свободу печати, союзов и собраний.

3. Партия относится с презрением к тем, кто отнимает у человечества его прирожденные права, как одно из важнейших средств к достижению ими благополучия, или силой закона мешает их осуществлению.

4. Наряду с изменением существующей ныне экономической системы она будет добиваться в процессе создания рабочего союза безгосударственности, гарантирующей свободу, имущественное и трудовое равенство.

5. Она будет поддерживать всякое необходимое в интересах народного воспитания, свободное от влияния религии образование как в народных школах, так и в высшей школе.

6. Она стремится к уничтожению постоянного войска и введению всенародного вооружения.

7. Она рассматривает государство как источник всех зол и поэтому будет действовать в том направлении, чтобы народ как можно скорее отказался давать ему деньги и рекрутов, чтобы таким образом прекратила свое существование и власть, облеченная в законные формы и осуществляемая в интересах поддержания порядка.

8. Независимая социалистическая партия будет энергично бороться теми методами и средствами, которые она найдет наиболее целесообразными, против ограбления и обмана народа и против покушений на его свободу».

Конечно, эту декларацию с ее анархистской мелкобуржуазной путаницей нельзя считать социалистической программой, но она все же отражает стремление сельскохозяйственных рабочих Венгерской равнины к улучшению их положения. В этом отношении очень интересны данные, которые мы находим в годовом отчете будапештской полиции. «Сами руководители трудящегося народа в провинции имеют нелепое представление о руководящих социалистических идеях, тем меньше понятия о них имеют массы,— говорится в этом отчете.— Чаще всего им кажется, что с победой социалистических стремлений будет удовлетворен их земельный голод, но к распределению земли они не хотят допустить рабочих соседней деревни. Есть местности, где социалистической целью является не что иное, как борьба против рабочих, привезенных сюда из других районов для уборки урожая[1]. Многочисленные другие местные интересы и взгляды масс привлекают их в социалистический лагерь. Но раз они вступили в него, они готовы бороться и против государственной власти, против религии и общественного порядка и пытаются создавать социалистический строй»[2].

В представлении сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян социализм был родом религии, невидимой силой, которая помогает им и должна привести их к победе. Стефан Варконьи, который стал во главе их, был честным борцом и пользовался громадным авторитетом среди этих отсталых масс. Варконьи ненавидел помещиков, вел пропаганду за раздел земли; за это ему дали прозвище «распределителя земли». Большая притягательная сила Независимой социалистической

[1] Венгерское государство организовало государственные отряды штрейкбрехеров с целью применения их при стачках во время уборки урожая. Здесь речь идет фактически о борьбе со штрейкбрехерством (примечание автора).

[2] Годовой отчет будапештской полиции о социалистическом рабочем движении за 1897 г., стр. 287.

партии в первую очередь была в том, что эта партия стояла за раздел земли, в противоположность социал-демократической партии, которая заявляла лишь о желании добиться улучшения положения бедного крестьянства и сельскохозяйственных рабочих путем проведения «далеко идущей» социальной политики.

По вопросу об аграрных преобразованиях конгресс Независимой социалистической партии принял резолюцию, в которой, между прочим, говорится следующее:

«Принимая во внимание, что как в сельском хозяйстве, так и в промышленном производстве машины вытесняют рабочих, делают их излишними и приводят к тому, что рабочие не могут иметь заработка, который обеспечивал бы им человеческое существование, принимая во внимание, что мелкие собственники, вследствие ростовщичества, практикуемого сберегательными кассами и банками, также должны разоряться... принимая во внимание, что осуществление имущественного и трудового равенства возможно будет лишь тогда, когда не будет крупного землевладения и обогащение будет ограничено, а также принимая во внимание недопустимость того, чтобы, основываясь на старых дворянских правах и титулах, немногие избранные узурпировали землю, партийный конгресс постановляет:

1) церковные владения должны быть объявлены государственной собственностью и вместе со всеми казенными имениями поделены на 5-йоховые участки, которые должны быть сданы в аренду с условием последующего внесения арендной платы;

2) каждый помещик, владеющий больше чем 100 йохами земли, должен излишек поделить на 5-йоховые участки и сдать их в аренду».

Цегледский съезд и деятельная агитация Варконьи мобилизовали на борьбу массы сельскохозяйственных рабочих и бедного крестьянства. Выступление Варконьи во главе самостоятельного движения батраков и беднейших крестьян поднимало самые отсталые слои к политической жизни; назревала острая борьба, в первую очередь сельскохозяйственных рабочих. В результате растущего движения сельскохозяйственных рабочих и их стойкости при заключении договоров на уборку урожая среди помещиков создалось паническое настроение. Одна буржуазная провинциальная газета, издававшаяся на Венгерской равнине, — «Сегеди Напло» — писала в номере от 28 февраля 1897 г.:

«Сенсацией этой весны и лета будут выступления сельскохозяйственных рабочих. Уже ведется подрывная работа с целью поднять широкое рабочее движение на Венгерской равнине, которое может иметь непредвиденные последствия. Как высшие, так и низшие власти бездеятельно смотрят на то, как подобно лесному пожару растет угроза аграрного социализма, захватывающего население даже тех местностей, которые до сих пор заразе не поддавались... То, что повсеместно говорят об угрожающем распространении рабочего движения, не является преувеличением, ибо сельские хозяева уже и здесь, в Сегеде, громко жалуются на дерзкие выступления сельскохозяйственных рабочих. Повсюду мучительно ощущаются предвестники приближающегося кризиса. Что делают власти, чтобы помешать этому? Ничего! Они ждут, лишь кое-где препятствуя подстрекательству и распространению социалистической печати... но это им плохо удается, потому что трудно контролировать, когда печатный орган и литература союза сельскохозяйственных рабочих находят распространение в любой лачуге».

Вся страна была охвачена подобными настроениями. Иозеф Такач, секретарь союза сельскохозяйственных рабочих Венгрии, так характеризует в своей книге, посвященной истории движения венгерских сельскохозяйственных рабочих, настроение прессы в тот период:

«...Одна (газета) плачется, что теперь дело идет уже не о парадных шествиях, не о праздновании 1 Мая с процессиями и знаменами,

а об осуществлении их (сельскохозяйственных рабочих.— *Б. С.*) социальных стремлений. Так как у них отнята свобода собраний, то по утрам они сходятся на рыночной площади и совещаются 2—3 часа под открытым небом».

Другая газета ждала уже народной революции. Она писала: «На равнине шевелится народ. Чу! Дело серьезное: как будто забилось недовольное сердце земли!.. Но не против действительно грешных перед ним, а против всего общества, ибо голодный и озлобленный видит врага народной революции во всяком, кто не голодает и прилично одет! Спаси нас бог от пробуждения этого чудовища!»[1].

Сельскохозяйственные рабочие вступили в борьбу по всей стране. Навербованные правительством в национальных словакских и румынских областях отряды штрейкбрехеров оказались ненадежными: во многих случаях и они присоединялись к стачкам. По всей стране происходили кровавые столкновения. Убитые и раненые были не только среди бастующих, но и среди жандармов и в войсках.

Вся страна кипела! У правительства, властей, буржуазной прессы, жандармерии и военщины было немало дела, чтобы подавить борьбу сельскохозяйственных рабочих и «спасти» страну от народной революции. Пособницей властей оказалась здесь социал-демократическая партия... Вместо того чтобы возглавить борьбу сельскохозяйственных рабочих, призвать промышленных рабочих к действиям солидарности и тем оказать поддержку героической борьбе сельскохозяйственных рабочих, социал-демократическая партия попрежнему занимала враждебную позицию по отношению к самостоятельным выступлениям сельскохозяйственных рабочих. Она нанесла борющимся удар в спину: в разгаре борьбы, во время столкновений бастующих сельскохозяйственных рабочих с жандармами и войсками, основанный социал-демократической партией Союз сельскохозяйственных рабочих и газета этого союза «Фёльдмивёлёк саклапья» («Газета земледельцев») повели кампанию против стачки.

Во время ожесточеннейших боев жнецов социал-демократическая партия вела пропаганду пассивного сопротивления. Таким образом, социал-демократическая партия изолировала героическую стачку жнецов от сотен тысяч сельскохозяйственных рабочих, от промышленного пролетариата.

Совет социал-демократической партии рекомендовал вместо стачки тактику пассивного сопротивления при заключении договоров на уборку урожая. Это означало для сельскохозяйственных рабочих отказ от выгодной тактической позиции, от борьбы именно в тот момент, когда стачка могла поставить хозяев в тяжелое положение.

Несмотря на враждебную позицию, занятую социал-демократической партией, жнецы одержали блестящую победу: помещики капитулировали и в конце концов удовлетворили их требования.

Подъем движения сельскохозяйственных рабочих продолжался и после уборки урожая. Независимая социалистическая партия завоевывала все новые и новые комитаты. Боролись не только сельскохозяйственные рабочие: крестьяне-бедняки также вступали в борьбу. Идея раздела земли так воодушевляла крестьян, что в комитате Саболч они подняли восстание, которое, однако, было подавлено, так как оно было изолированным. Правительство объявило осадное положение по всей стране. Запрещалось и каралось даже посещение одного крестьянина или сельскохозяйственного рабочего другим. В парламент был спешно внесен законопроект об условиях труда сельскохозяйственных рабочих, который был принят и немедленно введен в действие. Этот закон, полу-

---

[1] Иозеф Такач «История венгерского движения сельскохозяйственных рабочих», стр. 51.

чивший в народе название «Закона о рабстве», отнимал у сельскохозяйственных рабочих право на стачку. За участие в стачках установлены были денежные штрафы и тюремное заключение.

Движение сельскохозяйственных рабочих и бедного крестьянства в этих условиях не могло развиваться. Тогда правительство решило нанести удар Независимой социалистической партии. Против Варконьи было начато несколько процессов по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Под угрозой тюремного заключения он бежал заграницу. Однако в Вене его «узнали» агенты венгерской полиции: австрийская полиция арестовала его и выдала его венгерскому суду под тем предлогом, что он был инициатором покушения на императора Франца-Иосифа (фактически это покушение инсценировала будапештская полиция).

Независимая социалистическая партия с этого времени начала постепенно распадаться. Эта судьба неизбежно должна была постигнуть и партию и возглавлявшееся ею движение сельскохозяйственных рабочих и бедного крестьянства. Массовое движение сельскохозяйственных рабочих и крестьян было изолировано от борьбы промышленного пролетариата. Сами сельскохозяйственные рабочие и бедное крестьянство неспособны были вести революционную борьбу самостоятельно, без руководства со стороны городских рабочих. Варконьи не понял движущих сил своего времени, не понял ведущей роли пролетариата в освободительной борьбе всех трудящихся, в том числе и трудового крестьянства. Он и его товарищи не умели вести подпольной, конспиративной работы: Независимая социалистическая партия вела только легальную деятельность. Активные руководители ее вследствие этого были легко выловлены полицией.

Еще более ошибочной была позиция социал-демократической партии, у которой не было революционной перспективы. Под влиянием австрийской и германской социал-демократии, становившейся все более и более оппортунистической, венгерская социал-демократия заняла по отношению к массовым боям сельскохозяйственных рабочих и бедного крестьянства враждебную позицию.

Социал-демократическая партия попыталась завоевать на свою сторону разочарованных в борьбе сельскохозяйственных рабочих и крестьян, но это удалось ей только на короткое время и в очень ограниченных размерах. Социал-демократическая партия предполагала добиться улучшения положения сельскохозяйственных рабочих и трудящегося крестьянства путем введения всеобщего избирательного права и политических реформ, в то время как сельскохозяйственные рабочие и бедные крестьяне хотели бороться за раздел земли,— два различных пути, которые никак не могли слиться.

Когда Независимая социалистическая партия начала катиться под уклон, ряд организаций сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян, отошедших от Независимой социалистической партии, примкнул к социал-демократической партии. Другие организации оказались за бортом и той и другой партии. Социал-демократическая партия оттолкнула их от себя, отпали они и от Независимой социалистической партии и брели ощупью в поисках руководства. В 1899 г. сельскохозяйственные рабочие и бедные крестьяне основали в Сентеше (на Венгерской равнине) газету «Сабад со» («Свободное слово»), которая стала ожесточенно нападать на социал-демократическую партию. Газета быстро получила широкое распространение. Это показывало, что готовы предпосылки для нового массового движения сельскохозяйственных рабочих и бедного крестьянства. Чтобы обезвредить это движение, правительство допустило к руководству им известного социал-демократического журналиста Вильгельма Мезёфи.

Мезёфи основал «Преобразованную социал-демократическую партию». В противоположность Варканьи, Мезёфи хотел сделать свою партию не только партией сельского населения, но и промышленного пролетариата. На учредительном собрании этой партии 16 апреля 1900 г. в Будапеште из 200 делегатов большинство составляли промышленные рабочие. К ней присоединилось несколько будапештских союзов и особенно много провинциальных. Однако Мезёфи не удалось отвлечь массы индустриального пролетариата от социал-демократической партии. Отпавшие было от нее профсоюзы быстро вернулись в ее лоно, и почти все известные лидеры, которые пошли за Мезёфи, вскоре отвернулись от него.

Принятая «Преобразованной партией» при ее основании, 16 апреля 1900 г., в Будапеште программа принципиально ничем не отличалась от программы Венгерской социал-демократической партии. «Преобразованная партия» отличалась от социал-демократической тем, что на первый план она выдвигала защиту интересов сельскохозяйственных рабочих и крестьянства.

«Преобразованная социал-демократическая партия» стала партией деревенской бедноты. Она пыталась охватить также организованные остатки независимых. 28 октября 1900 г. в Сегваре (на Венгерской равнине) состоялась совместная конференция вновь организованной партии с независимыми. Конференция приняла постановление об объединении, но из этого ничего не вышло.

В противоположность Варконьи, Мезёфи в течение ряда лет был известным пропагандистом социал-демократической партии Венгрии. Он умел оперировать социал-демократическими фразами и дурачить сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян. «Преобразованная партия» быстро росла не только на равнине, но и по всей стране. Среди крестьян Мезёфи пользовался большой популярностью.

Когда Мезёфи почувствовал за собой массы, он начал склоняться к открытому предательству. На съезде «Преобразованной партии» в 1903 г. Мезёфи провел следующую резолюцию:

«Принимая во внимание первейшее и важнейшее требование социал-демократии — обращение средств производства в общественную собственность, — земля рассматривается также как средство производства, которое подлежит социализации; и только в этом видит и ждет партия освобождения многострадального человечества от материальных бедствий. Но ради конечной цели — социализации земли и всех остальных средств производства — она не жертвует настоящим. В соответствии с существующими условиями, памятуя особенно о том, что экономическое положение Венгрии покоится на землевладении, она стремится лишь к постепенному, шаг за шагом, осуществлению этой конечной цели. Однако съезд считает необходимым, чтобы народу, письменно и устно, была основательным образом разъяснена конечная цель социал-демократии, состоящая во всемирной социализации средств производства...»

Здесь мы имеем дело не просто с бернштейнианством. Бернштейнианство дало Мезёфи лишь платформу для дезорганизации движения сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков. При помощи демагогических приемов он вкрадывался в доверие к сельскохозяйственным рабочим и бедным крестьянам, а когда это ему удалось, он выступил открыто как агент буржуазии.

Однако сельскохозяйственные рабочие, поняв предательство Мезёфи, начали покидать «Преобразованную партию». Вместо них пришло в партию среднее, а частично и богатое крестьянство.

«Преобразованная партия» мало-помалу перекрасилась в «национальный» цвет, и ее вождю Мезёфи удалось с помощью крупных помещиков заполучить депутатский мандат и стать членом парламента.

Развенчанная в глазах деревенской бедноты, в дальнейшем эта партия перестала быть притягательным центром для бедного крестьянства. Мезёфи выполнил свою задачу: он дезорганизовал и развалил революционное движение сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян.

Венгерская социал-демократия оттолкнула от себя бедное крестьянство, которое боролось за раздел земли, за уничтожение феодальных пережитков в сельском хозяйстве. Бедное крестьянство, которое было готово нести все последствия этой борьбы, искало вождя, добивалось руководства социал-демократической партии. Социал-демократическая партия повернулась спиной к бедному крестьянству. Она не только отказалась возглавить борьбу крестьянства: она нанесла удар в спину боровшемуся сельскохозяйственному пролетариату. Она заявила, что сельскохозяйственные рабочие не могут бороться при помощи тех средств, какими пользуются промышленные рабочие, т. е. не могут бастовать. Венгерская социал-демократическая партия советовала сельскохозяйственным рабочим не бороться, а перейти к пассивному сопротивлению.

Венгерская социал-демократия и другие партии II интернационала смотрели на крестьянство, которое жаждало земли и боролось за ее раздел, как на опору частной собственности, как на враждебный пролетариату класс. Только партия Ленина и Сталина сумела в качестве авангарда пролетариата руководить борьбой крестьянства и в этой общей борьбе свергнуть общего эксплоататора — капитализм, — захватить власть, установить диктатуру пролетариата и построить социалистическое общество.

БОРЬБА ЗА КОММУНУ В МАРСЕЛЕ В 1871 ГОДУ*

Э. Желубовская

В современной историографии не существует ни одной книги, полностью освещающей местные движения во Франции в период Коммуны. Единичные работы об отдельных, местных коммунах обычно принадлежат либо активным участникам их подавления, ставившим своей задачей подчеркнуть свои заслуги перед буржуазным «отечеством», либо причастным к революционным событиям 1870—1871 гг. буржуазным радикалам-республиканцам, стремившимся оправдать в глазах французской буржуазии свое поведение. В значительной же своей части литература по интересующему нас вопросу представлена ввиде отдельных глав в общих работах о Парижской коммуне и немногих статей и брошюр. Таким образом, до сих пор остается справедливым высказанное Гедом в 1877 г. положение, что «многие, даже во Франции, не знают не только о том, что происходило в провинции, но и о том, происходило ли там коммуналистическое движение, соответствовавшее парижскому и оказывавшее ему материальную и моральную поддержку» [1].

В глазах советского историка народные движения 1870—1871 гг. во французской провинции имеют весьма важное значение. Однако он лишен возможности изучить эти движения во всей полноте вследствие недоступности французских провинциальных и центральных архивов, как и французской провинциальной прессы периода Коммуны. Тем не менее советский историк располагает ценным, до сих пор мало или вовсе не использованным материалом, позволяющим более или менее детально изучить по крайней мере крупнейшие из провинциальных движений этого значительного периода в истории Франции. К числу важнейших источников в этой области следует отнести: материалы парламентской следственной комиссии по делу 18 марта [2] в той их части, которая касается провинциального движения, соответствующие материалы многотомного обследования деятельности «правительства национальной обороны» [3], двухтомное издание политических афиш этого периода [4], отчеты о судебных процессах над провинциальными коммунарами, парижскую и швейцарскую прессу периода Коммуны и некоторые другие специальные материалы [5].

Настоящая статья представляет собой попытку нарисовать — насколько позволяют существующие в СССР источники — картину революционного движения в дни Парижской коммуны в одном из крупнейших провинциальных центров Франции — Марселе, в котором революционная борьба носила весьма упорный характер и имела шансы распространиться на весь юг Франции.

*

18 марта 1871 г. героические рабочие Парижа восстали против буржуазного режима «сентябрьской республики» и впервые в истории человечества захватили власть в свои руки. «Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем» [6].

Бежавшее в Версаль «правительство национальной обороны» тотчас мобилизовало все доступные ему средства, чтобы лишить революционную столицу поддержки остальной Франции. Начиная с 19 марта Тьер наводняет департаменты потоками гнусной лжи и клеветы с целью дезориентировать французский народ, очернить в его глазах дело и людей парижской революции. Ежедневные циркуляры на имя префектов и

---

* Статья представляет собой часть главы для X тома «Всемирной истории», подготовляемого к изданию Академией наук СССР.

[1] См. статью Геда «Le 18 mars en province», напечатанную впервые в журнале «Die Zukunft» в 1877 году. Вошла в сборник статей Геда о Коммуне, изданный в Париже в 1936 году.

[2] «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars». T. I—III. Versailles. 1872.

[3] Переиздано в 1874—1876 гг. в семи томах под названием «Actes du gouvernement de la Défense Nationale».

[4] «Les murailles politiques françaises». T. I—II. Paris. 1874.

[5] Помимо указанных источников для настоящей статьи использованы «Протоколы заседаний Муниципального совета Марселя в дни Марсельской коммуны» («Procès-verbaux des séances du Conseil Municipal de Marseille du 23 mars au 1 avril 1871». Marseille. 1871), ряд ценных документов, опубликованных в 1872 г. M. Aubray, и другие материалы.

[6] К. Маркс «Гражданская война во Франции». «Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 25.

других представителей местной власти, предназначавшиеся для сведения населения и извращавшие действительность; систематическая конфискация агентами Тьера парижской революционной литературы, пересылавшейся в департаменты; измышления продажной версальской прессы; изощренные происки телеграфного агентства Гавас — таковы средства, при помощи которых Тьер оказывал настойчивое давление на провинцию.

Но Тьеру не удалось удержать провинцию от выступления в защиту парижской революции. 22 марта знамя борьбы за Коммуну поднял старый революционный город Лион. Однако уже 25 марта по вине анархистов и вследствие предательской бездеятельности буржуазных радикалов он был вынужден сдаться на «милость» версальского палача. Утром того же дня «глава исполнительной власти» возвестил в торжествующем циркуляре на имя провинциальных префектов о водворении «порядка» в Лионе, распространив по всей стране очередную ложь: «Порядок царит почти во всей Франции»[1]. В действительности, однако, буржуазный «порядок» во Франции никогда не был так шаток, как именно в эти дни. Знамя революционной борьбы, поднятое Лионом, было подхвачено другими городами. 25 марта, когда Тьер праздновал так легко доставшуюся ему победу над лионскими революционерами, огнем восстания был объят ряд важнейших промышленных и торговых центров Франции: Сент-Этьен, Марсель, Тулуза, Нарбон; 26 марта выступил Крезо, за ним—Лимож.

Особенно упорно боролись за Коммуну трудящиеся Марселя. Этот крупнейший французский порт на Средиземном море, административный центр департамента Устьев Роны, уже с августа 1870 г. служил ареной острейшей борьбы за республику, внушая, подобно Лиону, немалое беспокойство «правительству национальной обороны». Выдающийся торговый и промышленный центр, Марсель являлся после Парижа наиболее оживленным городом Франции. По отчету марсельской торговой палаты, в течение 1870 г. в марсельские гавани зашло 6152 и вышло 6135 французских и иностранных парусных судов общим тоннажем в 2 395 770 тонн[2]. Общее число зашедших и вышедших паровых судов в том же году составляло 6056 единиц тоннажем в 2 417 817 тонн[3]. Грузооборот марсельского порта в 1870 г. равнялся 2 314 043 тоннам на сумму 1518,9 млн. франков[4]. Первоклассная торговля (хлебом, масличным семенем, нефтепродуктами, химикалиями, углем, мылом, сахаром, хлопком, шолком, шерстью, строительными материалами, пищевыми продуктами, колониальными товарами и т. д.) сочеталась здесь с развитой местной промышленностью, преимущественно обрабатывающей, отдельные отрасли которой, как например мыловаренная, химическая, маслобойная, занимали видное место в общенациональной промышленности Франции, объединяя свыше 15 тыс. рабочих[5]. Марсельская металлургическая промышленность располагала в это время двумя доменными печами, литейными, железопрокатными, медеплавильными предприятиями. Следует также назвать крупную табачную фабрику Марселя, его мукомольные, сахароваренные, кожевенные, судостроительные, свечные, спичечные, кондитерские, консервные, стекольные, швейные и прочие предприятия[6].

Среди многочисленных предприятий Марселя, наряду с мелкими или даже карликовыми, с двумя—тремя рабочими, были и такие, которые занимали сотни рабочих, в том числе немало женщин и детей. Сюда следует отнести в первую очередь табачное, судостроительное, кожевенное, швейное и спичечное производства[7]. Кроме того необходимо учесть около 8 тыс. рабочих марсельского порта[8]. Таким образом, население Марселя, насчитывавшее в 1871 г. более 300 тыс. человек[9], имело в своем составе значительное число пролетарских и полупролетарских элементов.

Положение трудящегося населения Марселя сильно ухудшилось со времени объявления франко-прусской войны. Вследствие расстройства водного и железнодорожного транспорта, вызванного войной, катастрофически сократились операции марсельского порта. На складах и в доках Марселя скопились огромные количества товаров, преимущественно хлеба, которые к тому же не находили былого спроса, так как иностранные торговые фирмы, издавна связанные с марсельским портом, предпочитали иметь дело с итальянскими и английскими портами, функционировавшими нормально[10]. По данным марсельского корреспондента швейцарской газеты «Journal de Genève», в первые месяцы 1871 г. в марсельском порту одного только хлеба скопилось до 600 тыс. центнеров. Большой ущерб понесла транзитная торговля. «Общество развития и защиты торговли Марселя» в своем докладе на имя министра торговли констатировало, что за время войны транзитная торговля Марселя составляла только 25—30% нормальной[11].

Разумеется, сильно пострадала местная промышленность, в значительной мере зависевшая от успешности операций марсельского порта. «С первых обрушившихся на

---

[1] «Les murailles politiques françaises». T. II, p. 82.

[2] «L'Économiste français», p. 995—996. 1873.

[3] Jouham E. «Les opérations maritimes, commerciales et industrielles à Marseille», p. 21 (tableau). Paris — Marseille. 1878.

[4] Teissier O. «Histoire du commerce de Marseille pendant vingt ans (1856—1874)», p. 112. Paris — Marseille. 1878.

[5] «Journal des économistes», p. 426. 1871.

[6] Ibidem, p. 405.

[7] Teissier O. Op. cit., p. 147 (tableau).

[8] «Actes du gouvernement de la Défense Nationale». T. II, p. 66.

[9] Mathieu J. «Marseille. Statistique et histoire», p. 7. Marseille. 1879.

[10] «Journal de Genève», 5 mai 1871.

[11] Ibidem, 25 mai 1871.

нас бедствий,— сообщал марсельский корреспондент «Journal de Genève»,— начался полный застой в делах. Ни один товар не находил покупателей. Наши важнейшие предприятия закрылись либо сильно сократили производство... Жестокий кризис, не только торговый, но и промышленный, поразил наш город»[1].

Безработица, рост цен на предметы первой необходимости, вызванный, в частности, тем, что марсельские дельцы искусственно придерживали на складах огромные запасы хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в расчете на плохой урожай[2], чрезвычайно усилили нужду рабочего населения Марселя. Тяжелые условия существования, несомненно, явились — наряду с войной и свирепствовавшей здесь в 1870—1871 гг. эпидемией оспы — одной из основных причин высокой смертности взрослого и детского населения. Смертность детей в возрасте до 1 года в 1870 г. составляла 2041 человека на 9487 новорожденных; в 1871 г.— 2332 человека на 8675 новорожденных[3].

Скученное в узких, зловонных кварталах старой части города, рабочее население Марселя, политическая активность которого сильно возросла со времени войны, весьма откровенно выражает свое недовольство политикой «правительства национальной обороны». Одной из форм этого недовольства явилась все возраставшая волна стачек, в которых приняли участие портовые и промышленные рабочие Марселя. Марсельские докеры, подвергавшиеся двойной эксплоатации — хозяев и так называемых «старшин» (portefaix-maîtres),— вели упорную стачечную борьбу против неограниченного хозяйничания «Доковой компании» («Compagnie des docks»). Особенно усиливается стачечное движение в феврале — марте 1871 года. В марте в Марселе бастуют железнодорожные служащие и моряки товаро-пассажирских пароходов «Национальной компании по морским перевозкам», основные операции которой были сосредоточены в марсельском порту, портовые рабочие, добившиеся некоторого увеличения заработной платы[4], рабочие почти всех основных отраслей местной промышленности[5]. Значительное число стачек, по свидетельству подвизавшегося здесь прокурора республики Гибера, принимавшего активное участие в их подавлении, «носило чрезвычайно насильственный характер»[6] и сопровождалось судебными преследованиями и арестами. Согласно показаниям председателя судебной палаты в Эксе (Aix), большую роль в организации стачечной борьбы в Марселе играл парижский делегат Межи (Megy), прибывший в Марсель в начале марта 1871 г. и связавшийся с активным членом марсельской секции Интернационала, портовым рабочим Шовеном. Вместе с ним Межи, «не выступая открыто, способствует стачкам рабочих всех отраслей промышленности и старается привлечь симпатии гарибальдийцев, солдат мобильной гвардии и мобилизованных, которых расформирование... армий бросило в большом количестве на мостовую города»[7].

Политическая жизнь Марселя в этот период отличалась крайней напряженностью. Об этом свидетельствовали переполненные кофейни и политические клубы города, многолюдные публичные собрания, устраивавшиеся здесь каждый вечер[8]. Посетители этих собраний: рабочий и ремесленный люд, гарибальдийцы и прочие революционные элементы Марселя — подвергались разнообразным идейно-политическим влияниям. Радикалы и буржуазные республиканцы успешно конкурировали здесь с социалистами, вовлекая в орбиту своего влияния значительные кадры трудящихся Марселя. Марсельская секция Интернационала, существовавшая с 1867 г., была одной из наиболее крупных во Франции[9]; она насчитывала несколько тысяч человек[10]. Война, правда, дезорганизовала марсельскую секцию: «Одни отправились в качестве вольных стрелков, другие были мобилизованы в национальную гвардию, иные, наконец, были взяты в армию»[11]. Но с февраля 1871 г., в связи с перемирием, марсельская секция начала восстанавливаться и при правильном руководстве со стороны местных социалистов могла бы превратиться во внушительную силу. К несчастью, среди марсельских членов Интернационала были сильны анархистские влияния. В числе руководителей марсельской секции были анархисты Бастелика, Алерини и др.

В середине марта 1871 г. Шарль Алерини сообщал о положении, создавшемся к этому времени в Марселе: «Здесь существует общее недовольство правительством; растет дороговизна, нехватает работы. На первый план выдвигается и ставится социальный вопрос. Каждый день мы имеем новую стачку, но предприниматели проявляют уступчивость, и повсюду эти стачки кончаются в пользу рабочих. Буржуазия обнаруживает ужасный страх». И далее: «Нужда быстро надвигается. Следует ждать революции; непредвиденное обстоятельство, вопреки всем и всему[12], может воспламенить накопившийся здесь порох»[13].

---

1 «Journal de Genève», 9 juin 1871.

2 Ibidem, 18 mai 1871.

3 Mathieu J. Op. cit., p. 42.

4 «La Commune», 21 mars 1871.

5 «Enquête...». T. I, p. 281, 441.

6 «Actes...». T. VI, p. 540.

7 Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars». T. I, p. 441.

8 Rabateau A. et Legré L. «La ville de Marseille». L'insurrection du 23 mars 1871, p. 30. Paris. 1874.

9 Письмо К. Маркса Эдуарду-Спенсеру Бизли от 19 октября 1870 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 78.

10 По данным парламентской следственной комиссии, в Марселе насчитывалось якобы около 4 тыс. членов Интернационала. «Enquête...». T. I, p. 281, 610.

11 «La solidarité», 28 mars 1871.

12 Подчеркнуто в подлиннике.

13 «La solidarité», 28 mars 1871. Корреспонденция от 17 марта. Автор не указан. Гильом приписывает авторство Алерини. См. Guillaume J. «L'Internationale». T. II, p. 139.

Известие о событиях 18 марта в Париже, пришедшее в Марсель на другой день после парижской революции вместе с лживым циркуляром Тьера о 40-тысячной армии, якобы сконцентрированной в Версале под начальством генерала Винуа, вызвало крайнее возбуждение среди всех слоев марсельского населения. И хотя внешне город сохранял пока спокойствие, неизбежность революционного взрыва была очевидна уже 19 марта.

Все средства местной власти были тотчас пущены в ход, чтобы предотвратить надвигавшуюся революцию. Префект департамента Устьев Роны, контр-адмирал Конье, опубликовал 19 марта депешу Тьера, сопроводив ее грозным предостережением по адресу тех, кто «своим толкованием депеши даст повод усомниться в успехе мероприятий версальского правительства» [1]. В тот же день, несмотря на протесты марсельских железнодорожников, были конфискованы непосредственно на вокзале прибывшие из Парижа свежие экземпляры парижской «Официальной газеты», в которой сообщалось о революции 18 марта [2]. Одновременно по настоянию генерального прокурора департамента Устьев Роны Туреля начальник телеграфа ближайшего города Экса оборвал провода, соединявшие Марсель с Парижем [3], лишив таким образом марсельцев возможности общения с революционной столицей. Поднятая на ноги местная буржуазная пресса начала энергичную агитацию в пользу версальского правительства, призывая население соблюдать спокойствие, а национальную гвардию — «защищать порядок и республику». Со своей стороны «республиканский» муниципальный совет Марселя проявлял полную готовность в контакте с префектурой подавить силой оружия малейшую попытку выступления в пользу революционного Парижа [4]. Однако ему пришлось скоро отказаться от подобных поползновений, ибо из 18 батальонов местной национальной гвардии 13—14 батальонов оказались «ненадежными» [5].

Слабой опорой власти были и местные регулярные войска, «колеблющиеся и разобщенные», имевшие в своем составе немало оппозиционных элементов, испытавшие революционизирующее влияние участников добровольческих отрядов гарибальдийцев из Вогезской армии, бесцельно слонявшихся после расформирования этих отрядов по улицам Марселя без пищи и крова [6]. При такой ситуации местной власти было трудно рассчитывать на успех в предстоявшей борьбе с марсельскими революционерами.

Между тем революционное движение в городе все нарастало. Смятение первых дней, вызванное отсутствием достоверных сведений о парижском восстании, постепенно сменялось все бо́льшим сочувствием Парижу, которое не в состоянии были преодолеть лживые депеши Тьера.

Публичные собрания этих дней отличались чрезвычайной страстностью. Особого внимания заслуживает собрание 22 марта в кафе «Эльдорадо». Поводом для него послужила опубликованная утром того дня очередная депеша Тьера, в которой сообщалось об освобождении бонапартиста Руэ (Rouher), а также о том, что версальское правительство приняло услуги бонапартовского генерала, маршала Канробера, для подавления революционного Парижа. Эта депеша произвела решающий перелом в настроении марсельских республиканцев. Жгучая ненависть к империи и ее агентам, столь характерная для свободолюбивого населения юга Франции, с новой силой вспыхнула в сердцах людей под влиянием этой циничной депеши, обнажившей кровное родство «правительства национальной обороны» с бонапартовской империей. На собрании в «Эльдорадо» присутствовало от 1500 до 2 тыс. человек [7]. В числе выступавших на нем были гарибальдийцы. Горячую речь произнес марсельский буржуазный демократ Гастон Кремье, призывавший присутствующих безоговорочно поддержать революционное правительство Парижа.

Впоследствии восторжествовавшая контрреволюция пыталась вложить в уста Кремье прямой призыв к вооруженному восстанию. В материалах обвинительного акта по делу марсельских революционеров 1871 г. изображена следующая сцена, якобы происходившая в кафе «Эльдорадо» 22 марта. «Я прошу вас,— заявил будто Кремье,— поклясться защищать это правительство (парижское.— *Э. Ж.*) всеми возможными средствами. Клянетесь ли вы мне? Все руки поднимаются вверх, раздаются оглушительные возгласы: Клянемся! — И мы также,— продолжал далее Кремье,— если понадобится драться, мы возглавим вас. Мы будем вынуждены защищать его на улице; вернитесь же домой, возьмите ваши ружья не для того, чтобы нападать, а для того, чтобы обороняться» [8]. Если бы это и были подлинные слова Гастона Кремье, то в них вряд

---

[1] Aubray M. et Michelesi S. «Histoire des événements de Marseille», p. 301. 1872.

[2] «Actes...». T. VI, p. 540. Показания Гибера.

[3] «Actes...». T. V, p. 555. Показания Туреля.

[4] «Procès-verbaux des séances du Conseil Municipal de Marseille du 23 mars au 1 avril 1871», p. 5, 6.

[5] «Actes...». T. V, p. 554. Показания Туреля.

[6] Лиссагарэ утверждает, что в Марселе находилось в то время около 1500 гарибальдийцев. См. Lissagaray «Histoire de la Commune de 1871», p. 157. Paris. 1929.

[7] «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871. Обвинительное заключение по делу Гастона Кремье. По другим данным, на собрании в «Эльдорадо» присутствовало 1000 человек. См. Rabateau A. et Legré L. Op. cit., p. 29.

[8] «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871.

ли можно усмотреть призыв к вооруженному выступлению. Никаких конкретных директив к выступлению в этих словах нет. Надо, однако, полагать, что в действительности выступление Кремье было гораздо более умеренным.

Как бы то ни было, непосредственным результатом собрания 22 марта явилось распоряжение префекта, адмирала Конье, срочно организовать в Марселе 23 марта манифестацию в честь версальского правительства с участием всей местной национальной гвардии. Неправильно информированный полицией о собрании в кафе «Эльдорадо», префект рассчитывал расстроить тем самым план вооруженного захвата ратуши, который, как ему сообщили, должен был осуществиться утром 23 марта. Распоряжение о манифестации — плод совместного «творчества» перепуганного адмирала и не менее его растерявшихся высших чиновников Марселя, в том числе мэра города — ускорило, вопреки их воле, назревший здесь революционный взрыв.

Весьма показательна позиция, занятая в этих условиях муниципальным советом. Мэр, 60-летний адвокат Бори, трусливый, слабохарактерный человек, в прошлом «путавшийся во всех клерикально-либеральных коалициях»[1], а в описываемый период буржуазный радикал и весьма «умеренный» республиканец, лишь под давлением других членов совета, собравшихся утром 23 марта на экстренное совещание, отказался от своего первоначального намерения — содействовать осуществлению манифестации. От имени муниципалитета были посланы к адмиралу Конье два делегата, чтобы убедить его отказаться от опасной затеи. Высказываясь против устройства задуманной префектом манифестации, муниципальные советники Марселя, «добропорядочные» буржуазные республиканцы[2], руководствовались лишь одним соображением: рискованностью такого предприятия ввиду ненадежности национальной гвардии. Ни о какой симпатии с их стороны к Парижу не могло быть и речи. «Я всеми силами порицаю все происходящее в Париже,— заявил на заседании муниципального совета один из видных его членов, коммерсант Лабадье[3]. Эту точку зрения разделяли и другие члены совета.

Переубедить слабовольного префекта оказалось нетрудно. Но зато совершенно невозможно было уже приостановить стихийно разраставшееся в городе движение. С 7 час. утра в ответ на призыв к сбору, который был дан на основании первоначального распоряжения префекта, к центральным магистралям Марселя начали стягиваться батальоны национальной гвардии, отряды гарибальдийцев, вольных стрелков и солдат других родов оружия. «К 10 часам утра,—сообщает корреспондент «Коммуны»,— на площади Шапитр в полном вооружении выстроился 8-й батальон национальной гвардии; вскоре к нему присоединился ряд других батальонов. К 11 часам утра на площади св. Людовика сосредоточилась артиллерия. Многочисленные батальоны национальной гвардии стянулись на площадь Бельзенс. Во всех районах города батальоны выстраивались на своих позициях. Ожидалось прибытие 9-го, 13-го и 16-го батальонов». Около 3 часов дня «к артиллерии присоединились инженерные батальоны национальной гвардии. На площади Бельзенс выстроились батальоны солдат всех видов оружия: гарибальдийцев, вольных стрелков, национальных гвардейцев»[4].

Среди собравшихся находились и реакционные батальоны национальной гвардии и батальоны рабочих кварталов и предместий города. Никто, однако, не знал достоверно, с какой целью был дан призыв к сбору. По мере того как в томительном ожидании текли часы, возбуждение собравшихся все возрастало. Возгласы «Да здравствует Париж!», то и дело раздававшиеся среди многотысячной людской массы, заполнившей крупнейшие площади города, свидетельствовали о далеко не благоприятном для Версаля настроении преобладающего большинства населения Марселя.

Между тем в муниципальном совете, информированном о настроении манифестантов, шла лихорадочная возня. В 3 часа дня открылось второе за этот день заседание совета (первое заседание муниципального совета длилось с 10 часов утра до 2 часов дня)[5]. Не довольствуясь спешно сфабрикованным на утреннем заседании воззванием к населению, в котором клятвы верности республике чередовались с угрозами по адресу «безумцев, которые осмелятся поднять руку на республику»[6], муниципальный совет в страхе перед надвигающейся революцией переходит от слов к делу. Он делегирует к префекту четырех своих членов, предлагая ему принять решительные репрессивные меры ввиду опасности создавшегося положения. Делегаты вскоре возвратились с тревожным сообщением, что в префектуре, где в это время шло экстренное совещание префекта с военными властями, считают положение безнадежным, ибо «манифестация приняла угрожающий характер», а «они неспособны противопоставить какое бы то ни было сопротивление»[7]. Муниципальный совет решил все же не складывать оружия.

Потеряв надежду задушить движение при помощи репрессивных мер, «отцы города» решили использовать престиж «республиканского» муниципалитета, далеко еще не потерявшего доверия у населения.

---

[1] Lissagaray E. Op. cit., p. 154.

[2] В числе 36 членов марсельского муниципального совета находились коммерсанты, судовладельцы, фабриканты, банкиры, домовладельцы, врачи и др. См. «Actes...». T. II, p. 68.

[3] «Procès-verbaux...», p. 10.

[4] «La Commune», 27 mars 1871. Корреспонденция C. Clodong.

[5] «Procès-verbaux...», p. 11—12.

[6] Ibidem, p. 13.

[7] Ibidem.

Необходимо активно вмешаться в ход событий с тем, чтобы направить движение в умеренное русло,— к такому решению приходит единодушно муниципальный совет Марселя в этот решающий для революции момент. Сообщниками его в этой предательской тактике явились буржуазные радикалы, руководившие «Республиканским клубом национальной гвардии», бывший помощник прокурора Бушэ и другие, поспешившие договориться с муниципальным советом об общей линии поведения.

Пока муниципальный совет вкупе с представителями «Клуба национальной гвардии» вырабатывал план спасения буржуазного господства в Марселе, многотысячная толпа, томившаяся в течение многих часов на площадях Бельзенс и св. Людовика, в стихийном порыве двинулась к префектуре под звуки барабанов, с возгласами «Да здравствует Париж!» Через центральную улицу города, широкий проспект Канебьер, затем через улицу Сен-Фереоль манифестанты, к которым по пути присоединилось немало гражданского населения, приближались к префектуре. Немногочисленные реакционные батальоны национальной гвардии ограничились ролью наблюдателей этого захватывающего порыва масс; несколько позднее реакционные батальоны мирно вернулись в свои казармы.

На площади Сен-Фереоль, у здания префектуры, общее возбуждение еще более усилилось. Не слушая появившегося на балконе префектуры Гастона Кремье, призывавшего манифестантов к порядку, народ ринулся в здание, охранявшееся ротой гвардейцев. Были арестованы префект, два его секретаря, генерал Оливье и другие видные чиновники. В числе прочих был задержан и мэр, которому, однако, удалось ускользнуть благодаря содействию национальных гвардейцев из реакционной 1-й инженерной роты [1].

А народ тем временем требовал и искал оружия. Несколько колонн манифестантов направились к оружейным мастерским Menpenti и там захватили весь наличный запас оружия; другая группа овладела артиллерийской батареей, которая была установлена в здании префектуры. Запасы оружия — ружья и патроны — были захвачены также в оружейном складе на вокзале. Без организованного руководства, побуждаемые исключительно революционным инстинктом, трудящиеся Марселя в ночь на 24 марта заняли вокзал, почту, телеграф [2]. Командующий 9-й дивизией генерал Эспиван в ночь на 24 марта бежал в местечко Обань, в 17 км от города, куда отступили оставшиеся под его командованием войска.

Отсутствие руководства восстанием роковым образом сказалось, однако, в том, что важнейшие стратегические пункты, форты св. Жана и св. Николая, а также господствовавшая над городом высота дела-Гард с расположенным на ней фортом не были своевременно захвачены восставшим народом. Они остались в руках контрреволюции, которая, как увидим, превратила эти крепости в свой главный штаб, сыгравший решающую роль в дальнейших событиях.

Роль Гастона Кремье, которого реакционная пресса и материалы парламентской следственной комиссии изображают вдохновителем и организатором выступления народных масс Марселя в день 23 марта, на деле заключалась скорее в том, чтобы обуздать революционный пыл восставшего народа. Захват префектуры явился для Кремье неожиданностью. В то время когда манифестанты вступили на площадь Сен-Фереоль, он вместе с некоторыми другими деятелями республиканского движения находился у префекта, которого убеждал распустить войска, чтобы несколько разрядить напряжение [3]. Его обращение к народу с балкона префектуры имело целью предотвратить революционную расправу с представителями старой власти. Гораздо решительнее нежели Кремье действовал парижский делегат Межи, находившийся среди манифестантов и, несомненно, бывший одним из инициаторов захвата префектуры.

Убедившись в своем бессилии приостановить революционный ход событий, Кремье спешно занялся организацией новой власти. Было решено создать временную Департаментскую комиссию, в которую первоначально вошли шесть человек: три представителя от республиканского «Южного общества» («Cercle du Midi»): Кремье, Этьен, Жоб—и три: Алерини, Мавиэль, Гильяр—от «Комитета народных собраний», объединявшего, судя по некоторым данным, и членов Интернационала. Одновременно Кремье обратился к руководителям «Клуба национальной гвардии» и к муниципальному совету с предложением срочно делегировать своих представителей в состав новой власти. Муниципальный совет вынес решение — «в интересах порядка и безопасности города» послать в префектуру шесть делегатов с тем, чтобы обеспечить совету большинство в Департаментской комиссии: поддержка представителей «Клуба национальной гвардии» ему была обеспечена. Однако совету не удалось осуществить свой план: только три его делегата вошли в состав Департаментской комиссии, которая была пополнена шестью членами: тремя—Десерви, Сидор, Боск — от муниципального совета, и тремя — Бушэ, Карту, Бартэле — от «Клуба национальной гвардии». К вечеру того же дня Кремье с балкона префектуры огласил состав Департаментской комиссии, которая тут же, на площади, была утверждена народом. Председателем Комиссии был избран Кремье. Департаментская комиссия представляла собой, таким образом, коалиционный орган, весьма пестрый по своему составу. Рядом с носильщиком Этьеном и сапожником Мавиэлем в ней заседали судовладелец Боск, адвокаты Десерви, Кремье, бывший помощник прокурора Бушэ и т. п.; рядом с буржуазными радикалами типа Сидора, Бушэ, Жоба и буржуазным

[1] «Procès-verbaux...», p. 14—15.

[2] «Gazette des tribunaux», 5 août 1871. Процесс Ж.-Б. Ру; «La commune», 30 mars 1871. Корреспонденция из Марселя.

[3] «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.

демократом Кремье заседал анархист Алерини.

Хотя мы не располагаем необходимыми данными относительно деятельности Департаментской комиссии — Комиссия не вела протоколов своих заседаний[1],— у нас есть все основания считать, что с первых же дней ее существования в ней обнаружились весьма серьезные разногласия. Умеренное ее большинство, куда входили некоторые влиятельные деятели марсельского буржуазно-республиканского движения, сразу встретило резкое противодействие со стороны другой ее части, находившей опору среди активных участников движения, преимущественно людей из народа, которые весьма настороженно относились к ряду членов нового органа власти. Об отсутствии полного доверия народа к Департаментской комиссии свидетельствуют, например, жалобы муниципального советника Сидора на то, что заседания Комиссии проходят, так сказать, «под угрозой штыков». «Двери зала заседаний,— сообщал Сидор своим коллегам 23 марта на вечернем заседании муниципального совета,— остаются открытыми, у каждого из них выставлен караул, который словно присутствует здесь скорее для того, чтобы за нами следить, чем нас охранять; наши совещания несвободны, и нет гарантии, что наши решения будут выполнены»[2].

О недоверии к Комиссии свидетельствует также заявление об отставке, поданное членом Департаментской комиссии Бушэ на второй день ее существования. Свою отставку Бушэ мотивировал тем, что «ряд наших распоряжений встретил непреодолимое сопротивление со стороны некоторых граждан, которые в своем республиканском пылу поставили нас под подозрение»[3]. Разногласия внутри Департаментской комиссии принимали иной раз столь острую форму, что кончались драками между отдельными ее членами. Об этом свидетельствуют в своих показаниях Кремье, Жоб и другие. Разногласия шли по разнообразным линиям. Насколько позволяют судить крайне скудные данные, которыми мы располагаем, в Комиссии прежде всего не было единства в вопросе об отношении к муниципальному совету. Наряду со сторонниками сохранения полномочий муниципального совета и тесного сотрудничества с ним, в Комиссии были и такие члены, которые считали необходимым насильственный роспуск муниципального совета и сосредоточение всей власти в руках Департаментской комиссии. Эта точка зрения не получила перевеса в Комиссии, но она нашла свое отражение в крайне подозрительном отношении к делегатам муниципального совета со стороны части членов Комиссии. «Ваши делегаты в префектуре[4] рискуют свободой и даже жизнью,— жаловался Сидор муниципальному совету через несколько дней после создания Департаментской комиссии,—мы были уже дважды арестованы на более или менее продолжительный срок; не раз нам угрожали, не раз нас смешивали с грязью»[5].

Отсутствие единой политической линии наложило печать неустойчивости на деятельность Департаментской комиссии с первых же ее шагов. Утром 24 марта появилось воззвание новой власти к населению. В нем, с одной стороны, вполне определенно выражалась «любовь к республике, к героической столице-мученице». Вместе с тем авторы воззвания сознательно воздерживались от безоговорочного присоединения к революционному правительству Парижа, предпочитая ограничиться туманной декларацией о готовности Марселя «поддержать нормально созданное республиканское правительство, которое будет заседать в столице». Отрекомендовав себя принципиальной противницей гражданской войны и «кровопролития», новая власть ставила себе в заслугу то, что ей удалось добиться сговора всех республиканских организаций Марселя, объединившихся в одном руководящем органе — Департаментской комиссии. В воззвании, далее, подчеркивалось, что Комиссия создана муниципальным советом (разрядка моя. — *Э. Ж.*) и носит сугубо временный характер. Она готова в любой момент уступить место другой власти, которая будет наделена постоянными полномочиями. Кроме того в воззвании был, по существу, обойден вопрос об отношении к версальскому правительству. Авторы воззвания не шли дальше выражения политического недоверия смещенному префекту департамента Устьев Роны. «Поддерживайте же вместе с нами порядок в городе,— гласило в заключение воззвание,— возвращайтесь к вашим мирным занятиям; пусть торговля и промышленность вновь перейдут как можно скорее к мирному развитию, способствуя восстановлению нашего отечества»[6]. Воззвание внесло успокоение в сердца марсельских коммерсантов и предпринимателей, сильно переполошившихся в связи с событиями 23 марта. Орган марсельской буржуазии «Le Sémaphore», радикальная «Egalité» и др. весьма лойяльно отнеслись к Департаментской комиссии и ее первым шагам.

Но народ, опережая своих руководителей, по собственной инициативе творил дело революции. Утром 24 марта на здании префектуры было водружено красное знамя революции. Муниципальный совет пришел в бешенство[7], да и в Департаментской комиссии этот акт был встречен сочувственно далеко не всеми членами. Из показаний Кремье мы узнаем, что появление этого знамени вызвало в Комиссии серьезные столкновения. Кремье, высказавшийся против его водружения, получил в

---

[1] Aubray M. Op. cit., p. 383. Дело Этьена.

[2] «Procès-verbaux...», p. 22.

[3] Aubray M. Op. cit., p. 307. Заявление Бушэ. Под воздействием Кремье Бушэ взял обратно свое заявление.

[4] Речь идет о Департаментской комиссии, заседавшей в здании префектуры.

[5] «Procès-verbaux...», p. 45.

[6] «La Commune», 28 mars 1871. Воззвание датировано 23 марта.

[7] «Procés-verbaux...», p. 26, 31, 35.

ответ весьма чувствительный удар штыком [1]. Настоятельные требования муниципального совета, чтобы Департаментская комиссия удалила красное знамя с вышки префектуры, сопровождавшиеся угрозой, что в противном случае он отзовет своих представителей из Комиссии, не возымели действия: Департаментская комиссия во главе со своим председателем не могла не считаться с волей народа, который готов был грудью отстоять свое знамя [2].

Равным образом по инициативе народа, вопреки умеренным членам Департаментской комиссии и протестам муниципального совета, был усилен надзор за префектом и другими арестованными чиновниками старой власти. Кремье, настойчиво стремившийся освободить префекта, оказался все же бессилен осуществить свое намерение. Под давлением более решительных чем Кремье участников переворота, Межи и других, префект в ночь на 24 марта подписал документ об отказе от занимаемого им поста [3].

Необходимо отметить, что вслед за весьма умеренным воззванием Департаментской комиссии от 23 марта муниципальный совет опубликовал в свою очередь воззвание к населению, в котором резко отмежевывался от Комиссии и свое участие в ней, в лице трех делегатов, мотивировал исключительно стремлением «внести умиротворение и предупредить великие несчастья, которые были неизбежны». «Не он (муниципальный совет.—*Э. Ж.*) создал эту комиссию и тем более не он уполномочил ее управлять городом Марселем; эти полномочия принадлежат исключительно совету»,— так гласило воззвание. Заключительные его слова звучали откровенной враждебностью к Комиссии. Муниципальный совет, объявив себя «в настоящем положении единственной существующей властью», призывал национальную гвардию «выйти из состояния апатии» и, опираясь на свою моральную силу, «воспрепятствовать нарушению общественного порядка». «Помните, что без вас муниципальный совет беспомощен»,— этими словами заканчивалось воззвание муниципального совета от 25 марта, представлявшее, в сущности, призыв к национальной гвардии выступить против революционной власти Марселя [4]. Появившееся одновременно с этой прокламацией новое воззвание Департаментской комиссии, заверявшей население в «тесном согласии, объединяющем Департаментскую комиссию, муниципальный совет и все республиканские группы Марселя» [5], свидетельствовало лишь о том, что новая власть, не веря в собственные силы, всячески стремилась опереться на авторитет и поддержку муниципального совета, хотя тот открыто выступал против нее.

Неустойчивость политической линии Департаментской комиссии послужила одной из причин того, что новая власть оказалась неспособной использовать чрезвычайно благоприятную ситуацию, создавшуюся для нее в результате бегства Эспивана со своей армией в Обань. Город, в сущности, остался всецело в распоряжении восставшего народа и его руководящего органа. Департаментская комиссия могла вполне рассчитывать в этот момент на поддержку национальной гвардии, которая, за исключением 2—3 реакционных батальонов, была на стороне народа, на силы гарибальдийцев, крайне озлобленных против старой власти, наконец, на прибывших из Африки солдат, застрявших здесь вследствие нераспорядительности муниципального совета. Но Комиссия не сумела решительно и быстро мобилизовать все боеспособные силы революции и двинуть их вслед бежавшему генералу и его тогда еще многочисленной [6] и слабо дисциплинированной армии.

С непростительной беспечностью игнорировала она и оборонительные мероприятия, настойчиво диктовавшиеся при создавшемся положении. Оружие, конфискованное в первые дни в мастерских Menpenti и на вокзале, не было учтено. Оно свободно продавалось за бесценок на улицах Марселя [7], чем не замедлили воспользоваться притаившиеся реакционные элементы. Собранные в префектуре ружья и пушки не имели надлежащих патронов и ядер — обстоятельство, сыгравшее, как увидим, роковую роль в дни решающих боев с перешедшей в наступление контрреволюцией. Форты св. Жана и св. Николая со всем находившимся в них вооружением и амуницией продолжали оставаться вне досягаемости Департаментской комиссии, которая не принимала решительных мер для овладения ими. Даже после объявления города на военном положении приказом Эспивана от 26 марта, свидетельствовавшим о переходе генерала в наступление, Департаментская комиссия не пошла дальше робких запросов по адресу муниципального совета, не окажет ли он ей содействие в том, чтобы перевезти в форт св. Николая пушки, находящиеся в префектуре, на что муниципальный совет ответил решительным отказом [8]. Что касается высоты де-ла-Гард, то на нее Комиссия и не покушалась. Занятый народом вокзал св. Карла, крупный железнодорожный узел и важнейший стратегический пункт, не был надлежащим образом укреплен, что впоследствии облегчило вступление войск Эспивана в Марсель.

Департаментская комиссия в значительной мере сама себя обезоружила, выбив

[1] «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.

[2] «Procès-verbaux...», p. 45.

[3] Этот акт, получивший гласность лишь в августе 1871 г., во время судебного процесса над участником марсельского восстания Ломбардом, стоил префекту жизни: он покончил самоубийством. См. «Gazette des tribunaux», 9 août 1871.

[4] Текст воззвания муниципального совета см. в «Procès-verbaux...», p. 26—28.

[5] Aubray M. Op. cit., p. 306—307. Текст воззвания Департаментской комиссии.

[6] Армия Эспивана насчитывала вначале не более 2—3 тыс. человек. См. «Actes...». T. V, p. 555. Показания Туреля.

[7] Aubray M. Op. cit., p. 310. Воззвание Департаментской комиссии.

[8] «Procès-verbaux...», p. 46.

почву из-под собственных ног. Кремье, пуще всего боявшийся острых классовых столкновений, с первых же дней после восстания сам прилагал усилия к тому, чтобы очистить город от гарибальдийцев. Уже 25 марта он внес на рассмотрение муниципального совета проект о немедленном назначении взамен бежавшего из города военного интенданта нового интенданта в целях скорейшей эвакуации из Марселя гарибальдийцев [1].

Это было, пожалуй, единственное предложение Департаментской комиссии, которое муниципальный совет с несвойственной ему поспешностью принялся осуществлять. Полномочия временного военного интенданта решением совета от 26 марта были вручены советнику Жюльену, который ревностно принялся за дело и уже к концу дня мог доложить муниципальному совету, что им предприняты все необходимые меры для удаления из города солдат, часть которых уже вывезена, а остальные, «если только не заупрямятся», будут отправлены в ближайшие дни [2].

Департаментская комиссия предоставила также муниципальному совету широкую инициативу в деле реорганизации национальной гвардии. Во главе штаба национальной гвардии на место подавшего в отставку полковника Жанжана уже 25 марта был поставлен старый офицер Дикуэн, человек вполне устраивавший муниципальный совет. «Дикуэн,— заявил впоследствии в своих показаниях суду мэр города Марселя,— был назначен лишь после того, как мы получили о нем наилучшие сведения и самые прекрасные рекомендации... Это был нужный нам при создавшихся условиях человек» [3]. Игнорируя Департаментскую комиссию, новый начальник штаба в контакте с муниципальным советом, мэр которого по положению соединял в своем лице функции начальника национальной гвардии, тотчас приступил к решительной смене личного состава штаба, имея целью удалить все сколько-нибудь «сомнительные» элементы [4].

Благодаря роковой ошибке, допущенной Департаментской комиссией в отношении местного банка, деятельность ее была почти полностью парализована. Комиссия позволила администрации банка вывезти из города всю его наличность, которая была погружена на вестовое судно «Ренар», находившееся в распоряжении контрреволюционных сил [5]. Весьма «предусмотрительным» оказался и главный казначей марсельской таможни, скрывший таможенную кассу в недоступном для Комиссии форте св. Николая [6].

Финансовые учреждения бойкотировали новую власть. Департаментская комиссия вынуждена была уже 25 марта обратиться за финансовой помощью в муниципальный совет, остававшийся полновластным хозяином муниципальной кассы ратуши. Кремье, явившийся с этой целью на заседание совета в сопровождении Алерини, Гильара и Жоба, просил только 2 тыс. франков «для оплаты расходов на содержание людей, занимающих в течение двух дней здание префектуры». Муниципальный совет «великодушно» ссудил Комиссии названную сумму, «в интересах спасения жизни заключенных и восстановления нарушенного порядка» [7].

Для оплаты национальной гвардии у Департаментской комиссии, таким образом, не было средств. Комиссия сделала, правда, робкую попытку реквизировать у марсельских торговцев некоторое количество продуктов для содержания верных ей национальных гвардейцев [8]. Но она, повидимому, вскоре должна была отказаться от этого мероприятия, вследствие чего пролетарские элементы национальной гвардии были вынуждены уже через несколько дней вернуться к работе.

Непреодолимыми оказались для Департаментской комиссии и затруднения, связанные с саботажем чиновников. Часть из них бежала в Обань вслед за армией Эспивана, другая укрылась в форте св. Николая, третья, покинув город, переселилась на борт стоявшего в порту броненосца «Ля Курон». Стараниями заклятого врага переворота, Туреля, саботаж высшего чиновничества принял организованный характер. «Я устроил так,— самодовольно признавался впоследствии Турель парламентской следственной комиссии,— что ни одно ведомство не повиновалось Департаментской комиссии, которая таким образом осталась изолированной» [9].

Большинство учреждений в городе не функционировало. Напрасно взывала Департаментская комиссия к «гражданскому долгу» марсельских чиновников. «Несмотря на наши инструкции и протесты,— гласило одно из воззваний Комиссии,— военные интенданты, начальники отделов префектуры, высшие чиновники телеграфного управления, полицейские чиновники покинули свои посты. Мы публично приказываем им вновь приступить к исполнению своих обязанностей. Служащие прокуратуры не отвечают на наши призывы. Во имя порядка мы требуем от них признать не только нашу власть, но и высшую необходимость для каждого гражданина выполнить свой долг» [10]. Напрасно предупреждала Комис-

---

[1] «Procès-verbaux...», p. 29.

[2] «Procès-verbaux...», p. 46. Это дело оказалось не столь легким, как представлялось Жюльену. Многие гарибальдийцы, как увидим, продолжали оставаться в городе и приняли активное участие в борьбе за марсельскую коммуну.

[3] «Gazette des tribunaux», 19—20 juin 1871.

[4] «Procès-verbaux...», p. 37—38.

[5] «Gazette des tribunaux», 19—20 juin 1871.

[6] Ibidem.

[7] «Procès-verbaux...», p. 31.

[8] Всего было реквизировано продуктов на 4 тыс. франков. См. «Procès-verbaux...», p. 66.

[9] «Actes...». T. V, p. 555.

[10] Aubray M. Op. cit., p. 310. Текст воззваний Департаментской комиссии.

сия о беспорядках, которыми чревато столь ненормальное положение, ответственность за которые она с себя заранее слагала: «Если общественные кассы систематически закрываются, если все общественные учреждения прервали свою деятельность по инициативе тех, кто обязан следить за их функционированием; если чиновники покинули свои посты, то сами они будут нести ответственность за могущие произойти беспорядки, которых мы желали избежать, хотя бы ценой нашей крови»[1].

Положение, однако, все ухудшалось. Глухая стена саботажа, враждебного сопротивления новой власти со стороны реакционного чиновничества росла с каждым днем. Ситуация осложнялась еще тем, что на всей территории департамента новой власти был оказан более чем холодный прием преобладающим большинством местных властей, которые скрыли от населения присланный из Марселя циркуляр Департаментской комиссии и энергично подавляли имевшие место отдельные проявления революционной солидарности с борющимся Марселем. Департаментская же комиссия не предпринимала сколько-нибудь решительных шагов для установления связей с населением департамента.

Еще 23 марта из Марселя была отправлена делегация в Париж для установления связи с революционной столицей. Делегация вернулась в Марсель 27 марта, и таким образом Департаментская комиссия в первые дни была лишена всякого общения с парижской революционной властью, в руководящих указаниях которой она крайне нуждалась. Это обстоятельство послужило одной из причин того, что Комиссия заняла гибельную для марсельского движения выжидательную позицию, дав тем временем контрреволюции возможность мобилизовать силы и перейти в наступление.

Уже 26 марта, как было упомянуто, генерал Эспиван издал приказ, согласно которому Марсель был объявлен на военном положении. Этот акт он мотивировал тем, что «город Марсель заполнен вооруженными чужеземцами, которые поддерживают мятежное, крамольное правительство», и что «население Марселя, терпя такое положение вещей, поставило себя в состояние открытого мятежа против законного правительства республики»[2]. Благодушие Департаментской комиссии дало возможность генералу непрерывно поддерживать связь с командным составом реакционных батальонов национальной гвардии Марселя. Благодаря этому Эспиван был прекрасно осведомлен о положении дел в революционном городе. Генерала торопили с наступлением. 26 марта, по предписанию из Версаля, в Обань спешно отправился остававшийся в городе Турель, которому было поручено настаивать перед генералом, чтобы тот выступил немедленно, в ночь на 27 марта, пока не вернулись посланные в Париж делегаты. С помощью 2—3 тысяч человек можно было, по мнению Туреля, легко покончить с восстанием. Однако, к великой его досаде, генерал не решался выступить без дополнительного подкрепления. В этом смысле и была послана депеша в Версаль[3].

Любопытно, что 26 марта бывший генеральный секретарь префектуры Фукье, за несколько дней до того бежавший на борт броненосца «Ля Курон», внезапно потребовал от муниципального совета решительного разрыва с Департаментской комиссией и официального признания его, Фукье,— ввиду ареста адмирала Конье — временным префектом департамента[4]. Департаментская комиссия в свою очередь получила от Фукье «предписание» немедленно очистить префектуру. «Активность» этого трусливого чиновника была, несомненно, инспирирована наступательными мероприятиями Эспивана, которые не являлись секретом и для муниципального совета. Поэтому-то муниципальный совет и поспешил на следующее утро отозвать из Департаментской комиссии своих представителей под тем предлогом, «что в Комиссии они не пользуются авторитетом и что своим присутствием в ней они как бы санкционируют действия, которые их совесть порицает»[5]. Воспрянувшие духом «друзья порядка» открыто готовили петицию на имя версальского правительства, в которой настаивали на восстановлении «законной власти»[6]. Вслед за муниципальным советом отозвал своих делегатов и «Клуб национальной гвардии»[7]. Число членов Комиссии свелось, таким образом, к шести человекам.

Все эти обстоятельства сильно деморализовали Департаментскую комиссию. Атакуемая со всех сторон, она тщетно упрашивала муниципальный совет «во имя порядка и спасения города» продлить полномочия своих представителей в Комиссии, «до тех пор пока не закончится борьба между Парижем и Версалем или до того дня, когда к нам будет прислан подлинно республиканский префект, в руки которого мы не замедлим передать наши полномочия»[8]. Но муниципальный совет упорствовал. В этот критический для Департаментской комиссии момент из Парижа вместе с возвратившимися оттуда марсельскими делегатами прибыли 27 марта три делегата от Центрального комитета национальной гвардии: Ландек, Амуру, Мэй.

★

Прибытием парижских делегатов завершается буржуазно-демократический этап марсельского движения. Отныне оно все более сближается идейно и организационно с парижским движением. Отношения Департаментской комиссии с буржуазными радикалами, заседавшими в муниципальном совете, под влиянием парижской делегации все более обостряются, завершившись пол-

[1] Aubray M. Op. cit., p. 310. Текст воззвания Департаментской комиссии.

[2] Aubray M. Op. cit., p. 314. Приказ генерала Эспивана.

[3] «Actes...». T. V, p. 555.

[4] «Procès-verbaux...», p. 40—42.

[5] Ibidem, p. 49.

[6] «Journal de Genéve», 29 mars 1871.

[7] «Procès-verbaux...», p. 52—53.

[8] Aubray M. Op. cit., p. 311.

ным разрывом с ними. Вместе с тем углубляются противоречия внутри самой Департаментской комиссии.

Умеренные члены Комиссии во главе с Гастоном Кремье, несмотря на прибывшее из Парижа подкрепление, попрежнему стараются договориться с муниципальным советом, готовые уступить ему всю полноту власти. 28 и 29 марта, следовательно, после прибытия парижской делегации, Кремье, а затем Жоб извещают муниципальный совет о намерении Комиссии сложить свои полномочия. Жоб от имени Комиссии требовал лишь, чтобы муниципальный совет ссудил ей 4 тыс. франков для возмещения убытков, нанесенных марсельским торговцам в связи с реквизицией съестных припасов для охранявших префектуру национальных гвардейцев. Кроме того муниципальный совет должен был обещать «употребить все свое влияние, чтобы участники движения не подверглись преследованиям» [1]. Муниципальный совет лицемерно принял оба условия.

Несомненное влияние на настроение умеренной части Департаментской комиссии оказала и речь Тьера, произнесенная им 27 марта в Национальном собрании. В этой речи Тьер со свойственным ему цинизмом клялся «перед богом, страной и историей», что Национальное собрание не намерено низвергнуть республику, что оно видит свою единственную миссию в «защите и реорганизации страны, чтобы вернуть ей жизнь, свободу деятельности, торговлю, процветание». Эта демагогическая речь, давшая оружие в руки врагов революции для нового наступления на французский народ, окончательно укрепила демобилизационные настроения главарей Департаментской комиссии.

Но эта же речь вдохнула жизнь в бездействовавший до сих пор муниципальный совет. 28 марта мэр спешно отправляется в Обань, чтобы предложить услуги генералу Эспивану. В тот же день муниципальный совет опубликовал воззвание к населению, в котором пытался усыпить революционную бдительность марсельцев ссылками на «республиканские заявления главы исполнительной власти, которые должны отныне рассеять всякие опасения... и положить конец недоразумениям». Далее следовал весьма откровенный призыв к национальной гвардии — «покончить с положением, дальнейшее существование которого чревато опасностями для порядка и свободы» [2]. По городу с раннего утра разнеслись слухи о том, что ночью, самое позднее завтра, Эспиван «во главе регулярных войск, расположенных в Обани, вновь появится в городе, чтобы завладеть префектурой и генеральным штабом» [3]. Очевидно, поводом для этих слухов послужило то, что в этот день у входа в форт св. Николая был вывешен приказ Эспивана от 26 марта, объявивший город на военном положении.

Но в ответ генералу появились в тот же день два воззвания Департаментской комиссии, представляющие большой интерес. В одном из них демонстративно подчеркивалось, что «момент выбран генералом неудачно. Его угроза недействительна. Известия из Парижа весьма ободряющие» «Наша сила — вместе с вашим доверием — растет с каждым мгновением». Департаментская комиссия обращалась, далее, с горячим призывом к национальной гвардии — продемонстрировать свою готовность бдительностью и энергичным поведением «поддержать нормально существующее (régulier) правительство, заседающее в Париже». «Если они (национальные гвардейцы.— *Э. Ж.*) хотят защитить республику против роялистской реакции и бонапартистских происков, пусть сплотятся вокруг нас. Да здравствует Париж! Да здравствует республика!» [4]. Так гласило воззвание, в котором Департаментская комиссия, несомненно, под влиянием парижских делегатов, участвовавших, очевидно, в составлении этого воззвания, в п е р в ы е безоговорочно признавала Парижскую коммуну законным правительством Франции. Другое воззвание, обращенное специально к национальной гвардии Марселя, исходило непосредственно от парижских делегатов. «В силу полномочий, которыми нас наделила федерация национальной гвардии Сены,— гласило воззвание,— мы приглашаем делегатов национальной гвардии Марселя собраться завтра, 29-го, в 10 ч. утра, в префектуре для обсуждения вопроса о мерах, необходимых для того, чтобы избежать столкновений и кровопролития, провоцируемых реакцией». Воззвание было подписано четырьмя парижскими делегатами и всем составом Департаментской комиссии [5].

Как видим, в Марселе с 28 марта, на другой день после речи Тьера и прибытия парижских делегатов, началась энергичная мобилизация сил с той и с другой стороны. При этом необходимо подчеркнуть, что переход в наступление революционных сил совершается не по инициативе Департаментской комиссии, а парижской делегации, которая в силу создавшегося положения тотчас по прибытии и сосредоточивает в своих руках все нити движения.

Именно под давлением парижской делегации Кремье вынужден был принять ряд мер в интересах укрепления позиции Комиссии. Так, 27 марта, в день прибытия делегации, он отдает приказ первой инженерно-саперной роте об усилении надзора за арестованными, содержавшимися в префектуре; 28 марта он запрашивает комиссара обороны департамента о количестве хранящегося в мастерских Menpenti оружия. Одновременно в префектуру перевозится оружие, прибывшее с Гравесонского лагеря и предназначавшееся для местного артиллерийского арсенала» [6].

28-го же марта Кремье по предписанию наиболее деятельного члена парижской де-

[1] «Procès-verbaux...», p. 66.

[2] Ibidem, p. 60.

[3] «Journal de Genève», 1 avril 1871.

[4] A u b r a y M. Op. cit., p. 316—317.

[5] «Journal de Genève», 1 avril 1871.

[6] По данным реакционного «Journal de Marseille», 28 марта в префектуру было перевезено 14 тыс. винтовок. Надо полагать, что эти данные преувеличенные.

легации, Ландека, был арестован. В этот день между ними произошла первая серьезная стычка. Кремье настаивал на освобождении арестованных чиновников. После 12-часового заключения ему удалось ускользнуть незамеченным из префектуры, куда он решил больше не возвращаться. Однако 29 марта он снова явился в префектуру. Опасение, что в его отсутствие могут быть допущены по инициативе Ландека насильственные мероприятия, которые будут приписаны Департаментской комиссии в целом, заставило его вернуться к своим обязанностям [1].

29 марта состоялось собрание делегатов национальной гвардии, созванное Департаментской комиссией по инициативе парижской делегации. На нем присутствовало свыше 500 человек. Собрание высказалось за создание, по образцу Парижа, местной федерации национальной гвардии, куда войдут представители от батальонов. «Только национальная гвардия представляет подлинные интересы республики и чаяния народа»,—гласила декларация, с которой собрание обратилось к муниципальному совету, прося его санкции на создание новой организации. Муниципальный совет решительно высказался против программы собрания, мотивируя свой отказ тем, что она «противоречива, опасна и неосуществима», ибо, в сущности, она означает «намерение установить третью власть» [2].

Созыв собрания 29 марта свидетельствует о том, что его инициаторы придавали большое значение прочному завоеванию национальной гвардии Марселя на свою сторону. Однако, насколько можно судить по декларации, принятой собранием, местная национальная гвардия пока не заняла вполне четкой позиции, в чем была в значительной мере повинна Департаментская комиссия, вызвавшая сильное охлаждение к себе национальных гвардейцев своей бездеятельностью в первые дни после переворота. Марсельская национальная гвардия пока воздерживалась от присоединения к той или другой стороне. Она требовала для себя лишь организации по образцу национальной гвардии Парижа.

О неустойчивой позиции национальной гвардии говорит и то, что муниципальный совет все еще не терял надежды привлечь национальную гвардию на свою сторону. 29 марта совет вынес решение организовать смотр национальной гвардии, очевидно, с тайным намерением подсчитать свои силы. Правда, некоторые члены совета считали такое предприятие крайне рискованным ввиду ненадежности национальной гвардии. Советник Гай предложил вооружить лишь один—два батальона, другой советовал созвать по 1—2 роты от каждого батальона. «Я протестую против всякой манифестации национальной гвардии,—заявил Сидор,— наша вчерашняя прокламация [3] вызвала охлаждение к нам значительного числа республиканцев и даже инженерных войск; созыв национальной гвардии приведет к столкновению» [4]. Но эти голоса не были поддержаны: в нетерпеливом стремлении перейти к активной борьбе против марсельского движения муниципальный совет был склонен переоценить свои силы. Правда, на стороне муниципального совета было значительное большинство командного состава национальной гвардии, обновленного, как мы знаем, стараниями Дикуэна. 30 марта при участии муниципального совета было составлено воззвание к национальной гвардии от имени ее командного состава. В этом воззвании республика отождествлялась с буржуазным «порядком», а единственными врагами республики объявлялись зачинщики движения, «люди, чуждые Марселю, которых мало беспокоит разорение нашего дорогого города». Понимаемую таким образом республику национальная гвардия призывалась «поддержать при помощи силы (par la force)» [5]. Прокламация заканчивалась выражением полного одобрения речи Тьера.

Одновременно 30 марта был опубликован первый и единственный программный документ марсельского движения — декларация Департаментской комиссии. «Мы хотим,— гласила декларация,— консолидации республики при посредстве республиканских учреждений, ...единства политического руководства при наличии Учредительного собрания и вышедшего из него республиканского правительства, заседающего, как и Собрание, в Париже. Мы хотим административной децентрализации и коммунальной автономии, при которых избранному от каждого крупного города муниципальному совету были бы доверены одновременно административные и муниципальные функции. Институт префектур есть угроза для свободы. Мы желаем консолидации республики путем создания федерации национальной гвардии на всей нашей территории. Но больше всего и прежде всего мы хотим того, что пожелает Марсель». Далее следовал перечень ближайших мероприятий, которые комиссия считала необходимым осуществить в департаменте Устьев Роны. Они сводились к упразднению префектуры, роспуску существующего муниципального совета и замене его новым, замене нынешнего мэра другим, который выполнял бы также функции префекта, упразднению генеральных и окружных советов, сосредоточению в руках избранного командующего национальной гвардией всей полноты военной власти. В этих мероприятиях Департаментская комиссия видела единственную гарантию дальнейшего безопасного существования республики. «И тогда,— так заканчивалась декларация,— никакая мятежная власть не будет более угрожать республике, тогда мы, республиканцы, не должны будем напрасно выступать в ее защиту» [6].

В духе буржуазного демократа Кремье, автора этого документа, звучит и другое

[1] «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.

[2] «Procès-verbaux...», p. 75—76.

[3] Речь идет об упомянутом воззвании муниципального совета от 28 марта.

[4] «Procès-verbaux...», p. 71.

[5] Ibidem, p. 77—78.

[6] Malon B. «La troisième défaite du prolétariat français», p. 350—351. Neuchâtel. 1871.

положение в декларации Департаментской комиссии: «Если бы правительство, заседающее в Версале, согласилось распустить национальное собрание, полномочия которого истекли, и переселилось в Париж, мы не стали бы требовать столь значительных гарантий и с меньшим нетерпением ждали бы осуществления наших пожеланий; но поскольку конфликт продолжается, нам приходится настойчиво выставлять и добиваться осуществления наших законных требований» [1].

Любопытно, что декларация 30 марта, в которой, как мы видим, отсутствовали какие бы то ни было социальные требования, при всех ее оговорках представлялась, повидимому, Кремье слишком радикальной, ибо позднее, во время судебного процесса, он, не отрицая своего авторства, отказывался, однако, признать в ней непосредственную программу марсельского движения и квалифицировал ее как выражение общих «пожеланий» [2].

В тот же день Кремье отдал приказ на имя Жана Баптиста Ру, комиссара полиции при вокзале, конфисковать и перевезти в префектуру хранящееся в привокзальных мастерских оружие, что и было исполнено [3]. Это распоряжение было, несомненно, сделано по указанию Ландека, инициативе которого следует приписать почти все последующие мероприятия Департаментской комиссии.

Однако, сосредоточив в префектуре значительное количество оружия, Ландек, так же как Департаментская комиссия до прибытия парижской делегации, не позаботился о том, чтобы проверить его пригодность к бою. Важнейшие стратегические позиции, как и прежде, оставались в распоряжении контрреволюции. С ничем не обоснованной самоуспокоенностью Ландек уверял, что войска Эспивана «не посмеют» вступить в бой с национальной гвардией, а если и вступят, то дело неминуемо кончится братанием солдат с национальными гвардейцами. Поэтому-то он не придавал должного значения открытому разгулу обнаглевшей роялистской реакции, которая на улицах Марселя откровенно вербовала солдат в армию генерала, привлекая их денежным вознаграждением. Лишь в последние дни своего существования Департаментская комиссия объявила о своем решении применять строжайшие меры наказания, вплоть до объявления вне закона лиц, которые будут призывать к оружию гражданское население, а также солдат и национальных гвардейцев [4]. Генерал попрежнему беспрепятственно сносился с реакционными элементами национальной гвардии; в городе открыто велась устная и печатная контрреволюционная пропаганда. И только 2 апреля, за 48 часов до вступления в город войск Эспивана, появилось распоряжение Департаментской комиссии о запрещении издавать афиши, плакаты, газеты без предварительного ее разрешения [5]. Надо полагать, что этот запоздалый шаг был подсказан Департаментской комиссии снизу: недаром Кремье в своих показаниях суду ставил себе в заслугу то, что ему удалось предотвратить подготовлявшийся народом поджог помещения редакции консервативной «Gazette du Midi» [6].

Немало ярых реакционеров продолжало пользоваться свободой действий в революционном городе. Правда, благодаря настояниям Ландека, которому по этому поводу пришлось выдержать борьбу с Кремье, в начале апреля был дополнительно взят под стражу ряд крупных чиновников Марселя. Среди них генеральный прокурор Гибер и его заместитель, директор Марсельского банка Оперман, директор и главный казначей таможни и некоторые другие. Мэр города заблаговременно спасся бегством в Тулон; вместо него был взят заложником его сын. Вслед за мэром из города бежала часть муниципальных чиновников, укрывшихся на борту «Ля Курон». В числе намеченных к аресту был и местный архиепископ, оставшийся, однако, на свободе благодаря вмешательству Кремье [7].

Вместе с тем заслуживает внимания попытка Департаментской комиссии связаться с солдатами генерала Эспивана. 1 апреля было опубликовано воззвание Комиссии к армии. Солдаты призывались присоединиться к республиканцам, «намерения которых в отношении армии известны издавна». «Самое пылкое их желание,— гласило воззвание,— сохранить между национальной гвардией и вами тесное братство и единство, в котором заключается мощь и слава свободных народов». Указав, далее, на провокационную политику реакционных генералов, которые стремятся развязать гражданскую войну и с этой целью продолжают держать солдат под ружьем, авторы воззвания старались подчеркнуть, что «республика расформировала постоянные армии и раскрыла объятия всем своим защитникам» [8]. Это воззвание не мобилизовало солдат на то, чтобы обратить оружие против сил реакции.

В числе привлеченных к суду по обвинению в причастности к марсельскому движению фигурирует некий Андрэ (André), известный в Марселе продавец газет, который «3 апреля имел неосторожность отправиться в Обань, чтобы предложить солдатам и офицерам прокламации Кремье» [9]. Это — единственное, известное нам указание на то, что Департаментская комиссия предпринимала и практические шаги к тому, чтобы установить контакт с войсками генерала Эспивана.

---

[1] Malon B. Op. cit., p. 351.
[2] «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.
[3] Ibidem, 15 juin 1871.
[4] См. по этому поводу воззвания Департаментской комиссии. Aubray M. Op. cit., p. 318, 320.
[5] Aubray M. Op. cit., p. 320.
[6] «Gazette des tribunaux», 16 juin 1871.
[7] Ibidem, 15 juin 1871.
[8] Ibidem.
[9] «Journal de Genève», 8 août 1871.

1 апреля Ландек в качестве «делегата Парижа, снабженного всей полнотой военных полномочий», особым приказом[1] сместил Эспивана с поста командующего вооруженными силами департамента и на его место назначил примкнувшего к движению кавалерийского унтер-офицера Пелисье. Это мероприятие имело бы значение, если бы в приказе не было подчеркнуто, что «до вступления в исполнение своих обязанностей генерала Пелисье» Эспиван на неопределенный срок остается командующим находящимися в его распоряжении войсками. Эта оговорка ставила Пелисье в двусмысленное положение генерала без армии. Ему оставалось довольствоваться тем, что он являлся, по его собственному выражению, «генералом ситуации»[2].

Но при всех ошибках Департаментской комиссии общественное мнение трудящихся Марселя после прибытия делегатов из Парижа стало с каждым днем все более определенно снова склоняться на сторону Департаментской комиссии. Наиболее ярким выражением этого нового поворота марсельского населения в сторону Департаментской комиссии явилось состоявшееся 1 апреля вторичное собрание делегатов национальной гвардии. Почти единогласно, при одном воздержавшемся, национальная гвардия Марселя высказалась в пользу Департаментской комиссии, за роспуск муниципального совета. Собрание признало необходимым пополнить состав Департаментской комиссии делегатами от национальной гвардии — по одному делегату от батальона. Вслед за национальной гвардией и все республиканские группы города высказались за поддержку Департаментской комиссии[3].

Это была большая победа Департаментской комиссии, позволившая ей 2 апреля издать декрет о роспуске муниципального совета и о назначении на 5 апреля выборов революционной коммуны Марселя. В мотивировочной части этого декрета обращает на себя внимание заявление о том, что «в выборе между Парижем и Версалем Марсель высказался за Париж»[4]. Во второй раз марсельские революционеры официально заявили о своем безоговорочном присоединении к революционной столице.

2 апреля Департаментская комиссия издала также декрет о квартирной плате, который по своему содержанию не только совпадал с соответствующим декретом Парижской коммуны от 29 марта, но, в известном смысле, шел дальше его. Согласно марсельскому декрету, аннулировалась квартирная плата в Марселе за последние шесть месяцев, начиная с октября 1870 г., в следующих пропорциях: квартирная плата, не превышавшая 300 франков в год, аннулировалась в половинном размере; квартиронаниматели, платившие от 300 до 1000 франков в год, а также «промышленники, фабриканты, коммерсанты, заведующие складами и директора общественных учреждений» освобождались от трети полугодового взноса. Все суммы, которые за это полугодие были внесены, перечислялись на следующее полугодие[5]. Как видим, декрет марсельской Департаментской комиссии получил некоторую классовую окраску, которой был совершенно лишен парижский декрет[6].

Оба декрета Департаментской комиссии от 2 апреля при всей их важности свидетельствовали, однако, о том, что Комиссия, как и парижские делегаты, недооценивала серьезность грозившей Марселю опасности и не подозревала, насколько реальна была угроза разгрома марсельского движения. Беспечность Департаментской комиссии в этой области и вытекавшая отсюда крайняя недостаточность ее оборонных мероприятий были наиболее слабой стороной марсельского революционного движения.

Генерал Эспиван, получивший между тем подкрепление из Версаля, перешел 2 апреля к решительным действиям. В этот день на улицах Марселя появился приказ генерала, категорически воспрещавший национальной гвардии собираться при оружии без специального разрешения за его подписью. Виновные в нарушении этого предписания, так гласил приказ, будут привлекаться к ответственности по всей строгости законов военного времени[7]. За этим приказом на другой день последовало объявление города и всей территории департамента на осадном положении. Гражданским и военным властям предписывалось строжайшее подчинение правилам осадного положения[8]. 3 апреля, в 7 часов вечера, генерал разослал предписания командирам реакционных батальонов национальной гвардии быть наготове. Около 11 часов вечера того же дня, получив «благословение» Версаля, он двинул свои войска на Марсель...

А Департаментская комиссия тем временем продолжала тешить себя иллюзией, что до вооруженного столкновения с врагом дело не дойдет. 3 апреля — под занесенным над нею мечом — она проводит день в бесконечных заседаниях, которые затягиваются до полуночи[9]. Заседания Департаментской комиссии в этот день, ставший последним днем ее деятельности, были в значительной мере заполнены дискуссиями по поводу новых арестов. 3-го же апреля по распоряжению Ландека было конфисковано для

---

[1] Aubray M. Op. cit., p. 319.
[2] «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871.
[3] «Journal de Genève», 6 avril 1871.
[4] Ibidem.

[5] Aubray M. Op. cit., p. 319—320. Текст декрета Департаментской комиссии.
[6] Согласно декрету Парижской коммуны, квартирная плата аннулировалась целиком за последние 9 месяцев для всех граждан, независимо от их имущественного положения. См. «Les Murailles politiques». II, p. 135. № 41.
[7] Aubray M. Op. cit., p. 321—322.
[8] Ibidem, p. 321—322.
[9] «Gazette des tribunaux», 24—25 juin 1871.

нужд Департаментской комиссии около 19 тыс. франков, захваченных в кассе таможенного управления во время ареста двух видных таможенных чиновников [1]. Оборонные мероприятия этого дня были крайне ограничены и носили скорее стихийный характер. Оружие раздавалось бесконтрольно, случайным людям. Никаких четких распоряжений ввиду предстоявшей вооруженной борьбы не было сделано. Позже военный суд мог предъявить руководителям Департаментской комиссии только одно обвинение за 3 апреля — обвинение в передаче комиссару полиции при вокзале, Жану Баптисту Ру, 30—40 пакетов с патронами, которые, по мнению суда, были предназначены для встречи войск генерала Эспивана [2].

Департаментская комиссия узнала о наступлении генерала лишь после того, как его армия тронулась из Обани. В ночь на 4 апреля это известие принес Комиссии национальный гвардеец, посланный в префектуру занимавшими вокзал гарибальдийцами [3]. Застигнутая врасплох ошеломившим ее сообщением, Департаментская комиссия — в том числе Ландек — все еще отказывалась верить в реальность угрозы и неизбежность вооруженной борьбы. Лишь спустя некоторое время тревожно забили в набат. Было уже около 2 часов ночи...

А через несколько часов генерал, войдя в город, занял вокзал, ряд городских площадей и других стратегических пунктов. К пяти часам утра расстановка сил с той и с другой стороны была в основном закончена. В городе царила в этот ранний час настороженная, зловещая тишина. На площади Сен-Ферeоль выстроились у здания префектуры несколько сот национальных гвардейцев — главный боевой резерв Департаментской комиссии. У здания биржи прямоугольником расположились верные генералу команды броненосцев «Ля Курон» и «Ля Маняним». Батальоны линейных солдат, пеших и конных егерей, кавалерийские эскадроны, артиллерийские батареи растянулись вдоль проспектов и площадей. У самого берега стояло под парами вестовое судно «Ренар».

Город пробуждался. Улицы постепенно заполнялись народом. Марсельцы с тревожным недоумением всматривались в лица солдат. Народ не допускал мысли, что солдаты могут стрелять в него. «Да здравствуют егеря!» — кричали марсельцы, окружив егерский батальон на Римском бульваре. «Да здравствует Париж!»—доверчиво приветствовали они солдат. И в ряде случаев солдаты отвечали народу тем же. Они поднимали в знак мира ружья прикладами вверх и присоединялись к национальным гвардейцам. Даже в 6-м егерском батальоне, которым командовал известный реакционер де Вильнев, нашлись смельчаки, которые тут же, на глазах у всех, переходили в ряды восставшего народа [4]. На улицах то и дело можно было видеть солдат, братавшихся с национальными гвардейцами. С ружьями, украшенными зеленью, маршировали они совместно, упоенные объединявшими их братскими чувствами.

Однако Департаментская комиссия совершила крупную ошибку, когда на основании единичных случаев братания сделала вывод, что армия в целом не станет стрелять в народ, и ничего не предпринимала для того, чтобы приостановить распространявшиеся среди национальной гвардии демобилизовавшие ее слухи об отказе солдат выступить против народа. Кремье был настолько убежден в мирном исходе событий, что при известии о братании солдат с народом, по свидетельству Ландека, в экстазе бросился ему на шею со словами: «Ты видишь, Ландек, Коммуна побеждает без единой капли пролитой крови!» [5].

Со свойственным ей легковерием Департаментская комиссия не теряла надежды договориться с генералом, и утром к Эспивану отправились в качестве парламентеров Ландек, Кремье и Пелисье в сопровождении многочисленной толпы, среди которой находились женщины и дети. Генерал отказался вступать в какие бы то ни было переговоры, пригрозив, что в случае отказа по истечении 10 минут сдать префектуру он с шеститысячной армией и 24 пушками в течение часа возьмет ее приступом и таким образом восстановит в Марселе «порядок». Кремье и тут остался верен себе: он попытался усовестить версальского палача. «Я, адвокат Гастон Кремье, спрашиваю вас,— воскликнул он,— берете ли вы на себя ответственность стрелять в народ и посмеете ли вы помешать ему свободно провести выборы?» [6]. Генерал не счел нужным ответить.

В сопровождении многочисленной толпы возвращалась делегация в префектуру. Площадь Сен-Ферeоль в это время кишела народом. Из уст в уста передавалась весть о том, что армия перешла на сторону народа. Возгласы «Да здравствует Париж!» оглашали площадь. Национальные гвардейцы обменивались приветствиями с народом. Мирная манифестация с черным знаменем [7] двинулась по улицам города [8].

---

[1] «Gazette des tribunaux», 19—20 juin 1871. См. также опубликованное в газете «Qui vive!» за 9 декабря 1871 г. письмо Ландека, присланное им в редакцию этой газеты из Брюсселя после казни Гастона Кремье.

[2] «Gazette des tribunaux», 5 août 1871.

[3] Ibidem, 26 juillet 1871.

[4] «Gazette des tribunaux», 22 septembre 1871.

[5] «Qui vive!», 9 decembre 1871. Письмо Ландека.

[6] «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871.

[7] Черное знамя было принято в знак траура по поводу неудач, постигших Францию во время франко-прусской войны. См. «Gazette des tribunaux», 15 juin 1871.

[8] Если верить материалам парламентской следственной комиссии по делу

И вдруг из окон легитимистского клуба, духовной школы и других зданий, где засели реакционеры, раздались ружейные залпы. То был сигнал к бою. Было около 10 часов утра.

В течение нескольких часов не прекращалась перестрелка. Защитники революционной власти, собравшиеся на площади Сен-Фереоль, отстреливались из здания префектуры, укрывшись за ее крепостными стенами. На улицах воздвигались баррикады. Верные Департаментской комиссии национальные гвардейцы яростно перестреливались с реакционными батальонами национальной гвардии и солдатами. Среди революционных борцов было немало гарибальдийцев.

Однако усилия марсельских революционеров отстоять дело народа были обречены на неудачу. Нехватало оружия, амуниции, людей. Да и значительная часть имевшегося в наличии оружия оказалась непригодной. Победа была обеспечена марсельскому Галифэ.

Но контрреволюции надо было потопить в крови всякую идею рабочей революции. Эспиван около полудня отдал приказ открыть огонь по префектуре из пушек, расставленных по его распоряжению на возвышенности Нотр-Дам и в форте св. Николая. После трехчасовой бомбардировки повстанцы оказались вынужденными вступить в переговоры с врагом. Генерал был неумолим—и снова завязался кровавый бой. До 7 часов вечера с занятых версальцами позиций непрерывно раздавались ружейные и артиллерийские залпы в направлении префектуры. Потеряв надежду устоять против несравненно лучше вооруженного врага, во много раз превосходившего их численностью, революционеры в беспорядке покинули префектуру. А Эспиван продолжал в исступлении бомбардировать опустевшее здание...

Лишь в 7 часов вечера прекратилась бомбардировка. Полчаса спустя моряки броненосца «Ля Курон» «храбро ворвались» в пустое здание префектуры и «завладели» им. Все арестованные чиновники были снова водворены на насиженные места. Полновластным хозяином водворился в префектуре вместе со своим штабом новый победитель.

Именем тьеровской буржуазной республики отъявленный монархист Эспиван раздавил марсельское восстание. Захваченных на вокзале гарибальдийцев, по словам Лиссагарэ, «мужи порядка тащили... к привокзальным фонарям. Там их рассматривал офицер, потом он давал знак другому выступить вперед и пускал им пулю в лоб»[1]. В переполненных казематах производились массовые расстрелы без суда. Уже на другой день число брошенных в казематы замка Иф достигло пятисот человек, чем не преминул похвастать в торжествующем донесении своему хозяину марсельский палач.

«Встреченный многочисленными приветствиями, я совершил со своими войсками триумфальный въезд в город Марсель»,—телеграфировал он Тьеру 5 апреля в 1 час 45 минут дня.— ...Делегаты революционного комитета вчера утром поодиночке покинули город. Генеральный прокурор при судебной палате в Эксе, оказывающий мне самоотверженную помощь, рассылает по всей Франции приказ о выдаче их правосудию. Мы имеем пятьсот арестованных, которых я приказал препроводить в замок Иф. В настоящий момент в Марселе все совершенно спокойно»[2].

Генерал предпочел умолчать о том, что 5 апреля к ликующим крикам опьяневших от крови реакционеров примешивались проклятия и ропот из задних рядов встречавшей его толпы и что марсельцы забрасывали камнями балконы, откуда доносились приветствия по адресу дефилировавших по улицам моряков, участвовавших в подавлении восстания[3].

В Марселе воцарилось спокойствие смерти. Несколько сот убитых и раненых[4], около 900 брошенных в тюрьмы — таков кровавый итог 4 апреля и последовавших за ним дней. 5 апреля появился приказ Эспивана о немедленном закрытии всех клубов и запрещении всяких собраний. Марсельцам предписывалось под страхом суровых кар сдать в течение 48 часов все оружие и амуницию, «расхищенные на вокзале, в казармах, на государственных складах, как и оружие, попавшее иным путем в руки населения». Национальная гвардия объявлялась отныне распущенной. Она подлежала немедленному разоружению и реорганизации[5]; устанавливалась строжайшая цензура для периодической печати[6]. 7 апреля приступила к работе комиссия по разоружению национальной гвардии; к 12 апреля она должна была закончить свою работу. С 8 по 10 апреля должно было сдать оружие гражданское население Марселя. «Лица, которые в указанный срок не сдадут хранящееся у них оружие, будут объявлены мятежниками и преследоваться по всем строгостям закона»,— так гласил приказ Эспивана от 6 апреля. В приказе, далее, указывалось, что в окрестных деревнях все еще продолжают бродить военнослужащие, которые возбуждают население. Этим лицам предлагалось под угрозой военного суда в течение 48 часов вернуться в свои части. 7 апреля появился приказ Эспивана, касавшийся проживавших в Марселе с 1 сентября 1870 г. чужестранцев. Все они должны были в течение 48 часов

18 марта, манифестанты—их было около 50 человек—состояли из одних только членов Интернационала. См. «Enquête...» T. I, p. 444.

[1] Lissagaray E. Op. cit., p. 185.

[2] «Murailles Politiques». II, p. 184.

[3] Aubray M. Op. cit., p. 330.

[4] Точная цифра не установлена. По весьма неточным данным «Journal de Genève», число убитых и раненых достигло 500 человек. «Journal de Genève», 7 avril 1871.

[5] Aubray M. Op. cit., p. 337.

[6] Ibidem, p. 329.

с момента опубликования приказа покинуть город и территорию 9-й военной дивизии. Особое внимание уделялось в приказе «ранее расформированным итальянцам». Им предлагалось в течение 48 часов оформить в военном интендантстве документы на выезд из города; в противном случае, угрожал приказ, «они будут заключены под стражу и затем под конвоем отправлены к границе»[1].

Однако национальные гвардейцы Марселя, особенно его рабочих предместий, Бель-де-Мэ и др., не очень торопились сдать оружие. «Национальные гвардейцы Бель-де-Мэ,— сообщал 13 апреля марсельский корреспондент «Journal de Genève»,— мало расположены сдавать свое оружие, так что вчера утром военные власти были вынуждены прибегнуть в этой части города к вооруженной силе, чтобы образумить упрямцев и внушить им сознание своего долга»[2]. 12 апреля появился новый приказ Эспивана: генерал грозил военным судом лицам, которые в течение 24 часов не сдадут все еще остающееся у них на руках оружие. К 12 апреля, если верить имеющимся данным, комиссия реквизировала 35 тысяч ружей...

Марсельские коммерсанты, смертельно напуганные восстанием, раболепно благодарили своего избавителя за наведенный им «порядок», заверяя Эспивана в своей преданности и готовности оказать ему всяческое содействие[3]. Не замедлил выразить покорность новому властителю и муниципальный совет Марселя, снова выплывший после подавления восстания. Буржуазные радикалы в воззвании к населению Марселя, опубликованном муниципальным советом 7 апреля, усердно отмежевывались от побежденных революционеров и особенно рьяно нападали на главарей движения, клеймя их прозвищем злейших врагов республики[4].

А те, чьи имена возбуждали лютую ненависть реакционеров, члены бывшей Департаментской комиссии и многочисленные рядовые участники движения, в это время заполняли казематы замка Иф и форта св. Николая. Лишь Ландеку, Жобу и некоторым другим удалось бежать. Кремье, скрывавшийся у надзирателя еврейского кладбища, был арестован в ночь с 7 на 8 апреля, после того как сам выдал себя в руки агентов Эспивана.

Вместе с Этьеном и Пелисье он был приговорен к смертной казни. Остальные руководители и активные участники движения были приговорены к 10 и 5 годам каторги и ссылки. Среди осужденных преобладали люди из народа, рабочие разнообразных профессий[5]. В их числе были члены местной секции Интернационала, рабочий Шовен и многие другие, что дало повод местному военному судилищу создать особое «Дело Интернационала». Для этой цели были использованы материалы начатого здесь при Второй империи процесса местной секции, который остался незавершенным благодаря революции 4 сентября[6]. Немало смертных приговоров было вынесено солдатам, братавшимся 4 апреля с восставшим народом.

Долго еще после подавления восстания рабочие кварталы и предместья Марселя внушали беспокойство и страх восторжествовавшим реакционерам. Об «угрожающем настроении предместий, заставляющем опасаться нового столкновения»[7], сообщал 15 апреля марсельский корреспондент «Journal de Genève». Через несколько дней тот же корреспондент сообщал о том, что в предместьях «еще не улеглись возмущение и гнев, вызванные поражением, и — как ни печально — больше всего способствуют этому женщины»[8].

Пушки, расставленные Эспиваном во время подавления восстания во дворце Юстиции и на возвышенности Нотр-Дам, продолжали оставаться на своих местах. «Чтобы дать возможность власти предохранить город от нового покушения», было решено дополнительно установить на Нотр-Дам артиллерийские батареи. Кроме того предполагалось южное крыло префектуры превратить в казарму и установить на внутреннем ее дворе кавалерийский пост с двумя пушками. Броненосцы «Ля Курон», «Ля Маняним» и вестовое судно «Ренар» оставались на рейде «до установления нового порядка»[9].

Несмотря на разгул клерикально-монархической реакции, свирепствовавшей в городе, попрежнему остававшемся на осадном положении, несмотря на непрекращавшиеся обыски, аресты и иные преследования, в рабочих кварталах не ослабевали «проявления ненависти и ужасающие угрозы». Делались попытки стрелять в полицейские посты, распространялись листовки, угрожавшие смертью генералу, всему составу генерального штаба, офицерам и батальонам национальной гвардии, участвовавшим в подавлении восстания, если не будут тотчас освобождены заключенные в замке Иф и в крепости св. Николая[10]. Ввиду угрожающего положения, создавшегося в городе, префект департамента был вынужден затребовать в середине апреля подкрепления из Версаля[11]. Вместе с тем известно, что еще 6 апреля на заседании Парижской коммуны было решено, ввиду серьезности создавшегося в Марселе положения, послать туда вторично делегацию, и на этот раз в составе Межи, Дюпона и Куле-де-Тейака, причем революционная

---

[1] Aubray M. Op. cit. p. 337—338.
[2] «Journal de Genève», 13 avril 1871.
[3] Aubray M. Op. cit., p. 340.
[4] Ibidem, p. 332—333.
[5] «Journal de Genève», «Gazette des tribunaux» за 1871 год. Отчеты о процессе марсельских революционеров.
[6] «Journal de Genève», 12 août 1871.
[7] Ibidem, 19 avril 1871.
[8] Ibidem, 20 avril 1871.
[9] «Journal de Genève», 23 avril 1871.
[10] Ibidem.
[11] «La Commune», 17 avril 1871.

власть Парижа ассигновала для нужд марсельского движения 2 тысячи франков[1].

24 апреля в Марселе имело место вооруженное столкновение народа с полицией[2]. Но то была последняя вспышка потухавшего пожара. Обезоруженные рабочие были бессильны продолжать борьбу. С полным основанием марсельские реакционеры успокаивали себя тем, что у рабочих «совершенно отсутствуют средства для возобновления борьбы с какими бы то ни было шансами на успех»[3].

[1] «Протоколы Парижской коммуны», стр. 59. Партиздат. 1933.

[2] «La Commune», 26 avril 1871.

[3] «Journal de Genève», 20 avril 1871.

Тьер торжествовал. Покончено с наиболее упорным из провинциальных движений. Пал последний из восставших вслед за Парижем городов французской провинции[4]. Подавив железом и кровью мартовские восстания в крупнейших провинциальных центрах, Тьер считал, что с провинцией покончено.

Но он просчитался. Апрель и май принесли с собой новый тур революционных выступлений в ряде департаментов Франции.

[4] 5 апреля пал Лимож.

«НАРОДНИЧЕСТВО» В ПЕРУ

К вопросу о роли Х.-К. Мариатеги в истории латиноамериканской общественной мысли

В. Мирошевский

Некоторые существенные черты русского народничества были присущи различным разновидностям мелкобуржуазного революционного движения в целом ряде отсталых стран и, в частности, в странах Латинской Америки.

Основное содержание теории русского народничества Ленин охарактеризовал следующим образом: «При самом своем возникновении, в своем первоначальном виде, теория эта обладала достаточной стройностью — исходя из представления об особом укладе народной жизни, она верила в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина и потому видела в крестьянстве прямого борца за социализм» [1].

Аналогичные идеи были выдвинуты некоторыми представителями революционной демократии в странах Латинской Америки в период общего кризиса капитализма. Эти идеи нашли наиболее законченное выражение в теоретических работах Хосэ-Карлоса Мариатеги — одного из виднейших деятелей революционного движения в Перу, основателя социалистической партии (1928 г.), руководителя ее левого крыла, одного из основателей коммунистической партии Перу (1930 г.).

В последний период своей жизни Мариатеги был вынужден под давлением марксистско-ленинской критики вступить на путь пересмотра своих «народнических» взглядов, развитых им в 1926—1928 гг. на страницах журнала «Amauta» и газеты «Labor» и особенно в книге «Семь опытов интерпретации перуанской действительности» («Siete ensayos de interpretacion de la realidad peruana». Lima. 1928). Накануне своей смерти, последовавшей в 1930 г., Мариатеги завещал перуанским революционерам учиться ленинизму, бороться и побеждать под знаменем Ленина и Сталина.

Среди стран Латинской Америки Перу занимает пятое место по численности своего населения (в 1930 г. — около 6 млн. человек). Четыре пятых населения этой страны составляют индейцы и метисы.

Перу — зависимая от империализма, полуколониальная страна. В мировом хозяйстве она играет роль аграрно-сырьевого придатка высокоразвитых капиталистических держав. Перуанские банки, железные дороги, медные рудники, нефтяные промыслы, крупнейшие хлопковые, кофейные и сахарнотростниковые плантации захвачены иностранным капиталом (до 1914 г. — главным образом английским, в настоящее время — североамериканским). Национальная буржуазия оттеснена на худшие, менее удобные, менее выгодные экономические позиции.

Перу — страна крупного землевладения. «Белые» помещики — перуанские (креольские) и иноземные — совмещают новейшие капиталистические методы эксплоатации крестьян-индейцев с полуфеодальными и полурабовладельческими. Во многих районах «сьерры» (горной области), занимающей три четверти территории страны, фактически еще существует крепостное право; прикрепленные к земле крестьяне-общинники несут бремя оброчных платежей, отбывают барщину, поставляют помещикам бесплатных домашних слуг.

Республиканский строй Перу прикрывает собой классовое господство помещиков. Народные массы лишены самых элементарных гражданских прав и подчинены суровому режиму военно-полицейского террора. Католическая церковь обладает огромными богатствами и пользуется колоссальным политическим влиянием.

В начале XX столетия, в связи с некоторым развитием капиталистической промышленности (главным образом добывающей), в Перу появился рабочий класс. Он заявил о своем возникновении стихийными стачками. Но до первой мировой империалистической войны рабочее движение в Перу было еще крайне слабым. Пролетарской партии не существовало: Руководители немногочисленных профсоюзов черпали свои идеи из анархо-синдикалистской литературы или даже из старых мютюалистских брошюр, рекламировавших кассы

[1] Ленин. Соч. Т. I, стр. 257. 1941.

взаимопомощи в качестве спасительного средства от всех социальных бедствий.

В деревне царило недовольство. В 1914 г. восстало 70 тыс. индейцев во главе с метисом Гутиересом, объявившим себя «великим инкой» Румимаки. Повстанцы в течение нескольких недель вели героическую борьбу за землю и волю.

Война 1914—1918 гг. принесла Перу много нового. Перуанский экспорт возрос почти в 4 раза. Заводы и рудники расширили производство. Добыча меди почти удвоилась. Окрепла национальная буржуазия. Численность промышленного пролетариата достигла 150 тыс. человек.

Революционные настроения в стране и особенно среди рабочего класса значительно усилились в связи с Октябрьской социалистической революцией в России. В 1918—1919 гг., в условиях необычайного роста дороговизны, развернулось массовое движение за принудительное снижение цен на предметы первой необходимости. Участники движения захватывали рынки и крупные продовольственные магазины и распределяли жизненные припасы среди городской бедноты. Одновременно по стране прокатилась бурная волна стачек; во многих пунктах происходили вооруженные столкновения с полицией и войсками. Серьезные классовые бои развернулись в 1921 г. в важнейшем районе сахарнотростниковых плантаций, в долине Чикаме; сельскохозяйственные рабочие захватили главный город этого района — Трухильо — и удерживали его в течение недели, оказывая упорное сопротивление войскам. При подавлении восстания в Чикаме были расстреляны сотни рабочих.

В 1919—1921 гг. широко развернулось студенческое движение. Студенты требовали «университетской реформы»: устранения реакционной профессуры, невмешательства властей в университетскую жизнь, допущения студентов к участию в управлении высшими учебными заведениями. Власти ответили на студенческие стачки и демонстрации закрытием университетов. Имели место случаи убийства студентов обнаглевшими реакционерами. В ходе развития студенческого движения оформилось его левое крыло, представители которого считали, что лозунг «университетской реформы» имеет лишь второстепенное значение и что на первый план следует выдвинуть задачи борьбы с клерикально-помещичьей реакцией и империалистическим гнетом. Некоторые участники студенческого движения вместе с другими представителями буржуазной интеллигенции стали искать сближения с трудящимися массами.

Широкую поддержку со стороны передовых слоев интеллигенции получила идея создания «народных университетов» — вольных, независимых от властей культурно-просветительных организаций, ведущих работу среди трудящихся масс. Несмотря на враждебное отношение властей к этому начинанию, в Лиме (столица Перу) была предпринята попытка создания такой организации. Передовые ученые, писатели, деятели искусства читали лекции для рабочих, ремесленников, мелких лавочников; нередко эти лекции приобретали политически-агитационный характер, враждебный существующему строю. В конце концов власти решительно выступили против «народного университета» и закрыли его.

К концу 1921 г. волна массового движения спала, не поколебав основных устоев классового господства помещиков и империалистического гнета. Страной управляло реакционное правительство диктатора Легии (1919—1930 гг.). В правительственном аппарате царили продажность и фаворитизм. Кучка политических авантюристов, составлявших ближайшее окружение президента, бесцеремонно распоряжалась государственными финансами. Легиа пресмыкался перед североамериканскими империалистами, чрезвычайно усилившими свои позиции в Перу еще в годы мировой войны и оттеснившими своих английских соперников на задний план. Легиа покровительствовал католическому духовенству и поддерживал тесные отношения с Ватиканом. Он издал декрет о «посвящении Перу святому сердцу Исуса»; лиц, отказывавшихся участвовать в установленных по этому поводу празднествах, подвергали преследованиям.

Несмотря на разгул реакции прогрессивные элементы перуанского общества не прекратили борьбы. В декабре 1924 г. возник APRA — «Alianza Popular Revolucionaria Americana» (Американский народно-революционный альянс). Во главе «апристов» стал Рауль Айа-де-ла-Торре — один из виднейших лидеров студенческого движения 1918—1921 годов. APRA выдвинул ряд антиимпериалистических, демократических и даже почти «социалистических» требований; он провозгласил себя партией «блока трудящихся масс и национальной буржуазии» для борьбы за социальное и национальное освобождение народов Латинской Америки. Основные программные требования «апристов» сводились к 5 пунктам: 1) борьба против североамериканского империализма — главного врага народов Латинской Америки, 2) политическое воссоединение Латинской Америки, т. е. уничтожение государственных границ между латиноамериканскими странами, 3) национализация земли и промышленности, 4) интернационализация Панамского канала, 5) солидарность со всеми угнетенными народами и классами мира [1].

Несмотря на репрессии со стороны реакционного правительства Легии APRA развернул свою агитацию в широких массах населения. Ему удалось подчинить своему идейно-политическому влиянию ряд профсоюзов, пролетарских и мелкобуржуазных культурно-просветительных организаций и т. д. Он стал серьезным фактором политической жизни Перу; его ответвления возникли и в других странах Латинской Америки.

Среди представителей прогрессивных слоев интеллигенции, связанных с «априз-

[1] Haya de la Torre R. «Ideario y acción aprista», p. 25. Buenos Aires. 1930.

мом», в первом ряду выступал Хосэ-Карлос Мариатеги — молодой талантливый литератор, стремившийся «сблизиться с народом». В его взглядах было еще много путаницы. Он считал себя «марксистом», но одновременно видел в теоретике синдикализма Жорже Сореле одного из своих учителей. В 1925 г. вышел в свет сборник его статей «La escena contemporanea» («Современная арена») — книга, проникнутая ненавистью к капитализму и восхищением перед растущей мощью Советского Союза. В этой книге Мариатеги высказывался за революционные методы борьбы, против социал-реформистского и национал-реформистского крохоборчества. Он высмеивал жалкие методы сторонников «морального оружия» и, в частности, выступил против гандистской тактики «пассивного сопротивления». «Индия,— писал Мариатеги,— никогда не заставит английскую буржуазию возвратить ей свободу, если будет применять только моральное оружие... Революция не осуществляется посредством голодовок. Под всеми географическими широтами революционеры должны выбирать между подчинением насилию и применением насилия» [1].

Но для чего нужна революция в Перу? Против кого должно быть применено здесь революционное насилие? На эти вопросы Мариатеги отвечал в своих позднейших произведениях. В 1926—1928 гг. он выступил глашатаем идей мелкобуржуазного «социализма», пропагандистом «крестьянской социалистической революции». Еще не изжитая мелкобуржуазная ограниченность мешала ему понять историческую роль пролетариата. Мариатеги был убежден, что Перу пойдет к социализму своим собственным, «особым» путем. Перуанских крестьян-индейцев он считал «естественными коллективистами». Он верил, что они осуществят социалистическую революцию самостоятельно, без руководства со стороны революционного пролетариата.

В этот период, в 1926—1928 гг., Мариатеги был еще связан с «апризмом». Об этом свидетельствует его переписка с эмигрировавшим заграницу «апристским» лидером Айа-де-ла-Торре. Так например в письме от 14 апреля 1927 г. Мариатеги заявил: «Я вижу, что Х. неправильно изложил мое мнение об APRA. Право же, я не представляю себе, как мог бы я разделять враждебные Альянсу взгляды. Как только я впервые познакомился с его программой, я написал вам, что одобряю ее» [2].

В 1928 г. в своих «Семи опытах интерпретации перуанской действительности» он решительно подчеркивал, что политические взгляды Айа-де-ла-Торре «абсолютно совпадают» с его собственными взглядами. «У нас,— писал он о себе и об Айа-де-ла-Торре,— одна и та же точка зрения; поэтому и наши выводы неизбежно оказываются одинаковыми» [3].

Между тем к 1928 г. руководящие «апристские» круги, порывая с национально-революционными традициями движения, завершали свой переход на позиции буржуазного национал-реформизма. Не отказываясь от борьбы с североамериканским империализмом, они шли на тесное сближение с английскими империалистами в расчете на их поддержку в борьбе против американофильского правительства Легии. «Апристы» стали фактически тормозить развитие массового революционного движения; центр тяжести их политической деятельности был перенесен на всякого рода верхушечные комбинации, направленные против Легии, на подготовку «дворцового переворота» силами офицеров-заговорщиков. В то же время в речах и писаниях «апристских» лидеров начали отчетливо звучать антисоциалистические ноты. Следуя указаниям своих английских покровителей, Айа-де-ла-Торре включился в международную клеветническую кампанию против Коминтерна и Советского Союза.

С таким APRA у Мариатеги не могло быть ничего общего. Осенью 1928 г. он решительно порвал с Айа-де-ла-Торре и К°.

В течение некоторого времени Мариатеги пытался удержаться на позициях мелкобуржуазного «социализма». Он выступал против «апристского» буржуазного национал-реформизма, но в то же время недооценивал необходимости самостоятельной политической организации пролетариата и обеспечения за последним ведущей роли в революционном движении.

Мариатеги принял руководящее участие в создании (в октябре 1928 г.) «рабоче-крестьянской» социалистической партии и стал ее генеральным секретарем. В этот период он еще видел в пролетариате простой «придаток» к индейским крестьянским массам.

Но в мировоззрении Мариатеги уже была пробита брешь... С каждым днем жизнь углубляла ее. В ряды «рабоче-крестьянской» партии проникло немало политических проходимцев, пытавшихся придать ей антикоммунистический характер. В партии развернулась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками присоединения к Коминтерну.

Шаг за шагом Мариатеги приближался к пониманию необходимости создания самостоятельной партии революционного пролетариата—коммунистической партии. Он возглавил борьбу против антикоммунистических элементов «рабоче-крестьянской» социалистической партии.

В самый разгар этой борьбы, в марте 1930 г., Мариатеги умер. Но он успел открыто признать правоту Коминтерна, объявившего создание «рабоче-крестьянской» партии в Перу ошибочным и опасным шагом.

[1] Mariategui J. «La escena contemporanea», p. 259. Lima. 1925.

[2] Cox C. «Reflexiones sobre Mariategui» («La Claridad», Julio de 1934).

[3] Mariategui J. «Siete ensayos de interpretacion de la realidad peruana», p. 60. Lima. 1928.

Вскоре после смерти Мариатеги борьба в социалистической партии завершилась ее расколом и созданием коммунистической партии, поднявшей в Перу знамя Коминтерна, славное знамя Ленина и Сталина.

★

Мариатеги уделял много внимания проблемам перуанской истории. Свои выводы о характере, движущих силах и задачах революции в Перу он пытался обосновать, анализируя прошлое своей родины. Его концепцию перуанской истории можно вкратце резюмировать следующим образом.

Страна Тахуанти, древняя империя инков, была страной всеобщего благоденствия. Миллионы трудящихся индейцев, крестьян-общинников и ремесленников, вели там безмятежное, счастливое существование. Под руководством мудрых, дальновидных правителей они создали «самую развитую и гармоническую систему коммунизма»[1]. В инкской империи, представлявшей собой федерацию коммунистических хозяйственных единиц-общин, не существовало классовой эксплоатации. Здесь никто не руководствовался соображениями личной выгоды, все самоотверженно отдавались общему делу. Империя росла и крепла, ее благосостояние непрерывно возрастало.

«Инкский народ,— писал Мариатеги,— жил в условиях материального благополучия. Запасы средств существования увеличивались, население разрасталось... Коллективистическая организация, руководимая инками... развивала в индейцах... привычку к смиренному, благоговейному подчинению своему общественному долгу»[2].

«Золотой век» перуанской истории продолжался до тех пор, пока грубое вторжение внешних сил (испанское завоевание) не оборвало равномерного и гармонического развития инкского коммунистического общества.

Испанское завоевание повлекло за собой развитие в Перу феодализма, который, однако, остался только искусственно привитым, извне навязанным фактором; индейская крестьянская община, конденсировавшая коммунистические традиции «инкской эры», не была разрушена завоевателями и осталась главной базой перуанской экономики. Импортированный из Испании феодализм был настолько чужд Перу, что завоеватели-испанцы, ставшие теперь перуанскими помещиками, были вынуждены «признать», легализовать индейские коммунистические общины. «Законы, изданные испанскими колониальными властями, охраняли индейскую собственность и санкционировали ее коммунистическую организацию»; испанцы превратили общину в «одно из колес своего административного и фискального аппарата»; с их точки зрения, «община могла и должна была существовать ради вящей славы короля и церкви»[3].

Развитие капитализма в Перу в XIX и XX столетиях также явилось, по мнению Мариатеги, результатом одних лишь иностранных влияний. Занесенные извне капиталистические бациллы не проникали во внутренние, глубинные ткани общественного организма и не вызывали их буржуазного перерождения; капитализм остался поверхностным наслоением, уродливым «наростом» чужеродного происхождения. «Моральные, политические и психологические элементы капитализма не нашли для себя благоприятной атмосферы в Перу»[4]. Поэтому буржуазия оказалась не в состоянии уничтожить традиционный уклад деревенской жизни, основанной на коллективистических формах хозяйства. Индейская община устояла против разрушительного влияния капитализма. Она продолжает по сей день оставаться основным элементом перуанского социально-экономического строя, постоянно принижаемым «белыми» помещиками и капиталистами, но успешно отстаивающим свое право на существование.

Борьба между индейскими крестьянами-общинниками, носителями коллективистической традиции, и «белыми» буржуазно-помещичьими кругами является, по мнению Мариатеги, главной пружиной перуанского исторического процесса. Противоречие между общиной, этой исконной автохтонной формой организации перуанского крестьянства, и навязываемыми извне либерально-индивидуалистическими хозяйственными принципами составляет основное противоречие перуанской действительности.

Такова «мариатегистская» концепция перуанской истории.

В настоящей статье, задача которой ограничивается характеристикой роли Хосэ-Карлоса Мариатеги в развитии латиноамериканской общественной мысли, не представляется возможным вдаваться в детальное рассмотрение социального строя древнего Перу и судеб индейской крестьянской общины. Мы коснемся этих вопросов лишь в самых общих чертах.

Как известно, испанские историки XVI столетия (Gomara, Oviedo, Las Casas, Herrera и др.) считали, что в Мексике и Перу в момент появления конкистадоров существовали могущественные королевства (reinos), по сути дела, мало чем отличавшиеся от западноевропейских феодальных монархий. Эта точка зрения, базировавшаяся на поверхностных аналогиях, держалась в науке до 60—70-х годов XIX столетия, когда выдающиеся исследователи-«американисты» Банделиер, Морган и др. усмотрели в ацтекском и инкском обществах нечто гораздо более примитивное, чем это представлялось испанским историкам XVI столетия. Решительно порвав с традицией, Банделиер и Морган истолковали ацтекское и инкское общества в качестве конфедераций племен с родовой ор-

[1] Предисловие Мариатеги к книге Валькарселя «Буря в Андах» (Valcarcel E. «Tempestad en los Andes». Lima. 1927).

[2] Mariategui J. «Siete ensayos etc.», p. 7.

[3] Mariategui J. «Siete ensayos etc.», p. 43.

[4] Ibidem, p. 23.

ганизацией (gentilorganization), т. е. в качестве обществ, не знавших ни классовой эксплоатации, ни государственной власти. Но во времена Банделиера и Моргана наука располагала лишь отрывочными, неточными и противоречивыми сведениями об автохтонных культурах Мексики и Перу. Исследования «американистов» конца XIX столетия и первых десятилетий XX столетия, основанные на огромном количестве новых археологических данных, совершенно неизвестных во времена Банделиера и Моргана, приводят к выводу, что ацтеки и инки задолго до появления испанских завоевателей вышли из стадии первобытно-общинного строя, хотя и были еще весьма далеки от той стадии феодального развития, которая приписывалась им испанскими историками XVI столетия[1].

В настоящее время можно утверждать с полнейшей определенностью, что в стране Тахуанти (инкская империя) существовали общественные классы с противоречивыми интересами, существовала и государственная власть, притом крайне деспотическая по форме. Конечно, в общественных отношениях сохранялось еще много пережитков первобытно-общинного строя (несравненно больше, чем, например, в Испании XVI столетия), но сделать из этого вывод о «коллективистических» принципах, якобы лежавших в основе общественного строя инков, — значит оторваться от реальной научной почвы.

Верховная власть в стране Тахуанти принадлежала «великому инке» (cápac-inca), возглавлявшему аристократическую касту, членов которой испанские завоеватели называли «орехонами»[2]. Все орехоны считались родственниками капак-инки. Самые знатные орехоны, претендовавшие на наиболее близкое родство с капак-инкой, именовались инками. Привилегированную группу населения составляли также жрецы. Во главе их стоял первосвященник (huillacumu), происходивший из инков и обладавший большими прерогативами; он замещал капак-инку во время его болезни или отъезда из столицы (города Куско) и в известной мере делил с ним верховную власть.

Страна разделялась на округа, которыми управляли наместники капак-инки, назначавшиеся из числа орехонов и носившие название «тукуирикоков» («tucuiricoc»). Многочисленными индейскими племенами, населявшими страну Тахуанти, управляли племенные вожди и старейшины (curaca); они пользовались автономией во внутренних делах племен, но в делах государственного значения подчинялись тукуирикокам. При многих кураках состояли специальные советники-орехоны, назначенные центральным правительством или тукуирикоком соответствующего округа.

Земля считалась государственной собственностью. Большая часть ее находилась во владении крестьянских общин; меньшую часть составляли домены капак-инки, храмовые земли и поместья, пожалованные капак-инкой своим вельможам в вознаграждение за службу. «Индейцы не знали других видов частного поземельного владения, кроме пожалований, исходивших от великого инки и служивших наградой за оказанные ему услуги, например за постройку канала, моста или дороги; землю жаловали также сыновьям вождей, воспитанным при дворе великого инки; были и другие причины пожалований»[3].

Две трети урожая с общинных земель сдавались государству. Сбор этого натурального налога возлагался на чиновников-орехонов и племенных вождей; определенную (иногда весьма значительную) часть собранного налога они имели право удержать в свою пользу. На крестьянах-общинниках лежало также бремя разнообразных принудительных работ по строительству каналов, дорог, мостов, военных укреплений, дворцов и храмов, а также по обработке доменов капак-инки, храмовых земель и т. д. В стране имелось также некоторое количество постоянных рабов (yanacona).

Народные массы были абсолютно бесправны. Обычное право санкционировало общественное неравенство: за одни и те же преступления крестьяне и рабы подвергались несравненно более суровым наказаниям, чем орехоны и кураки. Лас-Касас отмечает, что «знатные» редко подвергались смертной казни даже за серьезные преступления, в то время как «неблагородных» казнили и за небольшие проступки[4].

В стране Тахуанти нередко происходили народные восстания. Отголоски этих восстаний звучали в фольклоре перуанских индейцев в течение нескольких столетий после испанского завоевания; так например в 70-х годах XVIII в. в Перу был записан текст (на языке кичуа) народного драматического произведения «Apu Ollantay» («Военачальник Оллантай»), сюжетом кото-

[1] Литература, посвященная автохтонным культурам Мексики и Перу, чрезвычайно обширна. Из трудов, появившихся за последние десятилетия, наибольшее значение имеют следующие: Spence L. «The civilization of ancient Mexico». Cambridge. 1912; Joyce T. «South American archaeologie». London. 1912; Joyce T. «Mexican archaeologie». London. 1914; Spinden H. «Ancient civilization of Mexico and Central America». New York. 1922; Mead Ch. «Old civilization of Inca Land». New York. 1924. Неплохую сводку археологических данных представляет собой работа Beuchat «Manuel d'archeologie américaine». Paris. 1912.

[2] Orejones — от испанского слова «oreja» («ухо»). Члены этой касты искусственно удлиняли себе мочки ушей при помощи тяжелых привесков; это служило отличительным признаком знатного происхождения.

[3] Polo de Ondegardo «Relacion». 1571 (цит. H. Trimborn «Der Kollektivismus der Inkas in Peru». «Anthropos». 1925. Heft 3—4. S. 588).

[4] См. Las Casas «De las antiguas gentes del Peru». 1561 (цит. H. Trimborn «Strafrecht und Sühne in Alt-Peru». «Zeitschrift für Ethnologie». 1925. Heft 3—6, S. 228).

рого является история одного из таких восстаний [1].

Насколько все это похоже на идиллическую картину «коммунистической империи», нарисованную Мариатеги, предоставляем судить читателю.

Нельзя сказать, чтобы Мариатеги был вовсе не осведомлен о действительном положении вещей в стране Тахуанти. Такие факты, как выделение двух третей урожая с общинных земель в пользу капак-инки, общеизвестны, и Мариатеги не мог их обойти. Он вынужден был подыскивать им объяснение, чтобы привести их хотя бы по видимости в соответствие со своей апологией «благословенной» страны Тахуанти. Но как слабы его аргументы!

«Инки,— писал Мариатеги,— не применяли насилия». Если они и отчуждали две трети крестьянского урожая, то это делалось в общих интересах всех граждан империи, в порядке «планового регулирования» хозяйства, в целях накопления продовольственных резервов на случай войны или неурожая «Невероятно, чтобы две трети урожая отчуждались для потребления чиновников и жрецов империи. Гораздо вероятнее, что продукты, выделяемые для знати и императора, предназначались для образования государственных запасов и что их выделение представляло собой, таким образом, акт социальной предусмотрительности, особенно характерный для социалистического строя» [2].

Мариатеги не позаботился ничем подкрепить эту «гипотезу»; он только декларировал ее, как нечто само собою разумеющееся. Между тем его тезис о «социалистическом планировании» в стране Тахуанти теряет всякий смысл, если вспомнить рассказы испанских конкистадоров о необычайной пышности, о варварском великолепии, окружавших великого инку и его орехонов. Пусть даже эти рассказы не вполне достоверны, пусть конкистадоры, у которых закружились головы от легких побед над индейцами, непомерно преувеличили богатства перуанских властителей, но ведь остается неоспоримым фактом, что еще до того, как конкистадоры приступили к систематической эксплоатации золотых и серебряных рудников Перу, еще тогда, когда они «ограничивались» грабежом уже накопленных инкской аристократией сокровищ, расхищением дворцов и храмов, уже тогда, в первые же годы после появления Писарро в Куско, сверкающий поток драгоценных металлов устремился из Перу в Испанию, ослепляя своим блеском самых трезвых современников. Каким же образом стала аристократия страны Тахуанти обладательницей этих сокровищ, если ее роль сводилась к «социалистическому регулированию» народного хозяйства?

Все «объяснение» инкского общественного строя, выдвинутое Мариатеги, от начала до конца основано на искажении фактов, на фантастических домыслах. Это только занимательная сказка о том, чего не было.

Не соответствует действительности и утверждение Мариатеги, будто индейская крестьянская община не подверглась никаким изменениям ни в результате испанского господства, ни в результате развития капитализма в Перу в XIX—XX столетиях. Еще до провозглашения независимости Перу (1820 г.) многие общины вовсе перестали существовать; помещики-креолы всякими законными и незаконными средствами присваивали общинные земли, а крестьян превращали в закабаленных «пеонов» — долговых рабов. После свержения испанского господства процесс экспроприации крестьянства стал развиваться еще быстрее; количество общин сокращалось из года в год. В настоящее время в общинах живет не более 30% перуанских индейцев. В районах плантационного хозяйства (главным образом в приморской части Перу) крестьянская община стала крайне редким явлением. Что касается общин, сохранившихся в наиболее отсталых, горных районах страны, то они в большей или меньшей степени задеты развитием товарно-денежных отношений. На ярмарки в горных районах иногда съезжается более 20 тыс. индейцев. Переделы земли в общинах становятся редкостью; среди крестьян-общинников развивается имущественное неравенство. В земледельческо-скотоводческих общинах южной части горной области встречаются отдельные (еще очень немногочисленные) крестьяне-кулаки, являющиеся собственниками огромных стад (в 5—6 тыс. голов) лам, альпака и др.; такие «общинники» выручают от продажи шерсти и других продуктов до 1700 перуанских ливров в год, т. е. около 7 тыс. долларов [3].

Мы не можем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, требующем специального рассмотрения. Но уже из сказанного ясно, что «теория» Мариатеги, согласно которой индейская община вовсе не подверглась за последние столетия никаким изменениям и полностью сохранила свою патриархальную структуру, построена на песке. Капитализм, несомненно, пустил здесь корни, тесно переплетаясь с господствующими докапиталистическими (полуфеодальными и полурабовладельческими) формами хозяйства и вызывая существенные изменения во внутренней организации индейской общины. Закрывать глаза на это — значит покидать твердую почву фактов и погружаться в зыбкие туманы «народнической» фантастики.

★

Мариатеги был революционером. Он понимал, что освобождение народных масс

---

[1] Драма «Apu Ollantay» переведена на английский, испанский и французский языки (N o d a l «Los vinculos de Ollantay». Ayucho, 1874; P a c h e c o Z e g a r r a «Ollanta» Paris. 1878; M a r k h a m «Ollanta». London. 1871).

[2] M a r i a t e g u i J. «Siete ensayos etc.», p. 58—59.

[3] О современном состоянии индейской общины в Перу см. C a s t r o P o z o H. «Nuestra comunidad indígena». Lima. 1924.

может быть достигнуто только путем насильственного ниспровержения господства эксплоататоров — помещиков и буржуазии.

Основную задачу революционного движения в Перу Мариатеги видел в том, чтобы устранить последствия испанского завоевания, нарушившего равномерное и гармоничное развитие «инкского коммунизма».

«Мы хотим,— писал он в июне 1926 г. в своем обращении к рабочим района Хауха,— вычеркнуть все несправедливости, все привилегии, созданные завоеванием» [1].

Но «вычеркнуть» последствия испанского завоевания—это означает, по Мариатеги, отсечь «чужеродные» феодальные и капиталистические «наросты» от основной ткани перуанского социального организма. Борьба за освобождение «автохтонного начала перуанской действительности» (общины) означает борьбу против «европейщины», против феодальной латифундии и капиталистической фабрики. Короче говоря, дело идет не больше не меньше, как о восстановлении в Перу «коммунистического строя», рухнувшего в XVI в. под натиском конкистадоров.

«Те, кто борется против идеи революции,— писал Мариатеги,— хотят нас уверить, что эта идея является здесь (в Перу.—*В. М.)* чем-то экзотическим, чем-то импортированным из-за границы падкими до новинок молодыми людьми. Но в действительности идея революции уходит своими корнями в нашу собственную историю. Никто не может отрицать, что социализм опирается в Перу на более древнюю и прочную традицию, чем общественные учреждения, возникшие в результате завоевания» [2].

Правда, Мариатеги считал нужным протестовать против «крайностей» и «преувеличений» тех, кто подобно перуанскому археологу-энтузиасту и пламенному националистическому публицисту Валькарселю [3] призывал к восстановлению инкской империи во всей полноте ее первобытных форм и к уничтожению всего того нового, что было занесено в Перу из Европы со времени испанского завоевания. Мариатеги подчеркивал, что «инкский коммунизм» должен быть восстановлен на новой основе, с «поправками на современность», со включением в культурную сферу будущего коммунистического Перу всех завоеваний новейшей европейской техники. Он отнюдь не призывал отказаться от тракторов в пользу мотыг, да и сам вряд ли чувствовал потребность сменить скромный европейский пиджак на пестрое одеяние «амауты» [4] или заняться вместо писания книг завязыванием узелков на «кипу» [5].

Но, отбрасывая «археологические» бредни, пользующиеся некоторым распространением среди новейших адептов «инкаизма», Мариатеги все же оставался в основном на почве националистической романтики. В 1929 г. он с удовлетворением перепечатал в своей газете «Labor» статью некоего А. Цум Фельде, опубликованную в одной из уругвайских буржуазных газет и подчеркивавшую именно эту национально-романтическую сторону «мариатегизма». «Мариатеги,— писал А. Цум Фельде,— рисует перед нами подлинные контуры сложной проблемы той автохтонной революции, которая подготовляется в Перу в целях возрождения аграрного коллективизма инков» [6].

Таким образом, признавая основной задачей перуанской революции «ликвидацию последствий испанского завоевания», Мариатеги приписывал этой революции социалистический характер. Он считал, что революционное движение, опираясь на «коллективистические традиции» индейского крестьянства, сокрушит не только экономические и политические остатки феодализма, но и индивидуалистические основы буржуазного хозяйства.

Он писал: «Либеральное разрешение аграрного вопроса в соответствии с принципами индивидуализма заключалось бы в разделе латифундий и в создании мелкой крестьянской поземельной собственности... Но я считаю, что в Перу уже упущен благоприятный момент для применения либеральных методов и индивидуалистической формулы. Оставляя в стороне все доктринерские соображения и учитывая своеобразие нашей аграрной проблемы, я исхожу исключительно из того очевидного и конкретного факта, который заключается в жизнеспособности общины и элементов практического социализма в сельском хозяйстве и во всем жизненном укладе индейцев» [7].

Национализация земли и передача ее в вечное пользование крестьянским общинам, которые организуют на ней социалистическое хозяйство,— такова аграрная программа «мариатегизма». Осуществление этой аграрной программы в сочетании с национализацией промышленности должно обеспечить, по мысли Мариатеги, социалистическое переустройство Перу уже на первом этапе революции.

Теория, согласно которой революция в Перу (и в других странах Латинской Америки) должна непосредственно начать с разрешения социалистических задач, отнюдь не являлась оригинальным изобретением Мариатеги: она имела довольно широкое хождение в рядах коммунистических партий Латинской Америки на начальной стадии их развития. Так например на VI конгрессе Коминтерна делегат ком-

---

[1] «La Voz del Obrero», Jauja, Junio de 1926, № 44.

[2] Ibidem.

[3] Luis E. Valcarcel «Tempestad en los Andes». Lima. 1927.

[4] «Амауты» — сословие ученых в стране Тахуанти.

[5] «Кипу» — шнурки с узелками, заменявшие инкам письменность; различаясь по цвету и форме, узелки соответствовали различным понятиям.

[6] Zum Felde A. «Letras americanas». «Labor», 21 febrero de 1929.

[7] Mariategui J. «Siete ensayos etc.», p. 34—35.

мунистической партии Эквадора выступил с заявлением, что «в таких странах, как Аргентина, революция может с первого же момента принять пролетарский характер»[1].

Оригинальным в «мариатегистской» постановке вопроса являлось только то, что Мариатеги для обоснования своего утверждения о социалистическом характере предстоящей революции прибегал к аргументам, идущим от националистической романтики, от идеализации инкского общественного строя, от «народнической» фетишизации крестьянской общины.

С точки зрения марксизма-ленинизма, революционное движение в колониальных и полуколониальных странах является частью мировой социалистической революции. Оно развертывается в условиях общего кризиса капитализма, в условиях борьбы двух миров—буржуазного и социалистического. В колониальных и полуколониальных странах на определенном этапе развития революции возможны установление диктатуры пролетариата и успешное социалистическое строительство. Однако «переход к диктатуре пролетариата возможен здесь по правилу лишь через ряд подготовительных ступеней, лишь в результате целого периода перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, а успешное социалистическое строительство — в большинстве случаев — лишь при условии прямой поддержки со стороны стран пролетарской диктатуры»[2].

Непосредственная задача революции в Перу заключается не в борьбе за организацию социалистического общества, а в борьбе за свержение классового господства помещиков и империалистического гнета.

Классовый союз пролетариата с крестьянством под гегемонией пролетариата, возглавляемого компартией, составляет необходимое условие этой борьбы, перерастающей через ряд этапов в социалистическую революцию.

Для Мариатеги, который не понимал исторической роли пролетариата, отрицал необходимость его гегемонии в революционном движении и ориентировался на «коллективистические инстинкты» перуанского крестьянства, этот вопрос стоял иначе.

Именно поэтому Мариатеги считал возможным начать революцию в Перу непосредственно с борьбы за создание социалистического строя.

★

В 1924 г. на книжном рынке Перу появилась работа Ильдебрандо Кастро-Посо «Наша туземная община» («Nuestra comunidad indigena»). Автор этой книги был правительственным чиновником, человеком вполне «благонамеренных» убеждений. Публикуя результаты своих многолетних исследований, он отнюдь не собирался «потрясать основы» помещичьего господства в Перу.

Книгу перуанского Гакстгаузена постигла странная судьба. Ей довелось послужить целям, которые были прямо противоположны замыслу ее автора или, по меньшей мере, не имели с ним ничего общего. Эта книга сыграла немалую роль в оформлении политических взглядов прогрессивных слоев перуанской интеллигенции, к которым принадлежал Мариатеги. Выдвинув вопрос об «особом укладе» индейской жизни, Кастро-Посо помог Мариатеги «нащупать» ту силу, тот рычаг, который, казалось, обеспечивает практическую возможность социалистического преобразования Перу.

«Кастро-Посо,— писал Мариатеги,— открывает нам глаза не только на то, что индейская община... все еще является живым организмом, но и на то, что она обнаруживает несомненные возможности дальнейшего развития»[3].

Опираясь главным образом на исследование Кастро-Посо, Мариатеги выдвинул тезис о «жизнеспособности индейского коммунизма, неуклонно подталкивающего туземцев к разнообразным формам кооперации и ассоциации». Он провозгласил, что, «несмотря на законодательство республиканского века, индеец не стал индивидуалистом», что «в индейских деревнях... продолжают еще существовать прочные и устойчивые навыки кооперации и солидарности, представляющие собой эмпирическое выражение коммунистического духа», что «община соответствует этому духу и является его органом»[4].

Исходя из этих представлений о характере индейской общины, Мариатеги пришел к выводу об «естественном стремлении индейцев к коммунизму»[5], к выводу, который так живо напоминает известное положение русских народников о «коллективистическом черепе» русского крестьянина.

Мариатеги видел в индейцах борцов за социализм: «Не цивилизация, не азбука белых волнуют душу индейца, а идея социалистической революции»[6]. В другом месте он писал: «Общины... представляют собой естественный фактор социализации земли... Община может без особых затруднений превратиться в кооперативное товарищество»[7].

Конечно, сохранившиеся еще остатки общинного строя могут в некоторых отношениях облегчить в будущем, в усло-

---

[1] Стенографический отчет VI конгресса Коммунистического Интернационала. Вып. 4-й, стр. 224. М. 1930.

[2] Программа Коммунистического Интернационала, раздел IV, глава VIII.

[3] Mariategui J. «Siete ensayos etc.», p. 56.

[4] Ibidem, p. 58—59.

[5] Ibidem, p. 9.

[6] Предисловие Мариатеги к книге Валькарселя «Tempestad en los Andes».

[7] Тезисы по индейскому вопросу, представленные Учредительному съезду Латиноамериканской конфедерации профсоюзов в мае 1929 г. («Bajo la Bandera de CSLA», Montevideo, 1929).

виях социалистической революции, проведение политики коллективизации сельского хозяйства. Но на основе одной только общины, без диктатуры пролетариата, социалистическое переустройство Латинской Америки не мыслимо.

Эти азы марксистско-ленинского учения остались чуждыми Мариатеги. Несмотря на то что сам он считал себя «марксистом», он все же ориентировался на самостоятельную революционную борьбу индейского крестьянства, отрицая необходимость гегемонии пролетариата в революционном движении. «Прогресс Перу,— писал он,— не был бы прогрессом или, во всяком случае, не носил бы истинно перуанский характер, если бы он не был делом рук самих перуанских народных масс, которые на четыре пятых являются индейскими и крестьянскими... Индейский вопрос должен быть разрешен... самими индейцами» [1].

В представлении Мариатеги перуанский пролетариат вообще превратился в простой «придаток» к индейским крестьянским массам. Для него пролетариат не существовал в качестве самостоятельного фактора перуанской действительности: последняя вся без остатка сводилась к «помещичьему» и «крестьянскому» элементам. «Перу,— писал Мариатеги,— должно выбирать между помещиком и крестьянином. В этом заключается дилемма. Третьего не дано» [2].

✶

Взгляды Мариатеги в их первоначальном виде,— в том виде, как он развивал их в период, предшествовавший его переходу под знамя Коммунистического Интернационала,— были взглядами мелкобуржуазного «социализма», своеобразной модификацией народничества на перуанской почве.

Мариатеги искренно хотел бороться за социализм и был убежден в возможности социалистической революции в Перу. Он не принадлежал к числу тех (кстати сказать, довольно многочисленных в Латинской Америке) буржуазных демагогов, для которых болтовня о социализме является только средством обмана трудящихся масс. Но его взгляды не имели ничего общего с пролетарским социализмом. Они были утопическими мечтаниями мелкобуржуазного интеллигента в отсталой крестьянской стране.

Ленин писал о русских представителях мелкобуржуазного «социализма», о народниках: «Стоять за общину»... чего тут социалистического, когда всякий знает, что эксплуатация трудящегося прекрасно уживается и зарождается внутри этой общины? Ведь это значит уж невозможно растягивать слово «социализм» [3].

Но Мариатеги был не только мелкобуржуазным «социалистом»-утопистом. Он был прежде всего революционным демократом. Его «социализм» был только прекраснодушной фразой, отражавшей в прикрашенном, идеализированном виде реальные стремления миллионов перуанских крестьян к коренному изменению их положения, к свержению всех старых властей, к уничтожению помещичьего гнета.

Ленин писал: «Фразы о «социализме» у народников, о «социализации земли», уравнительности и т. п.— простая словесность, облекающая реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения» [4].

В том, что Мариатеги выражал, по сути дела, революционно-демократические стремления индейского крестьянства, заключались его сила и его слабость.

С и л а — ибо, отражая надежды и чаяния миллионов индейских крестьян, придавленных помещичьей эксплоатацией и гнетом империализма, он был глашатаем идей народной, массовой революции; он ясно видел, что великие общественные проблемы решаются кровью и железом; он издевался над страхом буржуазных национал-реформистов перед революцией и бичевал их холопство перед «отечественной» реакцией и иноземными капиталистами.

С л а б о с т ь — ибо индейское крестьянство, предоставленное собственным силам, не руководимое революционным пролетариатом и притязающее на самостоятельную роль в революционной борьбе, не в состоянии добиться коренного улучшения условий своего существования.

Мариатеги под конец своей жизни осознал слабость своей мелкобуржуазной позиции и, преодолевая «народническую» идеологию, вступил на путь борьбы за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической, антифеодальной и антиимпериалистической революции.

[1] M a r i a t e g u i J. «Sobre el problema indigena». «Labor», 10 noviembre de 1928.

[2] M a r i a t e g u i «Siete ensayos etc.», p. 159.

[3] Л е н и н. Соч. Т. I, стр. 255. 1941.

[4] Л е н и н. Соч. Т. XVI, стр. 284.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС В XIII—XVI ВЕКАХ

Акад. Ю. Готье

В хронологически исходный момент настоящего исследования южное побережье Балтийского моря от его югозападного угла и примерно до устьев Вислы было сплошь занято славянами, далее, примерно до впадения в море Западной Двины,— литовско-латышскими племенами и, наконец, от устья Двины до устья Невы — племенами ливов и эстов, говоривших на языках финского типа. Южный и юговосточный берега Балтийского моря в X—XV вв. стали подвергаться натиску со стороны скандинавов и германцев и сделались ареной их экономического и политического господства, что привело к полному исчезновению славянского населения в бассейне Одера и его притоков.

Постепенно в этот же долгий, пятивековый период к берегам Балтийского моря из глубины материка стали продвигаться поляки, литовцы и русские. В XIII—XV вв. между этими народами и опередившими их шведами, датчанами и немцами шла упорная, напряженная борьба за области, прилегавшие к Балтийскому морю с востока и юговостока. Она далеко не была еще решена на рубеже XV и XVI столетий; это не прекращавшееся веками соперничество соседних с Балтийским морем народов и государств, их борьба за господство как в приморских областях, так и на самом море и создали то, что мы можем назвать балтийским вопросом. В XVI в. это был один из самых острых вопросов европейской международной политики.

Первыми иноземцами, которые появились на юговосточном побережье Балтийского моря, были скандинавы: датчане и шведы. Предприимчивые викинги еще в IX—X вв. добывали янтарь у берегов Куришгафа. На это указывают неоднократные находки здесь предметов норманского, скандинавского обихода. Неподалеку от Фришгафа процветала тогда гавань Трузо, о которой рассказывал посланец короля англосаксов Альфреда Великого (871—900) [1].

Скандинавы ездили и в другие места восточного балтийского побережья. В жизнеописании Анскария, проповедовавшего христианство в Швеции, рассказывается о походе шведов на куров в 853 году. Куры (корсь) отказались платить дань шведам, вследствие чего шведский король Олаф затеял поход против них. Шведы высадились где-то около того места, где теперь находится Либава, и направились внутрь страны, к городку Апулии, который исследователи новейшего времени видели в селении Опуле, или Апуле, на территории Литовской ССР, близ ее границы с Латвийской. Поход кончился осадой Апулии; впрочем, шведы ее не взяли и возвратились, получив большой выкуп с жителей [2]. Скоро, однако, скандинавы несколько меняют цели и направление своих походов: уже с конца IX в. их гораздо более начинают привлекать поездки в глубь страны: по Неве и Западной Двине, на богатый Восток, в сказочный Серкланд, на низовья Волги и на Каспий, а несколько позднее — по пути из «варяг в греки», по Днепру и Черному морю в Царьград. В связи с этим следы их временных стоянок встречаются кое-где во внутренних русских областях; в прибрежных же областях находят гораздо менее следов их пребывания.

Следующими за скандинавами конкурентами в борьбе за господство на восточном побережье Балтийского моря были немцы. Трехвековая война немцев с балтийскими славянами на южных берегах Балтийского моря и последующая борьба их с литовцами, с другими прибалтийскими народами и с русскими нигде так сжато, красочно и ярко не описана, как в «Хронологических выписках» К. Маркса. Воспользуемся некоторыми выдержками из них: «От Вислы до устья Невы (жили): э с т ы, л и в ы или л а т ы ш и, к у р ы, л и т о в ц ы и п р у с с ы... только в XIII в е к е вследствие с о п р и к о с н о в е н и я с немцами и с к а н д и н а в а м и они получили язву христианства (Christenseuche), крепостное право, и их стали истреблять.

Христианско-германская культура прежде всего захватила пруссов; живя на границе Польши, они видели, что это означает подчинение императору и папе... они оказывали сопротивление точно так же, как оказывали его подвергнутые крещению поморяне и венды (прибалтийские славяне.— *Ю. Г.*), по побережью Балтийского моря...

[1] «Scriptores rerum Danicarum medii aevi II, Hafriae, 1773», p. 106—123. Periplus Otheri, Norwegi et Wulfstani.

[2] «Vita Anskarii», c. XXX. Monumenta Garmaniae historica Scriptores II, 714.

Эсты, куры, ливы, литовцы впервые познакомились с язвой христианства через немецкое купечество; жители незначительных городов в Нижней Саксонии и Вестфалии плавали на своих маленьких ладьях не только вверх по Эмсу, Везеру и Эльбе, но также в Северное и Балтийское моря, торговали по берегам Лифляндии и Эстляндии и до Новгорода еще задолго до того, как ими была основана на острове Готланде колония Висби — общий сборный и складочный пункт северонемецкого купечества...» В 1158 г. «у них были уже фактории в Эстляндии; позднее на Двине (в Лифляндии) они заложили Кирхгольм и Икскюль и могли укреплять свои фактории, но вскоре они стали делать попытки обращения среди ливов, которые сначала мирились со многим, потому что чужестранцы помогали им против их врагов-литовцев; их первый апостол Майнгард умер (1196) в сане епископа Лифляндского, но жизнь его там никогда не была в безопасности; его преемник Бертольд был убит; преемником его был Альберт Апельдернский, паршивый бременский каноник.

...Альберт Апельдернский, епископ, основывает город Ригу (1201), а для того, чтобы иметь постоянное войско, учреждает орден божьих рыцарей (Gottesritter), иначе меченосцев (Schwertbrüder)... Иннокентий III утверждает орден; объявляет туземных язычников вне закона («Vogelfrei»), император Оттон IV дарует епископу Рижскому в лен Ригу с ее областью (!); все больше немецких рыцарей стремится в новый германский лен; их лозунг был: христианство или смерть!» В 1203 г. «меченосцы призвали датчанина Вальдемара II, который завоевывает Эстляндию, основывает там Ревель; эсты вскоре опять сбрасывают иго; в это время у него была распря с меченосцами, те враждовали с епископом Рижским, а также должны были сражаться с литовцами и русскими. Если бы эти племена были единодушны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон... Заразить пруссов христианством особенно стараются герцог Конрад Ма́зовецкий и в 1215 г. немецкий вонючий монах Христиан из монастыря Оливы, первый епископ в Пруссии; так как те восстают... то в 1218 г. вонючий монах проповедует крестовый поход, т. е. убийство и т. д. Иннокентий III... призывает в публичных посланиях немецкое рыцарство к крестовому походу против язычников-пруссов; появляется масса этих бродяг... вонючий Христиан (Stink Christian) создает орден рыцарей...» В 1226 г. «император и папа утверждают договор Христиана Кульмского и тогдашнего великого магистра тевтонского ордена Германа фон-Зальца; тевтонский орден обязуется бороться против пруссов...»

В 1236 г. «обнаглевшие меченосцы... предприняли крестовый поход против Литвы; этих псов жестоко отдули, и сейчас же после поражения им грозило нападение со стороны литовцев, датчан и русских; тогда при папском посредничестве разбитые меченосцы (die schwertgebrochenen Brüder) в Лифляндии объединяются с тевтонскими рыцарями в Пруссии. Тогда дело пошло на лад»[1].

Красноречивая в своей сжатости характеристика, данная Марксом германскому натиску на южные и восточные берега Балтийского моря, достаточно объясняет, во-первых, почему германцы с XIII в. сделались важным фактором в балтийских делах, во-вторых, ту угнетенную роль, которая выпала с того же времени на долю местных племен, как финских (эсты, ливы), так и литовских, с некоторым, правда, преимуществом в пользу последних. Немецкие ордена — меченосцы и тевтоны — стремились подчинить и уничтожить литовцев одновременно с двух сторон: латышей и корсь (куров)—из устья Двины, пруссов—из устья Вислы. Немецкие ордена действовали успешно до тех пор, пока не вызвали мощного отпора со стороны внутренних областей Литвы — собственно Литвы (Аукстотов) и Жомойти, или Жмуди (латинизированная форма — Самогития). Процесс феодализации в среде литовского населения этих земель и политическая экспансия за счет феодально-раздробленного русского Полоцкого княжества привели к созданию Литовского великого княжества Миндовга, Гедимина и их преемников. Достаточно вспомнить деятельность князя Кейстута, правителя западной, Трокской половины Литовского великого княжества в XIV в., чтобы уяснить, какую роль играла в жизни Литовского государства борьба с немецкими орденами и немецким натиском; нельзя отрицать также связи между борьбой с германцами в Прибалтике и Кревской унией Литвы и Польши, заключенной в 1385—1386 годах. Литва и соединенная с ней династически Польша сделались в XV в. могущественным фактором в балтийском вопросе и оставались таковым и в XVI в., когда этот вопрос достиг состояния длительного кризиса.

Русь очень рано получила долю участия в балтийских делах, но далеко не скоро это участие стало заметным и важным. Самое возникновение Полоцкого княжества Рогволода (Raguwald) едва ли не следует связывать с экспансией скандинавов во внутренние земли бассейна Западной Двины. Но Полоцкое княжество, даже в лучшие свои времена, при «князе-чародее» Всеславе, не простирало своей власти далеко за этнографический рубеж русских, который тогда проходил приблизительно там, где он проходит и сейчас: вдоль нынешней границы Литовской и Латвийской ССР с одной стороны и РСФСР и БССР — с другой. Повидимому, дань, которую платили Полоцку латыши и ливы с низовьев Дви-

[1] «Архив Маркса и Энгельса». Т. V. «Хронологические выписки». Т. I, стр. 340—343.

ны и с морского побережья, перестала поступать, как только там водворились немецкие купцы и рыцари. Почти так же быстро исчезли и слабенькие русские форпосты на Двине: Куконойс и Герцике. В XIII в. были моменты, когда самый Полоцк был накануне признания своей зависимости от Риги.

На северном участке попытка проникнуть в Прибалтику исходила от Новгорода. В 1030 г. «иде Ярослав на чудь и победи я и постави град Юрьев»[1] (немецкий Дерпт, эстонский Тарту) на реке Амовже (немецкий Эмбах). Однако зависимость западного побережья Чудского озера от Новгорода, хотя и длившаяся почти двести лет, все время оставалась очень слабой. Осажденный меченосцами Юрьев был после отчаянного сопротивления взят в 1224 г., сожжен и перешел во власть ордена. Генрих Латвийский так заканчивает сообщение о взятии Юрьева: «Когда все мужчины были перебиты, началось у христиан великое торжество; били в литавры, играли на свирелях и других музыкальных инструментах, потому что отомстили наконец злодеям и истребили всех вероломных, собравшихся туда из Ливонии и Эстонии»[2].

Взятие Юрьева распространило владения захватчиков до берегов Чудского озера. Становился на очередь вопрос о завоевании псковской и новгородской земель. Временным решением этого вопроса были события 1240—1242 годов. Они настолько хорошо известны, что их достаточно только отметить. В лице князя Александра Невского, русские получили талантливого полководца, политика и организатора.

Одновременно с немецким орденом такой же завоевательный поход на Русь, прикрываемый благочестивым намерением обратить ее в католичество, был предпринят шведами, конечно, также запасшимися папским благословением. Невская победа 1240 г. надолго отбила у шведов охоту к серьезным планам против Новгорода. Возврат захваченного рыцарями Копорья, обратное отвоевание Пскова и Ледовое побоище положили предел немецким рыцарским апетитам в отношении русской земли и стабилизовали немецко-русский рубеж в Прибалтике. Однако ограниченная власть Александра в Новгороде и Пскове и тяжелое состояние Руси после татарского погрома заставляли Александра отдавать все силы политической и дипломатической деятельности внутри страны и не позволили талантливейшему русскому военачальнику XIII в. прогнать иноземных захватчиков за море и тем изменить судьбы прибалтийских народов.

Первые полвека после бурных событий 40-х годов XIII в. русско-балтийское пограничье продолжало, впрочем, оставаться ареной непрекращавшейся борьбы. Северо-русские князья со своими полками вместе с дружинами Новгорода и Пскова не раз ходили во владения немецкого ордена, причем углублялись в них иногда на десятки верст, одерживая победы, память о которых жила так же устойчиво и долго, как память о Ледовом побоище. Такова была, например, победа при Раковоре (Везенберг), одержанная в 1268 г. сыном Александра Невского Дмитрием и псковским князем, литовским выходцем Довмонтом. В свою очередь немецкие рыцари с вспомогательными войсками из чуди, то есть с эстами и латышами, периодически подходили под Псков, жгли села, разрушали городские укрепления, опустошали псковские пригороды: Изборск, Остров, Велье и др. Однако с течением времени размах походов, как русских, так и немецких, становился все меньше. В XIV и в первой половине XV в. это скорее были пограничные набеги, а не попытки покончить с врагом раз навсегда. Между тем росли у обеих сторон интересы к торговым сношениям друг с другом, и они нередко преобладали над жаждой военных успехов. Рыцари переходят постепенно к мирной эксплоатации захваченных еще в XIII в. земель. Русские князья из внутренних областей страны на время, особенно в XIV в., отходят от новгородско-псковских дел. Занятые своими феодальными спорами, они мало вмешиваются в дела на «немецком» рубеже и предоставляют классовой борьбе «вящих» и «молодших» в обоих вольных русских городах развиваться своим путем. Новый период вмешательства русских в дела Прибалтики настанет лишь по завершении объединения всех северовосточных русских земель и после превращения их в русское национальное государство со столицей в Москве.

Южнее, на собственно литовско-немецком пограничье, где немцы истребляли пруссов и где и Тевтонский и Ливонский орден одновременно с двух сторон теснили жмудь, происходил тот же процесс приостановки немецкого натиска и стабилизации немецко-литовской границы, но он имел место немного позже: начавшись при Гедимине и его сыне Кейстуте, процесс этот продолжался с особенной силой при Витовте, Ягайле и их преемниках. Первая литовско-польская уния в Креве (1385—1386) на некоторое время сделалась источником военного могущества соединенных государств, что сказалось в начале XV в. на результатах войны Тевтонского ордена с Литвой и Польшей. В битве при Грюнвальде войска ордена были разбиты соединенным войском Ягайла и Витовта. Военная слава ордена пала, и с тех пор история тевтонских рыцарей была уже только историей их дальнейшего падения и угасания. Новые войны при Казимире IV повели к новым поражениям Тевтонского ордена, доведшим его до торуньского (торнского) мира 1466 г., когда орден вынужден был признать свою вассальную зависимость от польского короля и великого князя литовского. Фактическая власть тевтонских рыцарей распространялась только на низовья Вислы и Немана и часть соединяющего их морского побережья.

Таким образом, за триста лет, протекших с начала германского натиска на восточные и юговосточные берега Балтийского моря, положение на этих берегах значи-

---

[1] «Полное собрание русских летописей». Т. I, Вып. 1-й, стр. 149. 2-е изд. Л. 1926.

[2] Генрих Латвийский «Хроника Ливонии», стр. 240. М. и Л. 1938.

тельно изменилось. Скандинавские страны и народы, когда-то игравшие там первую роль, перешли на второстепенное положение. Немцы, своим вторжением положившие конец независимости и вольности целого ряда народов Прибалтики, вынуждены были приостановить свои завоевания, не покорив литовского народа в его полном составе. Польша, в свое время немало содействовавшая успехам немцев, теперь была объединена с Литвой политической унией и католической верой. Она была сильным государством и могла бросить свою мощь на весы во всех вопросах Прибалтики.

Но за Литвой стояла еще Русь, влияние которой в балтийских делах до событий XIII в. было довольно слабым. Но в конце XV в. русские составляли более половины населения в великом княжестве Литовском, а на севере и северовостоке к этому времени успело образоваться новое единое государство, которому в вопросе о власти и влиянии в делах, касающихся Балтийского моря («dominium maris Baltici») и прилегавших к нему с востока стран, предстояло еще сказать свое веское слово. К 1500 г. факторы, влиявшие на положение Прибалтики, изменились в своем составе и значении по сравнению с временем походов скандинавов и появления там первых ганзейских купцов. В XVI в. противоречия между действовавшими там факторами углубились, обострились и создали балтийский вопрос в новом его виде, причем он занял немаловажное место в международных отношениях северной Европы.

*

В первые десятилетия XVI в. расстановка сил в южных и восточных прибалтийских землях рисуется в следующих чертах. В 1525 г. уже давно ослабевший Тевтонский орден принял реформацию и превратился в «герцогство Прусское»; несколько позднее его примеру последовал находившийся в таком же состоянии Ливонский орден. Когда-то воинствующее католичество исчезло теперь из Прибалтики. Бывшие магистры орденов превратились в средних феодальных владетелей; они не располагали достаточной силой, чтобы быть влиятельными факторами местной истории. Однако если католичество и папское влияние сошли на-нет, то непоколебленной была мощь союза ганзейских городов, в который входили торговые города побережья Северного моря, всей Скандинавии и юговосточного побережья Балтийского моря. Ганзейский союз торговых городов, сложившийся окончательно на рубеже XIV и XV вв. и обладавший огромным флотом, был реальной действующей силой на Балтийском море в XVI столетии. К этой силе примыкали все города Прибалтики и те новые светские герцогства, которые заняли место Тевтонского и Ливонского рыцарских орденов. Прусское герцогство черпало кроме того некоторый приток сил от династической связи с близким Бранденбургом. Торговые немецкие города были экономическими и политическими узами связаны также с внутренней Германией, с империей, хотя последняя, раздираемая в первой половине XVI в. внутренними волнениями, переживала один из периодически наступавших в ее истории моментов упадка.

Так или иначе Ганза и остальные немецкие элементы были самой большой политической силой на всем побережье Балтийского моря. Ахиллесовой пятой Ганзы и немцев вообще были их отношения к скандинавским государствам. Некоторое объяснение взаимных противоречий этих последних в их отношениях с ганзейскими городами можно искать в скороспелой и не доведенной до конца Кальмарской унии 1397 года. Уния была заключена с явным перевесом в пользу Дании, в то время самого сильного и, что особенно надо отметить, самого населенного из скандинавских государств. Дания владела не только северной Ютландией, датскими островами и проливами, открывавшими доступ к Балтийскому морю, но также и южными областями Швеции (Шоне — Skäne,— Халландом и Блекинге) и островами Борнгольмом и Готландом. Кроме того в круг интересов Дании входила Эстония, когда-то захваченная частично Вальдемаром I и вновь уступленная Ливонскому ордену Вальдемаром II. Датский флот был самым многочисленным и сильным из флотов скандинавских стран.

Кальмарская уния, однако, не продержалась и полустолетия. Все политические устремления датских королей Ольденбургской династии были направлены к восстановлению Кальмарской унии. Им удалось удержать и даже укрепить унию с Норвегией. Но попытки подчинить Швецию, вызвавшие ряд ожесточенных войн, окончились полным крахом датских планов при короле Христиане II (1513—1523) и освобождением Швеции от датского владычества, что было окончательно осуществлено шведами под предводительством Густава Вазы во второй четверти XVI века. Естественным союзником Швеции в ее борьбе с Данией были ганзейские города, с ними у Дании были постоянные противоречия в связи с вопросом о запутанном феодальном владении южноютландскими герцогствами: Шлезвигом и Голштинией.

Таким образом, в борьбе Дании против Швеции на стороне последней единым фронтом выступали все немецкие элементы южнобалтийского побережья. К ним примыкало и польско-литовское государство, тогда еще достаточно сильное. Культурная и экономическая тяга влекла его, как главного поставщика хлеба и сырья для Европы, на запад; в то же время ряд исторических условий успел положить глубокую борозду между Польшей, Литвой и ее восточным соседом.

В своей борьбе со Швецией и Ганзой Дания смогла найти только географически далеких союзников. Это были, с одной стороны, западноганзейские города, включая Нидерланды, которым Дания делала уступки в вопросе о пошлинах за проход через проливы. Близкой по экономическим интересам была к Дании в то время Англия, не допускаемая португальцами и испанцами на южные океанские пути в Ин-

дию и искавшая компенсаций в северных широтах: сначала — в Северной Америке, а затем — в северной Азии. В 1540—1550 гг. Англия не пренебрегала и возможностями проникновения в Балтийское море, вплоть до самых дальних его уголков. В глубине Финского залива Дания нашла себе третьего возможного союзника против Ганзы и Швеции. Это была объединенная Иваном III Русь — давний враг Ливонского ордена и немецких торговых городов: Риги, Ревеля, Нарвы и других,— недавно выступившая активно против Литвы — Польши в борьбе за безграничные просторы порубежных земель.

В наши цели не входит анализ истории образования национального русского государства при Иване III. Достаточно привести хорошо известные слова Маркса: «Изумленная Европа, в начале княжества Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал надменные речи московитов»[1].

Уничтожение новгородской вольности в 1478 г. сделало великого князя московского прямым хозяином и владыкой на «немецком» рубеже, то есть на границах орденских владений. Это не замедлило сказаться на пограничных отношениях. Противодействие нападениям и набегам немцев усилилось: навстречу рыцарям выходили теперь не только новгородцы и псковичи, но и московская великокняжеская рать. В 80—90-х годах XV в. столкновения стали крупнее и решительнее и русские чаще, чем раньше, брали верх над немцами. Особенно значительной была победа русских под городком Гелмедом в 1501 г. (к западу от пригорода Острова). Очень упорным было сражение при озере Смолине, западнее Гелмеда. В 1493 г. Иван III вступил в союз с королем Дании Иоанном; в договоре содержались планы раздела в будущем владений Ливонского ордена между Россией и Данией. Война со Швецией, в которой Россия приняла участие в силу заключенного договора, началась в 1496 г., но не была удачной для русских. Русские вторглись в Финляндию и далеко зашли за рубежи, установленные все еще считавшимся действующим ореховским договором 1323 года. Они опустошили страну до Тавастгуса и Каяны и осадили Выборг. Однако ответный морской поход шведов под начальством правителя Швеции Сванте Стуре отдал в их руки Иван-город — только что выстроенную Иваном III крепость, угрожавшую Нарве,— и война кончилась вничью. За год до этих событий, в 1495 г., под предлогом оскорбления, нанесенного Ивану III ревельскими властями, и за обиды, причиненные в этом городе русским, Иван III закрыл в Новгороде немецкий двор и немецкую церковь на этом дворе, конфисковал немецкие товары и велел схватить и задержать всех бывших в Новгороде немецких купцов. Орден в этот момент смолчал, и инцидент был исчерпан извинениями со стороны присланных из Ливонии купцов.

Описанные события имели большое значение. В число боровшихся за «dominium maris Baltici» вступил наиболее далеко оттесненный от самого моря и до тех пор несмотря на отдельные блестящие успехи державшийся осторожной, оборонительной политики противник. Образование большого и крепкого национального русского государства и его отклик на поиски союзника Данией, все еще гнавшейся за миражем Кальмарской унии, изменили дело. В государстве Ивана III намечался будущий активный участник стараний разрешить балтийский вопрос в целом. В союзе только с одним из скандинавских государств, Данией, Московское государство могло составить грозную силу впротивовес уже обозначившемуся к тому времени союзу Швеции, не забывавшей своих интересов в Прибалтике, и ганзейских городов, все еще представлявших большую реальную силу на Балтийском море несмотря на некоторое общее их ослабление, вызванное происходившей перестановкой морских путей и появлением новых морских держав.

Однако действительная попытка России разрешить балтийский вопрос в свою пользу имела место только через пятьдесят с лишком лет после описанных сейчас событий. Эти полвека были временем дальнейшего укрепления и развития московской державы: великое княжение Василия Ивановича было не пустым местом между двумя Иванами, а крепким звеном в цепи роста русского государства. В княжение Василия на первом месте во внешней политике стояли московско-литовские отношения; на войны с Литвой, давшие Москве Смоленск и продвинувшие московские владения до Гомеля, ушла половина 28-летнего правления Василия. Большое внимание было уделено продвижению в сторону Казани, увенчавшемуся перенесением московской границы до впадения в Волгу Суры. Василий продолжал развивать неограниченную власть, унаследованную от Ивана III. О крутой его власти рассказывает посол германского императора Герберштейн, уверявший, что безграничностью своей власти над подданными Василий превосходил всех монархов мира. О времени правления бояр в малолетство Грозного говорить не приходится: в истории развития централизованного феодального русского государства это было время задержки и реакции.

До 50-х годов XVI в. русская политика в области балтийского вопроса не делает ни шага вперед. В 1513 и 1524 гг. подтвержден был мирный договор со Шве-

[1] «Astonished Europe at the commencement of Ivan's reign hardly aware of the existence of Muscovy, hemmed in between the Tartar and the Lithuanian, was dazzled by the sudden appearance of an immense empire on its eastern confines and sultan Bajazet himself, before whom Europe trembled, heard, for the first time the haughty language of the Muscovite». K. Marx. «The secret diplomatic history of the eighteenth century», Chapt. V, p. 81. London. 1899.

цией, заключенный на 60 лет еще в 1508 г.; сама Швеция все еще была занята окончанием освободительной войны с Данией. Ливонский орден, успевший принять реформацию, влачил существование, подобное тени; у Москвы с ним и с городами Ливонии и Эстонии через каждые десять — двенадцать лет устанавливалось перемирие на новые сроки, хотя и при наличии перемирия взаимные отношения не отличались сердечностью. С Данией, союзницей с 1493 г., отношения были лучше. В 1511 г. был подтвержден союзный договор с королем Иоанном; в 1517 г. последовало новое подтверждение союза с королем Христианом II, причем датским купцам было разрешено построить дворы в Новгороде и в Иван-городе под Нарвой. В общем оставалась в силе та группировка прибалтийских государств, которая наметилась еще в конце XV века. На одной стороне были Россия и сравнительно дружественная ей Дания, за которой в известном отдалении стояла Англия, заинтересованная в свободном доступе к Балтийскому морю. Этой группе противостояла другая — Швеция и ганзейские города; последние непрерывно враждовали с Данией из-за Шлезвига и Голштинии и из-за прохода через проливы. Польша и Литва, примыкая ко второй группе, держались до времени спокойно. Попытки нарушить такое призрачное равновесие следовало ожидать от России: она почти не владела ни одним клочком балтийского побережья, а между тем именно она в нем более всего нуждалась, чтобы иметь возможность завести свои гавани и свой флот и свободно торговать с европейскими странами. Силы у России были накоплены. Ей нужны были только энергичный вождь и удобный предлог, чтобы активно вмешаться в дело.

Задача, которую намечал Иван IV, была той самой задачей, которую сто пятьдесят лет спустя поставил и действительно разрешил в пользу России Петр. Задача эта по отношению к Петру четко сформулирована К. Марксом: «Указывают, что ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; что ни одна нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья рек были от нее оторваны; что Россия не могла оставлять устья Невы, этого естественного выхода для продукции северной России... в руках шведов» [1].

А ведь положение Ивана было все-таки лучше положения Петра: и устье Невы, и побережье Финского залива до устья Наровы, и самая Нарова с каменной твердыней Иван-городом против Нарвы были в руках русских, но на море не было русских судов, и «сбыт продукции» внутренних русских областей оказывался в зависимости от доброй воли приморских балтийских государств и главным образом — ганзейских немцев. Иван прекрасно сознавал, что для свободы рук на Балтийском море необходимо иметь гавани и флот. К мысли о завоевании гаваней на Балтийском море Иван пришел за несколько лет до начала Ливонской войны, вероятнее всего, сейчас же после того, как ему удалось добиться крупнейшего успеха своего царствования: завоевать Казанское и Астраханское царства, точнее говоря, всю восточную половину великой восточноевропейской равнины. Но завоевание Волги не могло удовлетворить Ивана, потому что открывало дорогу только к закрытому Каспийскому бассейну. Скоро разочаровался он и в надежде разрешить черноморскую проблему. Единственный рекогносцировочный поход вниз по Днепру под начальством дьяка Ржевского, одного из первых командиров вновь учрежденных в 1550 г. стрельцов, и князя Дмитрия Вишневецкого, едва ли не родоначальника запорожских казаков, был снаряжен в конце 50-х годов, когда уже начиналась Ливонская война, и не дал серьезных результатов. Мысль о черноморском юге была оставлена. Дипломатическая и военная подготовка к войне за Балтийское море была начата заблаговременно. Надо отметить, хотя это хорошо известно, что Иван имел мало единомышленников, понимавших необходимость не углубляться в южные степи, а прежде всего разрешить балтийский вопрос. Ему не сочувствовали самые видные члены «избранной рады»; это разномыслие царя и его главных в то время советников способствовало их удалению и падению в самом начале Ливонской войны.

Когда в 1554 г. послы Ливонского ордена приехали в Москву хлопотать об очередном продлении перемирия, им было предъявлено требование об уплате дани с «Юрьевской волости», которую они давно не платят, между тем как, по договору 1503 г., обязались уплачивать ежегодно. За это «неисправление», за обиды русским купцам, за отобрание русских церквей и русских «концов» в Дерпте (Юрьеве) и других городах «государь положил свой гнев на магистра-епископа и на всю землю Лизонскую, а наместникам своим перемирия не велел давать» [2]. Ливонские послы принуждены были обещать в течение ближайших трех лет внести не выплаченную дань за пятьдесят лет.

В начале 1557 г. ливонское посольство снова явилось в Москву — без денег и с просьбой сложить дань. Последовал новый отказ. В декабре ливонцы приехали с несколько измененными предложениями о дани; на ультимативное требование Ивана не-

[1] «It has been said that no great nation has ever existed or been able to exist in such an inland position as that of the original empire of Peter the Great; that none has ever submitted thus to see its coasts and the mouths of its rivers torn away from it; that Russia could no more leave the mouth of the Neva, the natural outlet for the produce of Northern Russia, in the hands of the Swedes». K. Marx «Secret diplomatic history of the eighteenth century». Chap. VI, p. 87.

[2] Соловьев С. «История России». Кн. II. Т. VI, стр. 110—113. Изд. тов. «Общ. польза».

медленно внести дань согласно их новым предложениям послы ответили, что денег с ними нет. В январе 1558 г. русские войска вторглись в Ливонию. О приготовлениях к Ливонской войне первый англичанин, бывший в Москве зимой 1553—1554 г., Ричард Ченслор, рассказывает, что русский царь оставляет на границах своей страны «не малое число воинов. На границах Лифляндии он оставляет 40 тысяч, на границах Литвы — 60 тысяч». Быть может, эти цифры преувеличены, но они говорят о том внимании, которое уделяло Прибалтике московское правительство еще задолго до начала Ливонской войны [1].

К словам ливонских послов, приезжавших в Москву в 1554 г., надо, конечно, относиться с некоторой критикой, тем не менее следует отметить их утверждение, что они, «направляясь к царской столице, заметили на дороге лихорадочную подготовку к войне: на расстоянии каждых четырех или пяти миль они видели недавно отстроенные ямские дворы с громадными помещениями для лошадей; еще более их поразили целые обозы саней, нагруженных порохом и свинцом, которые тянулись к западной границе» [2]. Самый серьезный и наиболее заслуживающий доверия из англичан, посетивших царя Ивана в Москве, рассказывая об обеде во дворце 25 декабря 1557 г., то есть накануне вторжения русских войск в Ливонию, упоминает о 2 тыс. татар-воинов, «которые только что явились с изъявлением покорности царю и назначены были служить ему в его войне с лифляндцами. Эти татары были также угощаемы обедом во дворце» [3].

Европейские государства, связанные интересами с Ливонией, в общем сохраняли мирные отношения к России до конца 50-х годов, если не считать очень короткой войны России со Швецией, вспыхнувшей в 1554 г. из-за пограничных споров и из-за отказа московского правительства сноситься со шведским королем непосредственно, а не через новгородских воевод, как это повелось исстари. Обещанная королю Густаву Вазе помощь со стороны Ливонии и Польши не была оказана. Шведы не смогли взять осажденного Орешка. Русские безуспешно осаждали Выборг и сильно опустошили Карельский перешеек. Серьезных причин продолжать войну не было, и стороны скоро помирились. В договоре было оговорено для русских право свободной торговли в Швеции и даже право через Швецию ездить в Любек и в «Антроп» (Антверпен), в Испанскую землю, во Францию и в Англию. В этом ясно видно стремление Ивана IV облегчить русским купцам доступ в Европу.

Прошло уже более полувека, после того как «изумленная» Европа была поражена появлением на ее северовостоке могучей державы Ивана III. Изумление перед продолжавшим крепнуть русским государством давно уже успело перейти в страх. А страх вызвал старания задержать развитие русской мощи всеми доступными средствами и прежде всего путем остановки ее культурного, экономического и технического роста. В этих целях не пропускали в Москву знающих и образованных людей, сведущих в точных науках: техников, инженеров, опытных артиллеристов и всякого рода представителей военно-технических знаний.

Наглухо запереть московскую границу было, конечно, невозможно. При Иване III и даже еще при Василии нужные Москве люди проникали со стороны юга и Черного моря; единицами они проникали через издавна враждебные Польшу и Литву; после 1553 г. они потекли через открытое англичанами Белое море. Но в годы подготовки Ливонской войны все враждебные России силы на берегах Балтийского моря принимали меры, чтобы прекратить доступ ученых техников в московские владения. О задержке и даже аресте отдельных предприимчивых людей такого типа известия идут уже с 1530 года. Наиболее крупным был инцидент 1547 года. Иван отправил в Германию выезжего саксонца Ганса Шлитте с поручением набрать и переправить в Москву как можно больше ученых техников и опытных и знающих ремесленников. Шлитте получил соответствующее разрешение императора Карла V, набрал 123 человека и доставил их в Любек. Когда об этом узнало правительство Ливонского ордена, последовало представление императору об опасности, могущей произойти для Ливонии и для других стран по берегам Балтийского моря, если Московское царство получит возможность неограниченно снабжать себя нужными ему техническими силами. Император в ответ на это дал полномочие магистру ордена не пропускать в Россию ученых, художников и техников. Шлитте был задержан в Любеке и посажен в тюрьму, а набранные им люди разбрелись. Фактически это было объявлением культурной блокады Московского государства. В сущности, такая блокада поддерживалась и во время войны. На съездах имперских князей в 1560 и 1564 гг. обсуждались вопросы о помощи со стороны Германской империи своей старой колонии — Ливонии,— о запрете торговли с Россией через захваченную Иваном Нарву и в особенности о запрете провоза в Нарву оружия и провианта.

В конце 70-х годов за общегерманскую интервенцию в русские дела вел усиленную агитацию бывший опричник Ивана Грозного — Генрих Штаден. Сигизмунд-Август, король польский и великий князь литовский, до конца своей жизни (1572) осаждал письмами английскую королеву Елизавету, прося ее прекратить отправку кораблей с английскими товарами в Нарву.

Иван IV в общем подготовился к войне неплохо; но готовились к ней и все возможные враги царя, осевшие на берегах Балтийского моря. В 1558 г. Иван имел основание не считать своими прямыми вра-

---

[1] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Перевод с английского Ю. В. Готье, стр. 59. 1937.

[2] Виппер Р. «Иван Грозный», стр. 43. М. 1922.

[3] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 77.

тами только два северных государства: Данию, старую союзницу его деда и отца, истощенную почти столетней борьбой со Швецией и еще более долгой борьбой с ганзейскими городами, и нового врага Ганзы — Англию, которая в XVI в. появилась в Балтийском море, пользуясь ослаблением Ганзейского союза. В Данию Иван посылал в 1562—1563 гг. управлявшего тогда посольским приказом дьяка И. М. Висковатого; в 70-х годах, опираясь на ту же Данию, царь пытался осуществить дипломатическую комбинацию с Ливонским королевством, поставив во главе последнего датского принца Магнуса.

Англия, стремившаяся к освоению морских путей на всем севере, начала энергично эксплоатировать открытый ею в 1553 г. путь в Московию. Балтийский путь через Нарву с 1558 г. дублировал и укреплял Беломорский путь. Несмотря на протесты всех приморских балтийских государств и на пиратские разъезды любекских и гданских корсаров Англия до конца войны ввозила в Нарву и оружие и иные товары.

Спутник Ченслора шкипер Уиллиам Берроу (Burrough), впоследствии адмирал королевского флота, будучи начальником целого каравана судов, шедшего в Нарву, разбил в 1570 г. по дороге данцигских корсаров, часть их захватил в плен и сдал на расправу нарвскому воеводе[1]. В 1566 г. английские моряки Томас Соутэм и Джон Спарк исследовали на лодках путь от Холмогор до Новгорода по Белому морю, по трассе теперешнего Беломорско-Балтийского канала и по рекам и озерам Ладожского бассейна. Их целью было организовать перевозку товаров по этому пути[2]. Однако удельный вес английских услуг во время войны был едва ли особенно велик.

Такова была международная обстановка вокруг Балтийского моря, когда Россия впервые попыталась разрешить балтийский вопрос в своих интересах. Ливонская война, длившаяся двадцать четыре года, началась большими успехами русских и кончилась крушением всех расчетов и надежд царя Ивана. Нам предстоит вникнуть в причины краха этого огромного предприятия, которое Иван IV, можно думать, считал важнейшим делом своего царствования.

Первые два года Ливонской войны считаются временем блестящих успехов русского оружия. За эти два года русские заняли довольно значительную часть территории Ливонского ордена, но морским побережьем овладели прочно только у Нарвы, которая и сделалась на двадцать три года главной русской гаванью. К наиболее притягательным пунктам — к Ревелю и Риге — продвинуться русским не удалось. Завоевания были совершены обычной для того времени дворянской конной армией, не знавшей ни правильного строя, ни сколько-нибудь четкой дисциплины. Обученной пехоты было мало; артиллерия была неплохая, но для успешной осады больших укрепленных городов, например Ревеля или Риги, ее не хватало. Кроме русской дворянской конницы в Ливонии действовали крупные массы только что покоренных народов Поволжья под командой бывшего казанского царя Шиг-Алея (Шейх-Али). Вторжение в Ливонию огромных недисциплинированных масс кавалерии, подавлявших своей численностью, и было основной ошибкой русских. Как русская дворянская конница, так и конница поволжских народов производили страшное опустошение края и в результате вызвали к себе в коренном населении ненависть, не ослабевавшую до конца войны.

Большим ударом для русских было распадение ордена в 1561 г., причем собственно Ливония отдалась лично под власть короля польского и великого князя литовского Сигизмунда-Августа; Эстонию и, в частности, Ревель заняли шведы с согласия городского бюргерства и рыцарства; остров Эзель захватила Дания; южная часть Ливонии, далекая от театра войны, была превращена в светское герцогство Курляндию, под властью последнего магистра ордена — Готтгарда Кеттлера. И Литва, и Польша, и Швеция, и ливонцы были давними и постоянными врагами русских, все они в какой-то мере ждали войны и к ней приготовились. Вступление в войну новых государств, ничем не уравновешиваемое, было новым ударом, нанесенным русским. Впрочем, шведов было мало, и они в первое время не предпринимали больших наступательных действий; литовские ополчения были численно больше, но по своим военным качествам, не подкрепленные западноевропейскими наемниками, они были не выше московской дворянской конницы. Наступил период колебания военного счастья и переменных успехов. Русские сумели занять Полоцк с частью Белоруссии, но в то же время потерпели и ряд поражений.

Между тем наступил третий этап войны, когда особенно проявилась бесспорно искусная дипломатия Грозного. Но тут новым ударом для русских явились перемены во внутреннем состоянии Московского царства. Теперь, хорошо зная историю заговора бояр против Ивана, вскрытого в 1567—1568 гг., и последовавшего за ним взрыва террора, а также погрома Новгорода, сопоставляя эти события с хозяйственным кризисом, постигшим Россию в 70—80-х годах, мы легко можем понять, во что обошлись стране опричнина и напряженная война. Врагам стало ясно, что Россия накануне истощения. Земский собор 1566 г. гордо отверг в угоду царю сравнительно приемлемые условия мира и тем оказал плохую услугу русскому народу. Иван, талантам и энергии которого уже давно удивлялись его недруги, хотя и побаивались при этом его, к концу 60-х годов становится пугалом Европы. Рассказы Шлихтинга в 1570 г. в Варшаве сделали невозможной поездку в Москву Поссевина, уже намечавшегося на роль посредника для заключения мира. За годы колебаний, перемирия и переговоров западный сосед

---

[1] Толстой Ю. «Первые 40 лет сношений между Россией и Англией». СПБ. 1876.

[2] См. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 81—88.

России усилился: Польша успела принудить Литву к заключению Люблинской унии, односторонне выгодной для Польши. А положение на театре войны оставалось прежним. Царь Иван с половины 60-х годов не подвинулся ни на шаг к цели, которую он ставил себе, начиная вооруженный спор с Ливонией. Приходилось прибегать к новым военным усилиям и к новым дипломатическим уловкам.

С началом 70-х годов, в особенности во время двух «бескоролевий» в Польше, сопровождавшихся бегством короля Генриха Валуа и бесплодными переговорами о кандидатуре Ивана IV на польско-литовский престол, внимание царя было перенесено на северную часть Ливонии: его начинает привлекать Ревель, а не Рига, занятая Речью Посполитой в 1581 году. В 1572 г. царь Иван становится во главе похода, главной целью которого была приморская часть Ливонии и низовья Двины, а также оккупированная шведами северная часть Ливонии. В отношении грабежей и опустошений поход 1572 г. повторил прискорбные явления конца 50-х годов. Симпатии местного населения были безнадежно потеряны. Не помог делу и последний личный поход Ивана в Эстонию в 1577 году.

Дипломатия Ивана должна была играть особенно важную роль в задуманном им в 1570 г. создании буферного Ливонского королевства, престол которого был предложен Иваном брату датского короля — принцу Магнусу — вместе с рукой племянницы царя, дочери убитого Владимира Андреевича Старицкого. Ливонский король должен был стать вассалом царя, или, по русскому выражению того времени, его голдовником. Положение голдовника оказалось далеко не блестящим. Придирки и требования Ивана, его желание, чтобы «король» Магнус был только исполнителем его повелений, не создали последнему прочного положения в глазах его условных подданных. Новый поворот счастья заставил его в 1580 г. перейти на сторону врагов Ивана. С представителями наименее враждебной ему Дании Иван, в конечном счете, не сумел поладить.

В 1577 г. Иван IV достиг наибольших территориальных успехов в Прибалтике. Включая вассальные владения Магнуса, в которых царь распоряжался, как хотел, русские держали в своих руках всю страну, кроме Риги и устья Двины на юге, Ревеля и его окрестностей на севере. Они даже переходили по льду на остров Эзель, в непосредственные владения Магнуса. Но заветная цель Ивана — овладение всеми ливонскими гаванями — оставалась все же недостигнутой. 1577 год был годом окончательного перелома. В декабре 1575 г. на престол Речи Посполитой был избран турецкий вассал Стефан Баторий, семиградский воевода, кандидатура которого была поддержана и Швецией. 18 апреля 1576 г. он торжественно въехал в Краков. Три года с редкой энергией собирал он деньги и занимался организацией армии. В июне 1579 г. начался его первый победоносный поход против московских армий, на Полоцк и далее, в тыл занятой русскими Ливонии. Споткнулся Баторий только при третьем походе, на осаде Пскова, и принужден был окончить войну при пристрастном посредничестве Поссевина, добившись лишь того, что Иван потерял свои завоевания. Причины побед Батория совершенно ясны: наличие у него многочисленной немецкой и венгерской наемной пехоты и артиллерии, знакомство с тогдашним передовым военным искусством, уменье подобрать себе сотрудников и личный талант полководца. В то же самое время и Швеция бросила против Москвы новые, свежие силы, среди которых видное место занимали наемники под командой французского выходца — гугенота Понтюса де ла Гарди. В 1586 г. шведы отобрали последний оплот Ивана в Эстонии — Нарву — и заняли старинное русское побережье Финского залива до устья Невы. Мир в Запольской Яме в 1582 г. и перемирие на реке Плюсе в 1583 г. были достигнуты ценой отказа от всего, что было завоевано Иваном Грозным за двадцать четыре года войны.

Иван проиграл самую крупную ставку своего царствования и не разрешил балтийского вопроса. Главными причинами поражения были отсталость русских в области военной техники и военного искусства, с чем Иван боролся, как мог, еще задолго до войны, внутреннее расстройство страны и многочисленные политические ошибки, допущенные в завоеванных областях во время их оккупации.

Если судить по положению, создавшемуся в 1582 г., то можно думать, что балтийский вопрос был разрешен в пользу Речи Посполитой, получившей большую часть Ливонии. Но думать так было бы ошибкой. Победы Батория внушили польским магнатам мысль, что Москву можно одолеть и подчинить. Однако планы их провалились. Стремясь покорить Россию Польше, они упустили Ливонию, которую отобрал от Польши Густав-Адольф. На самом деле длительное решение балтийскому вопросу дал Петр, осуществивший план Ивана IV. В интересах же народов Прибалтики, не выходивших из чужого повиновения с XIII в., балтийский вопрос был разрешен только событиями 1940 г., соединившими свободные народы восточного побережья Балтийского моря с братским Союзом ССР.

СЕКРЕТНЫЙ ДОГОВОР ЕКАТЕРИНЫ II С ГУСТАВОМ III ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 ГОДА *

П. Алефиренко

3(14) августа 1790 г. в Вереле был заключен мир между Россией и Швецией. Швеция, истощенная войной, не получив обещанной Пруссией и Англией помощи, согласилась на заключение мира с Россией без изменения границ. России этот мир был желателен ввиду крайнего экономического напряжения страны, вызванного затянувшейся войной с Турцией, а также ввиду обострившихся отношений с Англией и Пруссией.

Не довольствуясь заключением мира со Швецией, Екатерина считала нужным заручиться помощью этого государства. Учитывая финансовый кризис Швеции, она предложила шведскому королю Густаву III субсидию по 300 тыс. рублей в год сроком на 8 лет при условии, если он согласится заключить союзно-оборонительный договор с Россией. По этому договору, Швеция должна была подтвердить мирные условия в Вереле и признать заранее те завоевания, которые Россия сделала бы в продолжавшейся еще войне с Турцией. В договоре была статья о взаимной военной помощи на случай новой войны. Кроме того проект договора, выработанный правительством Екатерины, имел секретные статьи, которые предусматривали денежную субсидию Швеции в размере 2 млн. рублей и совместные действия против революционной Франции.

Россия намеревалась привлечь к союзу с Швецией Данию, Испанию, а также и Францию после восстановления в ней монархии. Таким образом, предполагалось организовать северный союз, противопоставив его союзу Пруссии с Англией. Екатерина II писала своему послу в Швеции графу Стакельбергу: «Если шведский король, как прежде казалось, выскажет вам желание присоединиться к нам в смысле союза и примет обширный проект семейного договора во имя вечного, нерасторжимого мира трех северных держав — России, Швеции и Дании, то я с радостью соглашусь на это и сделаю, конечно, все, от меня зависящее» [1].

«Но, с другой стороны, шведский король очень умный человек и далеко не равнодушен к славе; я думаю, он не захочет пренебречь случаем добыть ее сообща с нами в деле освобождения Севера от англо-прусской диктатуры и постановки надежного оплота против дерзких ее притязаний. Его величество едва-ли предпочтет для своей державы подчиненное положение относительно этой диктатуры семейному договору и дружбе с Россией, которая со временем может поддержать наследного принца, его сына» [2].

Правительство Густава III хотело воспользоваться благоприятными для него обстоятельствами, чтобы выторговать более солидную денежную помощь от России; поэтому оно одновременно вело переговоры также с Пруссией и Англией, которые толкали Швецию на новую войну с Россией, обещая ей свою помощь. Переговоры Швеции с Пруссией и Англией тревожили русское правительство. Екатерина писала Стакельбергу, что ей гораздо приятнее иметь в лице Густава III союзника, чем врага, а в крайнем случае предполагала добиться от него нейтралитета. Но условия, которые выставлял Густав III, были неприемлемы для России, и Екатерина предложила свой контрпроект.

«Если контрпроект не понравится шведскому королю,— писала Екатерина,— тем более что он (король) выставляет нам на вид все выгоды, которые вытекают для него из союза с королем прусским, английским и турками, в таком случае следует попытаться склонить его по крайней мере к нейтралитету, предлагая некоторые уступки с нашей стороны, т. е. те, которые содержатся в нашем ответном проекте, чтобы он не перешел на сторону наших врагов» [3].

Но союз между Пруссией, Англией и Швецией не был заключен. Углубление и расширение революции во Франции отвлекли внимание Пруссии и Англии от русских дел. Между тем Густав III искал новой военной авантюры, успехом которой он на-

---

* Глава из кандидатской диссертации тов. Алефиренко.

[1] Письмо Екатерины II к чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Швеции графу Стакельбергу от 16 апреля 1791 г. «Русская старина» за 1871 год № 5, стр. 606.

[2] Там же, стр. 607.

[3] Там же, стр. 606.

деялся ослабить недовольство его политикой. Екатерининское правительство учитывало это обстоятельство и толкало Густава на войну против Франции.

В мае 1791 г. Густав III отправился в Ахен.

«В то же время я отправила барону фон-дер-Палену письмо,— сообщала Екатерина графу Стакельбергу,— в котором говорится о контрреволюции во Франции и которое барон фон-дер-Пален прочтет королю шведскому, а этот последний в состоянии обсудить его лучше, нежели я. Но он найдет там воспламеняющие материалы по этому делу, в особенности, если оно уже пустило корни в его голове»[1].

Екатерина II заставляла французских принцев вести непосредственно с Густавом III переговоры об оказании им военной помощи для возвращения престола. Со своей стороны она не прекращала переговоров с Густавом III об организации интервенции против революции во Франции. Она надеялась на успех Густава в войне против Франции и самоуверенно заявляла своему секретарю Храповицкому: «Мы с ним часто в мыслях разъезжаем на Сене в канонерских лодках»[2]. Екатерина II в переписке с Густавом III убеждала его в том, что борьбу против революции необходимо начать немедленно, что революция угрожает всем монархам и что для Швеции и России также выгодно «возвратить королю Франции его законные права и преимущества, смотря на это, как на дело государей, и предоставить французскому королю и его государству то место, какое следует ему занимать для действительного, а не химерического равновесия в Европе»[3].

Екатерина обещала Густаву III всяческую помощь и содействие в борьбе против Франции. «Я готова войти в соглашение насчет плана по водворению во Франции порядка»[4],— заявляла Екатерина в инструкции к Стакельбергу. Она желала, чтобы Густав III согласовал с ней весь план кампании против Франции, обещав ему побудить венский двор к совместной акции, а также втянуть в коалицию Испанию и Сардинию. «В отношении Дании я приму на себя не только побудить тамошний двор к нейтралитету, но и воспрепятствовать его нападению на Швецию, а в случае такого нападения я не затруднюсь защитить Швецию от всякого несправедливого и наступательного предприятия»[5].

Поводом к вмешательству в дела Франции со стороны Швеции и России должно было послужить обращение имперских князей и курфюрстов к своим гарантам: к Густаву III как гаранту Вестфальского договора (1648 г.) и к Екатерине II как гаранту Тешенского договора (1778 г.). Екатерининское правительство привлекало к участию в интервенции против Франции как большие, так и малые государства. А германским княжествам, входившим в состав «Священной римской империи», оно диктовало свои условия. Екатерина сообщала об этом Стакельбергу: «Шведский король и я согласны в том, что вестфальский мир очевидно нарушен многими декретами, посягающими на этот мир и провозглашенными национальным собранием. Имперские князья, которых декреты эти касаются ближайшим образом и у которых они отнимают обеспеченные за ними владения, соглашаются уже между собой, чтобы помочь этому, и как только они условятся на счет способов, то им нужно будет обратиться к поручителям. Это они сделают сами по себе, или же их нужно будет побудить к тому и договориться с ними по этому предмету. Как кажется, из всех имперских князей таким соглашением наиболее заинтересован курфюрст Майнцкий»[6].

Старания Екатерины толкнуть Густава на войну против Франции увенчались успехом. Густав не возражал против предложений Екатерины, и она нашла нужным предоставить ему субсидию в 500 тыс. рублей на военные приготовления против Франции еще до заключения с ним конвенции по этому вопросу. Екатерина сообщала Стакельбергу:

«Что же касается разъяснения, вами просимого, насчет тех 500 000 рублей, которые шведский король может взять за моим поручительством, то я думаю, что по справедливости это должно быть таким долгом или такой выдачей, которая когда-нибудь будет уплачена Францией своими средствами, насчет чего, я полагаю, шведский король условится с ними»[7].

Французское дворянство всячески старалось ускорить заключение союза между Россией и Швецией, на военную помощь которых оно рассчитывало. По этому поводу представители дворянства обращались с настойчивыми просьбами к Екатерине. Граф Прованский и д'Артуа писали ей 31 июля 1791 г.:

«...Если императрица, которая может сделать то, что другие считают невыполнимым, захочет предоставить ему (шведскому королю.—*П. А.*) и то и другое (т. е. деньги и возможность объединить силы), захочет помочь ему средствами и присоединить своих восемь тысяч храбрых солдат к шестнадцати тысячам, которые он предлагает выставить, то в таком случае можно было бы увидеть, как в одной из провинций, поблизости от места, где произошел мятеж в сентябре мес. ..., высадится армия, предшествуемая террором»[8].

8(19) октября 1791 г., наконец, был подписан союзно-оборонительный договор между Россией и Швецией, а вслед за ним

---

[1] Письмо Екатерины II Стакельбергу от 17 апреля 1791 г. «Русская старина» за 1871 г. № 5, стр. 610.

[2] Дневник Храповицкого, стр. 244.

[3] Письмо Екатерины II к Стакельбергу от 27 мая 1791 г. «Русская старина» за 1871 г. № 5, стр. 615—616.

[4] Там же, стр. 618.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 614.

[7] Письмо Екатерины II к Стакельбергу от 13 июня 1791 г. «Русская старина» за 1871 г. № 5, стр. 624.

[8] Мемуар графа Прованского и д'Артуа — Екатерине II от 31 июля 1791 г. Feuillet de Conches. T. II, стр. 194—202.

была подписана секретная конвенция «по поводу восстановления равновесия в Европе и французской монархии»[1]. Целью конвенции было создание мощной «северной лиги» против Пруссии и Англии. Этого нельзя было достигнуть без монархической Франции. Ближайшей задачей конвенции явилось восстановление королевской власти во Франции, а также восстановление в правах князей римско-германской империи, которые пострадали от французской революции. Согласно этой конвенции, шведский король обязывался все военные операции против Франции обсуждать с Екатериной. Кроме того он должен был склонить французского короля после его восстановления на престоле к вхождению в состав «северной лиги». Екатерина же, со своей стороны, для совместных действий против Франции была обязана предоставить в распоряжение Густава III некоторое количество военных судов, а также 8 тыс. сухопутного войска. В случае же, если война с Турцией помешает Екатерине послать войско, то она обязана была выдавать Густаву ежегодную субсидию в размере 300 тыс. рублей. Екатерина обязалась также добиться от австрийского императора разрешения на ввод шведских военных судов в порт Остенде и другие порты австрийских Нидерландов, если это окажется нужным по ходу войны с Францией. Екатерина должна была информировать Густава III о всех мероприятиях, которые Австрия намеревалась принимать против Франции. Кроме того императрица гарантировала нейтралитет датского короля в войне Швеции с Францией.

После заключения конвенции Екатерина приступила к разработке конкретного плана выступления Густава против Франции. Раньше всего решено было отозвать под каким-либо видом русского и шведского послов из Парижа, что Храповицкий и отметил в своем дневнике 9 ноября 1791 г.: «Под видом отпуска, отозвать министров из Парижа и ничего не начинать до весны, ожидая... на что решатся другие державы»[2]. Весною же Густав III должен был открыть военные действия против Франции вступлением в австрийские Нидерланды, где к нему должны были присоединиться войска французских принцев. К этому времени должно было состояться и выступление Австрии и Пруссии против Франции. Об этом плане Густав III написал маркизу Буйе:

«...Вы видели также, что она (Екатерина II. — *П. А.)* и я — единственные государи, которые послали министров к принцам, и я могу Вам доверительно сообщить, что наши послы получат приказания покинуть Париж под предлогом отпуска, что мы готовимся и рассчитываем на весну; но что мы договорились усыпить национальное собрание для того, чтобы оно не принимало мер на море, которые могли бы помешать или заставили бы нас делать большие приготовления, потому что мы можем общаться с Вами лишь морем. Между тем она не перестает торопить прусского короля и императора, и я не сомневаюсь, что этой государыне удастся наконец убедить главу Империи в необходимости выполнить обязательства, которые на него возложены как на государя, как на брата и как на императора — придти на помощь сестре и угнетенному королю»[3].

С приближением намеченного срока выступления Густав III стал сомневаться в готовности Австрии участвовать в кампании против Франции, а также и в успехе этой кампании. Екатерина II старалась поддерживать решимость Густава III к выступлению и внушить ему веру в успех дела. Она писала Стакельбергу 3 февраля 1792 г.:

«Дело идет все еще о Франции. Король, надеюсь, будет доволен тем, что я согласна с ним в этом случае. Но я заметила из его слов, что он беспокоится более, чем следует, о благоприятном окончании этого дела, ввиду последующих намерений австрийского двора, который наконец принялся за это дело. Со свойственным лично вам только уменьем рассуждать, внушите королю, что австрийский двор только и можно подвинуть на дела, оказывая ему полное доверие и предоставляя повидимому полную свободу в его действиях; что единственной целью короля и моею в том, что касается французской короны, должно быть, по возможности, восстановление дореволюционного порядка вещей»[4].

Таким образом, Екатерина, привлекая короля Швеции к участию в интервенции против Франции и помешав союзу Швеции с Пруссией и Англией, обеспечила свои северные границы. Екатерина была довольна этим обстоятельством, что и отметил Храповицкий в своем дневнике, записав следующие слова императрицы: «Я рада, что могла на время занять шведов французскими делами»[5]. Одновременно Екатерина старалась толкнуть Австрию, Пруссию и Англию на интервенцию против революционной Франции, что должно было, с одной стороны, обеспечить верный успех в уничтожении революции и восстановление монархии во Франции, а с другой стороны, отвлечь Австрию и Пруссию от вопроса о разделе Польши.

13 марта 1792 г. курьер привез неприятное для Екатерины известие о том, что Густав III 5(16) марта был тяжело ранен во время бала-маскарада. Это известие поразило Екатерину II. На следующий день даже не состоялся ее обычный выход на представление в Эрмитаж. В этот день Екатерина II сама писала Стакельбергу, что она с ужасом узнала о посягательстве на жизнь короля, но что она не теряет на-

---

[1] Приложение к письму Стакельберга Екатерине II 15(26) мая 1791 г. ГАФКЭ. III. Стокгольм. Rapports en Cour Réception. Май — декабрь 1791 года.

[2] Дневник Храповицкого, стр. 255.

[3] Письмо Густава III маркизу Буйе (от 23 декабря 1791 г.), Feuillet de Conches. Т. IV, стр. 479—482.

[4] Письмо Екатерины II к Стакельбергу от 3 февраля 1792 г. «Русская старина» за 1871 г. № 6, стр. 689—690.

[5] Дневник Храповицкого, стр. 245.

дежды на его выздоровление: «Таково по крайней мере мое искреннее желание»[1]. Началу интервенции был нанесен удар. Екатерина была еще больше обескуражена, когда она получила сообщение о смерти Густава III, а также о смерти австрийского императора Леопольда II. Екатерина II откровенно писала Гримму о своих переживаниях в связи с этими событиями: «Я же боюсь одуреть по милости событий, которые так сильно потрясают нервы, как, например, неожиданная смерть императора, убийство шведского короля, ежедневные опасения о том, что произойдет во Франции»[2]. План интервенции был сорван, а кроме того снова возникло беспокойство за позицию Швеции в отношении России. Екатерина II решила всячески поддерживать сына умершего Густава III, проектируя женить его на своей внучке княжне Александре Павловне, чтобы таким образом удержать союз со Швецией. Она писала Стакельбергу: «Если король умирает или уже умер, то объявите от моего имени сильное участие, которое я принимаю в том, чтобы его сын никаким образом не был обижен в своих правах, которые на мой взгляд вполне законны и неоспоримы»[3].

24 февраля 1793 г. Екатерина послала 4 тыс. рейхсталеров для графа Гюльденстольпа, который должен был за это расположить Густава IV в пользу России, убедить его в том, что Екатерина II готова быть ему всегда полезной. Она принимала также все меры к тому, чтобы склонить регента Густава IV, герцога Зюдерманландского, к продолжению политики Густава III в вопросе о союзе с Россией и о борьбе с революционной Францией[4]. В письме к герцогу Зюдерманландскому Екатерина выражала одобрение чувствам отвращения и ненависти, которые он питал к якобинскому правительству во Франции, но она считала необходимым, чтобы эти чувства руководили им во всей его внешней политике. Она писала, что судьба Франции ожидает и другие государства, если не вести борьбы с якобинцами: «Если бог попустит одержать этой секте в других странах такие же победы, как в самой Франции, то от подобной ей судьбы, какие бы во всем остальном ни делали уступки, нигде не будешь в безопасности»[5]. Но вскоре Екатерина II убедилась в том, что регент Густава IV не был намерен продолжать внешнюю политику Густава III. Граф Зюдерманландский возобновил переговоры с Турцией и Пруссией. Он не только прекратил подготовку к интервенции, но начал вести торговлю с революционной Францией. Эта политика Швеции встревожила русское правительство, и оно решило прекратить выдачу субсидий Швеции, а также помешать ей торговать с Францией. Русский флот стал препятствовать торговле между Швецией и Францией. Был пущен слух, что Швеция готова признать Францию. Хотя шведский посол Стединг опровергал этот слух, но репрессии со стороны России против Швеции не прекращались. 25 апреля 1793 г. шведский посланник Стединг обратился с протестом к Остерману по поводу того, что русский флот препятствует торговле Швеции с Францией, что противоречит правилам конвенции о нейтралитете. Россия не пошла на уступки Швеции, объяснив, что конвенция о нейтралитете была заключена на случай «обыкновенной» войны. Война же с Францией выходит за рамки обыкновенной войны. Русское правительство настаивало на том, что французская революция грозит всем государствам и поэтому все государи должны всячески бороться против Франции. Соблюдение же конвенции о нейтралитете в отношении торговли с Францией послужит только на пользу Франции, на что Россия не может согласиться. Остерман довел также до сведения шведского посланника, что Россия прекращает выдачу субсидий Швеции, мотивируя это тем, что субсидия была предназначена на вооружение Швеции против Франции, а Швеция этого условия не выполняет. Не помогло возражение шведского посланника, что «субсидии не состоят... в каком-либо отношении с делами французскими». Вице-канцлер Остерман настаивал на том, «что сии два предмета не совсем посторонни одно другому»[6]. Екатерина II в письме к герцогу Зюдерманландскому подтвердила, что она не разрывает существующего между Россией и Швецией союзно-оборонительного договора, но прекращает выдачу субсидий, так как «обещанные в сепаратной статье субсидии были лишь условным дополнением и касались известных общих планов...»[7]. Так фактически произошел разрыв союза между Россией и Швецией, которая не пожелала идти на поводу у России. Осенью 1795 г. правительству Екатерины II стало известно о заключении союзного договора между Францией и Швецией. Но внешняя политика Швеции уже не представляла теперь угрозы для России, так как правительство Екатерины в союзе с Австрией и Англией при нейтральной позиции со стороны Пруссии вело активную борьбу с Францией.

---

[1] Письмо Екатерины II к графу Стакельбергу от 14 марта 1792 г. «Русская старина» за 1871 г. № 6, стр. 691.

[2] Письмо Екатерины II к Гримму от 4 апреля 1792 г. «Русский архив» за 1878 г. № 9, стр. 200.

[3] Письмо Екатерины к Стакельбергу от 14 марта 1792 г. «Русская старина» за 1871 г. № 6, стр. 693.

[4] Письмо Екатерины II к Стакельбергу от 24 февраля 1793 г. «Русская старина» за 1871 г. № 6, стр. 699.

[5] Письмо Екатерины II к герцогу Зюдерманландскому от 17 января ст. ст. 1794 г. «Русская старина» за март 1879 г., стр. 536.

[6] ГАФКЭ. Конференциальная записка от 25 апреля 1793 г. Лл. 150, 151.

[7] Письмо Екатерины II к герцогу Зюдерманландскому от 17 января ст. ст. 1794 г. «Русская старина» за март 1879 г., стр. 537.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

РОЗЫСКИ КОШУТА В РОССИИ В 1849 ГОДУ

А. Барабой

В Киевском областном историческом архиве хранится любопытное дело, содержащее требование австрийского правительства [1] от января 1849 г. о поимке и выдаче Кошута и других руководителей венгерской революции в случае, если они попытаются укрыться в пределах Российской империи.

Как известно, 5 января 1849 г. австрийский генерал Виндишгрец занял революционный Пешт. Венгерский парламент, революционное правительство и комитет обороны родины переехали в Дебречин (Деберецен). Австрийская реакция восприняла эту свою победу как начало конца венгерской революции. Она обратилась к наместнику российского императора в Царстве польском генерал-фельдмаршалу Паскевичу с требованием о поимке и выдаче вождей венгерской революции, если они попробуют укрыться в Польше. Паскевич сообщил об этом требовании киевскому и бессарабскому генерал-губернаторам. Требование о выдаче касалось 18 человек: 1) Кошута Людвика; 2) жены его Кошут Терезии; 3) Чани Владислава; 4) Шелеси, или Наги; 5) Беоти Эдуарда; 6) Перчеля Морица; 7) Танчича (Станчича) Михаила; 8) Батиани Казимира [2]; 9) Пульски Франца; 10) Васвари Павла; 11) Гергея Артура; 12) Шемере (Семере) Варфоломея; 13) Мадараса Владислава; 14) Бема Карла; 15) Ниари Павла; 16) Таузенау Карла; 17) Люката Александра и 18) Петефи Александра [3].

Австрийское правительство прислало в Россию подробные описания примет всех 18 «политических преступников». На описании примет Карла Бема имеется дата «11 января 1849 г., г. Оффен» [4]. Приметы местами описаны так живо, что могут служить материалом для биографа и для исторической живописи. Описания сделаны по-немецки и по-русски. Они представляют собой ряд граф с вопросами и ответами на них; местами кроме того дано еще связное описание наружности и манер отдельных политических деятелей. Интересны сведения о том, на каких языках говорили Кошут и его сподвижники, а также сведения об их «занятиях». Кошут говорил по-немецки, по-венгерски, по-словацки, по-латыни [5], по-французски. Его «занятие» (или звание) — «адвокат и журналист, а в последнее время президент комитета народной безопасности».

О Кошут Терезии сказано, что она говорит «по-немецки, по-венгерски и по-славянски»; Чани Владислав — «по-венгерски и чисто по-немецки». «Занятие его или звание — бывший комиссар правительства».

Шелеси, или Наги, говорит «по-немецки, венгерски, валахски, французски, немного по-английски и совершенно хорошо по-турецки и сербски». «Занятие его или звание»—бывший австрийский переводчик восточных языков в Землине, а в последнее время секретарь Кошута. Соответствующий лист архивного дела озаглавлен: «Описание примет Шелеси, или Наги (сопутника Коссута)» [6]; по-немецки сказано: «Kossuths Begleiter». В числе его примет указано, что он всегда «имеет при себе в кармане кинжал». Эдуард Беоти говорит по-немецки, по-венгерски, по-латыни и по-французски. Занятие или звание—бывший (sic! — *А. Б.)* член комитета народной безопасности и вице-президент. О Морице Перчеле (Перцеле) сказано, что он говорит по-немецки, по-венгерски и по-французски. Занятие или звание — депутат, а в последнее время мятежнический генерал. Танчич говорит по-венгерски и по-латыни. Его занятие или звание — депутат последнего сейма от Сиклоса и редактор венгерского журнала «для просвещения поселян».

---

[1] 7(19) сентября 1833 г. между Россией и Австрией была заключена конвенция о взаимной выдаче «политических преступников».

[2] Людвиг Батиани, не ушедший с революционным правительством из Пешта, в январе 1849 г. был уже арестован Виндишгрецом. Впоследствии, приговоренный к повешению, он был расстрелян.

[3] Придерживаемся порядка, в котором деятели венгерской революции перечислены в документах архивного дела.

[4] Оффен — немецкое название города Буда, находящегося на правом берегу Дуная, в 1872 г. объединенного с расположенным на левом берегу Дуная городом Пештом в один город — Будапешт.

[5] Как известно, государственным языком Венгрии вплоть до революции 1848 г. была латынь.

[6] Так в оригинале — согласно немецкой транскрипции.

Казимир Батиани говорит по-немецки, по-французски, по-английски и по-венгерски. Занятие или звание—в последнее время комендант в Эссеге[1].

Франц Пульски говорит по-венгерски, по-немецки («чисто без заметного акцента»), по-латыни и по-французски. Занятие или звание — помощник статс-секретаря.

Павел Васвари говорит «испорченным немецким языком, по-венгерски и немного по-французски». Занятие или звание — в последнее время чиновник в министерстве финансов[2].

«Атур Гергей... говорит по-немецки и по-венгерски». Занятие или звание — бывший австрийский поручик, а в последнее время генерал венгерских мятежников.

Варфоломей Семере «говорит худо по-немецки, по-венгерски, латыни и французски». Занятие или звание—бывший (!) министр внутренних дел[3] и член комитета народной безопасности.

Владислав Мадарас говорит «по-венгерски», испорченным немецким языком, по-латыни и немного по-французски. Занятие или звание — член бывшего (!) комитета безопасности и президент полиции.

Карл Бем говорит по-польски, по-французски и по-немецки. Мятежнический генерал.

Павел Ниари говорит «по-венгерски, латыни и плохо по-немецки». Занятие или звание в последнее время — депутат сейма, член комитета безопасности, управлявший (в прошедшем времени!—*А. Б.*) департаментом военного продовольствия и обмундирования.

Доктор медицины Карл Таузенау говорит «по-немецки чисто и кроме того очень хорошо по-английски и по-французски».

Александр Люкат — правительственный комиссар в Реаде.

Александр Петефи говорит по-немецки, по-венгерски и по-валахски. Занятие или звание—бывший (sic!—*А. Б.)* поэт (früher Dichter).

О Кошуте сказано, между прочим, следующее: «Осанка его в тихом расположении духа торжественная, приличная, движения изысканные, но свободные, по большей части держит себя прямо, впрочем это зависит от расположения его духа. Голос его приятный, льстивый (!) и даже, если тихо говорит, внятный. По-немецки он говорит наречием протестантского словака Цинского комитата; вообще он более похож на образованного словака, чем венгерца. Имеет вид фанатика, преимущественно в его хорошо выступающих голубых глазах выражается фанатизм, свойственный ему взгляд вверх подкрепляет это впечатление. В его наружности незаметна энергия его характера... Почерк на немецком языке Л. Коссута доказывает, что он в нем не имеет никакого упражнения; он пишет по-немецки без орфографии и неправильно». Возраст Кошута определен в 45 лет. На самом деле в момент составления этого описания примет Кошуту шел 47-й год (он родился 14 сентября 1802 г.).

О Терезии Кошут написано, что она имеет при себе детей: Франца[4], или Ференца, 9 лет, Нину 6 лет, Ляйоса[5] по 4-му году. О Танчиче в качестве особых примет отмечено, что он «всегда говорит с жаром, носит голову немного возвышенно, в разговоре движет всегда руками». Казимир Батиани имеет очень кроткий взгляд; одежда его щегольская. Павел Васвари имеет прямую походку и пристальный взгляд. Одежда его очень щегольская, носит обыкновенно карбонарский плащ.

Менее всех повезло в этих описаниях Артуру Гергею. В особых приметах о нем сказано только: «близорук, носит очки».

О президенте полиции Владиславе Мадарасе сказано: «Вся физиономия его носит отпечаток цыгана или армянина, говорит скоро, вспыльчив, но умеет владеть собою. При отъезде 3 января с. г. имел на себе суконный двубортный сюртук, черные панталоны, под ним темнозеленый кодрингтон, черную дорожную шубу, обложенную медвежьим мехом».

Бем «держится немного сгорбленно, имеет, как говорят, шрам на лице, в последнее время ранен в лицо выстрелом».

Павел Ниари в разговоре жесткий. Походка его медленная. О Петефи сказано, что он «обыкновенно ходит с открытою шеей, и в платье подражает студентам».

Киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибиков 15 февраля 1849 г. приказал киевскому, подольскому и волынскому губернаторам и начальнику Радзивилловского таможенного округа «сделать распоряжение о задержании... и в случае задержания доставлять под самым строгим караулом в киевскую крепость и меня в то же время о том уведомлять...» Бибиков разослал губернаторам также копии описаний примет 18 венгерских революционеров. Копии не включали сведений о месте рождения, состоянии, вероисповедании, занятии или звании. Оставлялись только физические приметы.

За время с 18 февраля по 2 марта 1849 г. Бибиковым были получены ответы

---

[1] Это указание соответствует действительности. Одновременно Батиани был обергешпаном и правительственным комиссаром Баранийского комитата. В феврале 1849 г. он был назначен губернатором Малой Кумахии, Сегедина и Зомбара. После провозглашения 14 апреля 1849 г. независимости Венгрии он во вновь организованном правительстве Кошута был министром иностранных дел.

[2] Во время революции 1848—1849 гг. в Венгрии министерство финансов было одним из важнейших рычагов революции. Налоговая политика и организация и снабжение революционной армии лежали именно на этом министерстве. Во главе его стоял Кошут.

[3] В момент составления австрийской императорской полицией примет Семере последний оставался министром революционной Венгрии. Он сохранил пост министра внутренних дел и после провозглашения независимости Венгрии.

[4] Будущий политический деятель Венгрии 90-х и 900-х годов, вождь «партии независимости».

[5] Ляйос — Людвик.

от губернаторов и начальника таможенного округа о том, что они распорядились о поимке и задержании венгерских революционеров. Описания примет были разосланы по всем уездам и таможням югозападного края.

Австрийская реакция слишком рано расставила свои сети. Взлет венгерской революции был еще впереди. Весна и начало лета 1849 г. принесли блестящие победы Бема в Трансильвании и серьезное поражение австрийцев при Геделе (6 апреля 1849 г.). Революционная венгерская армия вновь заняла и Пешт и Оффен. И только интервенция 150-тысячной русской армии вместе с изменой правых элементов венгерского движения во главе с Гергеем решили участь венгерской революции 1848—1849 годов. И тогда Кошут и многие его сподвижники предпочли укрыться в Турции.

В марте 1849 г. генерал-квартирмейстер русской действующей армии получил из Молдавии сведения о том, что «из числа главных начальников венгерских мятежников 3 человека, а именно Эдуард Бетт (т. е. Беоти — Beöthy), Мориц Перчель и Павел Васвари тайно пробрались в Молдавское княжество для узнания от тамошних злоумышленников[1] о составе сил и расположении наших[2] войск, о дальнейших их намерениях, а также о сборе и направлении войск в югозападной России». Генерал-квартирмейстер сообщил об этом новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору, а министр внутренних дел — Бибикову. Оба давали директиву о «наблюдении и задержании помянутых мятежников в случае появления кого-либо из них во вверенном... крае».

[1] Т. е. сторонников революции. — *А. Б.*
[2] Т. е. русских.

ОТНОШЕНИЕ К МАРКСУ КИЕВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1884 ГОДУ.

Ф. Щерба

Имя Маркса в 80-х годах XIX века было широко известно русскому студенчеству. К тому времени на русском языке появился уже «Капитал» и ряд других произведений Маркса.

Особенно часто имя Маркса стало звучать на студенческих сходках с 1884 г., когда был введен новый университетский устав. Студенты протестовали против введения университетского устава 1884 г., лишавшего университеты автономии.

Волнения студентов охватили все университеты России.

Большой размах студенческое движение получило осенью 1884 г. в Киевском университете. Как раз на этот год приходился 50-летний юбилей Киевского университета. От студенчества никто не был введен в юбилейный комитет. Когда студенты потребовали, чтобы им было предоставлено право назначения уполномоченных (распорядителей) на юбилейный вечер, ректор университета им ответил, что «хозяин вечера— университет (т. е. правительство), который приглашает студентов как своих гостей, а не хозяев»[1].

Возмущенные ответом ректора, революционно настроенные студенты выпустили прокламацию, которая получила широкое распространение среди киевского студенчества. Особенно замечательна она тем, что в ней впервые прозвучало имя Маркса. «Университет,— говорилось в прокламации,— в котором наука предлагается слушателям профильтрованной сквозь полицейскую цензуру или затхлое миросозерцание добровольного холопа, профессория, университет, где профессора в то же время чины жандармерии, университет, наполненный шпионами— и тайными и явными — во образе педелей— давно превратился из рассадника гуманности и просвещения в школу нравственной проституции и арену для состязания сыщиков»[2].

Студенты в прокламации с яростью обрушивались на Александра III: «Не удовлетворившись обесчещением университетов, российский деспот с своей продажной сворой открыто ругается над самой наукой, изгоняя из всех библиотек, как развращающий элемент, наряду с порнографией, Милля... Маркса. Он со своей сворой задушил лучшие органы общественной мысли и самых мыслителей морит в тундрах и рудниках»[3].

Далее прокламация призывала:

«Мы должны доказать правительственной шайке, что молодая Россия не пойдет на компромисс, что нравственные заушения и возмутительные насилия, которые творят над студентами, выгоняя поголовно из университетов, возбуждая против них общественную травлю, замуровывая в тюрьмах и рудниках, не останутся без отпора со стороны студенчества.

На каждый удар ответят удары, если свет сильнее тьмы, победа будет наша»[4].

Долго охотились киевские полицейские за студенческой прокламацией, где было имя Маркса.

[1] Архив внутренней политики, культуры и быта (Ленинград). Опись 195. Фонд Департамента народного просвещения. Дело № 166987, л. 25.
[2] Там же, л. 105.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 106.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«Історія України». Короткий курс. Під редакцією С. М. Бєлоусова, К. Г. Гуслистого, О. П. Оглобліна, М. Н. Петровського, М. І. Супруненка, Ф. О. Ястребова. Київ. 1940. 411 стр. 75 000. 6 руб. (Академія наук УРСР. Інститут історії України).

Выход в свет краткого курса «Истории Украины», составленного бригадой научных работников Института истории Украины Академии наук УССР, вызван необходимостью иметь для старших классов средней школы учебное пособие, которое одновременно могло бы служить и книгой для самообразования. По замечанию редакции, краткий курс «Истории Украины» «представляет собою первый опыт систематического изложения в сжатом виде истории Украины, начиная с древнейших времен и кончая периодом завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода СССР к коммунизму». Авторский коллектив, в состав которого входят члены редакции и научные сотрудники Института истории Украины: Л. М. Славин, Н. Д. Полонская-Василенко, Ф. Ю. Шерстюк, К. В. Максимчук, Ф. Е. Лось, О. С. Сенченко, П. А. Билик и И. М. Премыслер,— ставил себе целью «показать на основе марксистско-ленинской методологии исторический процесс, который закономерно ведет к победе социалистической революции». Вместе с тем авторский коллектив стремился нарисовать картину «классовой борьбы на Украине, дать историю украинского народа в тесной связи с историей народов СССР, показать роль национально-освободительного движения в историческом процессе Украины», показать, «как многовековая борьба украинского народа за свое социальное и национальное освобождение была победоносно закончена Великой Октябрьской социалистической революцией, которая создала украинское государство — УССР — неотъемлемую часть великого Союза Советских Социалистических Республик» (см. предисловие).

В целом авторский коллектив с успехом выполнил поставленную задачу, причем, конечно, пришлось преодолеть немало трудностей ввиду полной неразработанности в исторической литературе целого ряда научных проблем истории Украины.

Краткий курс «Истории Украины», разумеется, мог быть построен только на базе той большой научно-исследовательской работы, которую Институт истории Украины вел на протяжении последних лет. В кратком курсе «Истории Украины» поставлен ряд принципиальных вопросов, и авторский коллектив пытался их разрешить; в частности это нужно сказать о такой сложной проблеме, как вопрос периодизации истории Украины. В основу краткого курса «Истории Украины» положена программа по истории Украины, составленная Институтом истории Украины и допущенная Наркомпросом УССР для пользования в университетах и педагогических институтах УССР в 1938—1939 учебном году.

Краткий курс «Истории Украины», написанный на основе этой программы, отличается достаточной стройностью и отчетливостью, но отдельные его части могут вызвать возражения. Так, следовало бы «дофеодальный период» Киевской Руси выделить в отдельный параграф, для того чтобы отчетливее можно было представить, как в недрах дофеодального общества зарождались феодальные отношения. Правилен заголовок главы IV — «Украина под литовским господством и захват ее Польшею»; но не ошибочно ли рассматривать украинские земли в XIV—XVI вв. как одно целое, чего в действительности не было, да и быть не могло в условиях господства феодальных отношений и натурального хозяйства? Поэтому лучше было бы выделить в отдельные параграфы характеристику положения Галицкой Руси под властью Польши и Югозападной Руси под властью Литвы. В главе IV такой диференциации нет, между тем в силу объективных причин экономическое развитие Галицкой Руси и установление в ней феодально-крепостнической системы происходили быстрее, чем в Югозападной Руси. Благодаря слиянию двух тем в одной главе учащемуся будет трудновато самостоятельно отделить Галицкую Русь от Югозападной.

В главе IV нет отдельного параграфа о положении украинского народа в Галицкой Руси накануне его освободительной войны против Польши. Нет параграфа с характеристикой положения Галицкой Руси под властью Польши в XVII—XVIII веках.

В главе VI — «Украина во второй половине XVII и в XVIII столетии» — следовало бы дать отдельные параграфы: «Слободская Украина» и «Степная Украина»; эти части Украины экономически хотя и были объединены, но все же имели значительные различия.

Неудачен заголовок главы VII—«Украина в первой половине XIX ст.». Правильнее было бы назвать эту главу так: «Украина в период распада феодально-крепостнической системы»; процесс разложения феодально-крепостнической системы в первой половине XIX в. был характерным явлением как для западноукраинских, так и восточноукраинских земель. Данный же в кратком курсе «Истории Украины» заголовок этой главы не отражает наиболее характерного явления в этот период для западных и восточных украинских земель.

Авторскому коллективу при составлении краткого курса «Истории Украины», несомненно, приходилось преодолевать большие затруднения. Если для периода до конца XVII в. историк располагает громадным фактическим материалом, собранным буржуазными исследователями, то монографическая работа над вопросами истории XVIII в. только начата, целый же ряд важнейших вопросов истории Украины XIX—XX вв. еще совершенно не затронут исследователями, точно так же только еще начата разработка советского периода истории Украины. Авторскому коллективу приходилось не только делать выборки из материалов, собранных буржуазной историографией, и давать этим материалам новое освещение на базе марксистско-ленинской методологии, но также и вновь собирать недостающий конкретный материал.

Краткий курс «Истории Украины» является трудом коллективным, однако в нем не чувствуется стилистической разницы в манере писания, что свидетельствует о большой и тщательной редакционной работе над ним. Несмотря на небольшие сравнительно размеры краткого курса «Истории Украины» авторскому коллективу удалось осветить с достаточной отчетливостью все основные явления, характеризующие прошлое украинского народа.

С надлежащим вниманием авторская бригада отнеслась к истории культуры украинского народа, начиная с культуры Киевского государства и кончая культурным строительством в нашу великую сталинскую эпоху. Однако приходится отметить, что главы, посвященные культуре, не дают достаточно конкретного материала. Разве можно, например, удовлетвориться такими фразами общего характера, как «наименее сведений давала переводная литература в области естественных наук», а приведенные в курсе сведения из космографии, естествознания и т. д. содержат много фантастики (стр. 41)? Было бы правильнее показать, каковы конкретно были естественно-исторические знания в Киевской Руси. Очень хорошо, что при характеристике культуры Украины в XIV, XV и первой половине XVI в. отмечены культурные связи Украины «с Белоруссией, Болгарией, Сербией, Россией», но не следует пользоваться термином «Россия» для времени, когда еще только формировалось централизованное Русское государство (стр. 76). Яркое впечатление оставляет параграф «Культурное движение на Украине во второй половине XVI и в первой половине XVII в.». В основном это культурное движение было городским, центром его был сначала Львов. С экономическим ростом Киева последний становится вторым центром культуры. Украинское культурное движение было связано с экономически крепнувшим бюргерством, осознавшим свою народность в борьбе против экономического наступления шляхты и польско-католической агрессии на украинский город. Полемическую литературу против унии и католичества можно рассматривать как проявление национального самосознания. Нельзя не отметить, что эта полемическая литература несмотря на свой церковный сюжет содействовала развитию и укреплению национального самосознания городских передовых общественных кругов, уже говоривших от имени украинского народа. Отделы по истории культуры Украины перегружены таким количеством имен, что их не смогут запомнить ни учащиеся, ни советский читатель, желающий познакомиться с историей Украины. При втором издании следует упростить эти отделы за счет сокращения имен и углубления отдельных вопросов, связанных с историей культуры Украины.

В кратком курсе «Истории Украины» необходимо отметить существенный пробел: в нем не поставлены такие важные вопросы, как «формирование украинской народности», «образование украинской нации». Авторскому коллективу следовало бы обсудить эти сложные вопросы и ввести в краткий курс «Истории Украины» свои выводы относительно времени формирования украинской народности. Уклоняться от постановки этой проблемы не следовало. Совершенно очевидно, что татаро-монгольское завоевание Северовосточной Руси в 1238 г., приведшее к окончательному распаду «Русской земли», к ослаблению экономических и культурных связей Западной и Югозападной Руси с Северовосточной, и было первичным фактом в процессе формирования трех «русских» народностей.

Формирование украинской народности происходило в течение XIV—XV вв., когда Югозападная Русь находилась под литовским господством. В результате установления экономических связей между югозападными русскими землями, в том числе и Галицкой, происходило скрещивание отдельных этнических элементов, приведшее к образованию украинской народности, как особого этнического типа, и к формированию украинского языка с его фонетическими и морфологическими особенностями.

Западная и Югозападная Русь с XIV в. входила в состав великого княжества Литовского. Энгельс отмечает его многонациональный состав и появление в нем «белоруссов» и «малороссов» (украинцев). «Великое княжество литовское,— пишет

Энгельс, — было населено большим количеством различных рас. Северные провинции Прибалтики были во владении самих литовцев... Дальше, на юге и на востоке нынешнего польского королевства, находились белоруссы... южные области были населены так называемыми малороссами, язык которых большинством авторитетов считается совершенно отличным от великорусского языка (который мы обычно называем русским)» [1].

В результате того, что авторский коллектив прошел мимо вопросов об образовании украинской народности, в кратком курсе «Истории Украины» не выделены два периода национально-освободительной борьбы украинского народа: период борьбы украинской народности за свое освобождение от национально-культурного и социально-экономического гнета Польши и период борьбы украинской нации против колониальной политики царизма и против царизма вообще. Начало перерастания украинской народности в нацию совпадает с кризисом феодально-крепостнической системы.

В кратком курсе «Истории Украины» дана яркая характеристика первобытно-общинного строя в югозападной и восточной части Европы. Совершенно верна в нем характеристика общественно-политического строя греческих городов-колоний как рабовладельческих городов-государств (стр. 16). Отводя второстепенное место варягам в процессе образования государства у славян, авторы правильно сделали, став на точку зрения тех советских историков, которые объявили войну «норманизму». Верна также характеристика социально-политического строя Киевской Руси во второй половине X — XI вв. как феодального, хотя было бы желательно ярче оттенить институт рабства и показать его действительное производственное значение (стр. 80).

Правильно, что авторский коллектив в разделе Ярославом Киевской Руси между своими сыновьями видит только начало распада Киевского государства, относя период феодальной раздробленности к более позднему времени, XII в., и связывая его с расширением феодального землевладения, развитием производительных сил и политическим ростом отдельных княжеств (стр. 34). В главе «Киевская Русь и феодальные княжества» ярко дана характеристика богатой феодальной культуры Киевской Руси.

Вопреки преобладающему до сих пор в историографии мнению авторский коллектив считает, что письменность в Киевскую Русь проникла не непосредственно из Византии, а через балканских славян, говоря точнее, через болгар (стр. 40). Справедливо утверждение, что культура Киевской Руси была много выше, чем культура Польши (стр. 40), но следовало бы подкрепить фактами это положение.

В параграфе «Присоединение Украины к Литве и захват Галичины Польшей» белорусские и украинские народы показаны как уже сложившиеся народности. Здесь констатируется, что великое княжество Литовское образовалось из трех основных народностей: литовской, украинской и белорусской (стр. 57). Однако не рассказано, как возникли эти народности. Ошибочно выражение «политическим центром этого государства была Литва» (стр. 60). Литва была территорией, которая составила основное ядро Литовского государства, но она отнюдь не являлась политическим центром, таким был город Вильна, или Вильня, согласно актовой терминологии (XV в.).

Ценным является параграф об экономическом развитии Украины в XV—XVI вв., о закрепощении крестьянства и его борьбе против феодально-крепостнической эксплоатации (стр. 69). В следующем параграфе есть противоречие в изложении вопроса о заключении Люблинской унии: верно отмечено, что против унии Литвы с Польшей выступали литовско-русские (белорусские и украинские) магнаты (стр. 74) и что на стороне унии была шляхта, однако несколько ниже (на стр. 75) украинские магнаты выступают уже сторонниками унии.

По старой традиции, идущей со времен М. С. Грушевского, в кратком курсе «Истории Украины» Подляшье, захваченное Польшей на Люблинском сейме 1569 г., отнесено к украинским землям. На наш взгляд, от этой точки зрения пора отказаться. Подляшье ныне входит в состав БССР, и на это следовало бы обратить внимание авторам краткого курса «Истории Украины». М. С. Грушевский же слишком расширял границы украинской народности, часто не имея для этого достаточных оснований.

Справедливо отмечено, что украинское крестьянство под польской властью было окончательно закрепощено, но ошибочно утверждение, будто на Украине действовал статут 1588 г. — свод законов великого княжества Литовского (стр. 78); в действительности украинское феодальное право формировалось на базе статута 1566 г. и польского феодального права. Очень ярки страницы, посвященные борьбе украинского народа против панской Польши; центральное место в этой борьбе занимала борьба украинского народа против Польши под руководством Богдана Хмельницкого.

Разумеется, в кратком курсе «Истории Украины» нельзя было дать развернутой картины соотношения классовых сил во время освободительной борьбы украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого, и тем не менее достаточно отчетливо показано классовое лицо Хмельницкого, сказано о его попытках договориться с Польшей за счет украинского казачества и крестьянства, попытках, которые неизбежно должны были кончиться крахом. Однако позицию Хмельницкого не следовало бы объяснять тем, что он не получил помощи от московского правительства (стр. 89).

Договор с Москвой положил начало казацкой державе, которая, по справедливому замечанию автора соответствующих параграфов краткого курса «Истории Украины», «фактически была орудием классового господства старшин-феодалов во главе с гетманом» (стр. 98). При этих условиях «в итоге войны 1648—1654 гг. украинский

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 158.

народ освободился от национально-религиозного гнета польских панов» (стр. 91). Переход Украины под власть московского царя трактуется в кратком курсе «Истории Украины» как наименьшее зло. Обстоятельно описана «борьба России и Украины против наступления Польши в 50-х — 60-х гг. XVII в.», но в этом параграфе не вполне точно указание, будто во время похода русского войска в 1654 г. «почти во всей Белоруссии» была ликвидирована польско-литовская власть (стр. 98), тогда как в действительности можно говорить только о Восточной Белоруссии. Остальная часть Белоруссии — западная — была освобождена только в кампанию 1655 г., когда были заняты Гродно, Минск и другие города Западной Белоруссии. Очень ярко показано, что «казацкая старшина с помощью царизма в 50-х — 80-х гг. XVII в. постепенно восстанавливает феодально-крепостническую эксплоатацию крестьянства, накладывает подати на мещан, притесняет рядовых казаков» (стр. 103). В параграфе «Украина в конце XVII — начале XVIII ст.» дано яркое описание восстановленных феодальных отношений на Украине: казацкие старшины во главе с гетманом И. Мазепой стали крупными землевладельцами, а «приобретенные богатства давали старшине полную возможность укрепить свое господство на Украине» (стр. 107); прибавим: при полном содействии царского правительства. Рост феодальных отношений повлек за собой обострение классовых противоречий между старшиной и крестьянством. Такое же положение было и в городе, где «богатое купечество эксплоатировало ремесленников и городскую бедноту» (стр. 108). Очень ценно замечание об украинской православной церкви, бывшей на службе у феодалов и казацкой старшины (стр. 108).

Обстоятелен параграф «Украина в Северной войне». Совершенно правильно подчеркнута ориентация Мазепы на Польшу, хотя следовало бы упомянуть, на каких условиях должно было произойти возвращение Украины под власть Польши и какую награду сам Мазепа должен был получить за свою измену и переход под власть Польши (стр. 113). Широкие массы украинского народа, наоборот, развернули борьбу против шведских захватчиков.

При Петре I усилилось колониальное наступление царизма на Украину и в то же время росли казацко-старшинское землевладение и эксплоатация крестьян. Эти два процесса были связаны один с другим. Петр поддерживал землевладельческие аппетиты старшины и использовал их, чтобы подготовить ликвидацию гетманской власти и автономии казацко-старшинской Украины (стр. 118). Вместе с тем следовало бы показать, что правительство Петра драло «три шкуры» с украинского крестьянства, так же как и с русского.

Ликвидация гетманства и превращение Левобережья в колонию царизма получили в кратком курсе «Истории Украины» достаточно полное освещение. К этому времени между Россией и Украиной уже установились прочные экономические связи. При Елизавете Петровне была уничтожена таможенная граница между Россией и Украиной, последняя все более и более втягивалась в товарные отношения с империей. Так подготовлялось уничтожение автономии Украины и превращение ее целиком в колонию Российской империи. Авторскому коллективу «Истории Украины» следовало бы только подробнее остановиться на таких мероприятиях правительства Екатерины II, как введение подушной подати, секуляризация церковных имуществ, уничтожение казацких полков. Правительственные мероприятия по отношению к Слободской и Степной Украине в то же время не следовало бы включать в параграф, главным предметом которого является вопрос об уничтожении автономного строя на Левобережной Украине.

При подготовке главы «Украина в первой половине XIX в.» авторскому коллективу, конечно, пришлось преодолеть немало трудностей, так как историю Украины времени распада феодально-крепостнических отношений только начали еще разрабатывать. Историю Украины за этот период необходимо излагать в связи с историей России, но при этом, конечно, так, чтобы история Украины сохраняла свое лицо. Автору данной главы это удалось в полной мере. Однако параграф «Декабристы» не может удовлетворить читателя: он нуждается в дополнении, главным образом в той части, где излагаются взгляды декабристов на крестьянский вопрос. Необходимо было конкретно указать, как намечали разрешить этот вопрос декабристы, нельзя было ограничиться только общими фразами, как «Южное общество хотело... уничтожить крепостное право», «Общество соединенных славян... имело в виду освободить крестьянство», «Северное общество... стояло за освобождение крестьянства». Следовало бы также указать, что депутат Шанецкий предлагал революционному сейму 1831 г. разрешить крестьянский вопрос, чтобы иметь на стороне восстания крестьянство. Не совсем точно указание, что во главе восстания в Польше в 1830 г. стояли «крупные помещики». Это далеко не так: в состав национального правительства входили и представители Патриотического клуба, которых нельзя относить к «крупным» помещикам. И не только помещики, но и вся шляхта была тогда против постановки крестьянского вопроса (стр. 144). Следовало бы отметить, что в программу восстания входило присоединение к Польше не только Правобережья, но и Литвы и Белоруссии (стр. 144).

Обстоятелен параграф «Развитие культуры на Украине в первой половине XIX в.». В параграфе «Реформы 60-х—70-х годов XIX в.» необходимо было указать принципы наделения землей отдельно в Левобережье и Правобережье (стр. 163) и нельзя было ограничиваться фразой, что помещики везде на Украине, за исключением Правобережья, «получили возможность дать им (крестьянам.— *П.* и *К.*) наделы меньшего размера». Это общая фраза, и необходима, конечно, большая точность формулировок, иначе роль отрезков после

крестьянской реформы не совсем будет понятна для читателя.

Нельзя категорически утверждать, будто в Правобережье крестьяне получили те наделы, которыми они владели до отмены крепостного права. Наоборот, и здесь были сделаны отрезки, но обставлено это было иначе, чем в Левобережье. В инвентарях помещики записывали здесь за крестьянами меньшее количество земли, чем они владели в действительности, а потом на «законном» основании отрезывали землю у крестьян, оказавшуюся таким образом «излишнею». Неверно, будто сословный дореформенный суд находился под контролем губернатора (стр. 165). Судебная реформа 1864 г. ввела устное делопроизводство — это надо было бы сказать. К сожалению, о сущности судебной реформы почти ничего не сказано, и читатель не поймет, где же получили право выступать на суде стороны, в каких судах принимали участие присяжные заседатели (стр. 165). Неточны сведения, сообщаемые о земстве. Автор утверждает, что земства «подчинялись непосредственно Сенату», а далее сказано, что земства «фактически зависели от местных, уездных и губернских властей». Получается противоречие. В действительности губернатор имел право приостановить решение земского собрания, если оно противоречило закону, и земства в этом случае с протестом на действия губернской администрации должны были обращаться в Сенат. Следовало бы также указать, в каких взаимоотношениях находились с губернской администрацией городские учреждения. Неудовлетворительно изложена «военная реформа» 1874 года. В сущности, то, что сказано о ней, не дает действительного представления о «военной реформе», в частности ничего, например, не сказано, в чем же выражалась система всеобщей воинской повинности (стр. 166).

XX веку в кратком курсе «Истории Украины» уделено 10 глав из 18, т. е. больше половины учебника (200 стр. из 394) посвящено последним 40 годам.

Глава IX — «Украина в первой русской буржуазно-демократической революции (1905—1907)»— начинается характеристикой эпохи империализма и экономического положения Украины, далее в ней показывается нарастание массовой революционной борьбы пролетариата и крестьянства на фоне общих революционных событий в России. Ярко изображается роль В. И. Ленина и И. В. Сталина в революционном движении, возникновение большевистских организаций в наиболее крупных промышленных центрах Украины и борьба за организацию масс накануне революции. В этой главе освещается также «деятельность» буржуазных и мелкобуржуазных партий, как украинских, так и русских, показана почва, на которой они зародились, классовый характер этих партий и групп.

Описывая события от 9 января 1905 г. до разгона II государственной думы и начала столыпинской реакции, краткий курс «Истории Украины» показывает, что подготовка к вооруженному восстанию против царизма в крупных рабочих центрах происходила под руководством большевиков: «По инициативе большевиков широко развертывается организация боевых рабочих дружин. В Харькове были созданы многочисленные и крепкие боевые дружины, которые рабочие называли „Артемовской гвардией“, по имени видного большевика Артема—их организатора. Оружие для боевых дружин покупалось на деньги, собранные среди рабочих» (стр. 210).

На ряде последующих страниц даны яркие описания героических восстаний пролетариата в Харькове, Александровске, Горловке и других городах Донбасса и всей Украины, а также восстаний солдат в ряде гарнизонов и в Черноморском флоте. Но в то же время приходится отметить, что крестьянскому движению уделено недостаточно места.

Глава X — «Столыпинская реакция на Украине (1907—1912)» — рисует произвол царских сатрапов, наступление сил контрреволюции на рабочий класс и крестьянство, разгул карательных экспедиций, репрессии против рабочих организаций. Аграрная реформа Столыпина на Украине проходила еще более болезненно, чем в других областях России: реформа принесла массовое разорение бедноте и середнякам, усилила расслоение крестьянства, создала мощную прослойку кулачества. Цифры, приведенные в этой главе, рисуют преобладание помещичьего землевладения на Украине: «На Украине 13 млн. десятин плодороднейшей земли принадлежало 8 тысячам крупных землевладельцев. Огромные имения принадлежали польским магнатам, украинским и русским помещикам. Браницкие имели 167 тыс. десятин, Потоцкие — 170 тыс., Терещенко — 141 тыс., Бобринский, Харитоненко, Долгорукие — по 40—50 тыс. десятин каждый. Кулачество на Украине владело свыше 8 млн. десятин земли. Общая земельная площадь, которой на Правобережье владели одни лишь польские помещики, достигала 1600 тыс. десятин. В руках помещиков и кулаков на Украине было сосредоточено 52% всех земель» (стр. 228).

В следующей, XI главе излагаются события в годы нового революционного подъема (1912—1914). Подъем этот на Украине, как и во всей России, стал с конца 1910 г. проявляться в нарастании стачечной борьбы. Ленские события в апреле 1912 г. вызвали решительный протест со стороны рабочего класса Украины, так же как и во всей стране.

Национальное движение в годы революционного подъема заслуживает особого внимания, тем более что в эти годы во всех странах наблюдался рост шовинизма и ширилась националистическая пропаганда. Правильно поступил коллектив авторов, уделив значительное внимание этому вопросу, в целом он освещен обстоятельно. Параграф о национальном движении заканчивается такими словами В. И. Ленина, взятыми из его «Критических заметок по национальному вопросу» (стр. 248): «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина в о з-

можна, без такого единства о ней не может быть и речи»[1].

В XII главе — «Украина в период первой империалистической войны и второй русской буржуазно-демократической революции (1914—1917)» — кратко излагаются причины возникновения войны и ее ход. В главе уделено особое место югозападному фронту, проходившему по Украине, которая в значительной своей части являлась театром военных действий.

Февральская буржуазно-демократическая революция происходила на Украине как составная и неразрывная часть борьбы всего русского народа с царизмом. Борьба украинского народа в этот период правильно показана в кратком курсе «Истории Украины» на фоне общероссийских событий.

Глава XIII — «Великая Октябрьская социалистическая революция» — включает в себя весь период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, период борьбы за свержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата. На Украине эта борьба проходила в особенно сложных и трудных условиях. Выбрать из огромного материала самое главное и изложить на немногих страницах представляло большие трудности, но в основном цель авторами достигнута: важнейшие события этого периода освещены четко и ясно.

Большевистской организации Украины в национальном вопросе пришлось вести борьбу против руссификаторской политики Временного правительства, против шовинистической политики Центральной рады, с дезорганизаторской, антипартийной позицией, занятой Пятаковым и иже с ним. Все это было преодолено, как и многое другое, в процессе длительной и упорной борьбы под руководством Ленина и Сталина.

Конец двоевластия и наступление сил контрреволюции после июльских дней, и особенно в дни корниловщины, на Украине создали особенно напряженную обстановку. Как оценка положения и директивы VI съезда большевистской партии помогли большевистским организациям Украины усилить работу по организации масс, показано в кратком курсе «Истории Украины» на многих ярких примерах (стр. 289—293).

Победа Великой пролетарской революции в октябре 1917 г. в Петрограде неизбежно должна была ускорить борьбу за диктатуру пролетариата и на Украине. И тем не менее эта борьба здесь затянулась. Силы украинской и общероссийской контрреволюции сплотились для борьбы против пролетариата. Центральная рада стала центром всех контрреволюционных сил на Украине.

Воспользовавшись благоприятным моментом, Рада захватила власть, но удержать ее не смогла. В январе 1918 г. героические отряды Красной Гвардии и восставшие рабочие Киева изгнали Центральную раду, а вскоре после этого и по всей Украине установилась власть советов.

В главе XIV — «Иностранная военная интервенция и гражданская война на Украине (1918—1920)» — продолжается изложение важнейших событий этого периода. Здесь связно и четко показана «деятельность» контрреволюционной Центральной рады в период немецкой оккупации, разгон Рады и замена ее правительством гетмана Скоропадского. Ярко и убедительно показана роль Ленина и Сталина как организаторов борьбы за освобождение Украины от всех враждебных сил.

В главе XV — «Переход к мирной работе по восстановлению народного хозяйства (1921—1925)» — показаны те гигантские задачи, которые стояли перед Украиной после окончания гражданской войны, показаны трудности, с которыми украинский народ при помощи других братских народов и под руководством большевистской партии блестяще справился.

Глава XVI — «Борьба за индустриализацию народного хозяйства (1926—1929)» — рисует пути индустриализации страны, осуществление плана, намеченного XIV съездом ВКП(б): реконструкцию старых и строительство новых заводов, шахт, электростанций, начало строительства гигантской Днепровской электростанции, развитие сельского хозяйства, рост колхозов, строительство совхозов и МТС. Наряду с развитием социалистического хозяйства шло и культурное строительство, развивалась украинская культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Это ярко показывают приводимые в учебнике факты и цифры.

Глава XVII — «Борьба за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934)» — изобилует примерами, свидетельствующими о решительной и коренной перестройке сельского хозяйства на новой, социалистической основе. Гигантская и трудная работа, проделанная большевистскими организациями и украинским народом, дала положительные результаты. В главе показаны те большие успехи, которые имеет Украина в результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики. На X съезде партии в 1921 г. товарищ Сталин говорил: «Если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»[2]. Это предвидение товарища Сталина полностью осуществилось. В кратком курсе «Истории Украины» приводятся цифры изменения состава рабочего класса и населения отдельных крупных городов. В 1926 г. украинцев в ряде городов насчитывалось меньше 50%, а в 1932—1933 г. украинцы составляли больше половины населения во многих городах.

В этой же главе показана гнусная «деятельность» различных контрреволюционных организаций и групп, стремившихся помешать строительству социализма, оторвать Украину от великого Советского Союза и превратить ее в колонию империалистических держав. Все эти враги народа, начиная от русских белогвардейцев, троцкистско-бухаринских бандитов и кончая буржуазно-националистической агентурой типа

[1] Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 142.

[2] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 81. 1934.

Скрыпника, были разоблачены и разгромлены коммунистической партией большевиков Украины «под руководством ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина» (стр. 359).

Последняя, XVIII глава краткого курса «Истории Украины» — «Украина в период завершения строительства бесклассового социалистического общества (1935—1940)» — подводит итог всему пройденному Советской Украиной пути, вплоть до настоящего времени. В заключительной части главы рассказывается, как веками разъединенный великий украинский народ воссоединен в едином украинском социалистическом государстве и вошел в братскую семью народов СССР.

Следует отметить, что последние главы несмотря на обилие цифр и экономических выкладок отличаются живостью языка, простотой и яркостью изложения.

Отмечая достоинства краткого курса «Истории Украины», необходимо сказать, что он не лишен и недостатков. Отметим некоторые из них, наиболее существенные.

Хотя все события излагаются на фоне или в связи с общим ходом истории СССР, но в некоторых разделах материал, не относящийся непосредственно к истории Украины, чрезмерно преобладает, а некоторые важные вопросы и отдельные события непосредственной истории Украины вовсе не освещены или освещены недостаточно.

Краткий курс «Истории Украины» иллюстрирован и снабжен картами, но иллюстрации и карты исполнены неудовлетворительно, в частности совершенно отсутствуют цветные карты. Не указаны авторы картин и портретов, даже самые выдающиеся художники (Репин, Шевченко, Самокиш и др.). Этим рецензируемый учебник по истории Украины невыгодно отличается от аналогичного учебника по истории СССР под редакцией проф. А. М. Панкратовой.

Отсутствуют в кратком курсе «Истории Украины» биографии многих выдающихся деятелей и героев гражданской войны (Артема Сергеева, Ворошилова, Щорса, Котовского и др.), выдающихся писателей (Коцюбинского, Леси Украинки и др.), крупных ученых (Лысенко, Богомольца).

Помимо этих общих недостатков отметим ряд недостатков в отдельных главах.

На стр. 197 говорится, что с усилением крестьянского движения в 1902 г. образовалась партия социалистов-революционеров. Причины же образования партии эсеров не вскрыты, и нет достаточного анализа характера этой партии.

Как известно, В. И. Ленин в статье «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?», показывая классовую сущность эсеров, подчеркивает, что «социал-революционаризм есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социалдемократия всегда должна и будет вести решительную войну» [1].

В ряде мест в кратком курсе «Истории Украины» не соблюдена хронологическая последовательность: так, на стр. 199 говорится о русско-японской войне 1904—1905 гг., а затем (стр. 200) излагаются события, происходившие в 1901 и 1902 годах.

При освещении стачечной борьбы, развернувшейся на Украине после 9 января, следовало бы подвести итог и показать удельный вес стачек на Украине.

Восстание на броненосце «Потемкин» изложено довольно подробно, но не подчеркнуто то огромное значение, которое Ленин придавал этому восстанию. В разделе о декабрьском вооруженном восстании отсутствует указание на то, что «меньшевики и большевики дали разную оценку декабрьскому вооруженному восстанию» [2].

В главе X, на стр. 227, говорится об усилении крестьянского движения, приводятся достаточно убедительные цифры крестьянских выступлений, а факты, иллюстрирующие это, подобраны весьма незначительные и малохарактерные.

В следующей главе приводится много фактов и цифр, характеризующих стачечную борьбу в годы революционного подъема (стр. 235—239), после ленского расстрела, но эти данные в отношении Украины не суммированы, что необходимо и нетрудно сделать.

На стр. 240 лишь вскользь, попутно с рассказом о стачечной борьбе, упоминается о позорнейшем для самодержавия антисемитском судебном процессе Бейлиса в Киеве; этот процесс имел огромное политическое значение, и поэтому изложению его следовало уделить больше места.

На стр. 272 говорится об организации советов в крупных городах Украины, но соответствующие даты не указываются, а между тем немного дальше приведена точная дата организации Центральной рады. Борьба крестьян против помещиков в 1917 г. освещена крайне недостаточно.

Недостаточно освещен вопрос об организации Красной Гвардии: не указаны важнейшие центры ее формирования, не приведен численный состав ее, не сказано о связи Красной Гвардии с частями армии, а также об обучении рабочих военному делу.

Серьезным недостатком надо считать отсутствие в учебнике рассказа о событиях 25 октября 1917 г., как то: о штурме Зимнего дворца, о действиях революционного Балтийского флота и т. д. Ничего не сказано о подготовке партии Ленина—Сталина к восстанию; не упоминается об исторических заседаниях ЦК от 10 и 16 октября. Все внимание уделено только освещению хода вооруженной борьбы в Киеве, а борьба за власть советов в других городах, даже таких, как Харьков и города Донбасса, отражена недостаточно. Также недостаточно освещена борьба с немецкими оккупантами (стр. 307—312), которые принесли на Украину «на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше ста-

---

[1] Ленин. Соч. Т. V, стр. 132—133.

[2] «История ВКП(б)», Краткий курс, стр. 80. 1938.

рого, татарского»[1]. В частности следовало бы кратко остановиться на крупнейших восстаниях против немцев, происходивших летом 1918 г. в Херсонской, Екатеринославской и Черниговской губерниях.

В кратком курсе «Истории Украины» совершенно не упоминается об образовании в феврале 1918 г. Донецко-Криворожской советской республики, которая сыграла значительную роль в борьбе с наступлением на Украину австро-немецких оккупантов. Как известно, В. И. Ленин и товарищ Сталин всячески помогали совнаркому Донецко-Криворожской республики, во главе которого стоял тов. Артем (Сергеев).

На стр. 319 освещаются события, связанные с крупным кулацким восстанием в мае 1919 года. Связь атамана Григорьева, главаря восстания, с генералом Деникиным неоспорима, но об этом в кратком курсе «Истории Украины» ничего не сказано. Не указаны в нем точные даты X съезда РКП(б), XI съезда РКП(б), ряда конференций партии, по большей части называется соответствующий год и в лучшем случае месяц.

Таковы те существенные недостатки, которые должны быть устранены.

К учебнику по истории Украины нужно предъявить те требования, которые выдвигал В. И. Ленин по отношению ко всякому учебнику: «Популярная литература только та хороша, только та и годится, которая служит десятилетия. Ибо популярная литература есть ряд учебников для народа, а учебники излагают азы, не меняющиеся по полустолетиям»[2].

Хотя краткий курс «Истории Украины» еще не удовлетворяет полностью этим требованиям, однако можно отметить, что коллектив Института истории Украины Академии наук УССР вполне справился со своей задачей. Он дал хороший учебник для средней школы и пособие для самообразования.

Желателен перевод учебника на русский язык.

В. Пичета, В. Круть

...ЗАРЯ ИДЕТ С ВОСТОКА

HEWLETT JOHNSON. The Socialist sixth of the world. London. 1939.
ХЬЮЛЕТ ДЖОНСОН. Социалистическая шестая часть мира.

Вышедшая года полтора тому назад в Англии книга Джонсона о Советском Союзе «Социалистическая шестая часть мира» вызвала большой интерес далеко за пределами Великобритании: и в Европе и в Соединенных штатах Америки.

Несомненно, внимание общественного мнения привлекала и примечательная личность автора. Хьюлет Джонсон является видным представителем английского духовенства: он настоятель Кентерберийского собора. Сейчас ему 67 лет. Сын фабриканта, инженер по образованию, Джонсон по окончании высшей школы в течение шести лет работал на механическом заводе в Манчестере, был помощником директора завода, а затем стал совладельцем фирмы своего отца. Впоследствии Джонсон провел 4 года в Оксфордском университете, а вскоре, по окончании его, стал священником. В течение почти 20 лет он оставался настоятелем богатого прихода близ Манчестера; во время мировой войны Джонсон был капелланом в английской армии, последние десять лет служит настоятелем Кентерберийского собора.

Несколько лет назад Джонсон, давно проявлявший интерес к социальным вопросам, побывал в Советском Союзе. Книга «Социалистическая шестая часть мира» является в значительной мере результатом этой поездки. Однако работа Джонсона — не путевые заметки журналиста; в ней — обобщения, выводы, основанные на личных впечатлениях и на изучении большой литературы, «мысли, высказанные вслух», как характеризует свое произведение сам автор.

Прежде чем перейти к характеристике Советского Союза, Джонсон останавливается на особенностях капиталистической системы. Он подчеркивает, что капитализм уже не является прогрессивным общественным строем, каким он был когда-то: «Теперь частный капитал больше не служит полезным целям; он становится скорее препятствием, чем помощью для науки, изобретений и предприятий». В погоне за рынками капитализм ведет к неизбежным при этом строе войнам. «Частная собственность на средства производства пережила свое время». Капиталистическое общество, заявляет Джонсон, «с научной точки зрения,— совершенно нерациональное расточительство, искусственно создаваемая нехватка, бедность среди изобилия, что явно настолько же бессмысленно, как и в высшей степени аморально. Оно уничтожает личность, отказывая ей в радости и удовлетворении жизнью. Оно грабит общество, оставляя людей необразованными и незанятыми... Кризисы и бумы, безработица и неполная загрузка работой, пособия безработным и мультимиллионеры, шкала заработной платы, выработанная в интересах финансистов и против рабочих, разрушают общество и создают напряжение..., логическим результатом которого является война».

Джонсон разоблачает хваленую буржуазную демократию, показывает формальный характер буржуазно-демократических свобод:

---

[1] И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 40. Партиздат. 1936.

[2] Ленин. Соч. Т. V, стр. 232.

«Формальное дозволение не есть действенная возможность... Рабочий имеет формальную свободу курить сигары. Но, будучи беден, он не имеет этой возможности... Британский рабочий обладает широкой формальной, но узкой подлинной свободой» (стр. 79). «Свобода в Британии, — пишет он, — преимущественно привилегия индустриальных и торговых собственнических классов... Свобода печати — это фраза, легко используемая... Владеть большой ежедневной газетой и вести ее — привилегия сверхбогатых... Это дает Асторам и Бивербрукам перевешивающее влияние на мировую политику и отечественную экономику».

Джонсона возмущает болтовня о «справедливости» в капиталистических странах: «Англия — страна справедливости! Девять десятых людей из состоятельных классов считают, что это так. Но это фальшь. Где же справедливость, когда во время кризиса два миллиона безработных силой удерживаются вдали от земли, от машин, инструментов, у которых они могли бы быть заняты с пользой, и приговариваются к тому, чтобы поддерживать жалкое существование в вынужденном безделье и бедности? Где же справедливость, когда в век потенциального изобилия миллионы живут в неоправдываемой нужде и половина Британии парализована страхом болезни, старости, необеспеченности или других превратностей жизни?»

Но есть ли другая общественная система, есть ли другой порядок, иной строй на земле? Да, отвечает полным голосом на этот вопрос Хьюлет Джонсон: «От шаткого капиталистического мира бури и несчастья, где старые устои общества рушатся, где мораль оскорбляется, где наука тормозится, где производство встречает препятствия, а бедность растет неудержимо, мы обращаемся, наконец, к советскому миру».

Джонсон во время своего путешествия увидел этот советский мир собственными глазами. Он объездил не одну союзную республику, он видел советские города и села, был на фабриках и в колхозах, в театрах, видел советских людей в их повседневной жизни. Хьюлет Джонсон увидел величайший контраст, пропасть, которая отделяет идущий вперед Советский Союз, государство социализма, от гниющего, запутавшегося в неразрешимых противоречиях капиталистического мира.

В своей книге Джонсон подробно останавливается на истории социалистического строительства; он показывает, какое «наследство» получили народы СССР, партия большевиков и советская власть от прошлого, какой отсталой была наша страна, какие трудности стояли на пути к социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства. Говоря об этих трудностях и о том, как они были преодолены под руководством Ленина и Сталина, Джонсон замечает, что «социализм, более чем какой-либо другой порядок, предъявляет огромные требования к характеру, а не к удаче». В сжатых словах Джонсон характеризует результаты победы социализма в нашей стране:

«В Советском Союзе все заводы, копи, железные дороги, судоходство, земля и торговые организации являются собственностью всего народа. Экономическая и социальная жизнь страны планируется в общественных интересах. Полное равенство побуждает граждан, независимо от их расы или национальности, участвовать в управлении государством по их способностям. Полное равноправие мужчин и женщин, «равная плата за равный труд», является основным законом. Равная возможность для образования повсюду обеспечена... Работа обеспечена для всех, безработица не существует, экономические кризисы прекратились... заработная плата растет. Максимальный рабочий день — 8 часов... Все рабочие получают оплачиваемый отпуск на 2 недели в год. Всем обеспечена медицинская помощь. Рабочие получают во время болезни заработную плату, как если бы они были на работе. Женщины получают продолжительный отпуск с сохранением полной заработной платы до и после родов... Советский Союз стоит за демократию, мир и право наций на самоопределение».

Джонсон затрагивает в своей книге самые различные стороны жизни народов Советского Союза, и о чем бы он ни писал, он говорит с изумлением и восторгом о преимуществах социалистической системы:

«Ничто не поражает так сильно посетителя Советского Союза, как отсутствие страха... Страх перед рождением ребенка не калечит советских родителей. Нет страха за гонорар доктору... Нет страха безработицы или чрезмерной работы. Нет страха снижения заработной платы в стране, где нет безработицы». В СССР «нет погони за местом работы. Работа сама гонится за людьми».

Наибольшее впечатление на Джонсона произвели, по его словам, советские дети. С горечью пишет он о том, как тяжело для англичанина, вернувшись в Лондон, сопоставить физические, умственные и духовные возможности английских детей и детей Советского Союза. Джонсон указывает, что за время его путешествия по пяти советским республикам и по большим советским городам он не видел действительно голодного ребенка. Наблюдения над жизнью советского юношества наводят Джонсона на мысль о резком контрасте между жизненными перспективами среднего советского и английского юноши. Удел последнего — «депрессия, разочарования на жизненном поприще». «Для советского юноши кошмар безработицы навсегда исчез. Его будущее полно надежд. Здесь есть место и призвание для каждого. Для каждого есть обещание обеспеченности, изгоняющее мертвящий страх, и есть почетное место в деле, которое дает или может дать интерес и благородное побуждение в жизни».

Джонсон обращает внимание на экономическое равенство мужчины и женщины в Советском Союзе, на контраст между

огромным числом молодых замужних советских женщин и экономически обусловленным замедлением браков в Англии.

Джонсон с восхищением говорит о равенстве национальностей в СССР, о полном разрешении национального вопроса: «Всякий, путешествуя, как я, по Советскому Союзу, посещая республику за республикой и наблюдая объединение различных национальностей в условиях их абсолютного равенства, не может не сознавать, что нечто новое вошло в мир человеческих отношений».

Джонсон отмечает, что эти новые человеческие отношения воспитываются с самых ранних лет у подрастающего поколения советского народа. «Советского ребенка,— пишет Джонсон,— с ранних лет в школе, через книги, театр, через большие парады и смотры различных национальностей Советского Союза побуждают к тому, чтобы, не считаясь с полом, расой, языком или цветом, рассматривать каждого другого ребенка как брата и добиваться для каждого тех же благ, какими он наслаждается».

Он передает трогательный рассказ своего друга—известного негритянского певца Поля Робсона. Робсон, который неоднократно бывал в СССР, в 1937 г. привез с собой из США своего семилетнего сына и оставил его на время поездки по Союзу в Москве, среди советских детей. «Когда мы вернулись,— рассказывал Робсон Джонсону,— мы нашли, что он стал другим ребенком. Он больше не был нелюдимым, обидчивым, унылым, бессознательно защищающимся от внезапного нападения... Он был одним из ребят... Он держал голову высоко, распрямил плечи... Мы были глубоко тронуты его живым лицом, смелой улыбкой» (стр. 301).

Говоря о советской культуре, Джонсон отмечает, что «народ Советов — читающий народ. Сомнительно, читает ли какой-либо иной народ в мире больше».

Джонсон подробно останавливается на вопросе о моральном превосходстве социалистического строя над капиталистическим. Он подчеркивает, что социалистическое, плановое хозяйство в СССР создает новое чувство собственности и ответственности. «Рабочие, крестьяне, студенты, дети говорят о «нашей» стране, «нашей» фабрике, «нашем» магазине, «нашем» метро... В капиталистических странах,—заключает Джонсон, — люди работают для собственности других людей. В Советском Союзе они работают для своей собственности».

Джонсон правильно оценивает значение Сталинской Конституции. «Его (Сталина.— *Н. Р.)* гений,— пишет Джонсон, — воплощен в кратких, простых выражениях, формулирующих Основной Закон СССР, в котором ясным, прозрачным языком написана хартия новых прав человека в социалистическом обществе. Это документ, который является величайшим среди документов человечества по его любви к людям и уважению к человеческому достоинству». Приводя слова товарища Сталина: «Наша Конституция будет самой демократической»,—Джонсон пишет, что это была «только констатация факта». Он подчеркивает, что только в Советском Союзе и существует подлинная демократия. Советский рабочий «включает свою собственную жизнь в жизнь всего Советского организма... Труд становится гордостью и радостью». Советские люди «на практике учатся тому, что реальность жизни — в общности, и принятые ими принципы для продвижения к лучшему общественному порядку, к более широкой общности людей кажутся мне правильно выбранными».

В своей книге Джонсон не прошел мимо внешней политики Советского Союза. Он набрасывает краткий очерк этой политики, останавливаясь, в частности, на истории англо-советских отношений. Джонсон отмечает, что в 1917—1939 гг. «на деле постоянным фактором в британской внешней политике была ненависть... к Советскому Союзу. Мы пытались вредить ему, где только могли». Джонсон констатирует, что внешняя политика Советского Союза основана на совершенно иных побуждениях нежели политика капиталистических стран.

«Взгляд на прошлые 20 лет, — пишет Джонсон, — заставляет каждого удивляться терпимости, проявленной Советским Союзом... У Советского Союза нет иллюзий. Его выступления в пользу мира остаются неизменными. Ни одно государство не было более преданно делу мира. И никогда ни одно государство не сталкивалось с более провокационными и исключительными препятствиями».

С чувством глубочайшего уважения и восхищения Джонсон говорит о вождях социалистического государства — о Ленине и Сталине. Он цитирует их выступления, статьи, речи, показывает правильность их предвидений, железную волю к победе социализма. Он отмечает, что по сравнению с политическими деятелями современного капиталистического общества Сталин — гигант среди пигмеев.

К какому же выводу приходит Джонсон? Он не считает, что капитализм, например в Англии, будет ликвидирован тем же путем, что и в Советском Союзе, но глубоко убежден в том, что социалистическая революция в нашей стране оказывает огромное влияние на судьбы всего мира. «Перемены,—пишет Джонсон,—должны произойти в Англии, во Франции, в Америке. Ни одна страна не может стоять на месте. Поражающая и полная значения перемена в России вызывает перемены повсюду».

В Советском Союзе, в социалистической шестой части мира, Джонсон видит залог победы нового общественного строя на всей земле. «Заря идет с востока, — заключает он свою книгу. — И в этой заре люди видят обещание нового мира... мира, свободного от бедности и эксплоатации, с возросшими возможностями для всех работать совместно, для общего блага мира, где род человеческий... может найти для себя более благородное и более длительное благополучие и красоту» (стр. 384).

*

В книге Хьюлета Джонсона есть главы, с которыми, конечно, не может согласиться советский читатель. Это, в частности, те места книги, где автор пытается соединить коммунизм с... христианством, которое Джонсон стремится освободить от связи с капиталистической системой. Здесь нет смысла полемизировать с Джонсоном. Надо помнить о том, что автор книги является настоятелем Кентерберийского собора. Главное, конечно, заключается не в проповеди неохристианства, а в том резонансе, который имела и имеет книга «Социалистическая шестая часть мира».

Несмотря на многозначительную надпись на обложке: «Not for sale to the public». «Не для публичной продажи») — не менее 50 тыс. человек прочли книгу Джонсона в Англии; читали ее в Австралии и в ряде других стран. Исключительный интерес она вызвала в США. «Ни одна книга о России не произвела на меня такого впечатления, как эта,— пишет известный американский писатель Теодор Драйзер.— Эта книга представляет собой здравое суждение наблюдательного, вдумчивого, философского ума, исполненного веры в человечество». Газета «Дейли уоркер» в январе сообщала, что, по сведениям книжных магазинов и литературных организаций, еще ни одна книга о Советском Союзе не пользовалась таким спросом, как книга Джонсона. Заказы были получены на 100 тыс. экземпляров книги; пришлось готовить второе издание тиражом в 250 тыс.—цифры, почти неслыханные для США.

Недаром правящие классы Великобритании и США стали травить Джонсона — «красного настоятеля», как его называют английские буржуазные газеты. Пять каноников Кентерберийского собора поспешили заявить на страницах «Таймс», что они отмежевываются от Джонсона и считают, что его политическая деятельность несовместима с его званием.

В США Джонсона не пустили на заседание Народного собрания — организации, аналогичной английскому Народному конвенту, членом комитета которого, как известно, избран Джонсон.

Все это показывает, до какой степени буржуазия боится растущих симпатий народных масс к Советскому Союзу.

Однако нельзя скрыть от народов великой исторической правды социализма. Она пробивает себе путь несмотря на все преграды, которые выдвигают правящие классы капиталистических стран.

Эта историческая правда побудила Хьюлета Джонсона бесповоротно осудить капиталистический строй и написать правдивую, искреннюю книгу о Советском Союзе.

Книга Джонсона, вышедшая в свет в разгар второй мировой империалистической войны, наглядно показывает, что з а р я и д е т с в о с т о к а — оттуда, где расположена социалистическая шестая часть мира.

Н. Рубинштейн

James Ramsay Macdonald, 1866—1919, by L o r d E l t o n. London. 1939.

Жизнь Джемса Рамзея Макдональда. 1866 — 1919. Написана лордом Э л ь т о н о м.

В конце рецензируемой книги автор пишет: «В будущем предметном указателе к «Военным мемуарам» Ллойд Джорджа, в отделе под рубрикой «Макдональд», можно будет найти характеристики, ни одна из которых не сделает ему чести. Там будут следующие вещи: он «постоянно противодействовал всем усилиям, направленным к набору в армию; посвятил свою энергию подрыву и ослаблению национального духа; был кандидатом в Керенские; побуждал к возмущению; созвал Лидсскую конференцию против войны и в защиту русской революции и советов; считал, что самому лучше быть вне Англии, когда лидсские решения будут осуществляться».

Автор решительно несогласен с такой характеристикой своего героя, данной Ллойд Джорджем. «Каждое из этих утверждений,— говорит он,— явно неверное». Именно этот общий мотив и побудил автора написать книгу о Макдональде. Большая биография Рамзея Макдональда, написанная лордом Эльтоном, рассчитанная на два больших тома, является своего рода книгой по истории английского рабочего и социалистического движения за 1890—1931 годы. Нужно иметь в виду, что Макдональд был не одним из многих лидеров английского лейборизма, а его подлинным руководителем и теоретиком, особенно со времени создания в 1899 г. Комитета рабочего представительства, превратившегося в 1906 г. в Рабочую партию. Автор избрал эту тему не только потому, что он хотел реабилитировать Макдональда от ллойд-джорджевских упреков: мотивы автора значительно шире. Социал-реформист Макдональд трижды в своей жизни kissed hands (целовал руку короля) [1], т. е. трижды принимал поручение английского короля сформировать правительство: в 1924, 1929 и 1931 годах. В общей сложности Макдональд был премьером Англии в течение 7 лет.

В рядах правящего класса Англии до сих пор сохранилось мнение, что эксперимент с «социалистическим» правительством был рискованным и опасным шагом. Лорд Эльтон принадлежит к числу тех, кто считает подобное мнение совершенно неверным. Величайшей заслугой Макдональда автор счи-

[1] Этот обычай был отменен еще Эдуардом VII в 1906 году, но самое выражение осталось в английском языке.

тает «воспитание» им лейбористской партии «в умеренности и дисциплине», что и позволило с ее помощью «спасти» Англию в послевоенные годы. Для нас совершенно ясно, о каком спасении Англии говорит почтенный лорд: речь идет о спасении английской буржуазии от пролетарской революции.

Мы не знаем, как автор изложит послевоенный период во второй части своей работы, которая еще не появилась на свет, но из первого тома ясно, что именно под этим углом зрения автор подходит к истории английского рабочего движения и к биографии Макдональда. Вторая «структурная» мысль книги была порождена боязнью части английской буржуазии второй империалистической войны. Люди вроде Эльтона с некоторого времени прекрасно видели, что война, в частности война Англии с Германией, быстро приближается. В связи с этим в Англии усилились поиски причин приближающейся грозы. С 1933 г. изменилось самое направление, в котором английская историография стала искать эти причины. Еще в 20-е годы в английской исторической литературе преобладало самодовольное настроение близорукого победителя, упоенного своей победой над Германией. Историки громко прославляли дипломатический гений Бальфура, Ллойд Джорджа, Керзона и других английских соавторов версальской системы. С точки зрения этих историков, версальская система в целом была хороша, справедлива и прочна. Если требовались некоторые поправки, то они не носили принципиального характера. Необычайная суровость версальского мира казалась этим «пресвитерианцам» и «квакерам» справедливым возмездием бога за грехи и злые деяния. С 1933 г. это тупое самодовольство сменилось растущей тревогой. Версальский мир и версальскую систему стали осуждать. Дипломатия Ллойд Джорджа и Керзона подверглась резкой критике; в рядах буржуазии, крупной и мелкой, широко распространились пацифистские настроения. Это было почти «раскаяние» за прошлое. Эльтон был одним из тех, которые совершили этот поворот. Во время войны и некоторое время после нее он был ревностным «ллойдджорджианцем» (стр. 341) и, следовательно, противником Макдональда. Но затем он стал личным другом его. Для буржуазных пацифистов вроде Эльтона Макдональд стал как бы символом борьбы за мир. Эльтон считал, что если бы страна следовала за Макдональдом, который всегда призывал англичан быть умеренными в интересах длительного мира, то угроза войны рассеялась бы и Европа была бы иной, чем она стала в 1939 году. «Не так много лет должно было пройти, чтобы соотечественникам Макдональда выпало на долю горькое раскаяние в том, что они не обращали внимания на его предостерегающие слова и что эти слова были брошены на ветер» (стр. 341).

В этих двух мыслях и заключается сущность исторической концепции автора. В своей книге он обращается не к рабочему классу Англии, а к ее правящим классам. Грубо говоря, мораль книги такова: «Достопочтенные сэры, вы видите, что люди, подобные Макдональду (а они далеко не перевелись еще в лейбористском движении), не только не вредны, но чрезвычайно полезны. Небольшие неудобства, которые они невольно причиняют нам своим «социализмом» и «пацифизмом», являются пустяками по сравнению с громадными выгодами, которые они доставляют нам тем, что умело тормозят развитие революционной тенденции в рабочем классе».

Автор не пытается представить Макдональда левым социалистом, как это делают другие его биографы. Наоборот, он стремится показать Макдональда как essently moderate (по природе умеренного), освободив его от левой фразы, с помощью которой Макдональд иногда (хотя и не так уж часто, как думают иные) прикрывал свою глубоко реформистскую деятельность. Автор стремился показать, что Макдональд и ему подобные деятели принципиально приемлемы для английской буржуазии.

Эльтон, бесспорно, знает историю английского рабочего движения и знает ее по первоисточникам. Именно хорошее знание материала убедило его в том, что существует огромная пропасть между распространенным, установившимся представлением о Макдональде и подлинным, реальным Макдональдом. Такая реабилитация Макдональда как раз соответствует интересам английского пролетариата, ибо показывает Макдональда как идеолога и лидера оппортунизма в самой классической его форме, каким является английский реформизм.

Макдональд родился в приморском рыбацком поселке Лоссимауф, в южной Шотландии. Отец его, Рамзей, был сельскохозяйственным рабочим, а мать, Макдональд, происходила из рыбачьей семьи. В возрасте 15 лет он окончил местную среднюю школу и некоторое время работал батраком, а затем стал помощником учителя в местной школе. В годы юности он предпочитал читать библию, жизнь Иисуса, собрание проповедей, историю церкви и т. п. Позже к этому списку прибавились Эмерсон, Карлейль, Рескин, Галлифакс, Токвиль, Ле-Бон и др. Подобная литература, бывшая тогда обычной духовной пищей молодежи, не могла способствовать духовному и интеллектуальному освобождению юноши от традиционного буржуазного взгляда на мир. Некоторую поправку сюда вносила сама жизнь. В 60-е и 70-е годы в Шотландии происходило быстрое обезземеливание мелких фермеров. В Шотландии тогда восторгались реформами Гладстона. Макдональд тоже был «восторженным гладстонианцем». Но работа в деревне его не удовлетворяла. Он стал помещать в газетах объявления с предложением своих услуг. В 1885 г. 19-летнему Макдональду удалось, наконец, устроиться в качестве клерка в г. Бристоле. Здесь он примкнул к местной ячейке Социал-демократической федерации и стал, по его выражению, «вполне оснащенным социал-демократом» (стр. 44). Но уже в декабре

1885 г. бристольские социал-демократы порвали с Социал-демократической федерацией, так как «ее немногочисленные члены,— повествует автор,— были больше англичанами, чем сама доктрина была английской» (стр. 47). Неудача социал-демократии в Англии, по мнению Эльтона, объясняется тем, что Гайндман совершенно неверно понимал Англию, что «самый характер марксистской доктрины осуждал ее в английских условиях на постоянное бесплодие».

Виной этому был, конечно, не марксизм, а доктринерство, буквоедство тех, кто называл себя в Англии марксистами. Хорошо известно, что Маркс и Энгельс вели самую решительную борьбу против догматизма и сектантства Гайндмана и СДФ.

С 1886 г. Макдональд живет в Лондоне, работая конторщиком, химиком, потом учителем. В этом же году он вступил в Фабианское общество, поддерживая в течение еще нескольких лет связь с СДФ и публично выступая от ее имени. Наконец судьба ему улыбнулась: в 1888 г. он стал частным секретарем члена парламента, либерала Лоуфа. «Это место открыло ему дверь в буржуазное общество»,— пишет автор. Вернее было бы сказать: в переднюю буржуазного общества. В последующие годы Макдональд много читает, начинает писать статьи и даже новеллы. Когда Кейр-Гарди создал Независимую рабочую партию, Макдональд в 1894 г. примкнул к ней. Что привело Макдональда к Независимой рабочей партии? Автор хочет убедить читателя, что мелкобуржуазный социализм Независимой рабочей партии больше соответствовал природе англичан, в том числе и Макдональда, чем марксизм. «Это была новая разновидность социализма, приспособленная как к практической природе англичан, так и к их полному безразличию к логике» (стр. 67).

Факты показывают, что в данном случае дело было не в идейных прелестях независимого социализма, а в том, что на службе у либералов Макдональд не мог сделать карьеры. Либералы не соглашались выставить его кандидатуру в парламент. Тогда он ушел к Независимой рабочей партии. В письме к Кейр-Гарди он следующим образом объяснял свой приход: «Между вами и мной никогда не было разногласий по вопросам о целях. То, с чем я никак не мог согласиться, это были ваши методы отказа от сотрудничества с либералами. Теперь я изменил свое мнение, я перестал верить в либеральную партию» (стр. 69).

Макдональду не было еще 28 лет, а он уже успел побывать у социал-демократов, у фабианцев, у либералов и у независимцев. Однако и Независимая рабочая партия не могла ему тогда обеспечить карьеру, так как она сама была без средств, без массовой опоры. На парламентских выборах 1895 г. Макдональд провалился, как и остальные 28 кандидатов этой партии. В это время он женился. Жена его Маргарита Гладстон происходила из богатой буржуазной семьи. Она была суеверной и мистически настроенной женщиной и в этом смысле оказала большое влияние на своего мужа. Элементы природного плебейского рационализма и скептицизма, которые еще оставались в его душе, теперь «выветрились», и «это еще дальше оттолкнуло его от мрачного материализма Маркса» (стр. 79).

Большое значение для дальнейшего жизненного пути Макдональда имело то обстоятельство, что его женитьба обеспечила ему возможность комфортабельной жизни, без забот о заработке, без зависимости от денежных средств тредюнионов. Для политической карьеры в тогдашней Англии это имело громадное значение. На средства жены он открыл в своем доме политический салон для радикалов, социалистов и деятелей английского и международного рабочего движения. Сам же он, говорит автор, «легко приобрел манеры того класса, который зовется господствующим классом» (стр. 80). Теперь для Макдональда открылся путь к политической карьере. Он был избран членом исполкома Фабианского общества и членом административного совета Независимой рабочей партии. Свои взгляды на задачи социалистического движения он сформулировал в одном из своих докладов в 1896 г. следующим образом: «Мы должны, с одной стороны, проповедовать социализм и знакомить публику с нашими взглядами, а с другой — мы должны убедить настоящих прогрессистов, которые не являются социалистами, в том, что небольшая реформа в наших руках является совершенно безопасной вещью» (стр. 89).

В рядах тогдашних фабианцев Макдональд отличался одной чертой, которая в течение ряда лет доставила ему несколько личных неприятностей, но затем вознесла его к власти. Во время разбойничьей войны английского империализма против буров фабианские социалисты в подавляющем большинстве заняли империалистические позиции. Бернард Шоу, один из вождей Фабианского общества, писал в памфлете «Фабианизм и империя»: «Великая держава, желает она того или не желает, должна в интересах цивилизации господствовать» (стр. 92). О судьбе бурских республик он писал: «Конечно, теоретически говоря, они не должны быть подчинены британскому империализму, а должны быть интернационализированы. Но пока мировая федерация не станет фактом, мы должны принять имперскую федерацию как пригодную замену мировой федерации» (стр. 96).

Другая, незначительная часть членов Фабианского общества ушла из него и создала Комитет прекращения войны. В числе их были Гобсон, автор известной работы «Империализм», Панкхерст, впоследствии руководительница суфражистского движения, и Макдональд. Пацифизм Макдональда сблизил его с Независимой рабочей партией, с которой он был официально связан в течение более 30 лет (1894—1927). Однако он никогда себя не

чувствовал вполне хорошо в ее рядах, как часто отмечает автор.

В 1899—1905 гг. Независимая рабочая партия во главе с бывшим горняком Кейр-Гарди организовала Рабочую партию (Партию труда). В состав организационного комитета, а затем исполкома был избран в качестве секретаря Макдональд, председателем ее в течение ряда лет был Кейр-Гарди. Между Макдональдом и Кейр-Гарди долго шла упорная, хотя и скрытая борьба. Макдональд в своих письмах к Бресс-Глезеру, с которым он был близок, часто жалуется на Кейр-Гарди, на его «неисправимый индивидуализм». Оба они были социалистами-реформистами. Но тогда, в начале XX в., Кейр-Гарди представлял собою прошлое английского мелкобуржуазного социализма: его ползучий эмпиризм, теоретическое невежество и беспечность, нелюбовь к строгой партийной дисциплине, склонность к оппортунизму и в то же время его нравственный идеализм, его бытовую близость к рабочему классу. Но Кейр-Гарди всегда импонировал рабочим массам Англии своей скромностью. Он жил и умер в настоящей бедности. Макдональд же представлял собою новый тип английского социал-реформиста, эксплоатировавшего нарастающую активность английских рабочих масс, опирающегося на рабочую аристократию эпохи зрелого империализма. Макдональда едва ли можно упрекнуть в «теоретической беспечности», ибо именно он систематизировал, так сказать, кодифицировал и популяризировал элементы социал-реформистской идеологии, которые с 80-х годов стали слагаться в английском рабочем движении. Именно он придал практическому реформизму некую видимость «философско-теоретического» обоснования с помощью реакционного биологизма Герберта Спенсера.

Уже до 1906 г. Макдональда рассматривали в Англии как выдающегося теоретика английского лейборизма. В вопросах организационных он стоял за создание массовой дисциплинированной Партии труда, способной стать мощной политической машиной в руках реформистских лидеров. По его мнению, эта партия должна была объединить в своих рядах буржуазных радикалов и рабочих. «Лично я,— писал он еще в 1900 г.,— предвижу в будущем новую партию, которая впитает все части общества, работающие для прогресса» (стр. 110).

Его роль в создании Рабочей партии была весьма велика. Он подготовил учредительную конференцию Рабочей партии (28 февраля 1900 г.)[1], все 8 резолюций, принятых конференцией, также были написаны им. «Вся стратегия движения,— говорит Эльтон,— принадлежит Макдональду» (стр. 111). Автор с гордостью подчеркивает, что во всех 8 резолюциях не было ни слова о социализме.

В должности генерального секретаря Макдональд оставался до 1911 г., когда был избран председателем Рабочей партии. Результаты макдональдовской стратегии, говорит автор, «запечатлены на каждой странице последующей истории Британии».

До 1906 г. новая партия развивалась медленно. Значительный парламентский успех она получила на выборах 1906 г., которые были вспышкой протеста демократических масс Англии против 20-летнего реакционного господства консерваторов. В парламенте вместо 4 лейбористов появилась рабочая фракция в 51 человек, причем 29 из них были избраны по списку Комитета рабочего представительства. Социалистов в их среде было только 4, в том числе и Макдональд, впервые избранный в парламент. Его мечта, наконец, осуществилась: он стал парламентарием, и руководство парламентской фракцией Рабочей партии, по существу, перешло в его руки.

«Сохранилась фотография этой фракции,— пишет Эльтон.— Члены ее выглядят на ней меньше всего похожими на кучку революционеров и протестантов, а, скорее, на какую-то экскурсию нонконформистских проповедников и мирян» (стр. 133).

Третьим лицом в этой фракции после Кейр-Гарди и Макдональда был Гендерсон. Это «совсем не внушительная фигура» (стр. 134). В течение 20 лет Гендерсон был либералом. Когда он в 1911 г. был избран секретарем Рабочей партии, он долго думал над тем, к какой социалистической организации ему примкнуть. После долгих раздумий он решил примкнуть... к фабианцам. Автор прямо указывает, что «духовно он всегда принадлежал к буржуазии».

Глава книги, рассказывающая о годах 1906—1914, просто убийственна для Макдональда и английского реформизма. Картина парламентского кретинизма вышла из-под пера автора, наверно, вопреки его намерению, бесподобной. Автор хорошо показывает зависимость успеха парламентских выборов для лейбористов от благосклонности английских либералов. Эта часть книги является прекрасной иллюстрацией к ленинской характеристике социалистов из Независимой рабочей партии, как людей, независимых от социализма, но очень зависимых от буржуазии. Так из 29 членов парламента, избранных в 1906 г. по списку Комитета рабочего представительства, только 5 были избраны против воли либералов, все же остальные, в том числе и сам Макдональд, прошли потому, что либералы сняли в их пользу своих кандидатов. Такая уступчивость объясняется тем, что «либеральные погонщики видели в лейбористских кандидатах не противников, а союзников» (стр. 122). Между тем Макдональд, обманывая рабочих, заявлял хвастливо, что на выборах 1906 г. «коттедж, который до сих пор боролся за тех, кто живет во дворцах, ныне решил бороться за самого себя». В действительности же зависимость новой партии от либералов усиливалась (стр. 125).

На конференции Рабочей партии в 1911 г. Макдональд говорил: «Нас упрекают в том, что мы не ставим вопросов

[1] Тогда она называлась еще Комитетом рабочего представительства.

социализма в палате общин, нам говорят, что если бы члены нашей партии в провинции могли, открыв утром свои газеты, прочитать в них развернутые дебаты о социализме, то они были бы довольны. Я не знаю, может быть, я сделан иначе, чем другие люди, но если бы я увидел, что наши представители в палате общин пытаются заставить меня произносить пропагандистские речи в палате, то это мне совсем не понравилось бы. Великая функция палаты состоит в том, чтобы воплощать социализм в законодательство» (стр. 219—220).

«Выполняя» эти функции, лейбористская фракция почти неизменно голосовала за все предложения либерального правительства. А после выборов 1910 г., когда либералы и консерваторы получили равное число мест, положение лейбористов стало прямо-таки трагикомическим: лейбористская фракция теперь не только всегда голосовала за правительство, но она боялась даже словесно критиковать его.

Автор правильно объясняет это недостойное и позорное даже для реформистов поведение тем, что лейбористы страшно боялись падения либерального правительства. «Если бы лейбористская фракция внесла какую-нибудь поправку и вся консервативная партия голосовала бы за эту поправку, то это означало бы конец либерального правительства,— разве только ирландцы решили бы спасти его своими голосами» (стр. 182). Эта крайняя потеря не только своего политического лица, но и чувства собственного достоинства привела к очень жалким последствиям. Либеральное правительство, за исключением того, что оно отменило черносотенное, антирабочее законодательство консерваторов, ничего серьезного и существенного не сделало для рабочего класса. «Уже в 1907 г.,— пишет автор,—раздавались жалобы со стороны части рядовых членов на то, что лейбористы в парламенте тратят большую часть своего времени на поддержку либералов» (стр. 144).

Кейр-Гарди, встревоженный этим обстоятельством, писал в конце 1907 г. Сноудену (см. «Автобиографию» Сноудена): «В последней сессии партия практически выпала из круга общественного внимания. Юмористические газеты и карикатуристы игнорируют нас. Печальное зрелище! Имеется очевидная тенденция работать в тесном и сердечном согласии с правительством, и если эта политика будет продолжаться, то мы потеряем наше лицо и будем сметены вместе с либералами. И в таком случае мы вполне будем заслуживать эту судьбу» (стр. 158).

В связи с этим Кейр-Гарди просил освободить его от обязанностей председателя партии. Макдональд тоже был обеспокоен тем, что рабочие не находили разницы между либеральной партией и лейбористами. Но в противоположность субъективно честному и искреннему Кейр-Гарди Макдональд видит причину создавшегося положения не в своей реформистской политике, а в кознях его противников. В конце 1907 г. он писал председателю объединения журналистов при палате, что он пострадал от неверных отчетов в прессе. Он просил давать информацию, освещающую в выгодном свете лейбористскую фракцию. Когда развернулись большие предвоенные стачки, Макдональд выступил против них. В правительственных комиссиях по стачкам он обычно выступал за прекращение их и за принятие рабочими тех условий, которые предлагались хозяевами. Во время большой стачки железнодорожников он подписал соглашение, чрезвычайно невыгодное для рабочих, а на следующий день он убеждал рабочих «выполнять свои обязанности честно, жить трезво и бояться бога», меж тем как Независимая рабочая партия считала условия соглашения «полной сдачей» (стр. 205). Билль Ллойд Джорджа о страховании вызвал также сильнейшее и единодушное возражение рабочих главным образом потому, что, по этому закону, рабочие должны были вносить в страховой фонд свои средства. Но Макдональд заявил, что «билль, построенный на освобождении рабочих от взносов, был бы не социализмом, а филантропией». Он так же решительно возражал против демократических проектов реформы палаты лордов, выдвигавшихся некоторыми лейбористами, полностью поддерживая проект правительства. Эта, в сущности, консервативная политика вызвала оппозицию со стороны ряда лейбористов (Грейсон, Бен-Тиллет, Лэнсбери и др.).

Ленин неоднократно говорил, что анархизм является наказанием за грехи оппортунизма. Так было и в Англии. Автор правильно отмечает, что бессилие лейборизма и рост реакции «породили в рабочем классе широко распространенные чувства бесплодности, растущую нетерпимость к парламентским формам борьбы, наблюдался внезапный рост антипарламентской бациллы» (стр. 220). Даже студенты Оксфордского и Кембриджского университетов стали интересоваться синдикализмом. «В английском языке появились новые странные выражения: саботаж, летучая стачка, непрерывная стачка и т. д.» (стр. 202).

Автор красочно рисует жалкий итог деятельности лейбористской партии за 1906—1914 гг.: «Фактом остается то, что с 1900 г. по начало войны Рабочая партия не сделала избирательных успехов.

В течение последних трех лет перед войной частичные выборы неизменно кончались для Рабочей партии поражением. Тираж печатных изданий партии упал. Даже пропаганда Независимой рабочей партии, бывшая острием движения, начинала терять влияние. В начале 1909 г. в Ланкашире было 100 ячеек Независимой рабочей партии, а к маю 1911 г. осталось только 87. Партия в целом была теперь малоинтересным и не внушающим опасения придатком либеральной партии» (стр. 231). Автор нисколько не смущен этим фактом. Он считает это явлением нормальным, почти неизбежным и объясняет его тем, что Рабочая партия была третьей партией в стране и к тому же по составу чисто рабочей, а такая

партия в Англии не могла развиваться. Только война, вызвавшая раскол либералов, открыла широкий путь для превращения Рабочей партии в большую партию. Тогда же хлынули в нее буржуазные интеллигенты, как либералы, так и молодые консерваторы, придавшие ей несколько иной характер, чем до войны. Но в чем же тогда заслуга Макдональда и Рабочей партии, спросит читатель. Заслуга эта, по мнению автора, заключается в том, что под руководством Макдональда Рабочая партия превратилась в «оплот против безрассудства и горячности» (стр. 219). Макдональд, по выражению автора, «воспитывал партию в умеренности и терпении». Каждый из внутренних кризисов партии был «новой стадией в воспитании партии», ибо Макдональду удавалось обычно победить все оппозиции внутри партии и сохранить руководство в своих руках. Он был, по мнению автора, совершенно незаменимым для Рабочей партии человеком, умело связывающим в одну организацию разные части лейбористского движения: социалистов и либеральных тредюнионистов, которые представляли до войны основную силу Рабочей партии. Эти рабочие-либералы были недовольны даже такой прирученной социалистической партией, какой была Независимая рабочая партия. Для них даже Кейр-Гарди был «экстремистом». Они грозили расколом.

В этих условиях даже Кейр-Гарди и Макдональд начинали сомневаться в том, «смогут ли социалисты продолжать работу с классово сознательными тредюнионистами» и «не лучше ли отдать концы, т. е. отчалить» (стр. 159). Но кандидатура Макдональда на пост председателя партии, а Гендерсона — на пост секретаря примирила этих сознательных «лейтенантов капитала» с Рабочей партией. За 14 лет Макдональд и вся реформистская верхушка Рабочей партии не раз решительно и настойчиво выступали против всякой левой оппозиции, но никогда не подымали голоса против правых. На протяжении 15-летнего существования Рабочей партии до войны Макдональд неизменно стоял на ее правом фланге.

То обстоятельство, что эта книга написана не для рабочего класса, а для буржуазии, позволило автору очень хорошо показать Макдональда в период 1914—1918 годов. Автор старательно, с какой-то непонятной настойчивостью отводит от Макдональда обвинение в пацифизме. Но репутация пацифиста, т. е. противника войны, была причиной его политической карьеры, особенно после войны, с 1919 года. Его пацифизм был чисто декларативным. В начале войны он осудил войну, осудил дипломатию Э. Грея и решение правительства о вступлении Англии в войну. За это он был смещен с поста председателя партии и заменен Гендерсоном. Но этим и ограничился его пацифизм. В дальнейшем мы не видим с его стороны ни одного действия против войны. В этом смысле в утверждениях автора о том, что Макдональд не был пацифистом, есть значительная доля истины.

7 августа в Лейстере перед своими избирателями Макдональд сказал: «Каковы бы ни были наши взгляды на происхождение войны, мы должны выиграть ее» (стр. 252). Это не было случайной фразой. 16 июля 1915 г. он писал в лейстерской газете: «Те, кто могут поступить в армию, должны поступить; те, кто работают на военных заводах, должны от чистого сердца выполнять эту работу» (стр. 264).

Когда к нему приходили офицеры, ставшие во время войны пацифистами (как это было с 23-летним полковником Хардименом, храбрым офицером З. Сасуном и другими близкими к Независимой рабочей партии офицерами), и заявляли, что они хотят бросить военное ремесло, Макдональд убеждал их не делать этого, а вновь отправиться на фронт сражаться. Все это Макдональд казуистически считал совместимым с позицией социалиста-пацифиста, так как участие в войне является якобы делом чисто личным. Даже Сноуден осмеял эту софистику Макдональда как «танец вокруг тутового куста».

Однажды Макдональд поехал в Бельгию на фронт. Там он был арестован местными военными властями и выслан в Англию. Когда фельдмаршал Китченер узнал об этом, он приказал предоставить Макдональду автомашину, дал ему в спутники генерала Сили и велел провести его по всему английскому западному фронту.

Автор считает, что разница между Макдональдом и Ллойд Джорджем была не в том, что один был против войны, а другой — за нее. Разница была в том, что Макдональд в противоположность Ллойд Джорджу, стремившемуся кончить войну с помощью нокаута, был за мир путем переговоров с Германией, «за мирное соглашение», ибо военный разгром Германии не даст прочного мира, а вызовет чувство реванша. Когда лорд Лэнсдоун осмелился вторично выступить (29 ноября 1917 г. в «Дэйли телеграф») с предложением пересмотреть и переформулировать цели войны, Макдональд ответил в «Forward» 8 декабря 1914 г., что «согласен в основном с письмом Лэнсдоуна...». «Но больше всего я приветствую дух письма,— писал он.— Оно наносит удар вздорной болтовне о нокауте; письмо подчиняет военный успех разумной дипломатии» (стр. 336). Вот почему Макдональд рад был видеть вместо правительства Ллойд Джорджа правительство Лэнсдоуна.

Взгляды Макдональда на войну автор резюмирует следующим образом: «Первое. Мы сделали ошибку, вступив в войну. Второе. Вступив в нее, мы должны ее выиграть. В-третьих, нельзя терять головы и надо стремиться к установлению прочного мира путем низвержения германского милитаризма, но дав германскому народу великодушный мир» (стр. 260).

Этот своеобразный «пацифизм» Макдональда приблизил его к левым элементам рабочего движения, против которых он вел до войны борьбу и которые тогда не пи-

тали к нему особо дружеских чувств. «Он сразу же из бывшего под подозрением превратился в кумир левого крыла» (стр. 250).

Макдональд оказал Англии во время войны очень большую услугу, говорит автор, он предохранил Рабочую партию от раскола. «По своему составу Совет гражданских свобод был, таким образом, одним из звеньев, которое помогло предохранить Рабочую партию от формального разрыва» (стр. 189).

А это было чрезвычайно важно, ибо в случае раскола Рабочей партии «политическая жизнь Британии стала бы неизбежно бесплодной в силу роста бесплодного экстремизма и могла бы на самом деле пойти, как это было во многих других странах, по незрелому пути насилия, гражданской войны и уничтожения демократии» (стр. 310).

Очень интересны страницы книги, посвященные влиянию русских революций (февральской и Великой Октябрьской) на английское рабочее движение. Февральская революция была для реформистов толчком влево, «она преобразовала взгляды на войну многих из его товарищей во что-то похожее на его взгляды» (стр. 313), т. е. она приблизила Рабочую партию к Макдональду.

Симпатии рабочих масс к русской революции вынудили Макдональда, Сноудена и Независимую рабочую партию организовать вместе с Британской социалистической партией Лидсскую конференцию рабочих организаций (июнь 1917 г.), которая имела своей целью «начать в Англии то, что выполнила в России русская революция» (стр. 315). Конференция горячо приветствовала русских рабочих, требовала мира без аннексий и контрибуций и организации в Англии рабочих и солдатских советов. Макдональд участвовал в этой конференции. А ведь резолюции этой конференции, говорит автор, «определенно пахнут чем-то вроде мятежа» (стр. 320). Автор спешит очистить своего героя от подозрения в мятежных чувствах. Макдональд, по автору, хотя и высказывает платонические пожелания русским рабочим, но страшно боится реальных русских рабочих-большевиков, в частности их борьбы за мир, против империалистической войны. Именно поэтому он был за участие в социал-патриотической Стокгольмской конференции. «Если мы не сможем установить полную симпатию между нами и Россией, то возникнет серьезная опасность, что Россия заключит сепаратный мир с Германией. Другая угроза состоит во внутренней опасности, имеющейся в России. В настоящий момент в России имеются силы, работающие для внутреннего разложения, и они очень серьезны и могучи» (стр. 315).

Автор дает интересное описание возбуждения в Англии, вызванного опубликованием советским правительством (в декабре 1917 г.) тайных договоров. Хотя вся буржуазная пресса отказалась их печатать, но содержание договоров все же стало достоянием рабочих. «Защитники «мира» были приведены в ярость, когда увидели, что их самые мрачные подозрения получили подтверждение, ибо оказывалось, что дело было не в Бельгии и не в спасении демократии, а в том, чтобы дать России Константинополь, проливы и часть Персии, а Англии — Месопотамию и т. д.» (стр. 330). Опубликование тайных договоров заставило Рабочую партию поспешить с составлением своей мирной программы (28 декабря 1917 г.), а Ллойд Джорджа и Вильсона — выступить с лицемерными заявлениями о демократическом мире.

Первый том книги Эльтона доведен до июня 1919 г., т. е. до подписания версальского мирного договора. Для пацифистов эти месяцы между концом войны и Версалем были месяцами горького разочарования. На выборах «хаки» лейбористы, социалисты потерпели сильное поражение: из 450 кандидатов они провели только 61. Почти все лидеры Рабочей партии и Независимой рабочей партии, в том числе Макдональд, были забаллотированы.

Ход событий до Парижской мирной конференции обескуражил пацифистов. Макдональд надеялся только на Вильсона. В конце декабря 1918 г. он писал: «Остается только Вильсон. Если он потерпит неудачу, то все потеряно. Но пока этого нет, мы должны ему верить». А через несколько дней он констатировал, что и Вильсон не поможет, ибо он изолирован от американского народа.

Заканчивая свою книгу, раскаявшийся ллойдджорджианец Эльтон с горьким упреком обращается к английской нации и к ее правителям: «Начиная с августа 1914 г. вплоть до мая 1919 г., когда у него исчезла последняя надежда, Макдональд работал над тем, чтобы подготовить общественное мнение в пользу мира путем соглашения. Его слова были осмеяны как глупость либо как предательство. Но сегодня совсем не так легко их осмеивать как глупость или как предательство» (стр. 356).

В ряде книг, посвященных Макдональду (Hamilton. J. Ramsay Macdonald; Iconoclast. J. R. Macdonald a man of future; L. M. Weiz. The Tragedy of Ramsay Macdonald; Scanlop. The Rise and Downfall of Labour Party; Bardoux. J. Ramsay Macdonald), книга Эльтона является наилучшей. Она несколько суховата по изложению, но очень богата фактическими материалами. Автор, желая поднять престиж Макдональда в глазах буржуазии, на деле невольно его разоблачает.

Книга является прекрасной иллюстрацией ко многим оценкам английского рабочего движения, сделанным Лениным.

С. Захаров

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

«Документы и материалы по истории Мордовской АССР». Т. I. Саранск. 1940. 435 стр.; Т. II. Саранск. 1940. 351 стр.; Т. III. Ч. 1-я. Саранск. 1939. 345 стр. (Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК МАССР).

Перед нами объемистый сборник материалов по истории мордовского народа и мордовского края, изданный под редакцией Института истории АН СССР. Ответственные редакторы: акад. Б. Д. Греков и проф. В. И. Лебедев; научная редакция принадлежит чл.-корр. АН СССР проф. А. И. Яковлеву и Л. В. Черепнину. В составлении сборника принимали участие проф. Н. В. Никольский, проф. А. А. Новосельский и И. А. Голубцов. Объем трех вышедших до настоящего времени томов сборника — более 1000 печатных страниц — показывает, какой широкий размах придан изданию его составителями. Однако программа издания еще не исчерпана, и есть полное основание надеяться, что в ближайшем будущем сборник будет дополнен еще несколькими новыми томами. Заранее можно порадоваться увеличению количества материалов и источников по столь еще мало разработанному отделу истории СССР, как история населяющих его народов. Издаваемый сборник материалов открывает новые большие возможности изучения истории мордвы и делает большую честь инициативе научной общественности Мордовской республики.

Составители сборника ставят своей задачей издание частью уже опубликованных, частью вновь извлеченных из архивов памятников, имеется в виду сосредоточить в одном издании если не все без исключения, то главнейшие памятники истории мордовского народа. Для этой цели выработана достаточно твердая и определенная схема. В сборник входят произведения писателей древнего мира, средневековья и арабские в извлечениях, касающихся специально мордвы и населяемого ею края, материалы археологических исследований и раскопок, извлечения из древнерусских летописей, сказаний и повестей, документы, характеризующие быт и судьбы мордовского народа до XIX в. включительно, извлечения из сказаний иностранцев о мордве до конца XVII в. и выдержки из описаний путешествий и из этнографических работ о мордве за XVIII и XIX вв., наконец, свод в кратком изложении наиболее важных научных работ по этнографии и лингвистике мордвы за XIX в. на русском и иностранных языках.

Изложенная программа выполняется до сих пор планомерно. На томы, которые, несомненно, составят продолжение издания, падает дальнейшая публикация богатейшего актового и законодательного материала XIX и XX вв., литературные и научные работы о мордве за тот же период и продолжение материалов по фольклору, пока еще слабо представленных только в одном небольшом отделе III тома.

«Написание истории мордвы,— читаем мы в изложении принципов и задач данного издания документов (т. I, стр. 7), — еще представляется делом будущего. Помимо того, что старая историография была далека от марксистско-ленинских установок, основная причина этого заключается в том, что масса необходимых источников по истории мордвы остается невыявленной и рассеянной среди фондов центральных и местных архивохранилищ, а изданные источники разбросаны в разнообразных, часто малодоступных, изданиях. При таком положении выявление первоисточников и их публикация представляются задачей первоочередной. Предлагаемое издание стремится посильно содействовать разрешению этой первой задачи, исходя из убеждения, что таким путем мы приблизимся к решению второй, основной задачи — написанию научной, документально обоснованной истории мордвы». Составители последовательно и добросовестно идут по пути разрешения поставленной задачи. В этом большая и бесспорная заслуга как составителей, так и инициатора дела — Мордовского научно-исследовательского института. Но публикация документов происходит частично, в извлечениях. Будущие авторы истории мордовского народа получат, по существу, не документы, а большие и малые их отрывки, и, таким образом, между подлинным документом и будущим автором истории мордвы возникает средостение в лице публикаторов документов. Правильно ли это и не закрывается ли таким образом подлинное лицо документа? Вопрос этот, думается, принадлежит к числу дискуссионных.

Акад. Ю. Готье

KONSTANTINAS AVIŽONIS. Bajorai valstybiniamae lietuvos gyvenime Vazu laikais. Kaunas. 1940. 572 p.
КОНСТАНТИН АВИЖОНИС. Шляхта в государственной жизни Литвы во времена дома Вазы.

Большое исследование К. Авижониса посвящено изучению вопроса, который до сих пор не обращал на себя внимания историков. Оно раскрывает новую, весьма интересную страницу в истории великого княжества Литовского. Обычно польские исследователи при изучении истории великого княжества Литовского ограничивались периодом до Люблинской унии 1569 г. включительно. Так поступали и русские исследователи истории великого княжества Литовского, за исключением проф. И. И. Лаппо, который в своих работах перешагнул через сакраментальную дату 1569 г. и изучал социально-политический строй великого княжества от Люблинской унии до конца XVI века. Советские историки, интересуясь историей Белоруссии и ее положением накануне разделов Речи Посполитой, естественно, касались внутренней истории великого княжества Литовского, поскольку Белоруссия входила в состав последнего и социально-экономическая и политическая структура великого княжества и политика класса феодалов должна была отражаться на положении белорусского народа.

Для большинства польских и русских исследователей история великого княжества Литовского после Люблинской унии сливается с историей Польши, при этом Литовское княжество рассматривается в качестве провинции, находившейся в особых, привилегированных условиях. Советская историография выступала против этого общепринятого толкования. Она считала, что в основу акта Люблинской унии положено федеративное начало, вследствие чего Литовское княжество не потеряло своей политической самостоятельности, хотя и несколько урезанной в интересах нового государственного объединения, известного под именем Речи Посполитой. На этой точке зрения стоял и И. И. Лаппо, один из старейших специалистов по истории великого княжества Литовского, высказывавшийся в своих ранних и более поздних исследованиях (Прага, Каунас) против господствовавшей в польской и русской историографии точки зрения на политическое положение великого княжества Литовского и на его историю. Такой взгляд мог господствовать только благодаря отсутствию специальных работ по истории великого княжества Литовского и его права, и сам И. И. Лаппо много поработал над тем, чтобы пролить некоторый свет на историю великого княжества Литовского после Люблинской унии до конца XVI века. Исследование К. Авижониса является в известной степени продолжением работ И. И. Лаппо, но последний главным образом интересовался изучением социально-политического строя великого княжества после Люблинской унии, тогда как К. Авижонис стремится показать в своем исследовании, какова была роль шляхты в политической жизни великого княжества Литовского как отдельного государственного образования.

Исследование д-ра К. Авижониса — итог длительного и упорного труда. Оно основано на изучении громадного материала источников, в том числе и архивных. Можно сказать, что источники использованы автором исчерпывающим образом. То же следует сказать и об историографии. Д-р К. Авижонис превосходно знаком с трудами наиболее видных русских и украинских исследователей истории великого княжества Литовского, не говоря уже об исчерпывающем знакомстве с польской исторической литературой. В перечне использованной автором исторической литературы нет только упоминания об одной русской работе — о «Смоленской войне» Сташевского, изданной в Киеве во время империалистической войны и успевшей довольно скоро стать библиографической редкостью.

В своем введении автор кратко коснулся вопроса о росте и усилении литовского шляхетства в XV—XVI вв., правовое положение которого было юридически оформлено в литовском статуте 1588 года. Введение тесно примыкает к более раннему исследованию автора — «Die Entstehung und Entwicklung des litauischen Adels bis zur litauisch-polnischen Union 1385», Berlin. 1932 («Происхождение и развитие литовского дворянства ко времени литовско-польской унии 1385 г.»).

Польский историк-юрист проф. Ст. Кутшеба признает за великим княжеством Литовским известную долю политической самостоятельности, отмечая в то же время незначительный политический удельный вес княжества в составе Речи Посполитой на основе подсчета численности литовских членов сената Речи Посполитой и сеймовых послов в посольской избе. Но удельный политический вес великого княжества Литовского отнюдь не приходится определять арифметическими подсчетами. Его значение можно выяснить только посредством всестороннего изучения политической роли Литвы в составе Речи Посполитой, только в этом случае можно будет выяснить политический удельный вес княжества в составе Речи Посполитой. В действительности роль великого княжества была огромна, так как литовские магнаты, не порывая с унией, все время вели длительную борьбу за укрепление литовской государственности в рамках Речи Посполитой.

К. Авижонис ограничивает пределы своего исследования временем династии Вазы—от Сигизмунда III до Яна Казимира включительно. Этот отрезок времени обратил на себя внимание автора не случайно. При династии Вазы выяснились все отрицательные стороны «диктатуры дворянства», или, согласно терминологии автора, «участия дворянства в политической жизни великого княжества Литовского».

К. Авижонис ярко обрисовал разрушительную политическую деятельность литов-

ского дворянства, приведшую власть и ее правительственный аппарат к полному параличу, к полной анархии. Он раскрыл сущность проводившейся дворянством противогосударственной политики, которая подрывала самое основание дворянского литовского государства. Дворянство все время стремилось к ослаблению власти великого князя и польского короля и чрезвычайно опасалось какого-либо усиления этой власти. К. Авижонис правильно отмечает, что все руководство политической жизнью Литвы находилось в руках магнатских фамилий (Радзивиллов в первой половине XVII в., Сапег, Пацтов, в особенности при Яне Казимире и Михаиле Корибуте), которые, в сущности, думали только об обеспечении своих интересов, мало заботясь о «благе» государства. Вместе с тем литовское дворянство полонизируется через школу, церковь, родственные связи и проникновение польской культуры. Магнаты и шляхта крепко стояли за свою «золотую свободу», не обращая внимания на указания отдельных политических писателей, как Горницкий, Волан, Опалинский, Старовольский, церковных проповедников, как Скарга, Олшевский, о губительности последствий «золотой свободы» для Речи Посполитой. Таков, по мнению автора, итог политической деятельности дворянства в политической жизни великого княжества Литовского, и к этим выводам его следует полностью присоединиться.

Автор исследования ограничил себя изучением роли дворянства в политической жизни великого княжества Литовского, вопросы же социальной и национальной политики им совершенно обойдены. Между тем диктатура дворянства сопровождалась величайшим угнетением зависимого от него сельского населения, преследованием белорусского и украинского народов и подрывом экономики городов. Вспомним хотя бы расправу литовского правительства во главе с Львом Сапегой с витеблянами за убийство такого яркого представителя польско-католической агрессии, каким был изувер Иосафат Кунцевич.

В. Пичета

ЧУЛОШНИКОВ А. Восстание 1755 г. в Башкирии. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.-Л. 1940. 109 стр. 7 руб. (Институт истории Академии наук СССР).

В рецензируемой работе изучается одно из многочисленных восстаний башкирского народа в XVIII в., которым уже не раз занималась еще старая, буржуазная историография (Рычков, Витевский, Фирсов и др.). В отличие от этих историков автор ставит себе целью, привлекая новый богатый архивный материал, осветить вопрос на основе указаний Жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для средней школы по истории СССР.

В главах 2 и 3-й — «Подготовка восстания 1755 г.» и «Общий ход восстания 1755 г. и причины его неудачи» — содержится новый материал о неплюевской[1] политике, целью которой было создание вражды между казахским и башкирским народами с одной стороны, башкирами и «припущенниками»[2] — с другой. Приведены выдержки из «Записок» Неплюева, который, подводя итог своей деятельности, с циничной откровенностью писал: «Желая еще более вражду между сими народами (казахами и башкирами. — *Р. Р.*) вкоренить, велел я переводчикам, чтоб они от себя им советовали, что «генералу де ехать вам позволить нельзя, а буде вы и поедете и киргизцев (казахов. — *Р. Р.*) разобьете, так надеемся де взыскивать на вас не будут». Они, обрадовавшись сему совету, многими партиями собрались и поехали за Яик против киргизцев...» (казахов.—*Р. Р.*) (стр. 105).

В главе 1-й — «Башкирия в 30—50-х годах XVIII в.» — автор анализирует состояние Башкирии в 30—50-х годах XVIII в., т. е. накануне восстания 1755 года. На основе архивного материала он дает характеристику родовых объединений башкир — «иль» — и показывает изменения, какие они претерпели в связи с установлением в Башкирии волостных правлений в качестве административных центров. По существу, 1-я глава является вводной; она заняла почти половину всего исследования и представляет большой интерес. Есть в этой главе и недостатки. Например о «судах специальных выборных от местного башкирского населения» (стр. 36) упоминается лишь вскользь. Недостаточно также освещен вопрос о начальном процессе оседания башкир, о проникновении к ним земледелия, о взаимоотношениях у башкир «непосредственных производителей» с феодалами.

На стр. 9 в числе башкирских феодалов автор указывает «батырей». Но слово «батыр» в подлинном смысле значит богатырь, герой, безотносительно к классовому положению человека. Часто еще при жизни батырей о них уже складывались в народе легенды (как например о Карасакале, Мергене, Салавате и др.). Таким образом, обычно герои-батыри, о которых рассказывают башкирские легенды, являются определенными историческими личностями. Превращение батырей в феодалов с такой легкостью, как в данном случае делает автор, свидетельствует о недостаточно глубоком подходе его к изучению данного вопроса.

На стр. 16 автор, описывая башкирский обычай «аш» (гостеприимство, бесплатное угощение хозяином своих гостей), не сумел убедительно показать, как этот обычай в руках феодальной верхушки башкир превратился в средство для обирания и экс-

[1] Неплюев был оренбургским губернатором в 40—50-х годах XVIII века.

[2] «Припущенниками» назывались довольно многочисленные выходцы из трудового населения различных народностей Поволжья, бежавшие оттуда и добровольно «припускаемые» башкирами на свои общинные земли.

плоатации трудящегося населения. Единственное доказательство, которое на данной странице приводится автором,— это донесение о спаивании чиновниками «простых башкирцов... хлебным вином», и когда башкиры «потеряют здравый рассудок, тогда вымогают у них лошадей, баранов, пчел с ульями, деньги и бревна... и кто на таковые приглашения не явитца, или никаких пожертвований не зделает, таковым грозят мщением» (стр. 16). Но в этом факте трудно усмотреть башкирский родовой «аш», а тем более процесс превращения его в «прикрытую» форму эксплоатации. В донесении говорится не о феодалах-башкирах, а о «башкирских чиновниках», которые подбирались из русских, татар-мещерей и редко — из крещеных башкир. Кроме того башкирский родовой «аш» никак не мог сопровождаться спаиванием «хлебным вином»: башкиры не изготовляли тогда хлебного вина, оно было чисто русского происхождения; башкирский же «аш» всегда сопровождался угощением кумысом, а между тем в приведенном донесении о кумысе нет ни слова. В донесении речь идет только о проделках русских фискальных чиновников — сборщиков ясака,— которые, не получая жалованья, кормились за счет населения, спаивали башкир и, пользуясь своей властью, занимались вымогательством. Кстати, вымогательство во время «аш» у башкир считалось недопустимым. Как видно из данного донесения, чиновники пускали в ход прямые угрозы и силу власти, вплоть до «заключения под следствие» (стр. 16). Следовательно, мы имеем в данном случае голое насилие, не прикрытое никакими родовыми обычаями.

Не совсем правильны выводы автора и о том, что «процесс замены прежней пережившей себя волости (родовой волости.— *Р. Р.*) фактически уже слагавшейся новой территориальной волостью... растянулся... вплоть до конца XVIII в.» (стр. 30). Сам же автор на стр. 25 и 28 правильно констатирует, что намеченная русской администрацией «реформа не удалась» (стр. 25), т. е. не удалось разрушить родовую волость («иль») и заменить ее целиком территориальной волостью, а несколько ниже (стр. 30) он утверждает обратное. В действительности родовые волости сохранялись даже и в XIX в. и территориальные волости вводились независимо от наличия «иль».

Автор на основе новых материалов дает довольно полный анализ хода восстания в двух его главных очагах: в Бурзянской волости Ногайской дороги (на юге Башкирии), и в Гайнинской волости Осинской дороги (на севере Башкирии). Нарисовав общий размах восстания, автор подробно останавливается на причинах сравнительно быстрого поражения восстания и говорит о том, почему восстание не смогло распространиться на всю Башкирию, хотя башкиры почти повсеместно «были колеблемы».

На стр. 69, разбирая вопрос о плане восстания, автор пишет: «...Башкиры, повидимому, должны были затем временно отойти на территорию Казахской орды, которая... намечалась в качестве района формирования повстанческих сил». Этот «план отхода» повстанцев на территорию Казахстана и выбор последней в качестве района формирования повстанческих сил в книге ни одним документом не подтверждается. Да едва ли у повстанцев и существовал такой план; впрочем, и сам автор в этом тоже не уверен.

Неясен в рецензируемой работе и вопрос об организаторе восстания. «Непосредственным руководителем восстания» автор называет Батыршу, который в решительный момент, когда надо было начать восстание, скрывается в лесу (стр. 88). Из изложения автора трудно уловить причины ухода Батырши в лес.

К недостаткам книги следует также отнести ее слишком тяжелый язык (см., например, стр. 37, 41, 74, 78).

Несмотря на недоработанность отдельных вопросов и указанные недостатки данная книга представляет собой новое слово в области исследования истории башкирского народа. В ней уделено значительное место анализу социальных отношений среди башкир накануне восстания 1755 г.; все исследование построено на неопубликованных материалах из московских и ленинградских архивов, что в значительной мере увеличивает научную ценность книги.

Р. Раимов

SACKE GEORG. Die Pressepolitik Katharinas II von Russland.— «Zeitungswissenschaft», Leipzig, 1938, Heft 9.

ЗАККЕ Г. Политическая печать и Екатерина II.

Оставляя в стороне вопрос о воздействии Екатерины II на русскую прессу, автор останавливает свое внимание на стараниях русской императрицы воздействовать при помощи иностранной прессы на общественное мнение Европы в интересах оправдания своей политики. Через своих послов Екатерина II в повременных изданиях помещала инспирированные ею статьи и косвенными путями подкупала даже таких влиятельных публицистов, как Вольтер, Дидро, д'Аламбер. Ценность статьи, неновой по мысли, заключается в опубликовании неизвестного до сего времени письма А. Шувалова Вольтеру от 20 ноября 1771 г. с заказом написать статью, оправдывающую политику Екатерины II в польских делах. Автор ошибается, утверждая, что Щербатов не печатал своих исторических трудов: его «История Российская» была издана в 1770—1791 годах.

Автор знаком и с русскими материалами о печати, помещавшимися в сборниках «Русского исторического общества».

С. Богоявленский

«Листовки Московской организации большевиков 1914—1920 гг.». Сборник. Составил Г. Костомаров. Общая редакция Ф. Калошина. Огиз. 1940. 310 стр. 20 000 экз. 6 р. 50 к. (Институт истории партии при МК ВКП(б).

В сборнике в основном собраны листовки Московского комитета большевиков, Московского областного бюро ЦК РСДРП(б) и Окружного комитета РСДРП(б) — всего 171 листовка.

Публикуемые листовки отражают деятельность Московской организации большевиков в период империалистической войны и февральской буржуазно-демократической революции, в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, а также во времена иностранной интервенции и гражданской войны в СССР. Подавляющее большинство листовок, относящихся к 1917—1920 гг., печатается впервые.

Во времена разгула шовинизма, когда вся продажная печать агитировала за войну, раздался громкий протест против империалистической войны со стороны организационной группы большевиков Москвы, созданной после разгрома царизмом Московского комитета РСДРП(б). В выпущенной группой прокламации отмечалось, что «истинный смысл войны заключается в борьбе за рынки, в грабеже стран», что «народным массам эта война несет гнет и нищету» (стр. 11). Большевики указывали на революционный путь выхода из грабительской войны как единственно правильный. Они призывали трудящихся превратить империалистическую войну в войну гражданскую, в войну за освобождение от ига капитала. Надо «направить штыки не против своих братьев,— наемных рабов других стран, а против реакции царского правительства. Пусть борьба капиталистов... за право большей эксплоатации народов заменится гражданской войной этих народов за свое освобождение» (стр. 12). И в дальнейшем Московский комитет РСДРП(б) в своих прокламациях продолжал вести неустанную борьбу против войны, подчеркивая ее грабительский характер. В частности большевики разоблачают попытку буржуазии вовлечь рабочих в военно-промышленные комитеты, чтобы легче было продолжать антинародную войну. «Не в военно-промышленных комитетах, а в народном восстании против самодержавного правительства найдет свое спасение пролетариат»,— отмечалось в одной из листовок (стр. 16).

В 1917 г., накануне годовщины 9 января, Московский комитет обратился к московским рабочим с призывом ко всеобщей политической забастовке в этот день под лозунгом «Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» (стр. 25). По призыву большевиков бастовали десятки тысяч рабочих. Кроме того по инициативе также московских большевиков в день 9 января была проведена демонстрация под лозунгом «Долой войну!»

28 февраля, в момент начавшейся революции, Московское бюро ЦК РСДРП(б) приглашало всех трудящихся Москвы поддержать восставших рабочих и солдат Петрограда. Оно звало немедленно закрепить победу над самодержавием созданием совета рабочих депутатов как опоры революции (см. стр. 27—29).

После июльских дней меньшевики и эсеры, перейдя окончательно в лагерь контрреволюции, начали клеветнический поход против величайшего гения человечества и вождя мирового пролетариата Ленина и против большевистской партии. Московский комитет разоблачил клеветников; в выпущенной по этому поводу листовке МК писал: «...вашей клевете мы противопоставим нашу беззаветную преданность делу социализма» (стр. 74).

В момент дальнейшего наступления контрреволюции в листовке, выпущенной 23 октября, Московский совет рабочих депутатов призывал рабочих начать борьбу за власть советов. В этой листовке отмечалось, что Каледин уже захватил шахты Донецкого бассейна, Калужский совет разгромлен, казаки грозят разогнать Московский совет. Прокламация звала «ответить на их атаку дружной и стройной контратакой по всему фронту» (стр. 110).

Героические дни октябрьских боев в Москве за установление диктатуры пролетариата получили свое отражение в многочисленных обращениях большевиков, Военно-революционного комитета, Московского совета, районных советов, профсоюзов, призывавших рабочих, солдат, крестьян выступить с оружием в руках для утверждения диктатуры пролетариата (см. стр. 111—123).

После разгрома врага в открытом бою Московский военно-революционный комитет и Московский совет профсоюзов призвали рабочих прекратить стачку и энергично взяться за восстановление народного хозяйства. «Сейчас необходимо со всей энергией налаживать производство, переходящее под рабочий контроль» (стр. 125).

С установлением советской власти резко увеличился тираж большевистских газет, количество же выпускаемых листовок сократилось, но все же они продолжали издаваться. Так, в середине ноября Московский совет обратился к крестьянам с особым письмом об организации доставки хлеба пролетарским центрам. «Каждая минута промедления — смерть!» (стр. 132) — такими словами заканчивалось это обращение Московского совета.

В декабре 1917 г. пролетарские центры посылают красногвардейские отряды для разгрома очагов контрреволюции на Дону, Кубани и пр. Московский комитет в своем наказе красногвардейцам, отправляющимся на борьбу против калединских белогвардейских банд, подчеркивал необходимость оказания помощи трудовым казакам и украинскому народу: «Пролетариат же, посылая

вас, громко говорит: товарищи, не злобу и жестокость несете вы братьям-казакам и братьям-украинцам, а боль сердца и ласковое, просветленное слово убеждения» (стр. 139).

Враги диктатуры пролетариата стремились задушить советскую власть голодом. В ответ на это Московский совет в своем обращении призвал к «дружному организованному походу вооруженных отрядов пролетариев в тесном союзе против кулаков, спекулянтов и мошенников» (стр. 172).

Меньшевики и эсеры (правые и центр) продолжали разрушительную, контрреволюционную работу. Московский совет 13 июня своим решением изгнал их из советов как открытых врагов диктатуры пролетариата. МК большевиков в воззвании призывал: «Гоните вон этих людей, расчищающих дорогу Скоропадскому и Вильгельму!» (стр. 175).

В июньских листовках 1918 г. наша партия звала трудящихся мобилизовать все силы на борьбу с контрреволюцией. Кулацкие восстания в Поволжье, мятеж в Ярославле, восстание чехословаков, подготовка интервенции англичанами в Архангельске и в Баку, усиление вражеских гнезд на Дону, Кавказе, в Сибири потребовали героических усилий от рабочего класса для отражения атак интервентов и внутренней контрреволюции. «Все верные сыны революции, все преданные делу рабочего класса и всех трудящихся — на форпосты революции! К оружию, против буржуазии, против насильников и изменников! К оружию — за власть рабочего класса и крестьянской бедноты, за коммунизм!» — такими словами заканчивался призыв партии (стр. 185).

«Левые» эсеры с ведома и согласия впоследствии разоблаченных врагов народа Троцкого и Бухарина подняли контрреволюционный мятеж в Москве. При подавлении этого заговора Московский и Всероссийский советы профсоюзов в обращении к рабочим приглашали их встать «стальной стеной вокруг своих союзов и Советов» и быть готовыми «откликнуться на всякий призыв Советской власти» и профессиональных союзов (стр. 192).

Отправляя своих делегатов на фронт для борьбы с чехословацкими контрреволюционными отрядами, московские рабочие в своем наказе им поручали передать Красной Армии и населению фронтовой полосы, что «голод грозит задавить рабочую социалистическую революцию. А там перед Вами, на Кубани, в Сибири, в Самаре горами лежит тот хлеб, которым нужно накормить нас и наших детей... Перед Вами хлеб — и Вы должны достать его. Банды наемников капитала преграждают нам дорогу к хлебу — Вы должны их разбить» (стр. 209).

Враги диктатуры пролетариата начали применять массовый террор против представителей советской власти и руководителей большевистской партии. Они убили Урицкого и ранили вождя пролетариата Ленина. Московский комитет в особой листовке разъяснял по этому поводу рабочим: «Настало время, когда или вы должны уничтожить буржуазию, или она уничтожит вас... Надо очистить города от буржуазной гнили... Ожесточенная борьба против контрреволюции внутри страны и решительнейшее наступление на фронте! Контрреволюция, эта злая, бешеная собака, должна быть убита раз навсегда и бесповоротно!» (стр. 214).

Из трудового подъема рабочих родились коммунистические субботники, явившиеся образцами социалистического отношения к труду. В одной из сентябрьских листовок, посвященных коммунистическим субботникам, МК РКП(б) писал, что необходимо поднять производительность труда, сделать ее более высокой, чем при капитализме: «Для этого нужна работа, нужен труд, но не старый, капиталистический труд, который не стал бы соответствовать новым отношениям, а более высокий, более созидательный, более производительный труд» (стр. 241).

В октябре 1919 г., когда полчища Деникина захватили Орел и нависла белогвардейская опасность над Москвой, наша партия мобилизовала все средства для обороны. Создавались рабочие отряды, проводилось военное обучение рабочих, укреплялись подступы к Москве. Был создан Комитет обороны Москвы. Московский совет депутатов и Московский совет профессиональных союзов в выпущенной листовке призывали бороться за Республику советов под лозунгом «Не сдадимся, выдержим, победим!» (стр. 243).

Вторая передышка, полученная советской властью в начале 1920 г., длилась всего лишь три месяца. Панская Польша и барон Врангель по приказу англо-французских империалистов выступили против нашей родины. Снова началась народная война советского народа за свое свободное существование. В сборнике помещено 16 листовок, относящихся к этому периоду, в них наша партия призывала трудящихся Москвы разгромить последний оплот международных хищников — барона Врангеля и белополяков.

После уничтожения врангелевской банды Московский комитет в особой листовке обращается с призывом ликвидировать разруху и начать борьбу за восстановление хозяйства страны. «Боевая страда сменяется трудовой. И с тем же самым героизмом и дисциплиной устремимся на нашего последнего врага — разруху», — призывал МК РКП(б) в листовке по поводу разгрома Врангеля (см. стр. 293).

Публикуемые прокламации ярко освещают славный путь Московской большевистской организации. Они отражают неразрывную связь большевиков с рабочим классом, крестьянством и героическую борьбу советского народа с капиталистами, помещиками и интервентами, за свою независимость и построение социалистического общества.

Сборник листовок московских большевиков представляет большую ценность. В нем найдут интересный материал научный работник, пропагандист, студент и вообще все, кто работает над изучением истории ВКП(б).

Недостатком оформления сборника является то, что для многих прокламаций не установлена дата их появления. Отсутствует предметный указатель, дано недостаточное количество примечаний.

П. Амбросенок

АТЛАС З., проф. *Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925).* М. 1940. Госфиниздат. 245 стр. 12 р. 50 к.

Вопросы денежной политики принадлежат к числу наиболее сложных и важных проблем экономической политики. Великая Октябрьская социалистическая революция вкорне изменила существовавшие в течение веков закономерности денежного обращения. Но как осуществлялись эти новые закономерности денежного обращения? Как советское государство поставило на службу строительства социализма деньги, этот «инструмент буржуазной экономики»? Показать это — сложная и большая задача.

Историю денежного обращения в СССР и финансовой политики советской власти автор дает в рамках всей экономической истории СССР, связывая освещаемые в книге вопросы с общими задачами диктатуры пролетариата. На большом фактическом материале автор подвергает анализу вопросы денежной политики в условиях первой фазы развития советского государства и, сделав ряд серьезных теоретических обобщений, конкретно показывает, как советская власть осуществляла мероприятия по овладению денежно-финансовым механизмом, какова была роль денежной политики в советской экономике. Автором показана острая классовая борьба, которая кипела при осуществлении финансовой политики советского государства. Классовая борьба на этом участке принимала весьма своеобразные и сложные формы, которые требовали определенных методов, при осуществлении денежной и финансовой политики государства.

Работа проф. Атласа делится на две части: в первой части автор освещает денежное обращение от Октябрьской революции до перехода к нэпу. Автор показывает то огромное значение, которое придавалось вопросам денежной политики в экономической программе большевиков: овладение денежно-кредитной системой и подчинение ее задачам диктатуры пролетариата являлось одним из необходимых условий, обеспечивающих победу социалистической революции.

В сфере денежного обращения и финансовой системы со всей силой проявилась охватившая страну экономическая разруха. Необходимость подрыва экономической базы буржуазии требовала национализации банков. Это орудие финансового капитала, которое до сих пор являлось источником финансирования контрреволюции, надо было поставить на службу революции. К сожалению, работа не содержит развернутого анализа вопроса о национализации банков. Эта проблема рассматривается лишь в связи с задачами денежной политики.

В рецензируемой работе показываются особенности источников покрытия материальных издержек, связанных с проведением социалистической революции. Они создавались в процессе экспроприации экспроприаторов путем вторжения в сферу производства и распределения. Отсюда принципиальное отличие методов мобилизации материальных и денежных ресурсов для покрытия издержек пролетарской революции.

Большое принципиальное значение имеет показ автором того, как с самого начала Октябрьской революции в борьбе с троцкистскими и бухаринскими предателями и буржуазными экономистами советская власть настойчиво проводила борьбу за стабилизацию рубля. Автор правильно рассматривает эту политику как неразрывную часть ленинского плана приступа к социалистическому строительству, развитому Лениным весною 1918 года. Автор связывает проведение политики стабилизации рубля с борьбой за хлеб, за твердые цены, против разгула спекуляции.

В освещении вопроса о борьбе за твердые цены автор допускает некоторую неточность. На стр. 39 борьба за твердые цены связывается лишь с введением продовольственной диктатуры, между тем как известно, что борьбу за твердые цены советская власть осуществляла с самого начала своего существования. Сам автор в другом месте говорит о том, что с момента провозглашения продовольственной диктатуры государство стало «и н ы м образом осуществлять заготовку продуктов по твердым ценам», тем самым признавая, что политика твердых цен проводилась с самого начала Октябрьской революции.

В I главе автор на конкретном материале показывает, что партия не только стремилась провести политику стабилизации рубля, но и добилась в течение нескольких месяцев в 1918 г. фактической стабилизации (стр. 25—31). Если учесть, до какой степени развала экономики и финансов довела нашу страну империалистическая война, то станет ясным все огромное значение факта даже временной стабилизации рубля.

Автор объясняет также, почему стабилизацию рубля не удалось провести полностью и предложенная Лениным денежная реформа, в значительной мере и технически подготовленная, оказалась сорванной. Причиной этого явилась начавшаяся интервенция и обострившаяся гражданская война.

В главах II—V автор описывает поворот, который произошел в денежной политике советской власти в связи с гражданской войной и иностранной военной интервенцией. Основная задача денежной политики заключалась в том, чтобы обеспечить финансирование военных расходов и мобилизацию народного хозяйства для нужд обороны страны. Однако в обстановке необычайной разрухи народного хозяйства неотложные нужды государства нельзя было

покрыть только финансовыми ресурсами. В этих условиях важнейшие нужды обороны не могли быть удовлетворены за счет обычных финансовых источников. Отсюда необходимость мобилизации материальных ценностей в натуре путем продразверстки, а также изъятия продуктов национализированной промышленности в значительной степени без компенсации. Отсюда также неизбежное ограничение сферы рынка и уменьшение массы товаров на рынке и в связи с этим ограничение возможности мобилизации государством материальных ценностей с рынка путем эмиссии бумажных денег.

С этими вопросами связана чрезвычайно интересная проблема темпов эмиссии и темпов обесценения денег, исследованная автором в главе IV. Темпы обесценения денег систематически, за исключением некоторых месяцев, опережали темпы эмиссии, в связи с чем падала реальная ценность эмиссионного дохода государства. Так например если в 1918 г. среднемесячный эмиссионный доход составлял 44,6 млн. руб., то в 1919 г. он снизился до 18,7, а в 1920 г. составил только 10,1 млн. руб. (стр. 92). При исследовании этой проблемы автору следовало бы проследить сокращение объема рынка и показать влияние скорости обращения денег на их обесценение.

Основную тенденцию движения цен автор формулирует здесь правильно. Однако он не развивает этого анализа. Повидимому, автор был «ограничен размерами издаваемой книги», как он сам пишет в предисловии, о чем можно только пожалеть.

Весьма конкретно и подробно исследует автор вопрос об организации денежной системы, об издержках государства по эмиссии бумажных денег, а также о денежном голоде и системе распределения денежных знаков. Здесь автор привлекает обширный и очень интересный архивный материал. Приведем один из таких документов. Серго Орджоникидзе сообщает 19 марта 1920 г. в своей телеграмме Ленину из Ростова на Дону: «События на Кавказском фронте развиваются довольно быстро, в ближайшие дни надеемся иметь Грозный, Владикавказ. Горское население ждет с нетерпением нашего прихода. Нужны большие суммы денег. Из ассигнованных миллиард четыреста миллионов послано только двести миллионов. Настоятельно прошу немедленно выслать миллиард» (стр. 57).

Интересен материал о производстве денежных знаков и размерах эмиссии. Оказывается, что в 1920 г. для обеспечения эмиссии 2512 млн. экземпляров денежных знаков было израсходовано 180 тыс. пудов бумаги. На фабриках, производивших денежные знаки, занято было 13 616 человек, причем государство придавало такое значение производству денежных знаков, что для приобретения красок и желатина, необходимых для печатания знаков, пришлось использовать золотую валюту (стр. 58—59).

Мы привели здесь лишь отдельные факты, которыми весьма богата книга и которые мало известны даже специалистам.

В последней, V главе, в первой части, автор исследует теорию и практику денежного и безденежного учета в период военного коммунизма. Автор подошел к проектам и теориям безденежного учета, выдвигавшимся в тот период рядом экономистов (С. Г. Струмилин, Е. Варга, М. Н. Смит и др.), не с точки зрения сегодняшнего дня, но строго исторически.

Вторая часть работы открывается главой, посвященной опыту организованного товарообмена в первые месяцы введения нэпа. В формах обмена и денежного обращения находили яркое выражение новые методы осуществления союза рабочего класса и крестьянства после перехода к новой экономической политике. Анализируемая автором проблема выходит за рамки вопросов денежного обращения. Особенно ценным является то, что автор изучил и показал практику товарообмена и торговли, гениальное обобщение которой дал Ленин в своем докладе на VII московской губернской партконференции 29 октября 1921 года. В этой речи Ленин указывал, что обстановка вынуждала перейти к государственному регулированию торговли и денежного обращения как обходному пути для социалистического строительства. Автор показывает, с какой тщательностью Ленин изучал опыт товарообмена в различных районах нашей страны. В частности, получив по телеграфу информацию от экономического совета Белоруссии, в которой было указано, что в результате проведения товарообмена произошло «...понижение цен на вольном рынке, увеличение товарообмена, рост покупательной силы соврубля и политический (результат), увеличение доверия крестьянских масс нашего края, закупочные цены были равны в среднем 30 проц. вольных рыночных» (стр. 114), Ленин требует от экономического совета Белоруссии подробных сведений о том, как был проведен этот товарообмен, давший столь положительный политический и экономический результат. Так как экономический совет Белоруссии задерживал представление подробного доклада, Совнарком РСФСР послал следующую телеграмму в Минск: «...Ленин требует точного доклада для научно-экономического анализа и изучения Вашего опыта. Краткая телеграмма... материалом для изучения служить не может. Срочно курьером высылайте требуемое. Дальнейшее промедление будет рассматриваться как нежелание» (стр. 115).

На анализе огромного количества фактов автор показывает, как и почему срывался товарообмен, почему был необходим переход к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Автор правильно отмечает: «Важно подчеркнуть, что, говоря о необходимости приспособиться к стихии купли-продажи, денежного обращения, Ленин тут же указывал о цели этого «приспособления», а именно, чтобы не быть «захлестнутым» этой стихией» (стр. 125).

В главах VII—VIII автор показывает, как партия с самого начала перехода к нэпу

проводила политику стабилизации рубля. Создание Государственного банка в 1921 г. и выпуск червонца в конце 1922 г. были идеями Ленина, претворенными в жизнь партией под руководством Ленина и Сталина.

Серьезный исторический и теоретический интерес представляет анализ параллельного обращения двух валют — твердой и падающей. Автор опровергает мнения апологетов этой системы, доказывая, что она была временным и переходным явлением, подготовившим завершение денежной реформы.

В особую главу автор выделил анализ проблемы золота (глава IX). В этой главе, кроме общеизвестных ссылок на указания Ленина о роли золота для советского государства и изложения декретов о допущении свободного владения частными лицами золотой валютой, автор дает главным образом анализ методов регулирования советской властью валютного рынка. Проблема золота во всей широте здесь не поставлена. Не показано, как конкретно происходило стихийное внедрение золотой монеты в обращение и какое влияние оказали стихийные закономерности рынка через механизм денежного обращения на экономическую политику.

Автор, конечно, прав в том, что и в тот период «не могло быть и речи о восстановлении «власти золота», которая господствовала в капиталистических странах» (стр. 170). Но ведь он сам же показывает в других местах своей работы, что проблема «кто кого» стояла во всей остроте. Поэтому следовало бы дать конкретный анализ не только методов регулирования советской властью валютного рынка, но и процесса обратного воздействия стихии валютного рынка на денежную политику советской власти.

Автор правильно отмечает конкретные результаты борьбы советской власти против стихийных закономерностей валютного рынка, победу советской валюты — червонца — над золотой монетой и иностранной валютой. В этой связи он раскрывает контрреволюционную сущность требований возврата к золотому обращению со стороны группы вредителя Юровского и зиновьевца Сокольникова.

В главах X—XIII всесторонне исследуются экономические и финансовые предпосылки и методы проведения денежной реформы, завершенной в 1924 году.

Значительный интерес представляет описание методов проведения советской властью денежной реформы в отличие от денежных реформ в капиталистических странах. Он отмечает здесь и участие масс в проведении реформы, и регулирование цен, и так называемую товарную интервенцию (переброска товарных запасов на рынки, где в них ощущался недостаток, для подрыва спекуляции). Все эти меры невозможны в капиталистических странах.

Впервые в литературе на основе архивного материала освещен вопрос о разменном кризисе (недостатке денежных знаков для размена), вызванном неправильной практикой регулирования денежного обращения в период реформы. Этот кризис имел ряд ненормальных последствий, вызвав выпуск на местах различных денежных суррогатов, развитие в деревне безденежного обмена. Автор доказал, что грубые ошибки в проведении реформы, допущенные тогдашним руководством Наркомфина и Госбанка, создали угрозу срыва денежной реформы.

В заключение своей работы автор дает правильную оценку истории денежной реформы и роли стабилизации валюты как одной из важнейших предпосылок перехода к новому периоду развития советского общества — периоду борьбы за социалистическую индустриализацию нашей страны.

Рецензируемая работа заметно выделяется среди вышедших за последние годы работ по истории советской экономики. Автор в своем исследовании изучил большой материал и на основе его обобщения поставил ряд важных теоретических вопросов, имеющих серьезное значение при изучении истории и теории советского хозяйства.

М. Фейгельсон

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

PARKES H. B. A history of Mexico. London. 1939. 432 p. *ПЕРКИС Г. История Мексики.*

Автор рецензируемой книги проф. Нью-йоркского университета Генри Перкис ставит себе целью дать последовательное изложение истории Мексики с древнейших времен до конца 30-х гг. XX века.

Каждый исследователь, занимающийся историей Мексики, да и Америки вообще, прежде всего сталкивается с вопросом о появлении человека на американском континенте. Как известно, на этот счет существуют две основные точки зрения: сторонники одной из них считают, что человек пришел в Америку извне; их противники рассматривают появление здесь человека как результат процесса самостоятельного развития. Придерживаясь первой гипотезы, Перкис полагает, что предки американских индейцев — монголоиды — пришли в Америку из Азии через Берингов пролив и Алеутские острова 15—20 тысяч лет назад.

Перкис сравнивает древнейшую культуру Мексики с китайской и утверждает, что мексиканцы достигли бы такой же степени цивилизации, как и Китай, если бы их развитие не было преждевременно прервано испанским завоеванием.

Рассказывая о цивилизации ацтеков, автор игнорирует вопрос об их общественном строе, ограничиваясь простым изложением фактов политической истории, описанием их материальной культуры, религии, обычаев и т. д.

Не скрывая жестокостей, которыми сопровождалось испанское завоевание, автор

в то же время идеализирует завоевателя Мексики Кортеса.

В общем он дает верную картину испанского господства в Мексике в колониальный период (XVI—XVIII вв.). По его словам, испанские короли были прежде всего озабочены тем, чтобы предотвратить «рост духа независимости среди своих американских подданных». Поэтому «конкистадоры и их потомки, родившиеся в Америке, были поставлены под контроль деспотической бюрократии, члены которой присылались из Испании. До тех пор пока Мексика была испанской, с ее белым населением — креолами — обращались как с низшей расой. Власть и привилегии были монополией чиновников, рожденных в Испании, в то же время экономическое развитие Мексики было подчинено интересам испанских купцов и промышленников». Основным назначением Мексики, отмечает автор, было доставлять доходы испанскому правительству. Колониальный гнет привел к почти полному застою промышленности, торговли и сельского хозяйства страны. Особенно тяжело отражалось испанское господство на коренных жителях Мексики — индейцах, которые в результате колониального гнета вымирали.

Однако Перкис все отрицательные стороны колониального господства испанцев пытается изобразить как результат деятельности отдельных испанских чиновников, исказивших первоначальные намерения испанских королей. Короли же Испании, по его мнению, имели «идеалистические» намерения, хотели распространять в Мексике испанскую культуру, защищать и цивилизовать коренное население. Но он сам вынужден признать, что эти «великодушные намерения испанской монархии никогда не были осуществлены».

Перкис совершенно верно замечает, что католическая церковь в Мексике являлась орудием испанского господства. Результатом деятельности католической церкви и инквизиции была чудовищная культурная отсталость Мексики в колониальный период. В конце XVIII в., отмечает Перкис, во всей стране было всего 10 школ. Автор верно считает, что культура не могла расцвести в стране, «где всякое выражение свободной мысли могло вызвать подозрение инквизиции». Сейчас же после завоевания Мексики Испанией, отмечает Перкис, «началась долгая борьба с целью сломить испанскую монополию в Индиях. Английская и французская деятельность в испанской Америке прошла через различные фазы, начиная с пиратства, перейдя в контрабанду и завершившись после свержения испанского господства легализованным процессом капиталовложений».

Автор довольно подробно описывает войну за независимость Мексики (1810—1821 гг.), уделяя особенно большое внимание восстаниям под руководством Идальго и Морелоса. Он говорит, что большинство мексиканских креолов выступило против Идальго и Морелоса, поддержав, таким образом, испанцев. Такая позиция креолов была, по его мнению, результатом того, что в обоих восстаниях широко участвовали угнетаемые слои населения — индейцы и метисы, «которые ненавидели богатых креолов, так же как и испанцев». Действительно, для индейского крестьянина креольский помещик был самым непосредственным, а потому и самым ненавистным эксплоататором. Перед угрозой массового крестьянского движения креолы готовы были отказаться от борьбы за независимость. Однако нельзя согласиться с объяснениями Перкисом причин поражения восстания Идальго и Морелоса. «Идальго и Морелос погибли потому,— пишет он,— что они хотели сделать слишком много: они боролись не только за изгнание гачупинов (испанцев. — *М. А., А. Б.*), но и за равенство рас... и за возврат земли индейцам».

Автор хвалит «мудрую умеренность» креолов, в руки которых после подавления восстаний Идальго и Морелоса перешло руководство борьбой против Испании.

Некоторое удивление вызывает наивное объяснение причин, в силу которых испанский вице-король О'Доноху перешел на сторону креольских сепаратистов. Дело было, конечно, не в том, что он оказался запертым в Вера-Крус, «где его эскорт и члены его семьи начали умирать от желтой лихорадки», а в том, что он по своей классовой сущности был очень близок к Итурбиде и другим руководителям сепаратистов и легко пошел на соглашение с ними под влиянием революции в метрополии (революция 1820—1823 гг. в Испании). Он содействовал, таким образом, отделению Мексики от Испании, исходя из реакционных соображений.

Автор дает резкую оценку деятельности императора Мексики Августина I (Итурбиде), ставшего «после смерти героем мексиканских реакционеров».

Столь же заслуженно резко автор характеризует реакционного авантюриста Санта-Ану, деятельность которого он называет «тридцатилетней карьерой коррупции и надувательства». Характеризуя боровшуюся против Санта-Аны либеральную партию, автор осуждает умеренных либералов («модерадос») и хвалит радикальное крыло этой партии («пурос»), которых называют «учениками Руссо, Джефферсона и Морелоса». Он высоко расценивает вождя «пурос» Бенито Хуареса.

Автор приводит любопытный эпизод, характеризующий истинное отношение Соединенных штатов Америки к реакции и ее противникам в Мексике в XIX веке. Когда Санта-Ана считал свое положение совершенно безнадежным и уже готовился к бегству из страны ввиду неизбежной победы революции, «помощь пришла к нему из неожиданного источника. Правительство Соединенных штатов было, по его собственным словам, другом мексиканских либералов, но оно было готово субсидировать тиранию в обмен на территориальные уступки». Санта-Ана продал Соединенным штатам Америки южную часть Аризоны,

за что и получил 10 млн. долл., которые обеспечили ему верность его армии в течение ближайшего года. Однако все это не спасло Санта-Ану: ему пришлось бежать из Мексики в 1855 году.

Начавшуюся в 1855 г. в Мексике революцию автор правильно считает буржуазной революцией, «целью которой подобно цели французской революции было уничтожение феодализма». Он подчеркивает прогрессивный характер этой революции, «которая привела к власти новый класс».

Однако автор смешивает классовую борьбу с национальной. Он склонен полностью идентифицировать буржуазию с метисами, буржуазную революцию — с «революцией метисов против креолов» и приход к власти либералов—с установлением господства метисов, которых он считает создателями мексиканской нации.

Описывая период англо-франко-испанской интервенции в Мексике и империи Максимилиана, автор всецело становится на сторону мексиканцев и осуждает интервенцию. Однако он не видит реакционных целей этой интервенции, представлявшей собой, по словам Маркса, попытку возродить священный союз и его политику по отношению к странам Латинской Америки.

Описывая империю Максимилиана, автор правильно указывает, что Максимилиан был на деле лишь марионеткой в руках французского правительства. «Максимилиан,— пишет Перкис,— вскоре обнаружил, что он фактически не имеет никакой власти. Как кошелек, так и меч были под контролем французов».

Перкис правильно отмечает небескорыстный характер помощи, которую правительство Соединенных штатов Америки оказывало Хуаресу в его борьбе против французов. Изгоняя французов из Мексики, «Сюард готовил путь для экономического проникновения в эту страну».

Автор дает в общем правильную характеристику диктатуры Порфирио Диаса. Говоря об окружавшей последнего клике, так называемой «партии ученых» («Cientificos»), автор правильно характеризует ее как агентуру иностранного капитала. Однако спорным является утверждение о стремлении этой клики к креольской олигархии. Следует иметь в виду, что с этой группой был связан и ряд метисов и индейцев (сам Диас, его племянник Феликс Диас, генерал Рейес, Викториано Уэрта и др.).

Говоря о мексиканской буржуазной революции 1910—1911 гг., автор не показывает социальной базы либералов. Их вождь Мадеро, по его словам,— просто мечтатель, фантазер, и совершенно неясно, на какие социальные элементы он опирался. Победу контрреволюции автор объясняет личной неспособностью Мадеро, его неуменьем руководить государственными делами.

Между тем победу, а затем падение Мадеро следует рассматривать в свете всего хода экономического и политического развития Мексики. Либералы представляли интересы мексиканской национальной буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Они выступили против диктатуры Диаса, стремясь покончить с властью клерикально-помещичьей реакции и с засильем иностранного капитала в Мексике. На волне мощного народного движения им удалось придти к власти. Однако, отказавшись удовлетворить требования крестьянства и рабочего класса, либералы вскоре потеряли свою массовую базу. В такой обстановке против них успешно выступили контрреволюционные элементы, которые были поддержаны иностранным капиталом. Революция, возглавляемая Мадеро, носила антиимпериалистический характер; против нее создался единый фронт империалистов, взаимное соперничество которых отошло временно на задний план перед угрозой их общим империалистическим интересам со стороны революции. Выступления этого блока внутренней реакции и иностранного капитала и привело к свержению Мадеро.

Перкис совершенно не понял социального смысла движения конституционалистов во главе с Каррансой. Он склонен рассматривать это движение как простой переворот, в результате которого одна правящая группировка сменилась другой. Вопроса же о классовой базе каррансистов он, по существу, даже не ставит.

Крайне поверхностно охарактеризована в книге внешняя и внутренняя политика Каррансы. Недостаточно оттенена антиимпериалистическая тенденция каррансистов. Не показана их демагогическая политика по отношению к рабочему классу, в результате чего им удалось привлечь некоторую часть пролетариата к участию в подавлении крестьянского движения.

Указывая на прогрессивный характер мексиканской конституции 1917 г., автор вместе с тем объясняет принятие ее не революционным подъемом, а влиянием отдельных представителей правящих кругов Мексики.

Движение под руководством Эмилиано Сапаты автор характеризует как борьбу безземельного мексиканского крестьянства за землю. «Куда бы ни приходили сапатисты, они сжигали гасиенды, убивали чиновников и делили земли между пеонами. Они никогда не были армией, ибо их занятием была пахота и сбор урожая с недавно полученных ими земель, и брались за оружие лишь для того, чтобы отразить нападение; они были восставшим народом».

Весьма положительно оценивается сам Сапата. Автор указывает на его честность, мужество, отсутствие каких-либо эгоистических побуждений, решимость до полной победы бороться за свои права. «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»,— с такими словами обращался Сапата к крестьянам Южной Мексики в одной из своих прокламаций.

Однако правильного освещения крестьянского движения в целом автор не дает.

борьбу крестьянства Северной Мексики во главе с Франциско Вильей против правительства Каррансы он объясняет личной враждой между Вильей и Каррансой. О социальных же мотивах, о том, что эта борьба являлась одной из фаз аграрной революции, даже не упоминается.

Глава IX книги — «Период реконструкции» — охватывает годы 1920—1938. В ней содержится история Мексики в президентства Обрегона, Кайеса и его преемников, Карденаса. Автор правильно указывает на то, что «социализм» Обрегона и Кайеса ограничивался исключительно областью фразеологии. Однако не вскрыто демагогическое существо их политики по отношению к рабочему классу и крестьянству.

Говоря о президентстве Карденаса, автор указывает в качестве базы последнего рабочий класс, крестьянство и армию, пытаясь, таким образом, затушевать роль Карденаса как представителя мексиканской буржуазии. В книге не вскрыта двойственность политики Карденаса, с одной стороны, стремившегося опереться на народные массы, чтобы обеспечить поддержку своих антиимпериалистических мероприятий, с другой стороны, выступавшего защитником классовых интересов буржуазии.

Склонность автора подменять социальные моменты национальными сказалась и на его конечном выводе: он считает, что смысл революции в Мексике в том, что она после нескольких веков белого владычества вновь начинает идти по пути индианизма.

Несмотря на общее добросовестное отношение автора к передаче фактов книга несвободна от некоторых неточностей. Так, по словам Перкиса, Наполеон III, по Мирамарскому договору с Максимилианом, обязался держать французские войска в Мексике до конца 1867 г. (стр. 260). На деле он обязался держать их там до тех пор, пока Максимилиан не создаст боеспособной армии. В 1867 г. в Мексике, согласно этому договору, должно было быть не менее 20 тысяч французских солдат.

Автор ошибается, говоря, что «генерал Прим во главе испанской армии прибыл в Вера-Крус в декабре 1861 г.» (стр. 253): на деле испанскими войсками, высадившимися в Вера-Крусе 17 декабря 1861 г., командовал генерал Рубалькаба, а Прим прибыл в Мексику лишь в январе 1862 г. вместе с французскими и английскими силами.

Восстание против Диаса было назначено Мадеро не на 20 ноября 1910 г., а на 29 ноября, т. е. накануне дня вступления Диаса в обязанности президента на восьмой срок (стр. 318), и т. д.

В заключение следует отметить хорошее оформление книги: тщательно подобранные иллюстрации, систематизированную по разделам библиографию, именной и предметный указатели.

М. Альперович, А. Беленький

DAWES CHARLES C. Journal as ambassador to Great Britain. Foreword by Herbert Hoover. New York. 1939. 442 p.

Ч. ДАУЭС. Дневник посла в Великобритании.

После первой империалистической войны одним из наиболее ярких проявлений англо-американских противоречий, имевших очень широкий диапазон (борьба в сфере вывоза капитала, в международной торговле, борьба за сырье и т. д.), являлось соревнование в морских вооружениях. Начало этому соревнованию положила первая мировая империалистическая война, во время которой в руках Англии контроль над морями оказался могучим средством для вовлечения США в войну на стороне Антанты.

Усилившееся влияние американского империализма в европейской политике с новой остротой поставило вопрос о «свободе морей», что в переводе на язык американского бизнеса означало право наживаться в качестве нейтральной страны во время войны.

Первым этапом в этой борьбе явилась Вашингтонская конференция, на ней США добились крупного успеха — был расторгнут англо-японский союз, дававший Англии явное превосходство перед США. Следующий этап — Женевская конференция 1927 г. и англо-французский морской компромисс 1928 г., явившийся ответом Англии на пакт Келлога, а также возвещенная Англией и Японией в ноябре 1928 г. общность политики в Китае. За англо-французским морским компромиссом скрывалась все та же страшная для Америки мысль о возможном объединении двух флотов, на этот раз английского и французского.

Впрочем, от соглашения с Францией Англия под соответствующим нажимом из Вашингтона вынуждена была вскоре отказаться. Американский сенат на временное смягчение англо-французских и англо-японских противоречий реагировал принятием в феврале 1929 г. колоссальной строительной программы, предусматривавшей постройку в течение 3 лет 15 новых крейсеров, водоизмещением каждый в 10 тыс. тонн, и одной мощной авиоматки. Реализация этой программы, далекой от прежнего скромного лозунга «паритета» с Англией, означала в близком будущем безусловное превосходство американского флота над английским.

Со времени Вашингтонской конференции военно-морская техника шагнула далеко вперед. Это обстоятельство в сочетании с действием внутриполитических факторов (острое недовольство масс) настоятельно диктовало обеим странам необходимость сближения.

В 1929 г., в момент значительного обострения англо-американских противоречий и начала мирового экономического кризиса, послом США в Лондон был назначен генерал Дауэс, личный друг Гувера, крупный американский делец, банкир и дипломат,

автор известного плана по урегулированию репарационного вопроса.

Опубликованный дневник Дауэса представляет собой сравнительно регулярные записи начиная с 19 мая 1929 г. по 21 декабря 1931 г., когда Дауэс был отозван из Лондона.

В большей своей части дневник посвящен предварительным англо-американским морским переговорам и Лондонской морской конференции 1930 года. Затем следуют вопросы финансовые, материалы, характеризующие позицию США в отношении попыток Лиги наций урегулировать маньчжурский конфликт и т. д.

Перед отъездом в Лондон Дауэс имел несколько бесед с Гувером и государственным секретарем Стимсоном. Перед ним была поставлена задача определения «ярдстыка» (jardstik) — условного мерила силы для сравнения различных категорий судов.

В разговоре с Гувером было условлено, что из двух волнующих общественное мнение Англии и Америки вопросов — о свободе морей и о морском разоружении — предметом переговоров явится только вопрос о немедленных шагах к морскому «разоружению». Макдональд с этим согласился, и в этом содержится первое признание того, как далеки были обе стороны от стремления к действительному миру. И Англия и Америка не могли не отдавать себе отчет в невозможности найти удовлетворяющее обе стороны решение по основному вопросу англо-американских противоречий — вопросу о свободе морей.

С самого начала и в продолжение всех переговоров Дауэс играет в них крупную роль. В одном из своих первых публичных выступлений — на обеде «пилигримов» 18 июня 1929 г.— Дауэс развивает предложения о характере процедуры, о «ярдстыке», о составе комитета и т. д. Возвестив о новой «эре», начатой пактом Келлога, Дауэс на всякий случай сообщает, что программа морских вооружений, выполнение которой должно быть начато немедленно, утверждена конгрессом в сумме 250 млн. долларов, но что президенту при этом предоставлено право приостановить выполнение этой программы в случае международного соглашения об ограничении морских вооружений. Попутно он сообщает, что, по заявлению Стимсона, в распоряжении последнего имеется меморандум, из которого видно, что морской департамент США рекомендует строительство одних только новых судов на сумму около 1170 млн. долларов.

Великодушный жест Макдональда, заявившего в самом начале переговоров о приостановке (по мотивам будто бы не только морской безопасности, но и экономии национальных средств) постройки крейсеров «Surrey» и «Northumberland», об отказе от постройки ряда подводных лодок и о решении замедлить работы на доках по морскому строительству, не встретил такой же готовности со стороны США. Отдавая должное этому проявлению дружеских чувств, Гувер заявил, тем не менее, что, поскольку морская мощь Англии в крейсерах превосходит американскую, ведущееся строительство трех крейсеров не приведет к неравенству и американское правительство временно воздержится от приостановки их строительства. И Гувер и Макдональд встречали сильное сопротивление со стороны наиболее милитаристически настроенных кругов английского адмиралтейства и морского департамента США. Макдональд жалуется Дауэсу на то, что он лично согласен с предложением США, но встречает сильную оппозицию со стороны адмиралтейства, не говоря уже о необходимости оглядываться также и на другие государства.

Морской департамент США (Naval general Board) добивался равенства американского крейсерского флота с английским. Дауэс приводит любопытный инцидент, имевший место между Гувером и представителями морского департамента. На одном из заседаний представители морского департамента в докладе о «ярдстыке» заявили, что они считают необходимым добавить 8 новых крейсеров, вооруженных шестидюймовыми орудиями, тоннажем по 7 тыс. тонн. Гувер тут же вытащил из кармана формулу «ярдстыка», начал подсчитывать и неожиданно объявил, что, согласно формуле «ярдстыка» предшествующего доклада морских экспертов, дополнительных крейсеров понадобится 4½, а не 8. Ничего не ответив, представители морского департамента ушли с заседания. Тогда Стимсон отправился в департамент и потребовал объяснений. Ему ответили, что «ярдстык» — в конце концов только «дымовая завеса» и что они лишь выполняли свой долг в защите интересов своей страны. Стимсон оказался тогда вынужденным разъяснить, что «Соединенные штаты в своих международных переговорах не имеют обычая прибегать к маскировке» (стр. 95).

Во время предварительных переговоров, как и во время морской конференции в Лондоне, Дауэс поддерживал тесную связь с японским послом в Англии Мацудайра и держал его в курсе своих переговоров с Макдональдом. Содержания большей части своих разговоров с японским послом Дауэс в дневнике не воспроизводит.

В результате англо-американских морских переговоров было принято решение о созыве в начале 1930 г. морской конференции пяти держав. Англо-американское морское соглашение получало силу лишь при наличии поддержки его со стороны Японии, Франции и Италии.

Морская конференция открылась в Лондоне 21 января 1930 года. На конференции Дауэс встречается со «своим старым другом военных дней» — Тардье. «Растроганный» воспоминаниями, Тардье сказал ему: «Вы и я здесь единственные из тех, кто был при окончании войны в 1917, 1918, 1919... Если бы только мы теперь были властны решать вопрос, как решали его тогда, мы недолго оставались бы здесь» (стр. 125). (Следует иметь в виду, что после вступления Америки в войну Дауэс был назначен начальником снабжения при американской ставке во Фран-

ции, где руководил перевозкой амуниции и продовольствия для экспедиционного корпуса генерала Першинга, за что получил чин генерала.) Но, смахнув слезу от нахлынувших воспоминаний о войне, Дауэс (вообще любящий вспоминать о своем участии в войне) возвращается к делам. А здесь уж нет места сантиментальным побуждениям. С пробным планом, предложенным американской делегацией, он предварительно знакомит Макдональда и японского посла, но держит его в секрете от Тардье, находя вообще притязания последнего чрезмерными.

В инструкциях, даваемых Дауэсу, Гувер все время подчеркивал невозможность для Америки согласиться на превосходство британской морской программы, несмотря на техническое превосходство американского флота.

Наибольшую трудность в переговорах представлял вопрос о крейсерах. Вокруг этого спора на конференции, больше похожей, по словам Дауэса, на войну чем на мир, шла самая ожесточенная торговля. Атмосфера переговоров была наполнена взаимными подозрениями и недоверием. «Мы торговались,— пишет Дауэс,— не доверяя друг другу, мы обхаживали друг друга... подозревали друг друга так, как если бы наша миссия заключалась в подготовке войны, а не мира». (стр. 151). «Через месяц после начала переговоров,— пишет Дауэс в своем меморандуме от 16 февраля 1930 г.,— нет больше места для оптимизма...» (стр. 152). Но, оставаясь один со своим дневником, он признается: «Глупо тратить время, пытаясь убедить делегации снизить их минимум, когда мы не хотим снижать наш собственный» (стр. 149).

Разногласия с Францией были очень велики. Французский империализм в это время начал осуществление обширной морской программы подводного флота, крейсеров и миноносцев и поэтому противился всяким попыткам ограничения морского строительства. С другой стороны, сопротивление Франции усиливалось вследствие заявленного Италией требования о полном равенстве итальянского флота с французским во всех видах вооружений. Англичане считали, что французские претензии ставят Англию перед необходимостью увеличить собственные требования. Несмотря на всю остроту англо-французских расхождений, Дауэс признается, что японские претензии хотя и облечены в более скромную форму, но представляют более серьезную угрозу.

Дауэс склонялся даже к мысли о заключении тройственного пакта между США, Англией и Японией, находя, что такой пакт был бы в создавшихся условиях шагом вперед, несмотря на специальную статью, освобождавшую Англию, а впоследствии также и США и Японию от взятых ими на себя обязательств при усилении морского строительства во Франции. Он рассчитывал таким путем воздействовать на общественное мнение Франции. «Угрожающая строительная программа на бумаге — одно, угрожающее строительство в действительности—другое. Последнее стоит денег...» США, однако, допускали возможность тройственного пакта только в случае полного провала идеи пакта 5 держав.

Главной целью Франции в переговорах было признание ее права на обеспечение безопасности. США откровенно заявляли о своем желании остаться в стороне от европейских конфликтов. «Соединенные штаты,— пишет Дауэс,— не хотят быть вовлеченными в европейскую путаницу» (стр. 162). С еще большей отчетливостью эта позиция США выявилась в заявлении американской делегации, касавшемся консультативного пакта. Америка, как указывалось в этом обращении, не возражала против участия в консультативном пакте, но она не хотела вступать в такой пакт, где имелась опасность, что ее обязательства могут быть неправильно поняты, как обязательства оказывать военную помощь (см. стр. 171—172).

Дауэс отводит в своем дневнике много места франко-итальянским переговорам на конференции. В качестве посредника между Францией и Италией в этих переговорах выступал представитель «Foreign office» Крэги. США, разумеется, не могли оставаться безразличными к франко-итальянскому спору: соглашение о французских подводных лодках влекло за собой увеличение количества британских миноносцев, что в свою очередь ввиду «паритета» потребовало бы увеличения числа миноносцев для США. Франко-итальянские разногласия были так велики, что, по словам Гендерсона, «Крэги одно время уже истощил было все свои ресурсы». Для США возникал вопрос о том, возможно ли между Францией и Италией соглашение, не противоречащее в какой-либо степени Вашингтонскому договору о броненосцах, и должны ли США принять приглашение быть представленными в проектном комитете (см. стр. 313). Англия обещала приложить все усилия к тому, чтобы франко-итальянское соглашение было заключено в такой форме, которая исключала бы ревизию Вашингтонского договора, но скоро и сам Дауэс в результате дискуссии по техническим вопросам вынужден был признать, что «небольшая ревизия Вашингтонского договора будет необходима».

В конце марта 1931 г. Дауэс отмечает резкое ухудшение во франко-итальянских переговорах в связи с известием о предполагавшемся таможенном союзе между Австрией и Германией, заставившим Францию и Центральную Европу насторожиться. Французы выступили с предложением о сокращении времени действия предварительного соглашения. Вместо предполагаемого срока до 31 декабря 1936 г.— к этому времени истекал срок действия Вашингтонского и Лондонского договоров — они предлагали установить срок действия предварительного соглашения — июль 1935 года. США (Стимсон) заняли в отношении этого предложения Франции о соглашении на 4½ года выжидательную позицию; английское адмиралтейство высказалось против; Италия тоже была против. Один лишь Дауэс, потерявший надежду на то, что соглаше-

ние вообще будет достигнуто, считал, что такой договор все же лучше чем отсутствие какого бы то ни было. Практического значения цифры, фигурировавшие в франко-итальянских морских переговорах, вследствие их незначительности ни для США, ни для Японии, по признанию Дауэса, не имели. Задача Дауэса состояла в том, чтобы приостановить гонку в морском строительстве Франции и Италии, угрожавшую побудить и Англию к некоторым изменениям в Лондонском договоре.

Когда, наконец, соглашение в целом было достигнуто, возникли трудности в его формулировании. Англичане вместе с американцами хотели во вступительной части подчеркнуть связь соглашения с пактом Келлога, французы, напротив, настаивали на подчеркивании его зависимости от Лиги наций.

На морской конференции 1930 г. принцип «паритета», установленный на Вашингтонской конференции для линейного флота, был распространен на все категории судов. Признание Англией принципа «равенства» с США и отказ ее от принципа «Two Power Standard» при разбросанности британских владений создавали условия для фактического превосходства американского флота. «Сближение» между этими двумя крупнейшими морскими державами меньше всего было похоже на действительное разоружение. Англо-американское морское соперничество вступало лишь в новую фазу. В предусмотренных Лондонским договором широкой экспансии Америки в области крейсерских сил и праве Англии на частичную замену устаревших крейсеров новыми англо-американское соперничество получало более высокую техническую базу для своего дальнейшего развития. Еще менее это соглашение могло ослабить англо-американское экономическое соперничество на важнейших мировых рынках.

Деятельность Дауэса в качестве посла в Лондоне, как это видно из его дневника, была весьма разносторонней... Так, он внушает афганскому послу в Лондоне мысль о приглашении в Афганистан американского эксперта по финансовым вопросам, сам же предрешает вопрос о кандидатуре на этот пост и пишет об этом Ламонту, прося его в случае согласия осведомиться лишь у Стимсона, не встретятся ли к этому какие-либо возражения (см. стр. 228), Когда в Испании происходит переворот, Дауэс из Лондона настойчиво торопит с признанием временного испанского правительства. По инициативе Берлина он предпринимает шаги к организации встречи германского рейхсканцлера Брюннинга с Юнгом (встреча не состоялась из-за отказа Юнга).

Умный наблюдатель, Дауэс не делает никаких иллюзий, говоря о последствиях жестокого экономического кризиса в Европе, в частности в Англии, и в Америке. После визита к Меллону он записывает в своем дневнике: «Одно я должен отметить особенно в это время ужасной депрессии в делах, несомненно самой худшей в стране с 1873 г.,— это то, что даже самые богатые люди озабочены...» Дауэс неоднократно возвращается к этой аналогии с 1873 г.: «В нашей собственной стране банки закрываются каждый день... Условия здесь почти такие же, как в 1873 и 1893 годах» (стр. 351).

Дауэс — ближайший советник президента. В предвидении скорого краха австрийского Национального банка Дауэс считает, что Рейхсбанк будет вынужден объявить мораторий, который вызовет мировой финансовый кризис. Одни только нью-йоркские банки имеют германских акцептов на сумму 500 млн. долларов. Когда ньюйоркские банкиры обратились к Гуверу за поддержкой, ему пришла мысль о репарационном моратории на один—два года. Дауэс одобрил этот план, настаивая при этом лишь на двухлетнем сроке. «Европейские финансы,— записывает в дневнике Дауэс,— неустойчивы, но этот план может помочь... а тем временем золотой резерв Австрийского банка, так же как и Рейхсбанка, опасно уменьшится, и призыв Америки к краткосрочным займам и благоприятный для нас торговый баланс будут продолжать высасывать кровь из европейских финансов» (стр. 351). Решение о целесообразности репарационного моратория, как видно из дневника Дауэса, Гувер принял не без колебаний; он не был уверен в лидерах оппозиции в сенате, где это предложение должно было быть ратифицировано. Гувер просил Дауэса о поддержке этого предложения в сенате и сообщил ему о своем намерении объявить Дауэса автором этого плана. Бывший директор Рейхсбанка Шахт специальной телеграммой выражал Дауэсу свою благодарность. «Опять Вы показали,— писал он,— присущие вам мудрость и смелость поддержкой очень полезного послания президента конгрессу» (стр. 353).

Отмечая тяжелую ответственность Франции, если она одна будет противостоять предлагаемому Гувером репарационному моратории, Дауэс указывает на то значение, которое приобретает германская проблема в торговых и финансовых отношениях различных государств: «В эти дни торговой и финансовой международной взаимозависимости никакая, даже самая великая нация не имеет иммунитета от влияния на нее кредитного потрясения какой-либо другой могущественной нации. Это всегда влечет за собой широко распространяющийся кредитный крах. Вот почему мир теперь так единодушен в вопросе о кредитной помощи Германии». В американском предложении, посланном в Лондон Стимсону и Меллону, присутствовавшим на международной конференции помощи Германии, указывалось: «Существо проблемы — это восстановление доверия к Германии в экономической жизни как самой Германии, так и заграницей». «Если предложение Гувера,—сентиментально резюмирует Дауэс,— будет принято, как это теперь представляется, много прочувствованных книг будет написано об альтруистических мотивах» (стр. 357). Несколькими строками ниже мы узнаем от Дауэса, что эти альтруистические действия оказываются неизбежной данью, необходимой жертвой для улучшения условий мирового рынка (см. стр. 358).

Дальновидный наблюдатель, Дауэс трезво оценивает силы мирового империализма, когда говорит: «Европа, однако, находится на перекрестке дорог, и одна из них ведет к разрушению нынешнего социального строя» (стр. 360).

С пацифистским сожалением констатирует Дауэс разногласия в англо-французских взаимоотношениях, в частности в финансовых вопросах. Вспоминая первую мировую империалистическую войну, Дауэс говорит: «Англичане и французы вместе умирали на фронте, а теперь, в тылу, они дерутся как собаки и кошки».

В июле 1931 г. большую тревогу в Нью-Йорке вызвала утечка золота из Английского банка, грозившая тяжелыми осложнениями на мировом рынке. «Есть предположения,— пишет Дауэс,— что Франция поощряет эту утечку золота из Англии. Я не могу этому поверить. Ясно, что Англия накануне кризиса. На прошлой неделе это произошло в Германии, теперь — в Англии. Приостановит или нет рост процента в Английском банке отлив золота из Англии в условиях настоящего финансового потрясения — это вопрос, который должен стать предметом обсуждения в Лондоне и в Нью-Йорке». Это писал Дауэс 25 июля, а 26 июля он уже отмечает в своем дневнике, что в течение последних 11 дней Лондон потерял около 155 млн. долларов золотом.

В конце июля положение английских финансов оказалось настолько серьезным, что директор Английского банка Киндерслей спешно выехал в Париж за займом. Под давлением Америки Франция согласилась на заем. Английский банк получил от Федерального резервного банка США и Французского банка заем в 50 млн. фунтов стерлингов. Несмотря на совместные усилия Английского банка и банкиров Парижа и Нью-Йорка, ресурсы Английского банка, включая золотой запас, быстро истощались. «Фунт стерлингов,— записал Дауэс 19 сентября,— не мог быть поддерживаем на нормальном сравнительном курсе двух валют больше чем несколько дней», а 21 сентября Дауэс уже констатировал, что отлив капиталов из Английского банка составляет не менее 15 млн. фунтов стерлингов. Макдональд известил тогда государственный департамент США о неизбежности отказа Англии от золотого стандарта. Дауэсу принадлежала активная роль в упорядочении английских финансов. По просьбе английского государственного казначейства, Дауэс созвал представителей американских банков, имевших лондонские отделения, и обратился к ним с просьбой о сотрудничестве с британскими банками в направлении ограничения покупок британскими гражданами на иностранную валюту.

В ноябре 1931 г. Дауэс, по предложению правительства США, срочно поехал в Париж, где в это время происходили заседания Совета Лиги наций, обсуждавшего положение в Маньчжурии. Ему было предоставлено право, если бы он нашел это нужным, присутствовать на заседаниях, но Дауэс от этого отказался, несмотря на настойчивые приглашения. Бриан указывал Дауэсу, что его отсутствие на заседаниях может причинить ущерб престижу Лиги наций и повредить ее влиянию, но Дауэс настаивал, что параллельное сотрудничество США будет более эффективно.

Дауэс развил, однако, в Париже весьма активную деятельность. Его квартира в Ritz Hotel была настоящим штабом, который посещали и японский посол и Бриан, и где получила свою первоначальную кристаллизацию предварительная резолюция совета Лиги наций. И японский и китайский посланники сразу же по получении инструкций от своих правительств совещались по поводу них с Дауэсом, который возражал против определения срока эвакуации японских войск и доказывал, что впредь до окончательного соглашения следует лишь добиться прекращения враждебных действий. В случае, если бы в Париже не удалось достигнуть соглашения, США предполагали созыв конференции держав, подписавших пакт девяти. «Если бы соглашение с Японией не было достигнуто,— пишет Дауэс,— другие державы, подписавшие пакт девяти, стали бы перед альтернативой унизительного принятия статус-кво или необходимости прибегнуть к войне или к каким-либо санкциям» (стр. 426).

В затруднениях, возникших в вопросе об определении нейтральной зоны, США поддерживали претензии Японии, находя их вполне обоснованными по географическим соображениям. Деятельность Дауэса в Париже и в особенности то, как Дауэс в составленном им, но неиспользованном обращении намеревался ликвидировать конфликт между Японией и Китаем (см. стр. 430) вызвала особое одобрение в США со стороны Гувера и Стимсона. 26 декабря 1931 г. Стимсон известил Дауэса о решении президента назначить Дауэса председателем делегации США на конференции по разоружению в Женеве в феврале 1932 г., а 2 февраля Дауэс был отозван из Лондона и назначен председателем комиссии по реорганизации финансов.

Опубликованный дневник Дауэса содержит обильные материалы по истории переговоров о морском разоружении. Он представляет несомненный интерес, в особенности при изучении англо-американских противоречий на обозреваемом Дауэсом отрезке времени.

П. Осипова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

История СССР

Тарле Е. *Нахимов.* Воениздат. 1940. 138 стр. 2 руб.

Настоящая книга является частью монографии Е. В. Тарле «Крымская война». Это небольшой очерк, написанный по архивным источникам с использованием имеющейся литературы о Крымской войне. Автор ярко рисует боевую деятельность знаменитого русского флотоводца и героя севастопольской обороны — адмирала Нахимова. Кроме того в очерке содержатся характеристики Корнилова, Тотлебена и других выдающихся участников севастопольской обороны.

Рейхберг Г. и Ольша Р. *Международный пролетариат в борьбе против интервенции в СССР. 1918—1922 гг.* Воениздат. М. 1941.

Книга посвящена влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на международный пролетариат. Авторы показывают братское сочувствие и активную помощь международного пролетариата Советской республике в период героической борьбы народов СССР против интервенции.

Тимошков С., генерал-майор. *Борьба с английской интервенцией в Туркестане.* Воениздат НКО. СССР. 1941. 121 стр. 2 р. 25 к.

Книга содержит описание героической борьбы советского народа против английской интервенции в Туркестане в 1918—1919 гг., она написана на основе архивных источников, местных газет, английских литературных источников и других материалов.

Куранов Г., Лобанов И., Плашков В. *15 лет Киргизской ССР.* Город Фрунзе. Киргосиздат. 1941. 195 стр.

Книга в первой своей части содержит краткий очерк многолетней борьбы киргизского народа со своими угнетателями, особенно с русским царизмом. Основная же часть книги отведена вопросам истории киргизского народа в советский период. Авторы показывают огромные экономические достижения Советской Киргизии, гигантский рост ее культуры и материального благосостояния трудящихся.

История нового времени

Наполеон. *Избранные произведения.* Т. I. Воениздат. 1941. 351 стр. 11 руб.

В I том избранных произведений Наполеона вошли его мемуары, состоящие из следующих очерков: «Осада Тулона», «Операции итальянской армии в 1792, 1793, 1794, 1795 гг.», «Итальянская кампания 1796—1797 гг.». Далее в отдельных главах описывается состояние различных итальянских государств в 1796 г., сражение у Монтеноте, у Лоди, у Кастильоне и т. д. I том заканчивается очерками военных событий 1798—1799 годов. На русском языке мемуары Наполеона выходят впервые. К книге приложены схемы всех важнейших сражений этой кампании.

Иванов Л. *Вторая империалистическая война.* Воениздат. 1941. 156 стр. 4 р. 40 к.

Автор описывает ход подготовки ко второй империалистической войне на море Англии, Франции, Германии и Италии, а также морскую политику Японии и США. В книге содержится краткий обзор основных военных операций до конца 1940 года.

Abbott Wilbur. *The writings and speeches of Oliver Cromwell. Vol. II. The Common wealth, 1649—1653.* Cambridge, 1939, XVI+1653.
Эббот У. *Письма и речи Оливера Кромвеля.* Т. II. *Республика (1649—1653).*

Книга Эббота представляет собой фундаментальную работу о жизни и деятельности Кромвеля, построенную в основном на письмах и речах самого Кромвеля. II том этой работы охватывает период от казни Карла I до роспуска Долгого парламента (1649—1653). Он содержит подробный очерк ирландской и шотландской кампаний. Детально анализируется битва при Уорчестере. В приложении приводится ряд документов, относящихся к более раннему периоду, но обнаруженных уже после выхода в свет

I тома. Книга снабжена картами и иллюстрациями, публикуемыми большей частью впервые (они взяты из собственной коллекции автора).

Jones G. and Pool A. *A hundred years of economic development in Great Britain*. New York, 1940, 415 p.

Джонс и Пуль. *Сто лет экономического развития Великобритании.*

В книге дается очерк экономической истории Англии за период с 1839 по 1939 г., который, по мнению авторов, был «величайшим столетием в истории Великобритании». Книга делится на три части. Первая посвящена времени наибольшего экономического расцвета Англии (1837—1875 гг.), вторая — эпохе империализма до мировой войны (1875—1914) и третья—экономической истории Англии во время первой мировой империалистической войны и в послевоенное время (до 1939 г.). Главное внимание авторы уделяют развитию отдельных отраслей народного хозяйства Англии. Однако в каждом разделе специальные главы посвящаются также вопросам рабочего законодательства, условиям труда и политике государства по отношению к рабочим и работодателям. К книге приложена библиография по отдельным, освещаемым в ней вопросам (промышленность, сельское хозяйство, условия труда, тредюнионизм и т. д.).

Lawrence T. *Oriental assembly*. New York, 1940, XII + 292 p.

Лоуренс Т. *Восточный сборник.*

Изданная под редакцией брата известного полковника Лоуренса книга содержит работы Лоуренса о Востоке, которые до сего времени не были собраны. Первое место здесь занимает дневник, который вел Лоуренс во время своего путешествия пешком через северную Сирию летом 1911 года. Большой интерес представляют многочисленные иллюстрации (свыше ста). Это фотоснимки, сделанные самим Лоуренсом; большая часть их публикуется впервые.

Stewart Robert B. *Treaty relations of the British common wealth of Nations*. New York, 1939, 503 p.

Стюарт Р. *Договорные отношения британского сообщества наций.*

Книга представляет собою исследование договорных отношений между странами, входящими в Британскую империю, и иностранными государствами. В ней описывается превращение Британской империи из единого в международных отношениях государства в совокупность «независимых» доминионов, самостоятельно заключающих договоры с другими государствами. Автор начинает с анализа структуры Британской империи, включающей в себя, помимо метрополии и доминионов, различные виды колоний (протектораты, мандатные территории и др.). Далее, он описывает превращение части колоний в самоуправляющиеся доминионы. Автор анализирует важнейшие договоры, заключенные Англией перед войной, во время войны и особенно в послевоенный период, и участие доминионов как в заключении послевоенных договоров, так и в деятельности Лиги наций. Специальные главы посвящены процедуре заключения договоров Англией и ее доминионами и руководящей роли метрополии при заключении договоров. В приложениях к книге богатая документация и библиография.

Dziambor Godwin. *Die deutsch-englischen Handelsbeziehungen unter dem Einfluss der englischen und deutschen Handelspolitik seit dem Weltkrieg*. München, 1940, 107 S.

Дзямбор Г. *Германо-английские торговые отношения под влиянием английской и германской торговой политики в послевоенный период.*

Автор описывает англо-германские торговые отношения, главным образом в послевоенный период. Книга делится на пять разделов. Первый раздел посвящен английской торговой политике с конца XIX в. до окончания первой мировой империалистической войны и влиянию этой войны на англо-германские торговые отношения. Во втором и третьем разделах описывается развитие англо-германских торговых отношений в послевоенный период (до 1932 г.). Четвертый раздел посвящен германской торговой политике с 1925 по 1934 г., и пятый — германо-английским торговым отношениям с 1932 г. до присоединения Австрии к Германии. Книга снабжена множеством статистических таблиц и библиографией.

Stephenson N. and Dunn W. *George Washington*. New York, 1940, vol. I — II, XIII + 473 p.; VII+596 p.

Стефенсон Н. и Дэнн У. *Джордж Вашингтон.*

Биография Вашингтона дана на широком историческом фоне. Работа построена на первоисточниках. Авторы использовали письма и другие документы. Отрывки из них вставлены в текст. Один из документов, приводимых в данной работе, публи-

куется впервые — это неизвестное до сих пор письмо Вашингтона, относящееся к 1797 году. Следует отметить тщательную документацию каждого сообщаемого авторами факта. Оба тома снабжены подробными примечаниями. Том I охватывает период 1732—1777 гг., том II — период 1778—1799 годов. Указатель к обоим томам дан в конце II тома. Книга иллюстрирована и снабжена картами.

Hockett Homer C. *The constitutional history of the United States, 1776 — 1826*. New York, 1939, 417 p.

Гокет Г. *Конституционная история Соединенных Штатов, 1776—1826.*

В книге содержится история создания американской конституции и первых лет действия этой конституции. Автор считает, что «идеология отцов конституции была идеологией английского среднего класса,— она была либеральной, но не была демократической». Исходя из этого положения, он в первом разделе книги описывает эволюцию британской конституции и развитие английского либерализма, как предисторию создания конституции США. Второй раздел посвящен непосредственной выработке американской конституции. В третьем разделе дается анализ этой конституции и описание первых лет ее действия. К книге приложена обширная библиография.

Scudder E. *The Monroe doctrine and world peace*. London, 1939, VII+176 p.

Скуддер И. *Доктрина Монроэ и всеобщий мир.*

В аннотируемой работе содержится анализ развития доктрины Монроэ с 1823 г. до нашего времени и ее современного значения. Мысль автора сводится в общих чертах к следующему: возникнув как средство защиты государств Нового света от европейской интервенции, доктрина Монроэ играла эту роль до последнего времени. С этой точки зрения в книге рассматриваются французская интервенция в Мексике, англо-американские отношения в связи с вопросом о постройке канала через перешеек (договор Клейтон—Бульвера 1850 г., договор Гея—Паунсфота 1901 г. и т. д.), первый и второй венецуэльские конфликты и др. Правда, в президентство Теодора Рузвельта доктрина Монроэ служила главным образом средством оправдания интервенции США в Латинской Америке, однако при Франклине Рузвельте она вновь обрела свой прежний характер и в таком виде не представляет, по словам автора, «никакой угрозы» для стран Латинской Америки, а направлена лишь против Германии, Японии и Италии. В приложении дается обзор высказываний американской прессы о панамериканской конференции 1938 года.

Manning W. K. *Diplomatic correspondence of the United States. Inter-American affairs 1831—1860*. Vol. XI. *Spain*. Documents 5033 — 5678. Washington, 1939, XLII+1017 p.

Маннинг В. *Дипломатическая переписка Соединенных Штатов. Внутриамериканские дела (1831—1860). Т. XI — Испания.* Документы 5033—5678.

XI том серии документов, издаваемой Маннингом, содержит переписку правительства США с американскими представителями в Испании и с представителями Испании в США. Большая часть документов прямо или косвенно касается острова Кубы. «Многие, — пишет в предисловии об этих документах Маннинг, — прямо раскрывают позицию правительства и народа Соединенных штатов по отношению к этой испанской колонии; другие же касаются попыток или предполагаемых попыток пиратских экспедиций силой оторвать эту колонию от Испании, предположительно с целью аннексии ее Соединенными штатами». Ряд документов касается отношений испано-американских стран с Испанией и США.

Manning W. K. *Diplomatic correspondence of the United States. Inter-American affairs, 1831—1860*. Vol. XII. *Texas and Venezuela*. Washington, 1939, 858 p.

Маннинг В. *Дипломатическая переписка Соединенных Штатов. Внутриамериканские дела (1831 — 1860)*. Т. XII. *Техас и Венецуэла.*

XII том серии документов, издаваемой Маннингом, содержит 495 документов, посвященных техасскому вопросу и отношениям между Венецуэлой и США. Документы, содержащиеся в первой и второй частях тома («Техас»), охватывают период от начала фактической независимости Техаса (1836) до декабря 1845 г., когда он вошел в состав США в качестве штата. Третья и четвертая части тома содержат документы, касающиеся отношений между США и Венецуэлой в период с 1831 по 1860 год.

Satterlee Herbert. *J. Pierpont Morgan. An intimate portrait, 1837—1913*. New York, 1940, 595 p.

Сеттерли Г. *Дж. Пирпонт Морган. Интимный портрет.*

Книга представляет собой биографию «виднейшей фигуры в финансовой и промышленной истории Америки» — Джона Пирпонта Моргана. Автор — родственник и друг Моргана — написал эту биографию по его собственной просьбе. Работа носит ярко

выраженный апологетический характер. Однако содержащийся в ней огромный фактический материал (автор как член семьи имел доступ ко всем документам, касающимся Моргана), несомненно, представляет большой интерес для изучения жизни этого виднейшего представителя американского капитала.

Jacob Ernst. *Das Portugiesische Kolonialreich. Leipzig,* 1940, 139 S.

Якоб Э. *Португальская колониальная империя.*

Книга трактует об историческом развитии и современном значении португальских колоний и колониальной политики. В первом разделе описывается проникновение Португалии в Африку, Азию и Америку (Бразилия) и последующая судьба португальских колоний. Второй раздел озаглавлен «Португальская империя» и посвящен описанию теперешних колоний Португалии, прежде всего Анголы и Мозамбика. Раздел третий называется «Колониальная политика Португалии» (хозяйственная политика, колониальная пропаганда и т. д.). Книга написана на основе португальской литературы и собственных наблюдений автора.

Buckley Henry. *Life and death of the spanish Republic.* London, 1940, 423 p.

Беклей Г. *Жизнь и смерть испанской республики.*

«Это живой рассказ о девяти самых драматических годах испанской истории, описанных день за днем английским газетным корреспондентом». Автор был знаком с виднейшими испанскими политическими деятелями — бывшим королем Альфонсом XIII, Асанья, Хиль Роблесом, Кабальеро и др. В своей книге он на основе своих личных впечатлений рассказывает историю испанской республики от ее провозглашения в 1931 г. до победы фашистских мятежников, которую автор считает равнозначащей смерти республики. Половина книги посвящена героической борьбе испанского народа за демократическую республику, против мятежников и интервентов. Автор признает передовую роль компартии в этой борьбе, называя командиров-коммунистов Модесто, Листера и других «лучшими бойцами, которыми располагала республика». В книге помещены фотографии видных испанских политических деятелей, в том числе тт. Долорес Ибаррури и Листера, и карта военных действий.

Howen Herbert H. *An ontline history of Japan.* New York — London, 1939. 458 p.

Гоуэн Г. *Очерк истории Японии.*

Автор излагает историю Японии с древнейших времен до середины 20-х годов XX века. Большое внимание уделяется автором японской культуре (мифам, литературе, изобразительному искусству). К книге приложен ряд документов, в том числе конституция Японской империи, англо-японский союзный договор 1902 г., пекинский договор между СССР и Японией и др. Книга снабжена библиографией и картой Японии и Китая.

История культуры

Barge Hermann. *Geschichte der Buchdruckerkunst von ihren Anfängen bis zur Gegenwart.* Leipzig, 1940, VIII + 520 S.

Барге Г. *История книгопечатного искусства от его начала до современности.*

Книга приурочена к 500-летию изобретения книгопечатания. Часть 1-я озаглавлена «Книгопечатание от его изобретения до 1500 года». Здесь дается очерк жизни и деятельности Гутенберга. Затем следует характеристика состояния книгопечатания в Германии, Италии и других европейских странах в XV веке. Части 2-я и 3-я посвящены истории книгопечатания в XVI, XVII и XVIII веках. Главное внимание уделено Германии. Но в то же время дается материал и по Италии, Франции, Испании, Англии, Нидерландам. Часть 4-я носит название «Книгопечатание в XIX и XX веках». Здесь много места занимает характеристика технических новшеств в области книгопечатания, появившихся с начала XIX века. В этой же части излагается история книгопечатания в Южной и Северной Америке начиная с XVIII века. Книга прекрасно издана и снабжена более чем 150 иллюстрациями, среди которых много цветных.

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

О НАУЧНОЙ РАБОТЕ ИСТОРИКОВ ОДЕССЫ И КИЕВА

За последние годы на Украине значительно выросли кадры историков и развернулась большая научно-исследовательская работа. Большая часть местных научных работников еще не выступала со своими работами на страницах наших центральных журналов. Для того чтобы расширить постоянные связи с научными работниками на местах и информировать их о своих планах работы на ближайший год, редакция журнала «Историк-марксист» наметила ряд командировок на места сотрудников редакции. А. Л. Сидоров был командирован в Одессу и Киев, где ему удалось ознакомиться с научной работой историков некоторых научно-исследовательских и учебных учреждений.

В Одессе и Киеве были созваны специальные совещания историков. В проведении совещания в Одессе большую помощь оказали секретарь областного комитета ВКП(б) тов. Сосновский и заместитель заведующего отделом пропаганды обкома партии тов. Дьяченко. Фактически это было первое городское собрание историков Одессы. В Киеве состоялись два совещания историков, созванные при участии исторического факультета Киевского университета (декан—тов. Лавров) и Института истории Украины Академии наук УССР (директор — С. Н. Белоусов), на которых присутствовали представители других организаций.

Наиболее крупным центром исследовательской работы в области истории в Одессе является исторический факультет Одесского университета. Исторический факультет добился уже серьезных успехов в деле подготовки молодых научных кадров. Значительная часть научно-преподавательских сил исторического факультета обслуживается научными работниками, подготовленными кафедрами факультета.

Наиболее широко развернула исследовательскую работу кафедра новой истории. Этой кафедрой руководит доктор исторических наук К. П. Добровольский (он же декан факультета). Кафедра подготовила специальный сборник исследовательских статей, посвященный юбилею Французской буржуазной революции 1789 года.

Во главе кафедры древней истории стоит заслуженный деятель науки проф. Б. В. Варнеке, специалист в области античной культуры.

Кафедра истории СССР возглавляется кандидатом исторических наук — доцентом А. В. Фадеевым, серьезно работающим над историей Западного Кавказа в XIX в. и заканчивающим в текущем году докторскую диссертацию на тему «Абхазия в XIX веке».

Кафедру истории Украины возглавляет кандидат исторических наук тов. Колесников, защитивший недавно диссертацию на тему «О крестьянских движениях на Украине в период крестьянской реформы». В составе кафедры работают два кандидата исторических наук: тт. Адамов и Лесничий. Организация этой кафедры является значительным достижением, хотя она еще нуждается в постоянной помощи со стороны украинского исторического центра — Института истории Академии наук Украины.

На истфаке имеется специальная кафедра новой истории колониальных и зависимых стран. Руководит этой кафедрой, являющейся единственной на Украине, и. о. проф. И. Г Белякевич, работающий над докторской диссертацией «Турция во внешней политике европейских стран в эпоху империализма».

Во главе кафедры марксизма-ленинизма стоит доцент Г. Л. Фурманов. Следует отметить отсутствие руководителя кафедры истории средних веков, хотя на факультете имеются три аспиранта, специализирующиеся в этой области.

Кроме большого коллектива научных работников и преподавателей при кафедрах насчитывается около 25 аспирантов, разрабатывающих ряд интересных вопросов. Четыре аспиранта кафедры новой истории коллективно работают над историей Якобинского клуба. Источники для изучения этой проблемы имеются в университетской и Публичной городской библиотеках. Ряд аспирантов работает над вопросами истории города Одессы. Аспирант Х. Ш. Фукс подготовил диссертацию по истории славяноведения «Социальные основы богомильского движения в Болгарии в X—XIII вв.». Диссертация получила хорошие отзывы академика Ю. В. Готье и чл.-корреспондента АН СССР В. И. Пичеты. Надо надеяться, что в Одесском университете, являвшемся до революции крупнейшим центром славяноведения, возродится эта область исторической науки. Одесские библиотеки располагают богатейшими материалами по истории славянства. Между тем в настоящее время на истфаке не только не изучается история славянства, но забыта и славянская филология.

Нет возможности перечислить всю тематику исследовательских работ, над которыми работают сотрудники кафедр. Из защищенных диссертаций следует отметить работы: тов. Гороховской «Работа большевистской организации Одессы во время трех подполий»; тов. Адамова «Рабочие Одессы в революцию 1905 г.»; Н. П. Коровякова «История русской картографии XVI—XVIII вв.». Однако ни одна из диссертаций, даже преподавателей факультета, до сих пор не напечатана.

«Ученые записки» выходят крайне нерегулярно. Том «Записок», посвященный 150-летнему юбилею Французской революции, до сих пор еще не вышел из печати. Кроме университетских «Записок» и очень жиденьких «Записок» Педагогического института других изданий по вопросам истории в настоящее время в Одессе нет.

Крупным недостатком в научной работе исторического факультета Одесского университета является его изолированность от научной работы других исторических учреждений Одессы и Украины в целом. Нет никакого контакта с Одесским историческим музеем, где развернута широкая исследовательская работа по археологии и истории города. Больше того: этот разрыв принял совершенно недопустимые формы. Несмотря на наличие в музее крупных специалистов по археологии, открытия и работы которых широко известны, в университете в текущем году не читался курс археологии, который прежде велся научными работниками музея.

На научной сессии факультета 14—18 апреля с. г. было намечено заслушать около двух десятков докладов, между тем не поставлено ни одного научного доклада сотрудников музея как по археологии, так и по истории Причерноморья и Востока.

Руководителям факультета и всего университета должно быть известно, что в текущем году исполняется 20-летие Усатовских археологических раскопок, обогативших археологическую науку новыми открытиями. Неужели не следовало включить в повестку дня сессии доклад М. Ф. Болтенко, под руководством которого было положено начало этим работам?! Исторический музей мог бы, вероятно, выдвинуть не одну интересную тему для научного доклада. К примеру было бы очень полезно ознакомить весь коллектив историков Одесского исторического факультета с работами тов. Донича, нашедшего 10 октября 1938 г. жертвенник из храма Изиды. С помощью акад. В. В. Струве окончательно установлено происхождение этого ценного памятника и прочитаны надписи. Многие ли из студентов и научных работников факультета знают об этом открытии?

В порядке дня сессии факультета не было ни одного доклада по истории Одессы. Между тем в связи с приближающимся 150-летием города свыше 60 человек пишут историю Одессы в двух томах.

Небольшим почетом у работников факультета пользуется и Одесская Публичная библиотека, одна из старейших и лучших библиотек нашей страны. Следует пожелать историческому факультету и коллективу его научных работников сплотить вокруг себя довольно значительные кадры научных работников города и возглавить их исследовательскую работу.

Одной из интереснейших работ в Одессе является упомянутая выше работа по истории города Одессы. Инициатива в этом деле принадлежит областным партийным и советским организациям. В редакционную комиссию этого издания входят проф. Добролюбский, проф. Зелигер, проф. Буриневич, проф Тиктин, Теппер, Свищенко, Матьяш и др. Первый том этого труда будет посвящен старой, дореволюционной Одессе, второй — истории советской Одессы. К работе привлечены местные архитекторы, историки искусств; заказаны уже статьи. Между тем хотя проспект всего издания и разработан, но он еще не подвергался общественному обсуждению. Работа над историей города Одессы открывает перед историками широкое поле деятельности. В связи с работой над историей города должен быть научно разработан целый круг различных проблем по истории, экономике, революционному движению и культуре города.

В Одессе существует Музей революции. К сожалению, он размещен в неприспособленном, холодном помещении. Музей не ведет пока исследовательской работы по истории революционного движения. Руководителям музея (директор — тов. Туков, заместитель — тов. Толкацир, заведующий научной частью — тов. Ильяшева), видимо, не совсем ясны цели и задачи музея. В музее размещено большое количество копий с экспонатов Музея революции и Музея Ленина в Москве. Весь музей производит впечатление копии с московских музеев. Интереснейший материал по истории героической борьбы одесского пролетариата и местной большевистской организации представлен чрезвычайно слабо. В музее нет портретов местных деятелей революции (в Одессе работали тт. Ярославский, Воровский и другие видные деятели большевистской партии). В уголке затерялась маленькая фотография Егора Матлакова, который в 1901 г. разбрасывал в одесском театре социал-демократические листовки. Героическая борьба одесских большевиков сыграла огромную роль в деле разложения войск интервентов. Герои-революционеры: тов. Смирнов-Ласточкин, возглавлявший одесское подполье, Жанна Лябурб и четверо других, также погибших членов коллегии по работе с иностранцами, начальник Красной Гвардии Одессы Чижиков и многие другие погибшие борцы за коммунизм должны быть широко популяризированы музеем. Между тем в музее нет хорошо сделанных экспозиций и портретов этих деятелей. Одесские организации должны помочь музею перестроить свою работу так, чтобы музей отображал героическое прошлое революционной Одессы.

Прекрасное впечатление оставляет Одесский исторический музей, который располагает квалифицированным коллективом

научных сотрудников, любящих свое дело и с подлинным энтузиазмом работающих над изучением истории Причерноморья. Во главе музея стоит молодой научный сотрудник К. А. Раевский. Ученый секретарь музея М. Ф. Болтенко занимается исследованием так называемой Усатовской культуры. Работник музея В. И. Селинов изучает древнегреческие поселения IV—III вв. до нашей эры; другой работник музея, Г. Д. Штейнван, занят изучением греческих колоний, а С. В. Донич работает в области египтологии. Научными фондами музея в течение 35 лет ведает А. В. Добровольский. После многолетнего перерыва музей сдал в печать первый сборник научных трудов, посвященный исследованию древней культуры северного побережья Черного моря. Подготовлен II том, специально посвященный проблеме Усатовской культуры. Этой же проблеме будет посвящена научная конференция, созываемая музеем осенью текущего года. На конференцию приглашены научные работники Киева, Москвы и Ленинграда.

Музей размещен в специально приспособленном здании. Его выставочные залы поражают обилием ценнейших памятников культуры Черноморского побережья. В архиве музея имеется богатый рукописный фонд редких памятников, в том числе евангелие IX в. на греческом языке, написанное на пергаменте, украшенное миниатюрами, и славянское евангелие, написанное в X или XI в. также на пергаменте.

Интересны экспонаты музея о знаменитом русском воздухоплавателе Уточкине.

Одесские историки располагают прекрасной базой для своей работы — научной библиотекой университета и Публичной городской библиотекой, основанной в 1829 году. Коллектив сотрудников Публичной библиотеки подготовил историю библиотеки, которая в ближайшее время выйдет из печати. С богатейшими фондами университетской библиотеки можно ознакомиться по статье Повора и Милова «Путь библиотеки Одесского государственного университета», напечатанной в сборнике «Одесский университет за 75 лет», выпущенном в 1940 году. В Публичной библиотеке особенно ценны коллекции инкунабул. Библиотека обладает единственным в мире экземпляром «Tractatus de Tabelionibus» Бартолуса (напечатанная Булле в Риме в 1479 г.), библией 1488 г. на чешском языке и большим количеством редчайших материалов по истории славян.

В университетской научной библиотеке имеются ценнейшие фонды Воронцова, Строганова, Шильдера, Григоровича, Кухарского, Губбе. В воронцовском фонде насчитывается около 34 тыс. томов, в том числе редкие издания времен французской буржуазной революции XVIII в.; некоторых из этих изданий нет даже в Парижской национальной библиотеке. В строгановском фонде, представляющем часть огромной, в свое время переданной Томскому университету библиотеки, насчитывается около 19 тыс. томов. В ней много литературы по истории России. Библиотека известного слависта Григоровича и библиотека Кухарского состоят главным образом из фондов по истории и славянской филологии.

★

11 апреля 1941 г. на историческом факультете состоялось совещание историков города Одессы, на котором присутствовало около 60 научных работников, преподавателей высших учебных заведений, работников музеев, библиотек, архива и редакции «Истории Одессы». На совещании присутствовал заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды областного комитета ВКП(б) тов. Дьяченко.

На этом совещании А. Л. Сидоров сделал сообщение о плане работы редакции журнала «Историк-марксист». Выступившие на совещании товарищи рассказали о научно-исследовательской работе, которая ведется ими лично, работниками кафедр университета, исторического факультета Педагогического института, Исторического музея, архива и других учреждений. Все товарищи с большим удовлетворением отмечали факт созыва первого совещания историков города, на котором обсуждались вопросы, выходившие за ведомственные рамки кафедр, а историки ознакомились с общими вопросами всего исторического фронта.

А. В. Фадеев (руководитель кафедры истории СССР) отметил, что вопросы, которые интересуют редакцию журнала, являются актуальными и интересными для всех историков. Один из крупнейших недостатков исследовательской работы на месте он видит в том, что история славянских народов сейчас находится в Одессе в загоне, хотя в прошлом Одесса была крупным центром славяноведения. Историки должны установить тесный контакт с филологами и поднять эту отрасль исторической науки. Вторая проблема, которую выдвинул тов. Фадеев,— это история Черноморья, включающего Крым и Западный Кавказ. Одесса является таким центром, который должен разработать весь комплекс вопросов по истории Черноморья.

Затем тов. Фадеев ознакомил собрание со своей работой над монографией по истории Абхазии XIX в., которую он заканчивает в текущем году. В этой работе будет освещена наряду с историей абхазского народа история кубыхов и черкесских племен Западного Кавказа. Что касается журнала, он отметил, что от «Историка-марксиста» на местах ждут больше установочных статей, которые помогали бы правильно ориентироваться в том, что делается историками всего Союза. Журнал мало печатает серьезных дискуссионных статей. После опубликования статьи акад. Манандяна историки ждали, что последует другая статья, с иной точкой зрения, однако такой статьи не последовало. Нужно шире освещать историю народов СССР, особенно историю народов малоизученных. В частности было бы полезно поместить статьи по истории народов Поволжья. После выхода «Истории дипломатии», сказал тов. Фадеев, исто-

рики СССР ждут на страницах журнала статей, ориентирующих в узловых вопросах внешней политики России. Выступление тов. Фадеева получило поддержку со стороны других историков.

Проф. Белякевич одобрил инициативу журнала в деле разработки проблем славяноведения. Он указал на желательность опубликования подробной библиографии новейшей литературы по истории славянства. Библиотеки Одессы располагают богатым собранием различных дореволюционных изданий по истории славянства, но они мало получают новейшей литературы по этому вопросу. История колониальных народов освещается на страницах журнала недостаточно и случайно. Следует разъяснить вопросы периодизации новой истории. На местах получена программа Комитета по делам высшей школы, в которой «Новая история» со времен Французской революции XVIII в. относится уже ко второй части программы, а первая часть программы до сих пор отсутствует. Историки на местах не могут понять, с какого времени начинается, по мнению Комитета, новая история. Вопросы периодизации истории вообще на страницах журнала не освещались. Желательно, чтобы журнал также уделял внимание международным отношениям в новейший период.

Тов. Белякевич рассказал о своей работе над докторской диссертацией на тему «Турция во внешней политике европейских держав в эпоху империализма» и о работе трех аспирантов над темами: «Англо-русские отношения в период иранской революции 1905—1911 гг.» (тов. Столярова), «Революционный подъем в Индии в 1918—1921 гг.» (тов. Грудский) и «Реакционный мятеж Баче-Сакао» (тов. Гандельман).

Работник Исторического музея тов. Селинов отметил разобщенность историков города и рассказал о своей работе над изучением Ольвии и истории Одессы в первой половине XIX века. По его мнению, результатам работ советских историков по изучению Причерноморья следовало бы на страницах журнала отводить гораздо больше места. Тов. Селинов остановился на характеристике работ Исторического музея, говорил о научном сборнике музея, в котором принимают участие научные работники Москвы и Киева, но не участвуют работники исторического факультета Одесского университета.

Тов. Дикштейн, указав на помощь, которую журнал оказывает местным работникам, отметил небольшое количество дискуссионных статей в журнале. Историки Одессы недостаточно привлечены к работе в журнале; они могли бы дать ряд статей по историографии и истории французской буржуазной революции XVIII в. и т. д. Научные работники и аспиранты кафедры новой истории занимаются изучением истории Якобинского клуба, общественных взглядов Сен-Жюста, русско-германских отношений 1904—1910 гг., истории германской социал-демократии, истории гор. Любека. Тов. Дикштейн указал, что защита диссертаций на местные темы проходит при недостаточном участии одесской общественности.

Тов. Охотина, работник архивного управления, рассказала о той помощи, которую архив оказывает молодым исследователям. Количество товарищей, работающих в архиве, возросло с 16 человек в 1940 г. до 20 человек за I квартал текущего года. Тем не менее богатейшие фонды новороссийского генерал-губернаторства, материалы по вопросам колонизации и заселения Новороссии еще мало используются.

Тов. Синица (Исторический музей) считает, что в широком кругу историков следует поставить вопрос об этногенезе славян. Он отметил слабость и неналаженность издательской базы в Одессе и медлительность научных учреждений. Особое внимание он обратил на недостаточность научной и деловой связи музея с историческим факультетом университета, что, несомненно, вредно отзывается на исторической подготовке студентов и на подготовке кадров археологов.

Выступивший в конце совещания зам. заведующего отделом агитации и пропаганды обкома ВКП(б) тов. Дьяченко призвал работников университета к дружной работе и к устранению отмеченных на совещании недостатков, к укреплению деловой связи с другими историческими учреждениями.

Институт истории Украины Академии наук УССР, являющийся центром научно-исследовательской работы в области истории Украины, за последние годы значительно вырос и окреп. В настоящее время он вместе с львовским филиалом насчитывает 54 сотрудника (из них 17 старших научных сотрудников, 6 докторов и 7 кандидатов исторических наук) и 10 аспирантов. Институт делится на три сектора: сектор феодализма (руководитель — М. И. Марченко), сектор истории XIX—XX вв. (проф. А. П. Оглоблин) и сектор советского периода, который не имеет постоянного руководителя и работой которого руководит директор института С. Н. Белоусов. Во главе львовского филиала стоит проф. И. П. Крипякевич. Научной базой института является библиотека Академии наук УССР. Собственная библиотека института пока невелика.

Институт истории дал значительную научную и научно-популярную продукцию и провел ряд научных конференций. Одной из ценных работ института является учебник по истории Украины для средней школы. Наиболее слабым местом института является разработка истории советского периода Украины, поэтому важнейшей задачей института является укрепление кадров именно в этой области.

В настоящее время внимание всего коллектива сотрудников института сосредоточено на окончании четырехтомной истории Украины. По замыслу института, эта работа должна явиться пособием для студентов высших учебных заведений. В I томе излагается история Украины с древнейших

времен до половины XVII в.; во II томе — с половины XVII в. до крестьянской реформы, в III томе — с крестьянской реформы до февральской буржуазно-демократической революции и в IV томе — с Октябрьской социалистической революции до наших дней. Первые два тома уже написаны, отредактированы и находятся на рецензии в Институте истории Академии наук СССР. Однако все издание не имеет общей редакции, хотя каждый том имел ответственного редактора.

Начиная с текущего года Институт истории начал издавать «Записки института», которые должны выходить каждый квартал.

Внимание сотрудников института привлекает проблема образования украинского народа. Для научной, марксистской разработки этого вопроса создана специальная комиссия, возглавляемая член.-корр. АН УССР проф. С. В. Юшковым. Кроме историков в работе этой комиссии принимают участие лингвисты, в том числе акад. Крымский.

Институт истории приступил к работе над историей гор. Киева. Создана специальная комиссия, которой руководит д-р исторических наук Полонская-Василенко. Комиссия рассчитывает привлечь к этой работе широкий круг добровольцев—любителей истории города, в руках которых находится значительное количество ценных документов. Нельзя не приветствовать идею создания истории старейшего города нашей родины, игравшего крупнейшую роль в истории СССР. Следует лишь пожелать, чтобы разработка проспекта такой большой и капитальной работы была поскорее закончена и комиссия активно начала практическую работу.

Институт довольно широко проводит изучение истории Украины. Ряд товарищей пишет монографии по наиболее важным вопросам истории Украины. На наш взгляд, институту следует обратить внимание на всемерное укрепление связи с университетскими историческими кафедрами, имеющимися в различных городах Украины. Нужно также в связи с созданием капитальной истории украинского народа основательно заняться вопросами периодизации украинской истории и обратить больше внимания на вопросы истории советского периода. Институт окреп, поэтому своевременно теперь поставить вопрос о расширении круга проблем для исторического исследования. На Украине следует создать единый руководящий центр для всех областей исторического исследования. Этим центром должен быть Институт истории АН УССР.

В связи с приближающимся 25-летием Октябрьской социалистической революции по решению ЦК КП(б)У приступлено к написанию двухтомной работы «Выдающиеся места Советской Украины». Уже создана специальная редакционная коллегия, в которую вошли писатели и историки. Руководство работой возложено на киевский филиал ИМЭЛ.

★

Руководитель Института истории С. Н. Белоусов собрал специальное совещание сотрудников, на котором присутствовали представители исторического факультета Киевского университета, Института археологии, архива и других учреждений. На этом совещании была заслушана информация представителя редакции «Историка-марксиста» о плане работ редакции журнала на текущий год и произошел обмен мнений по вопросу об укреплении связи между историками Киева и редакцией журнала.

Проф. Оглоблин указал на то, что связь редакции с украинскими работниками слабая. Между тем значение журнала «Историк-марксист» для местных работников весьма велико. Редакция журнала должна значительно больше места уделять работам по истории Украины. Было бы полезно опубликовать результаты некоторых исследований по истории Украины, а также подвести итоги работы советских историков Украины в ряде общих статей. Одобряя намеченную редакцией тематику по истории Украины, проф. Оглоблин и выступавшие за ним товарищи предлагали посвятить один из номеров журнала целиком вопросам истории Украины. Намерение редакции иметь постоянного представителя в Институте истории Академии наук УССР для связи с журналом проф. Оглоблин считает правильным и ценным. В конце года было бы полезно, говорит он, провести новое совещание, чтобы заблаговременно обсудить тематику журнала.

Проф. Петровский указал на необходимость осветить на страницах журнала вопрос о научно-вспомогательных исторических дисциплинах и, в частности, об источниковедении. Вопросами источниковедения мало занимаются на Украине. Следует всячески поднять, особенно у молодых историков, интерес и любовь к источникам. Эти темы заслуживают того, чтобы они стали предметом диссертаций. В список тем кандидатских диссертаций следует внести темы вспомогательных исторических наук и прежде всего источниковедения. Касаясь вопроса о библиографии, проф. Петровский сказал, что, помимо аннотаций всей новой литературы, нужны серьезные тематические проблемные статьи с обзорами развития науки за ряд лет.

Тов. Погребинский упрекнул редакцию журнала в том, что она якобы обходит специалистов по украинской истории, и выдвинул вопрос о создании на Украине собственного исторического журнала.

Тов. Куринный (Институт археологии) отметил, что статья Золотарева по вопросам периодизации доклассового общества во многом помогла археологам, и выразил пожелание видеть ее продолжение. «Историк-марксист» мало помещает материалов по вопросам археологии; следовало бы заполнить этот пробел, более регулярно давать отчеты о результатах крупных археологических экспедиций и о работе научных конференций по вопросам

археологии. По его мнению, наши археологические музеи непопулярны среди историков.

Тов. Билик в своем выступлении отметил, что журнал дает ценный материал для преподавателей высших учебных заведений. По мнению тов. Билика, редакция должна чаще помещать короткие, но целеустремленные статьи по общим вопросам, а также поставить вопросы преподавания исторических дисциплин. «Историк-марксист» может и должен систематически рецензировать источниковедческие органы—«Архивное дело» и «Красный архив». Между тем рецензии на эти органы появляются или чрезвычайно редко или вовсе отсутствуют. Признавая важными вопросы историографии, тов. Билик все же хотел бы, чтобы журнал прежде всего занимался основными вопросами истории украинской культуры и вопросами национального движения на Украине, в освещении которых часто допускаются ошибки. Тов. Билик поднял вопрос о том, что распорядки и излишний формализм в архивах Украины часто лишают историков возможности работать в архиве, особенно по тематике XX века.

Тов. Юрченко (Архивное управление) «жаловался», что историки мало предъявляют требований к архивным органам, об их работе ничего не пишет и «Историк-марксист». Между тем в Архивном управлении совершенно заглохла работа по публикации документов. Из выступления тов. Юрченко выходило, что историки виноваты в прекращении издательской деятельности архивов. Тем не менее он выразил пожелание, чтобы «Историк-марксист» подверг резкой критике деятельность архивов в области публикации документов.

Тов. Вергинский (аспирант) рассказал о безобразных порядках в Киевском областном архиве, работники которого плохо обслуживают историков. Лишая возможности историка пользоваться описью и картотекой, работники архива тем самым не дают возможности исследователю правильно организовать свою работу, а иногда и проводить ее. Подбор материалов самими работниками Киевского архива поставлен совершенно неудовлетворительно. Для подтверждения своей мысли тов. Вергинский привел несколько примеров. Так например он просил подобрать материал о Фастовском деле 1914 г., о котором было несколько статей в большевистской прессе. Несмотря на наличие специального разрешения, обязательного для работников архива, он в течение месяца не может добиться нужных материалов. В киевских архивных учреждениях не созданы необходимые условия для работы историков, которые большую часть своего времени затрачивают на уговоры архивных работников. Тов. Вергинский выразил надежду, что «Историк-марксист» потребует более внимательного отношения к нуждам историков со стороны архивов.

Второй важный вопрос, выдвинутый тов. Вергинским, касался издания научно-исторической литературы. По его словам, за два последних года ни одна из защищенных кандидатских диссертаций не издана. Местное издательство ограничивается лишь перепечаткой с русского языка исторических работ. По мнению тов. Вергинского, «Историк-марксист» должен обратить внимание на работу местных издательств в области публикации исторических трудов.

Директор Института истории Украины тов. Белоусов сказал, что «Историк-марксист» расценивается местными историками как орган не только Института истории АН СССР, но и всего исторического фронта. Говоря о ближайших, наиболее волнующих историков вопросах, тов. Белоусов на первое место выдвигает периодизацию истории. Обсуждение этой проблемы следует развернуть и в журнале. Тов. Белоусов считает, что «Историк-марксист» довольно внимателен к выходящей продукции Института истории Украины, но, говорит он, все же следовало бы давать тематический обзор того, над чем работают коллективы и отдельные историки. Он выразил желание, чтобы журнал дал статью о национальном движении на Украине, прогрессивное значение которого часто не отмечается. Следовало бы руководящие передовые статьи ввести, как правило, во всех номерах журнала, посвящать передовицы не только юбилейным датам, но и работе историков по существу. Тов. Белоусов подтвердил мнение тов. Вергинского о том, что, кроме издательства Академии наук УССР, в Киеве ни одно издательство не печатает произведений по вопросам истории. Издательства «объясняют» это обычно недостатком бумаги.

Институт истории напечатал за последние годы свыше трехсот печатных листов продукции, некоторые из вышедших работ представляют большой интерес (например учебники), и их следовало бы, по мнению тов. Белоусова, перевести и издать на русском языке. В Институт истории присылают множество ценных работ не только с Украины, но и из Ленинграда с просьбой их напечатать. Издание «Научных записок», которые современем должны превратиться в исторический журнал, дает возможность шире публиковать работы не только сотрудников института, но и наиболее ценные исследования других историков.

★

Исторический факультет Киевского университета располагает крупным коллективом научных работников по всем отраслям исторического знания. Кафедрой древней истории руководит проф. Штепа, новой истории—проф. Киктев, истории СССР—проф. Введенский, истории Украины—декан факультета, кандидат исторических наук Лавров. Кафедры факультета занимаются научно-исследовательской работой, подготовкой научных кадров. Об этом красноречиво говорят большое количество молодежи, защитившей диссертации, «Записки факультета», в которых помещаются

исследовательские статьи, и, наконец, широкий интерес к научной работе среди студенчества, привитый их руководителями.

16 апреля с. г. началась студенческая научная конференция исторического факультета, на которой были представлены доклады со всех кафедр: по истории СССР — четыре доклада, из них два о Чернышевском, имеются доклады по истории Украины, среди них заслуживает внимания доклад о взглядах Драгоманова на судьбы украинского народа, доклад о Франко как историке, о вооруженном восстании киевского пролетариата против Центральной рады и др.

Исторический факультет Киевского университета, так же как и Одесского университета, не имеет руководителя кафедры истории средних веков и мало уделяет внимания изучению истории славян. Исторический факультет установил нормальную деловую связь с Институтом истории Украины и Институтом археологии.

15 апреля состоялось совещание коллектива научных работников исторического факультета с представителем редакции. На этом совещании работники кафедр одобрили инициативу редакции, направленную к укреплению связи с местными историками, рассказали о своих планах научно-исследовательской работы и предъявили к журналу ряд требований.

Тов. Глуховской указал на недостаточность систематической информации в журнале о деятельности московских и ленинградских историков. Затем он упрекнул редакцию в том, что журнал иногда неакуратно выходит в свет, что особенно остро ощущается на местах.

Проф. Киктев высказал пожелание, чтобы «Историк-марксист» сократил количество обзорных статей и больше помещал статей исследовательского характера по конкретным вопросам истории, причем таких, которые давали бы новый материал. Даже при существующем объеме журнала следует больше давать статей по новой истории и помещать их регулярно. В разделе критики и библиографии наряду с критическим разбором отдельных работ нужно систематически помещать тематические обзорные статьи, освещающие всю вышедшую литературу по тому или иному вопросу за 5—10 лет. Надо значительно улучшить библиографию по вопросам средней и новой истории: выходит большое количество литературы, но лишь о небольшой части говорится на страницах журнала.

Тов. Зайцев указал, что вопросам истории колониальных и зависимых стран журнал уделяет очень мало внимания.

Проф. Введенский, говоря о работе кафедр, указал на необходимость новых форм связи между соответствующими кафедрами университетов СССР. «Историк-марксист» должен обратить внимание на постановку преподавания на исторических факультетах вспомогательных исторических дисциплин и хотя бы раз в год освещать эти вопросы.

Проф. Штепа обратил внимание на недостаточно высокий уровень статей, которые помещались в журнале по вопросам древней и средней истории. «Историк-марксист» должен попрежнему оставаться журналом по всем вопросам истории и не сужать своей тематики. Конечно, он не может помещать большого количества статей по древней истории, но проблемные вопросы древней истории и истории средних веков он должен разрабатывать. В частности следует обратить внимание на критические статьи, по этим разделам истории они пока очень редки. Проф. Штепа указал, что желательно было бы осветить в журнале проблему переселения народов, вопросы истории церкви, католицизма и еретических движений.

Тов. Мельников, доцент кафедры новой истории, упрекнул редакцию в недостатке смелости в постановке новых вопросов. Именно в этом он видит причину того, что дискуссионные вопросы на страницах журнала появляются редко и не всегда доводятся до конца. Работники редакции также должны обратить больше внимания на оформление статей, давая тщательно проверенный аппарат, без чего даже научные статьи походят на обычные, популярные статьи. Редакция хорошо сделала, что широко информировала читателей об обсуждении учебников по новой истории. Однако к этой работе совершенно не были привлечены кафедры других университетов. Историография и источниковедение по новой истории журналом разрабатываются слабо.

Доцент Корчмарь (кафедра истории Украины), соглашаясь с кругом проблем, намеченных редакцией, выдвинул новый вопрос, являющийся актуальным для украинских историков: об украинском национальном движении XIX—XX веков. Он указал, что по этому вопросу в учебнике Панкратовой даны ошибочные формулировки.

Декан исторического факультета тов. Лавров П. А. подчеркнул, что в связи с широким развитием исследовательской работы и ростом новых кадров ученых перед историками Украины встает вопрос о необходимости создания исторического журнала. Редакция «Историка-марксиста» должна бы поставить этот вопрос. Ссылаясь на настроения и желания работников исторического факультета, тов. Лавров выдвинул мысль о созыве конференции историков. Конференция дала бы возможность координировать работу исторического фронта, направить ее дальше по правильному пути и устранить недостатки. Он указал на недостаток в журнале статейного материала по ряду узловых вопросов истории Украины. Накопилось большое количество отдельных исследований, которые дают возможность осветить по-новому ряд крупных вопросов по истории Украины XIX—XX веков. Тов. Лавров предлагает некоторые из этих работ опубликовать. Он подчеркнул научную актуальность освещения на страницах журнала выдви-

нутого тов. Корчмарем вопроса о национальном движении.

Научно-исследовательская историческая работа на местах, несомненно, получила широкий размах. Историки Киева и Одессы много и успешно работают над различными отделами истории. На Украине растет новое поколение молодых ученых-историков, о работах которых недостаточно осведомлены как в Киеве, так и в Москве.

Однако их работа тормозится рядом причин: узостью издательской базы на местах, неналаженностью выпуска университетских «Записок», отсутствием на Украине специального исторического журнала, плохой организацией обслуживания историков украинскими архивами, отсутствием единого исследовательского центра, руководящего работой во всех областях исторического знания.

Следует пожелать украинским историкам уделять больше внимания разработке советского периода истории, проблемам периодизации, происхождения украинского народа, историографии и славяноведения.

ЕЩЕ РАЗ О ПРАКТИКЕ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

В Московском государственном педагогическом институте 20 января 1941 г. защищал диссертацию на степень доктора исторических наук В. Р. Пурит. «Труд» В. Р. Пурита, представленный в качестве докторской диссертации, назывался «Феодальные отношения в Ливонии в XIV—XVI вв.». Диссертация имела вид весьма солидной работы, объемом в четыреста с лишним страниц, снабженная статистическими таблицами и многочисленными ссылками на первоисточники. Три официальных оппонента: профессора Н. П. Грацианский, С. Д. Сказкин и В. Ф. Семенов,— познакомившись с докторской диссертацией В. Р. Пурита, единодушно дали о ней положительный отзыв. Ученый совет Московского государственного педагогического института на заседании 20 января присудил В. Р. Пуриту искомую ученую степень. Из 37 членов совета 34 проголосовали за присуждение В. Р. Пуриту ученой степени доктора исторических наук, двое воздержались, и только один голосовал против. Диссертация вместе с постановлением Ученого совета Педагогического института перешла в Высшую аттестационную комиссию.

Оперируя ученой степенью доктора, гр-н Пурит не замедлил получить и назначение на ответственную работу, а в феврале 1941 г. В. Р. Пурит представил в Институт истории Академии наук СССР статью «Всеобщее восстание эстонских крестьян в 1343 г.» для напечатания в подготавливаемом Институтом сборнике «Средние века». Проф. Грацианский, член редколлегии сборника, рекомендовал статью, как вполне пригодную для опубликования. Тем не менее редакционная коллегия решила подвергнуть статью В. Р. Пурита дополнительному рецензированию. Статья была послана Я. Я. Зутису, ведущему научно-исследовательскую работу по истории прибалтийских стран и владеющему латышским языком. Я. Я. Зутису не стоило большого труда установить, что статья В. Р. Пурита наполовину списана с работы латышского историка Швабе. Второй рецензент, тов. Дауге, полностью потвердил заключение Я. Я. Зутиса.

Тогда родилась идея заново проверить докторскую диссертацию В. Р. Пурита. Проверка, произведенная Я. Я. Зутисом по просьбе дирекции Государственного педагогического института, установила поистине невероятные факты. Из 411 страниц текста диссертации больше 340 страниц, как оказалось, представляют простой перевод целых глав или разделов из работ профессора истории права Латвийского университета А. Швабе и другого профессора того же университета, Спекке. Всего Пурит «использовал» пять книг Швабе и одну книгу Спекке, «позаимствовав» у первого 297 страниц печатного текста, а у второго — 17 страниц.

В общей сложности эти позаимствования составляют 90% текста объемистой тетради диссертации В. Р. Пурита. Все таблицы, придающие такой ученый вид его работе, без малейших изменений списаны из книг Швабе. Все цитации из источников приведены не по оригиналам, а также по работам Швабе и Спекке, которые дают их в латышском переводе.

14 апреля 1941 г. Ученый совет Московского государственного педагогического института пересмотрел вопрос о докторской диссертации В. Р. Пурита и вынес следующее постановление:

1. Тщательная проверка, проведенная по поручению дирекции Института, текста докторской диссертации В. Р. Пурита, защищавшейся им на Ученом совете Московского государственного педагогического института 20 января 1941 г. на тему «Феодальные отношения в Ливонии в XIV—XVI вв.», установила буквальное заимствование приблизительно до 90% текста из работ А. Швабе и А. Спекке, опубликованных ранее на латышском языке. В связи с установленным фактом плагиата со стороны В. Р. Пурита отменить постановление Ученого совета Московского государственного педагогического института от 20 января 1941 г. о присуждении ему ученой степени доктора исторических наук.

2. Отметить недостаточно тщательное рецензирование диссертации Пурита профессорами Н. П. Грацианским, В. Ф. Семено-

Случай, имевший место в Московском государственном педагогическом институте, должен вновь приковать внимание всей нашей общественности к практике защиты диссертаций. Подбор оппонентов, рецензирование диссертаций, самая защита диссертаций — все это ответственнейшие моменты в жизни научных учреждений. Борьба за качество диссертаций есть борьба за подъем советской исторической науки на более высокую ступень.

На страницах нашего журнала уже второй раз обращается внимание историков и всей советской общественности на вопрос о практике защиты диссертаций. Мы вынуждены это делать вторично потому, что в нашем распоряжении пока нет никаких фактов, показывающих, что Комитет по делам высшей школы предпринимает какие-либо конкретные меры к улучшению практики защиты диссертаций.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Об итогах археологического изучения древнерусских городов

Пленум Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, 11—15 марта 1941 г.

На прошедшем в Ленинграде 11—15 марта пленуме Института истории материальной культуры, посвященном итогам археологического изучения древнерусских городов, было заслушано 20 докладов и сообщений о работе по изучению важнейших областей древней Руси: Киевской, Галицко-Волынской, Смоленской, Новгородской и Владимиро-Суздальской. В работе пленума приняли участие представители музеев и научных учреждений ряда городов, в том числе археологи Львова и Вильно. Заседания пленума вызвали живой интерес и проходили при переполненном зале.

Во вводном слове директора ИИМК М. И. Артамонова и докладе М. К. Каргера была очерчена история археологического изучения русского города. Дореволюционная археология почти не касалась этой темы, однако ряд исследователей подходил к сознанию ее необходимости: таковы раскопки В. В. Хвойко в Белгородке, Д. В. Милеева в Киеве (Десятинная церковь), Н. И. Репникова в Старой Ладоге, показавшие исключительный интерес и плодотворность этой работы, давшей новые источники для суждения о русском городе и его культуре. Археологические исследования в послеоктябрьский период продолжили эту линию, намеченную дореволюционными археологами, но оставили далеко позади их первые опыты. Раскопки советских ученых ставили перед собой определенные исторические вопросы, велись систематически из года в год, захватывая значительные участки городской территории, раскрывая большие жилищные или архитектурные комплексы, охватывая изучением разнообразный вещевой, костный и прочий материал. Одной из основных проблем являлась проблема генезиса феодального города; ее решение намечается для Киева, Новгорода и Старой Ладоги, где велись наиболее широкие археологические исследования. Вторая тема — о городском ремесле — изучена значительно шире; раскопки городов принесли огромный материал для детальной и широкой характеристики истории ремесла как в отношении техники, так и в отношении самих ремесленных изделий; почти каждое городское жилье связано с той или иной отраслью ремесла, это характеризует древнерусский город прежде всего как ремесленный центр. Раскопки показали, что ряд предметов, считавшихся ранее импортными, изготовлялся русскими ремесленниками, почти не отстававшими от своих западноевропейских собратьев. Наконец, раскопки открыли лицо древнерусского города как населенного центра: выясняются основные черты планировки и застройки, некоторые стороны «коммунального хозяйства» (водопровод, канализация, мостовые, способы борьбы с пожарами и пр.), характер самого жилищно-хозяйственного комплекса городского жилища. Собранный материал уже сейчас позволяет делать ряд обобщений по истории древнерусского жилища. Так например устанавливается несколько локальных типов: срубная изба—для лесной полосы, полуземляночное жилье с глинобитной конструкцией — для юга. Наряду с этим раскопки вскрыли ряд новых крупнейших памятников древнерусского зодчества: древнейший храм Киевской Руси — Десятинную церковь, церковь Бориса и Глеба, построенную Садко Сытиничем в Новгороде, укрепления детинца во Владимире, дворцовый комплекс Боголюбовского замка и ряд других построек.

Первая группа докладов была посвящена городам Поднепровья и Галицко-Волынской Руси.

Доклад М. К. Каргера (Ленинград) с дополнительным сообщением П. П. Куринного (Киев) осветил лишь часть результатов археологического изучения Киева: раскопки Десятинной церкви и усадьбы Михайловского монастыря. В итоге раскопок выяснен с исчерпывающей полнотой план Десятинной церкви, представлявшей крестовокупольное здание, опоясанное с трех сторон притворами, причем выявлен ряд интересных технических приемов строительства и собран значительный

материал для суждения о внутреннем и внешнем убранстве здания. Исключительный интерес представляет открытый раскопками «тайник» — 7-метровый колодец, который горожане, спасавшиеся в Десятинной церкви от полчищ Батыя 6 декабря 1240 г., пытались продлить, чтобы через этот «туннель» выйти из храма. Рухнувшее здание погребло в «тайнике» каждого скрывших его людей, так и бывшие при них вещи; из них особый интерес вызывает набор литейных формочек. Под фундаментами Десятинной церкви был обнаружен ряд погребений некрополя довладимирской поры, которые вместе с ранее добытыми материалами позволяют утверждать о наличии по меньшей мере трех древнейших городищ, на основе которых вырос Киев X—XII веков. Раскопками на территории Михайловского-Златоверхого монастыря был открыт ряд полуземляночных жилищ конца XII — начала XIII в.; большая часть из них служила одновременно своеобразными ремесленными мастерскими, окруженными зерновыми и хозяйственными ямами. Одна из землянок дала уникальный комплекс бытового и производственного обихода ремесленника, занимавшегося рядом отраслей художественного ремесла: вместе с деревообделочными инструментами был найден набор горшочков с красками, впервые позволяющий судить о составе «палитры» древнерусских художников, а также запас янтаря для изготовления бус и металлические изделия. Раскопки в Киеве значительно расширяют наши представления об его культуре: рядом с Киевом храмов и дворцов вырисовывается облик Киева как крупнейшего ремесленного центра древней Руси.

Раскопки в Галиче (доклад Я. И. Пастернака, Львов), начатые в последние годы, внесли значительную ясность в топографию древнего города, вызывавшую до последнего времени споры и различные толкования. Открытие в 1937 г. фундаментов городского Успенского собора, построенного Ярославом Осмомыслом около 1157 г., подтвердило мысль, что центр княжого Галича был на месте современного села Крилоса, на Крилосской горе. Собор Осмомысла, сближаясь по своему плану с современными постройками Владимира на Клязьме и Киева, имеет романские черты, ярко выраженные в его белокаменной технике и декорации из резного камня; его строителями и были, повидимому, пришлые романские зодчие, которые могли затем перейти на северовосток и руководить строительством храмов дворца Андрея Боголюбского. Одновременно с раскопками собора на северном конце Крилосской горы велись поиски княжеского дворца с его храмом Спаса, описанного в Ипатьевской летописи и также сближающегося по своему характеру с северным, Боголюбовским дворцом, однако они не дали пока отчетливых результатов; можно думать, что при белокаменном соборе дворец был деревянным. Раскопки в Галиче ставят ряд важнейших вопросов о культурно-исторических связях Галицкой Руси с западом и внутренними княжествами домонгольской Руси.

Сообщения А. Н. Цынкаловского (Кременец) были посвящены крепостным сооружениям Владимира Волынского и вопросу о месте летописного города Всеволожа. Нарисовав интересную картину оборонительной системы Волынской земли, докладчик коротко изложил результаты своих исследований по топографии города Владимира. Его укрепления восстанавливаются с большой полнотой. Основной ячейкой древнего Владимира и самым старым укреплением его была возвышенность Владимирского городища, дополненная с ростом города поясом «острога». По своим техническим приемам укрепления Владимира типичны для многих крепостей Волыни; интересен прием искусственного обводнения рвов, усиливавших вместе с валами, несущими деревянные стены и башни, естественные защитные условия города. Одним из важных укрепленных центров Волыни был город Всеволож, который отождествляется с городищем на берегу Западного Буга в 36 км к югу от Владимира, расположенным в урочище «Городисько», под селом Старгородом, которое и своим именем подтверждает справедливость приуроченья Всеволожа.

Б. А. Рыбаков (Москва) сообщил о начатых в 1940 г. раскопках во Вщиже, оказавшемся памятником хорошей сохранности и большого исторического значения. Раскрытая в отчетном году часть жилища XII в. дала богатый археологический материал, в частности жернова, служившие для домашнего размола зерна; восстанавливается и самая конструкция постава. Новым археологическим исследованиям были подвергнуты фундаменты известной Вщижской церкви.

В Смоленской земле после больших археологических исследований и разведок по всей ее территории, уже опубликованных в печати, в 1940 г. были произведены небольшие раскопки Гнездовского городища (сообщение Н. В. Андреева—Смоленск). Особый интерес представляет обнаруженное здесь погребение (сожжение), относимое к X в. и содержащее богатые украшения, в том числе подвеску — золотой солид византийского императора Александра (912—913 гг.). Второе сообщение (И. М. Хозерова — Смоленск) познакомило с большой работой, проведенной после революции по изучению памятников смоленского зодчества; значительная часть этих материалов уже опубликована. Наиболее интересным является открытие развалин мономахова Успенского собора, намеченных к раскопкам. В итоге указанной работы смоленское зодчество представляется теперь одним из наиболее богатых по количеству построек, обнаруживая при этом большое своеобразие технических и художественных приемов.

В сообщении В. и Е. Голубович (Вильно) были освещены результаты археологических работ, проводившихся авторами за последние годы. Раскопки «Кривого города» в Вильно показали, что это городище возникло в период расширения территории кривичей на запад; его первоначальное название «Кривич-город» и сходство вещевого инвентаря ранних слоев с славянским

позволяют предполагать, что городище основано кривичами. На заседании сектора древней Руси было сделано интересное сообщение об исследовании славянских могильников на территории Виленщины, обнаруживающих свою близость к могильникам Белоруссии и в особенности территории полочан.

Два заседания пленума были посвящены археологическим работам в Новгородской земле.

Особый интерес в этой группе докладов вызвал большой доклад В. И. Равдоникаса о раскопках в Старой Ладоге, начатых в дореволюционные годы Н. И. Репниковым (1910—1913 гг.) и продолженных в 1938—1940 годах. Раскопки городища охватили значительную площадь и позволили по-новому подойти к вопросу о возникновении и последующей истории Старой Ладоги. Ранние культурные напластования городища относятся к VIII—X вв.; по заключению докладчика, Новгород, где слоев ранее X в. до сих пор не обнаружено, моложе Ладоги; Ладога и Новгород «как бы дополняют друг друга и дают как бы два отрезка—более ранний и более поздний—общей линии исторического развития». Характер вещевого материала слоев IX—X вв. позволяет утверждать, что Ладога являлась центром ранней славянской колонизации севера. Раскрытие на широкой площади нескольких комплексов деревянных жилых и хозяйственных построек позволило составить довольно точное представление о характере застройки и типах сооружений. Господствующей формой жилого дома была срубная изба, с конопаченными болотным мхом и обмазанными глиной стенами, вероятно, тесовым двухскатным перекрытием, завалиной в основании, глиняным или дощатым полом, печью типа «каменки» и волоковыми окнами. К дому иногда пристраивались сени или пристройки типа хлевов или крытых дворов; поблизости располагались бревенчатые клети и житницы. Сопоставление жилого дома Ладоги с позднейшими историческими и этнографическими данными о русском жилище свидетельствует об устойчивости сложившегося в древности типа. Жилища группируются очень скученно в определенном порядке, повидимому, вдоль еще не раскрытой улицы, ориентируясь по странам света на восток или запад. Культурные остатки рисуют хозяйственную жизнь ладожских горожан: пашенное земледелие, очевидно, сочеталось со скотоводством. О земледелии свидетельствуют найденные зерна проса, льна, конопли, зуб деревянной бороны; среди костных остатков главное место принадлежит свинье, затем крупному и мелкому рогатому скоту. Охота и рыбная ловля имели вспомогательное значение; здесь среди костных остатков первое место принадлежит бобру, затем идет лисица, заяц, лось; определено значительное количество костей лесной и водоплавающей птицы; костные остатки рыб еще не определены. Процесс отделения города от деревни на раскрытом участке Ладожского городища выражен слабо; повидимому, только металлургия обособляется от домашней промышленности. Однако, по мнению докладчика, это пока не дает права судить о характере поселения в целом, так как раскрыт лишь сравнительно небольшой участок, а характер застройки типичен именно для городского поселения.

В верхнем слое были расчищены и изучены развалины упавшей в начале XVII в. западной стены церкви Климента, позволяющие судить о характере фасадов этого своеобразного памятника.

Основной доклад В. И. Равдоникаса был дополнен сообщениями В. А. Петрова и А. Н. Юзефовича. В. А. Петров сообщил о результатах анализа органических остатков, которыми установлен как характер растительного покрова в древней Ладоге, так и состав пищевых продуктов. Любопытно собирание ладожанами семян дикорастущего злака манника. Из культурных злаков определены зерна метельчатого проса, других злаков — ржи, ячменя, пшеницы, овса — пока не обнаружено. Несколько зерен конопли и остатки льняных тканей указывают на вероятность посевов льна и конопли. Анализ антропологических материалов, происходящих из кладбища XI—XII вв. в Ладоге, проведенный А. Н. Юзефовичем, показал наличие черепов как варяжского типа, свидетельствующих о пришлых элементах староладожского населения, так и местного, аборигенного; в отношении последнего остается неясным, является ли этот тип финским или славянским.

Доклад об археологических работах в Новгороде сделал А. А. Строков. Обрисовав в основных чертах результаты раскопок предшествующих лет, докладчик посвятил основное внимание отчету о раскопках 1940 г. в новгородском Кремле. Наибольший интерес представляет открытие фундаментов Борисо-Глебской церкви, построенной Садко Сытиничем в 1167—1173 годах. Храм был, повидимому, шестистолпным собором типа княжеских храмов начала XII в. (стены сложены из известняка, кирпича и валунного камня, под фундаментами обнаружена субструкция из дубовых лежней, залитых раствором цемянки); интересна найденная в западной части храма белокаменная резная капитель. В процессе раскопок был открыт ряд погребений XII в., из которых особый интерес представляют женские погребения, с головными повязками-диадемами, с нашивными серебряно-вызолоченными бляшками и цветными камнями.

С. А. Тараканова сообщила о результатах проводимой ею работы по археологическому изучению сельских поселений на территории новгородских пятин; складывается весьма интересная картина географического размещения сел и феодальных усадеб и начинает выясняться их культурный облик.

Археологическое изучение городов северовосточной Руси было представлено докладами А. Ф. Дубынина (Иваново), А. Д. Варганова (Суздаль) и Н. Н. Воронина (Ленинград); доклады лишь частично осветили итоги раскопок последних лет, которые, кроме Суздаля и Бого-

любова, охватили также Владимир, Ярославль, Переяславль-Залесский и отчасти Ростов.

Доклад А. Ф. Дубынина был посвящен открытому в 1936—1940 гг. комплексу жилищ X—XIII вв., находившихся поблизости от городского собора, почти в центре суздальского Кремля. Жилища на изученном участке расположены в определенном порядке, группируясь, повидимому, вдоль дороги. Их характер обнаруживает наличие на северовостоке особой строительной и культурной традиции, отличающей их как от полуземляночных сооружений юга, так и срубного строительства севера. Это небольшие по площади постройки, нижняя часть которых углублена в материк, стенки забраны стояками и укреплены плетнем; несмотря на тесноту в жилье помещается открытый очаг и иногда хозяйственная яма-подполье. Наиболее раннее жилище (X—XI вв.) характеризуется значительной по сравнению с позднейшими площадью и криволинейными очертаниями, позднейшие (XII—XIII вв.) имеют почти прямоугольную форму. Покрытие жилищ было, повидимому, двух- или четырехскатным и напоминало жилища, описанные у славян Ибн-Русте. Сравнительно с жилищами, открытыми в Киеве, вещевой инвентарь жилищ очень беден, отражая общий уровень культуры северовостока, более элементарной, чем в Приднепровье.

Если жилищные комплексы Суздаля обнаруживают особые черты, указывающие, вероятно, на местные традиции, то в строительстве феодальных верхов, напротив, выступает связь с культурой Киева. Доклад А. Д. Варганова, осветивший архитектурную историю суздальского Рождественского собора, показал, что открытые под его фундаментами стены кирпичного собора Мономаха (конца XI в.) и восстанавливаемый план последнего свидетельствуют о работе здесь южных зодчих и стремлениях строителей подражать собору Киево-Печерского монастыря. Детальное исследование фундаментов и стен существующего собора (XIII в.) позволяет предполагать, что собор Мономаха при Юрии был заменен новым зданием, которое в свою очередь было перестроено Георгием Всеволодовичем. Интересной чертой нового собора XIII в. была огромная площадь хоров, с лестницей на них изнутри храма, помещенной в стене западного башнеобразного притвора. Это может указывать на особые функции собора, который впервые становится в собственном смысле слова городским и отрывается от княжеского или епископского двора: его хоры становятся доступными более широким слоям городского населения. В свете этих исследований Суздальский собор выступает как интереснейший и едва ли не наиболее сложный памятник домонгольского времени и своеобразный архитектурный музей, отражающий эволюцию строительной техники и искусства XI—XIII веков. Обследование крепостных валов Суздаля показало, что вал Кремля возник в XII в. и насыпан на культурном слое с остатками X—XI вв., тогда как внешняя линия валов возведена позднее, на культурном слое XII века.

Доклад Н. Н. Воронина (Ленинград) был посвящен одному из интереснейших памятников домонгольской Руси — открытому раскопками 1934—1939 гг. комплексу дворца князя Андрея в его Боголюбовском замке. На основе сохранившихся белокаменных фундаментов и различных деталей постройки автору удалось восстановить почти полностью ансамбль княжеской резиденции середины XII века. Его центром является собор, отличающийся от современных храмов своеобразной организацией внутреннего пространства и введением круглых колонн, несущих своды и купол. При раскопках найдены остатки пола из массивных медных плит внизу и цветных майоликовых на хорах, собраны многочисленные фрагменты фресок, установлен факт оковки золоченой медью деталей внутри собора и на его фасадах, найдены обломки разных скульптур и капителей. К северу от лестничной башни, вводившей на хоры, открыты фундаменты северного крыла переходов, поднятых на арках и ведших во дворец; подобный же переход был раскрыт к югу от собора — он вел к каменной замковой башне, открытой на южном склоне Боголюбовских высот. Площадь дворца была вымощена белым камнем, с тесаными из камня водостоками, на ней помещался восьмиколонный киворий с водосвятной чашей, являющийся уникальным памятником для древней Руси. Докладчик закончил демонстрацией проекта документальной реконструкции открытой части комплекса и характеристикой выдающегося значения этого памятника для истории культуры и искусства домонгольской Руси. Откликаясь на доклад Я. И. Пастернака, докладчик указал на ряд отличительных черт владимирского Успенского собора, позволяющих видеть в зодчих времени князя Андрея выходцев из Северной Италии и Средней Германии; при этом Галич мог сыграть роль передаточного пункта для указанных строительных сил.

Большой и заслуженный интерес вызвало сообщение скульптора-антрополога М. М. Герасимова о реконструкции физического облика князя Андрея Боголюбского.

Представители местных научных учреждений и музеев поставили на обсуждение пленума планы их работ по изучению древнерусских городов. Общую характеристику археологической работы мест сделала В. В. Гольмстен. Пленум принял резолюцию, намечающую основные задачи, стоящие перед советской археологией в деле дальнейшего развертывания изучения древнерусского города.

Н. Воронин

Научная работа исторического сектора Казахстанского филиала АН СССР

Всестороннее изучение истории Казахстана до сих пор еще не налажено, хотя в Казахстанском филиале Академии наук в настоящее время и ведется довольно серьезная работа по изучению основных проблем этой истории, причем главное внимание обращено на выявление первоисточников (исторические записи восточных авторов, народный эпос и т. д.) и на освоение архивных материалов, хранящихся в центральном архиве Казахской ССР. Выявлены уже ценные документы о восстании Кенесары Касымова, Исатая Тайманова, Срыма Датова и о восстаниях казахов в 1869 и 1916 годах.

Помимо «Очерка истории Казахской ССР», составленного проф. Вяткиным (часть 1-я), Якуниным и Тимофеевым (часть 2-я), вышел в свет первый выпуск «Известий исторического сектора Казахстанского филиала АН», посвященный истории завоевания и колонизации Казахстана.

В 1939 и 1940 гг. научная работа исторического сектора Казахстанского филиала АН была сосредоточена в основном на изучении проблем национально-освободительного движения в Казахстане, истории гражданской войны и Октябрьской революции.

По этим разделам истории Казахстана в данное время подготовлены к печати следующие работы: «История Букеевской орды» — это монографическая работа, основанная на архивных материалах Казахстанского центрального архивного управления, автор — тов. Шахматов; «История основания Карагандинского каменноугольного бассейна» (на казахском языке), автор — тов. Абиев, работа предназначена для массового читателя, в ней содержится история карагандинского пролетариата, рассказывается о капиталистическом гнете, об участии пролетариата в гражданской войне и об организации советской власти в нынешней Карагандинской области; «Черкасская оборона» — очерк из истории борьбы крестьян против белобандитов (анненковщины и др.) в Алмаатинской области, автор — тов Борсук.

Тов. Юсуровым написана работа об участии дунган в восстании казахов в 1916 году; подготовляется к печати «Сборник материалов о восстании казахов 1916 г.» под ред. тов. Якунина.

Кроме работ по истории национально-освободительного движения и истории гражданской войны в Казахстане работниками Казахстанского филиала АН подготовлен библиографический указатель по истории Казахской ССР, охватывающий литературу с древнейших времен и до нашего времени; в него включены работы основных восточных историков о Казахстане и Средней Азии; составлялся он филиалом АН совместно с Алмаатинской публичной библиотекой имени Пушкина.

Тов. Маргуланом написана монография «Народный эпос как источник истории»; выходит из печати научно-популярная работа Бернштама (Ленинград) о памятниках материальной культуры Таласской долины, освещающая научные результаты археологической экспедиции Казахстанского филиала АН в районе реки Таласа, Джамбуловской области (подробные материалы этой экспедиции будут опубликованы во 2-м выпуске «Известий исторического сектора Казахстанского филиала АН»).

В текущем году Казахстанский филиал АН должен закончить два тома четырехтомника истории Казахстана. План четырехтомника такой: первый том — история Казахстана с древнейших времен до завоевания его царской Россией; второй том — завоевание Казахстана царизмом и история его колонизации до революции 1905 г.; остальные два тома будут содержать историю революционных движений в Казахстане с 1905 г. по Октябрьскую революцию включительно, историю гражданской войны и социалистического строительства в Казахстане. В составлении четырехтомника принимают участие сотрудники Казахстанского филиала АН тт. Бузурбаев, Шахматов, Маргулан, Якунин и Тимофеев и ленинградские историки тт. Бернштам, Иванов П. П., Вяткин М. Ф., Волин и другие. Все томы предположительно будут готовы в 1942 году.

Научные работники Казахстанского филиала АН совместно с ленинградскими товарищами составляют сборник «Восточные авторы о Казахстане и Казахской степи». В сборник должны быть включены все известия китайских, уйгурских, иранских, арабских, чагатайских и западных писателей о Казахстане и Казахской степи с древнейших времен до XVIII века. В рассказах восточных авторов содержатся богатейшие материалы о древних усунях, канглах, кереиях, найманах, дулу, конгратах, кипчаках (половцах, печенегах, хазарах), из которых позже образовался казахский союз. Без этих источников вообще нельзя что-нибудь писать о древней и средневековой истории Казахстана.

В плане 1941 г. предусмотрена также подготовка к изданию исторических работ Ч. Валиханова. Под редакцией тов. Маргулана выйдет работа «Юридические обычаи казахов и их социальные корни». Тов. Бузурбаев и тов. Маргулан пишут «Историю развития промышленности Казахстана»; тов. Федоров—«Сельское хозяйство Казахстана в конце XIX и начале XX века»; тов. Зенкович — «Колхозное строительство в Казахстане за период сталинских пятилеток».

Успешное выполнение плана исторического сектора на 1941 г.— очень важная задача. Намеченные в плане работы помогут пролить некоторый свет на прошлое Казахстана в историческом, культурном и промышленно-экономическом отношениях.

А. Маргулан

Научная работа кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института имени К. Либкнехта*

Кафедрой истории СССР Московского педагогического института имени К. Либкнехта, объединяющей коллектив из 12 научных работников и 14 аспирантов, ведется разнообразная научно-исследовательская и научно-методическая работа.

В плане 1940—1941 г. стоят 4 докторских и 7 кандидатских диссертаций членов кафедры и аспирантов (защита трех из них переносится на 1942 г.). Темы диссертаций охватывают круг вопросов истории СССР начиная с XVI в. и кончая эпохой гражданской войны.

Трехтомная докторская диссертация проф. И. И. Полосина «Иван IV Грозный» имеет целью подвести итоги работы историков над этой темой, изучить «опричнину» как этап в оформлении дворянской монархии, дать ее историческую характеристику и изучить внешнюю политику Ивана IV, направленную против установленной в XVI в. блокады Московского государства. В диссертации, представляющей результат многолетней работы автора, привлечены неопубликованные дипломатические документы и материалы богатого для изучаемой эпохи отдела «Rossica».

Изучению классовых отношений конца XVII в. посвящена кандидатская диссертация преп. В. П. Глаголева «Стрелецкие восстания конца XVII века».

Над XVIII в. истории СССР работает несколько диссертантов. Тема докторской диссертации доц. Б. Б. Кафенгауза «Внутренняя торговля и внутренние таможни в России XVIII в.» связана с одной из основных проблем экономической истории XVIII в. — проблемой складывания «всероссийского рынка». Тема диссертации разрабатывается на основании архивов внутренних таможен, заключающих огромный, поддающийся статистической обработке материал. Докторская диссертация и. о. проф. К. В. Сивкова «Политические процессы второй половины XVIII века» освещает вопросы развития общественной мысли в России XVIII в. и строится на систематическом изучении архивного фонда «Тайной экспедиции» Сената. Народным движениям XVIII в. на Украине посвящены темы двух кандидатских диссертаций — асп. Е. О. Таксар — «Новая Запорожская Сечь» и асп. Н. П. Гриценко — «Колиивщина». Оба диссертанта изучали архивные фонды Москвы, Харькова и Киева. Асп. А. И. Ловков работает над темой «Секретный комитет 6 декабря 1826 г.», асп. Г. М. Шайкевич — над темой «Колокол» Герцена (история издания, теоретические позиции Герцена и его сотрудников)».

В списке диссертационных тем имеется несколько работ по истории СССР XX века. Докторская диссертация доц. А. Г. Липкиной «Разгром Колчака» преследует цель — на материале центральных и местных архивов дать анализ организации контрреволюционных сил под руководством Колчака, борьбу с колчаковщиной и ее разгром. К эпохе гражданской войны и начальных этапов советского строительства относятся также кандидатские диссертации аспирантов М. Е. Раковского «Комитеты бедноты и оборона страны» и Г. С. Кадена «Советы в деревне между V и VI съездами советов».

Другие члены кафедры работали над следующими темами: руководитель кафедры по истории народов СССР проф. А. А. Савич закончил исследование по истории русско-польских отношений в XVII в. и в данное время пишет монографию по источниковедению и историографии Украины; тема монографии С. И. Черномордика — «История СССР в период коллективизации»; доц. Е. Н. Кушева изучает историю народов Северного Кавказа в XVII в. в связи с международной обстановкой; старший лаборант кабинета истории СССР С. И. Сакович написала статью по истории торговли в Москве в начале XVIII века.

9—10 декабря 1940 г. члены кафедры приняли участие в проведенной на историческом факультете Института научно-исследовательской конференции. На пленарном заседании был заслушан доклад проф. И. И. Полосина «Ломоносов как историк», на секционном — доклады и. о. проф. К. В. Сивкова «К истории крепостного хозяйства в России во второй половине XVIII века» и проф. А. А. Савича «Смоленская война 1632—1634 гг.», вызвавшие оживленный обмен мнениями.

В настоящее время печатается очередной выпуск «Ученых записок» исторического факультета по кафедре истории СССР. В сборник входят статьи А. А. Савича и И. И. Полосина, уже упомянутые выше как доклады на конференции; статья К. В. Сивкова «Барщина и оброк в помещичьих имениях на-

* Редакция журнала «Историк-марксист» отмечает, что в числе научно-исследовательских работ кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта указаны работы штатных сотрудников Института истории АН СССР. Кафедра поместила в свой план работу и. о. проф. Сивкова «Политические процессы второй половины XVIII в.», работы проф. Савича по истории русско-польских отношений в XVII в., по источниковедению и историографии Украины и С. И. Черномордика — «История СССР в период коллективизации». Все они выполнялись по плану Института истории АН СССР.

Отмечая это, редакция должна прибавить, что такие же факты встречаются и в практике других учебных заведений.

чала XVIII в.»; глава из кандидатской диссертации В. Т. Годжиева «Завоевание Кавказа царизмом». Собирается материал для следующего выпуска «Записок». Уже сданы статьи: А. А. Савича «Русско-польские отношения от Андрусовского перемирия до вечного мира 1686 г.», К. В. Сивкова «Дворянская монархия XVIII в. в освещении М. Н. Покровского», С. И. Сакович «Из истории торговли в Москве в начале XVIII века» и А. Г. Липкиной «Партизанское движение в Сибири в тылу у Колчака».

Наряду с научно-исследовательской работой кафедра ведет научно-методическую работу. В декабре 1940 г. вышли из печати два выпуска «Пособия для практических занятий по истории СССР», подготовленные проф. Полосиным. Выпуск 1-й содержит документы, сгруппированные по 11 темам, от X в. по начало XVIII в. включительно, выпуск 2-й посвящен XVIII и XIX вв. и группирует источники по 6 темам. Подготовляется к печати сборник документов по истории СССР в XVIII в., составленный К. В. Сивковым в качестве пособия для семинарских занятий. Подготовлен к печати конспект лекций проф. Полосина по курсу истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. для заочного отделения литературного факультета Института. Проф. Полосиным, и. о. проф. Сивковым и доц. Липкиной разработаны подробные списки источников и литературы к специальным семинарам по темам: «История народов Средней Азии», «История народов Кавказа» и «Период иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР». Проф. Савич подготовил к печати «Очерки истории Украины» (учебное пособие для преподавателей средней школы и студентов-историков), заказанные Учпедгизом. Для того же издательства доц. Кафенгауз пишет предназначенную для школьников книгу «Петр I».

При кафедре работает студенческий исторический кружок, имевший в течение осеннего семестра 1940 года 5 заседаний. В программе кружка доклады студентов и преподавателей, рецензии на историческую литературу, сообщения о журнальных статьях, обсуждение исторических пьес и кинофильмов, экскурсии. Весною кафедра проводит конкурс на лучший студенческий доклад.

Работа кабинета истории СССР тесно связана с проводимой кафедрой научной и научно-методической работой. Сотрудниками кабинета ведется научно-техническая подготовка изданий кафедры и оказывается систематическая помощь самостоятельной работе студентов, составляются списки текущей исторической литературы, тематические списки, устраиваются выставки: книжные, журнальные, газетных вырезок, лучших студенческих работ и т. п. Зав. кабинетом Д. Л. Вацлавской подготовлен доклад «Методика и техника кабинетской работы», обобщающий опыт работы исторических кабинетов высших учебных заведений Москвы.

Е. Кушева.

О рукописях научной библиотеки Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева

Научная библиотека при Томском государственном университете начала создаваться еще до открытия самого университета, которое состоялось в 1888 году. Фундаментом ее книжных фондов послужила старинная библиотека графа А. Г. Строганова.

Научная библиотека Томского государственного университета имеет немало ценных и редких изданий, в том числе и рукописных. Приводим описание одной из рукописей XVIII в., «Книга радная великихъ князей и государей царей московских и всея Россиі и государевы походы, и где посыланы были впоходы бояре и воеводы значит всеи книге». Рукопись представляет собой пять переплетенных томов размером в писчий лист. Листы рукописи разделены на «номеръ на рядамъ», текст и годы.

Первый том рукописи начинается с «княжества Дмитрия Ивановича Донского» и его похода на Тверь. В рукописи перечисляются все князья, участвовавшие в этом походе в лето 6883-е (1375 г.).

Вот дословный текст начала рукописи:

Номеръ на рядамъ	Княжество Дмитрия Ивановича Донскаго	Годы
1	Лета 6883-го князь великиі димитри иванович, донскои, ходилъ котвери; а с нимъ ходили князь велики димитри констентинович, суздалскои, дасынъ его князь дмитреи дмитриевичь, суздалскои; дакнязь семенъ; да князь андреи федоровичи ростовския; князь василеи, дакнязь александръ констентиновичи растовския, дакнязь иван васильевичь смоленскои, дакнязь василеи васильевичь ярославскои, дакнязь раманъ васильевичь, дакнязь федоръ рамановичь белозерския, дакнязь василеи михаиловичь кашинскои, дакнязь федоръ михаиловичь можаскои, дакнязь андреи федоровичь стародубскои, дакнязь раманъ михаиловичь брянскои, князь раманъ васильевичь навасилскои, дакнязь ивань торускои;	6883

Последующие описываемые события относятся к лету 6887 г., когда русские князья, посланные московским князем, взяли литовские города Трубчевск и Стародуб. Затем описывается историческая Куликовская битва 8 сентября 1380 г., или, по рукописи, лета 6889-го. В рукописи указывается, что воинство Дмитрия Донского было так велико, что начала «земля колебатися». Но не меньше была и мамаева рать: «втретьемъ часу дни начаша появлятися окоянны полцы, противъ крестьянствъ бе ихъ множество ипокрыша поле... натритцать верстъ ибысть сеча зла». Далее, в рукописи следуют мелкие записи военных событий последующих годов княжения Василия Дмитриевича и Василия Васильевича (Темного). Более полно охвачены великое княжение Ивана III Васильевича и Василия III Ивановича. По описываемой рукописи можно также проследить год за годом военные события царствования Ивана IV. Описание этих событий начинается в I томе «Книги радной» с лета 7042, занимает полностью II и III томы и оканчивается лишь в IV томе 7092 годом, под которым указан момент смерти Ивана Грозного с точностью до одной минуты.

Со 2-й части IV тома начинается описание событий царствования Федора Ивановича, которое продолжается и в V томе. В этом последнем томе описываются кроме того военные события царствования Бориса Федоровича, Федора Борисовича и Гришки Расстриги, кончая 7113 годом. Царствование Гришки Расстриги описывается всего на двух листах и заканчивается словами: «...велелъ Растрига у себя быти царю Семиону Бекбулатовичю... Царю Семиону Бекбулатовичю встрѣча была первая... Другая встрѣча была: боярин Андрей Александровичь Нагово, да околничей князь Дмитреи Васильевичь Турениnъ».

Ни автора, ни переписчика по содержанию рукописи определить нельзя, так же как и установить точно год написания рукописи. Но по водяным знакам на бумаге— медведь с секирой, над ним корона и буквы ЯМСЯ — происхождение рукописи, по Лихачеву, можно отнести к последней четверти XVIII века.

Сохранность всех пяти томов рукописи хорошая.

Ценной частью библиотеки является также коллекция книг, принадлежавшая поэту Василию Андреевичу Жуковскому. Она интересна не только своим содержанием, но и многочисленными рукописными пометками, сделанными рукою поэта. В этой коллекции также имеется несколько старинных рукописей. Заслуживает внимания сказание о стрелецких мятежах. Библиотекой установлено, что эта рукопись является перепиской одного из тех двух наиболее известных сказаний о стрелецких мятежах, о которых говорит Устрялов в своей книге «История царствования Петра Великого», т. I, стр. LII—LIV: Сказание «писано ревностным чтителем Петра, уже после Полтавской битвы, едва ли даже не по кончине государя, и раскрывает все мятежи и мятежные замыслы до начала войны шведской». Составлено сказание графом Матвеевым, сыном знаменитого боярина, погибшего в начале мятежа.

«Граф Андрей Артамонович Матвеев, служивший Петру Великому сначала двинским воеводою, с 1700 года полномочным министром при разных дворах европейских, впоследствии президентом юстиц-коллегии и сенатором, вельможа ученый и любознательный, хорошо знакомый с латинским языком, по всей вероятности был сочинителем изданного с его именем описания стрелецких мятежей», — свидетельствует Татищев.

В один переплет со сказанием о стрелецких мятежах заключены следующие рукописи: завещание Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского, и каталог его книг, завещание или духовная преосвященного Димитрия, митрополита ростовского. Завещание Стефана Яворского датируется 1723 г., но переписано оно на 50—60 лет позднее. Рукопись в кожаном переплете, размером в половину писчего листа.

Из книг цензора Никитенко интересна рукопись «Книга для описания всяких преждебывших достопамятных так же и последующих достойных же внимания дел или произшествий. Города Острогожска гражданина прапорщика Дмитрия Архипова 1770 году ноября 1 дня».

Рукопись состоит из трех частей: 1-я — Книга стрел(ь)ная города Острогожска. «Лета 7161 ноября в 3 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея России указу воевода Федор Юрьевич Арсеньев устроил на Острогожском городище новой Острогожской острог, весь в дубовом лесу...»;

2-я часть представляет «Ответы на запросы для географического и исторического описания всей Российской империи из комиссии при императорской академии наук учрежденной»;

3-я — «О начале и происхождении казаков малороссийских, запорожских, слободских, донских и их переменах» представляет собой более позднюю запись и другим почерком, но надо полагать, что она относится также к XVIII веку.

Весьма интересны ответы, данные острогожским земским судом 8 июня 1782 г. на 35 вопросов комиссии Академии наук. Ответы довольно подробно характеризуют Острогожск с исторической и экономической сторон.

В научной библиотеке Томского государственного университета имеется более 70 других заслуживающих внимания рукописей не только на русском, но и на иностранных языках. Большая часть рукописей входит в коллекцию графа Строганова, которая по своему содержанию представляет большой интерес для историков. Основным ядром этой коллекции являются подлинные печатные материалы времен французской буржуазной революции, но в ней имеется также немало и других ценнейших изданий. Коллекция графа Строганова была описана в «Русском библиофиле» (1914 г.).

Из-за недостаточных ассигнований и отсутствия квалифицированных ученых библиотекарей работа с рукописями почти не велась: они являлись главным образом экспонатами для выставок, экскурсий и т. п. В последнее время библиотеке удалось привлечь к рукописям внимание некоторых историков Томского пединститута, с помощью которых библиотека надеется привести в порядок рукописный фонд и часть его опубликовать если не ввиде отдельных изданий, то в соответствующих периодических изданиях и в «Трудах Томского государственного университета».

В. Томилова

В Московском ордена Ленина университете имени В. М. Ломоносова (защита диссертаций)

20 января 1940 года в заседании Ученого совета исторического факультета состоялась защита кандидатских диссертаций: Н. И. Мицкун — на тему «Вторжение Наполеона в Испанию и всеобщее восстание против интервентов» и К. Антоновой — «Индия в период генерал-губернаторства Гастингса».

Ученый совет присудил тт. Мицкун и Антоновой искомую степень кандидата исторических наук.

24 марта в заседании Ученого совета исторического факультета состоялась защита диссертации Б. Н. Заходером «Низам аль Мульк», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Работа тов. Заходера, как отметил официальный оппонент, доктор исторических наук А. Ю. Якубовский, является историческим введением к сделанному диссертантом переводу на русский язык известного политического трактата Низам аль Мулька «Сиассет-намэ».

Первую главу своей работы Б. Н. Заходер посвятил решению вопроса о том, что написано в трактате «Сиассет-намэ» самим Селим Низам аль Мульком и что привнесено в него позднейшими переписчиками и издателями. Во II главе содержится обзор внутреннего состояния Хоросана во времена Низам аль Мулька. В III и IV главах описывается жизнь и политическая деятельность Низам аль Мулька.

Ученый совет единогласно присудил Б. Н. Заходеру ученую степень доктора исторических наук.

Л. Никифоров

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Китайское издание «Новой истории колониальных и зависимых стран»

В Москве недавно получен вышедший в Китае перевод первого тома учебника «Новая история колониальных и зависимых стран». Перевод учебника в Китае издается выпусками. Первый выпуск содержит вводную часть учебника — «Колонии европейских держав и независимые страны Востока накануне французской буржуазной революции». Перевод сделан У Цин-ю, им же написано предисловие, в котором дана краткая характеристика состояния исторической науки в СССР, роли и места новой истории колониальных и зависимых стран в исторической науке. Автор предисловия дает весьма положительную оценку учебнику, отмечая, что этот труд написан специалистами, просматривался и обсуждался авторитетными научными организациями СССР. Автор предисловия цитирует рецензию на учебник, напечатанную в «Правде» от 10 октября 1940 г. в № 282(8328).

Перевод учебника сделан весьма точно и тщательно, переведены все имеющиеся в учебнике сноски и, в частности, ссылки на труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Переводчиком даны пояснительные примечания к тем местам текста, которые могут быть неясны китайскому читателю. Книга снабжена иллюстрациями, заимствованными из русского издания. Все собственные имена даны в иностранной транскрипции.

Книга издана в январе 1941 г. издательством «Душу-чубань-шэ», имеющим филиалы в Чунцине, Чэнду, Гуйлине и других городах, подвластных национальному правительству. Цена книги — 1 доллар 20 центов.

К. М.

По иностранным журналам

◆ В марте 1940 г. вышел первый номер журнала «Авраам Линкольн», издаваемого «Обществом Авраама Линкольна» в Спрингфильде (Иллинойс). Журнал будет выходить раз в три месяца. Он заменил бюллетень общества, издававшийся с 1923 года. К участию в журнале привлекается по сравнению с бюллетенем более широкий круг авторов. Тематика журнала по сравнению с прежним изданием также значительно более разнообразна. Первый номер журнала открывается статьей проф. Генделя о начале гражданской войны в США.

◆ Летом 1940 г. в Чикагском универси-

тете была прочитана серия лекций по эпохе Возрождения. Этот «Институт Ренессанса», явившийся как бы продолжением прошлогоднего «Института средневековья», был организован под руководством Ульриха Миддельдорфа. Лекторы были подобраны с таким расчетом, чтобы они могли осветить проблемы истории и культуры Ренессанса с самых разнообразных точек зрения. Поэтому читали лекции профессора различных факультетов университета (истории, литературы, искусства). Были прочитаны следующие лекции: «Эпоха географических открытий» — проф. Скотт; «Европейская промышленность накануне реформации» — проф. Неф; «Макиавелли» — проф. Боргезэ; «История книги в эпоху Возрождения» — проф. Батеф; «Чешский гуманизм» — проф. Кунстман; «Происхождение и природа итальянского гуманизма» — проф. Уллман; «Происхождение оперы» — Гольдсуэнт и др.— всего 12 лекций.

◆ «Нанкайский социальный и экономический журнал («Nankai Social and Economic Quarterly»), который не выходил с июля 1937 г. вследствие разрушения японцами Тяньцзинского университета, снова начал издаваться. Два номера вышли в январе и июле 1940 года. Издается журнал Нанкайским институтом экономики при Нанкайском университете в Чунцине.

◆ В Нортгемптоне (Англия) создан юбилейный Франклиновский комитет с целью отметить 150-ю годовщину со дня смерти Вениамина Франклина. Комитет намерен популяризировать научные заслуги Франклина.

◆ 26 декабря 1940 г. в Бостоне состоялось заседание «Американской Академии истории средних веков» («The Mediaeval Academy of America»). На заседании был заслушан доклад У. А. Нейльсона «Национализм в средние века». 27 декабря 1940 г. состоялось совместное заседание «Американской Академии истории средних веков» и «Американской исторической ассоциации» в Нью-Йорке, на котором профессор Колумбийского университета Ивенс зачитал сообщение на тему «Еретики, проблема меньшинства в средние века».

◆ Недавно «Ассоциация по изучению жизни и истории негров» (США) начала издание «Негритянского исторического бюллетеня» («The Negro history Bulletin»). Этот журнал стремится связать прошлое негров с их настоящим, а историю негров — со всеобщей историей. В 1940—1941 гг. бюллетень занимался освещением жизни и истории негров вне США. Октябрьский номер 1940 г. был посвящен неграм в Африке, ноябрьский — неграм в Азии, декабрьский — неграм в Европе и январский 1941 г.— неграм в Вест-Индии.

◆ В Соединенных штатах Америки в 1939 г. вышла книга J. R. Mock and C. Larson «Words that won the war, the story of the committee on public information», 372 p. (И. Р. Мокк и С. Ларсон «Слова, которые выиграли войну. История комитета общественной информации»). «Американский исторический журнал» пишет об этой книге: «В настоящее время пропаганда причисляется к средствам ведения войны, и в ее технике происходят такие же быстрые усовершенствования, как в производстве аэропланов, ядовитых газов и взрывчатых веществ. Значительной вехой в истории военной пропаганды было образование Комитета общественной информации в США в 1917 году. Были мобилизованы все ресурсы обширной американской рекламной промышленности: ораторы, пресса, кино и т. д. Документы об этой деятельности находятся в Национальном архиве, и плодом их интенсивного изучения явилась настоящая книга» («American Historical Review». 1940. № 4).

◆ Журнал «The American Historical Review» (1940. № 4) сообщает о выходе в свет книги бывшего министра иностранных дел Испании Хулио Альварес дель-Вайо «Битва за свободу» (Julio Alvares del Vayó «Freedoms Battle»), которая содержит историю гражданской войны в Испании. «Хулио Альварес показывает в ней, как Гитлер и Муссолини поддерживали Франко с целью добиться победы фашизма в Испании. Книга является источником первостепенной важности».

М. Альперович, А. Беленький

SOMMAIRE:

CONTENTS:

INHALT:

Адрес редакции: Москва. Волхонка, 14, комн. 113, Тел. К 0-70-16

А 39687. Изд. № 654. Зак. № 1688. Тираж 35 000.
Подп. к печати 14/VI 1941 г. 68 000 п. зн. в п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 24.